

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 1 • 2010

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина,
Е.В. Попов

Ответственный секретарь

И.Н. Тимофеев

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский
О.В. Гаман-Голутвина
В.В. Гриб
М.В. Ильин
В.Г. Ледаев
М.В. Стрежнева

Редакционный совет

Т.А. Алексеева
В.Я. Белокреницкий
В.В. Гриб
В.И. Журавлева
М.В. Ильин
В.Г. Ледаев
М.М. Лебедева
В.В. Михеев
О.В. Павленко
В.Д. Соловей
Л.В. Сморгунов
М.В. Стрежнева
Д.В. Стрельцов
Т.А. Шаклеина
А.Ю. Шутов

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhi
(Университет Анкары)
Akihiro Iwashita
(Университет Хоккайдо)
Zhao Huasheng
(Фуданьский у-тет)
Klaus Segbers
(Свободный Университет Берлина)
Anne de Tanguy
(Сьянс По)
Werner Vath
(Свободный Университет Берлина)
Yu-Shan Wu
(Институт политологии, Academia Sinica)

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Отдел распространения

Лебедева Ю.В.
(495) 953-91-20

Редакция:

Бочарова М.А., Хасанова Г.И.

Адрес редакции:

125057, Москва, а/я 15

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@ibb.ru;

http: lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная

Полиграфическая Группа».

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 10,0.

Усл. печ. л. — 10,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 13.04.2010 г.

© Авторы, 2010

© Сравнительная политика, 2010

© Издательская группа «Юрист», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора.....3

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Заседание Государственного Совета РФ по вопросам развития политической системы. Стенограмма 13

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Дж. Хигли. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа 50

В.Г. Ледаев. Сравнительные исследования власти в городских сообществах разных стран: проект Делберта Миллера 73

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Б.И. Макаренко. Российская модернизация: целеполагание в сфере политики 91

А.В.Виноградов. Китайская модернизация в сравнительной перспективе 104

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

И.Н. Тимофеев. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО 121

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Акиhiro Ивасита. Пограничный вопрос в Евразии. Сравнительный анализ центральноазиатского, российско-китайского и российско-японского опыта..... 130

Ю.П. Лалетин. Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в Большую Восточную Азию: сравнительный анализ аргументов pro et contra 144

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ

А.А.Байков. Формы интеграционных взаимодействий в Восточной Азии: опыт проверки Европейским Союзом 166

Михоко Като. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции 188

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИДЕЙ

Маурицио Котта. Сложная составная модель гражданства? Европейское гражданство в глазах национальных элит 209

О.В. Аптеева. Сравнительный анализ идей чучхе и сонгун в конструировании идеологии военного социализма в КНДР 225

Научная жизнь 231

Обзоры и рецензии 236

На книжной полке 244

Об авторах..... 247

Информация для авторов 248

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В России сегодня издается десяток журналов в области политологии, существует довольно много, около сотни, факультетов во всех ведущих университетах. Политологическая проблематика активно обсуждается и в России, и в мире; идет оживленная, глубокая и профессиональная дискуссия об общих и специфических закономерностях политического развития мира и их конкретных воплощениях в стратегиях странового, регионального и мирового развития. В рамках политологических исследований задача сравнения политического в разных культурных, политических, цивилизационных, этнических, конфессиональных средах важна и интересна, но русскоязычного научного журнала в области сравнительной политики пока нет. Путь исследований с использованием сравнительных методов не сильно накатан и достаточно сложен. Непроторенность пути делает исследование в этой области чрезвычайно увлекательным процессом, а постановка и решение проблем в сравнительной мировой и региональной перспективе — важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, то есть пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Какие страны и культуры в этом смысле все же являются уникальными? Корректна ли такая постановка вопроса? Что из опыта других стран может и должна использовать Россия? Как этот опыт в конечном счете применить, чтобы он работал во благо, а не во вред? С чем, в конечном счете, целесообразно сравнивать российский опыт и какие сравнения будут релевантными, научно корректными и могут практически использоваться, а не

только служить украшениями теоретической науки?

Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили переход к постиндустриальному. Опыт стран Запада важен с точки зрения оценки конечного этапа пути, но конкретный путь его прохождения Западом другим странам, судя по всему, повторить не удастся из-за отличий в экономической и политической структурах. Не решен пока и вопрос о дальнейшем направлении мирового развития после прохождения этапа построения развитого демократического постиндустриального общества Западом, так как не ясно, как будут «подтягиваться» другие и как этот процесс повлияет на дальнейший вектор развития человечества. Некоторые некогда довольно отстающие страны, особенно страны Востока, который в целом вступил на путь осовременивания позже, чем Запад, все же сумели его догнать, наметив цель, но достигая ее другим путем, более коротким и лучше соответствующим национальной специфике. Некоторые же страны только начинают движение в этом направлении или же никак не могут даже подступиться к нему. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической и социально-политической системы, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовременивания. Те страны, которые сумели найти свой путь, не равнозначный западному, то есть не равнозначный вестернизации, но и не отторгающий ее и учитывающий самый современный концептуальный опыт модернизации, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития. Именно среди этой группы мы видим страны, которым удалось догнать Запад и

даже в некоторых случаях скорректировать путь мирового развития. Как правило, это были крупные страны, либо они представляли достаточно плотно спаянную цивилизационную группу.

Одновременно были и есть страны, которые объявили, что они пошли по пути копирования западного пути развития. Такое решение было связано с одновременным присоединением к западным финансовым структурам, военным союзам, блокам и сопровождалось в большинстве случаев массивной финансовой поддержкой и структурными реформами западного типа. Некоторые из таких стран также достигли существенных успехов в модернизации своих обществ. Но этот путь был открыт не для всех государств в силу как объективных, так и субъективных причин.

Одновременно не менее важен вопрос, касающийся самих наиболее развитых и продвинутых в области экономического и политического устройства стран: достигли ли они пика политико-экономического развития и все подтянутся к ним, и тогда... а что собственно будет тогда? Возможно ли всем странам мира достигнуть одинакового уровня политико-экономического развития, то есть возможна ли очень высокая степень гомогенизации мирового пространства и на какой основе она будет происходить? Куда собственно двигаются наиболее развитые страны? Постиндустриальное общество в расколотом мире — это конечный пункт развития человечества? Какие пути преодоления этой расколотости мира возможны? Как подступиться методологически к проблеме дифференциации мирового пространства и что в конечном счете из этой дифференциации следует в ближайшее время? Особенно для России. Особенно в связи с ее обособленным местом в мировой системе отношений в последние сто лет. Особенно в связи с тем, что эту обособленность не удалось полностью преодолеть, а попытки заставить весь мир приспособиться к себе не увенчались ус-

пехом и закончились кризисом в конце XX века, который так и не удается полностью преодолеть.

Опыт модернизации разных типов чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального и научного решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии, оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, продлении президентского срока и изменении партийной, а возможно, и политической системы), пока идет скорее путем интуитивного поиска, чем научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и одновременно плодотворно и рационально использующей как свой собственный культурно-исторический опыт, так и наработки других стран. Ясно также, что эта проблематика пока слабо дискутируется на страницах научных политологических журналов, так как требует глубоких научных политологических знаний предмета и глубокой научной дискуссии.

Сравнительный анализ политической реальности других стран может помочь обойти много ловушек на пути модернизации. Некоторые, к примеру, КНДР, изменив конституцию, фактически осуществили «конституционный переворот», усилили военно-авторитарные методы правления и автаркию страны, но не смогли в силу этого решить экономические проблемы. Другие (к примеру, Сингапур, Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Китайская Народная Республика) использовали модель просвещенного авторитаризма для укрепления конституционного либерализма, осовременивания и экономического прорыва. Наиболее успешные из них не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий, т.е. обеспечили как матери-

альное, так и духовное улучшение жизни своего населения.

Даже так называемый институт премничества, неконституционный и традиционалистский по своей сути, конкретными странами был использован по-разному: в Испании такой путь открыл дорогу к политической и экономической либерализации и построению полноценной демократии, в Северной Корее укрепил личную авторитарную власть, а в Китае обеспечил «политическую паузу» при переходе власти после смерти Мао Цзэдуна к Хуа Гофэну (знаменитое приписываемое Мао Цзэдуну высказывание: «Когда дело в твоих руках, я спокоен») и, в конечном счете, расчистил путь для возвращения на политический олимп Дэн Сяопина, который «открыл» страну (*кайфан*), начал ее интенсивно модернизировать, но при этом сохранил монополию КПК в политической жизни. На Тайване переход политической власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго был осуществлен традиционно (фактически монархическим путем «от отца сыну»), но передавалась власть по-современному, в рамках конституции Китайской Республики 1947 г. Пост премьер-министра Цзян Цзинго получил в 1972 г. за два года до смерти Чан Кайши, в год смерти президента Цзян Цзинго был избран председателем правящей партии Гоминьдан (ГМД), а пост президента страны получил только через два года после смерти Чан Кайши. Такой тип передачи власти обеспечил плавный отход от ультраправой модели и впоследствии открыл путь к построению на острове полноценной демократии с национальной спецификой, синтезирующий восточную специфику с западными политическими ценностями. Отдельный разговор и об эволюции экономически развитых плюралистических демократий, в которых (США, Великобритания, Франция, Испания и др.) политическая власть международным терроризмом была принуждена пересмотреть проблему полной открытости и политического плюрализ-

ма, введя определенные ограничения, но при этом не привела к полному пересмотру политических основ демократических режимов правления.

Для всех стран политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны, в конечном счете, с адекватностью политической системы, конкретного политического режима, политических институтов для решения этой задачи, а также с адекватностью и качеством сравнительного анализа процессов, происходящих в мире. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, специфической политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран. Понимание специфики политической культуры создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с разными государствами, имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации политических институтов самой России, т.е. эта проблематика имеет и теоретический, и вполне прикладной характер.

Адекватная адаптация мирового опыта и обогащение его отечественными исследовательскими наработками непосредственным образом связаны с методологическими дебатами в современной политологии, и прежде всего с обсуждением вопроса о соотношении общих и специфических закономерностей при анализе конкретной международно-политической и политической реальности.

То есть фактически речь идет о том, в какой степени на закономерности функционирования мировой социально-экономической и социально-политической системы влияют исторические, демографические, национальные, религиозные, экологические, политико-правовые, природно-ресурсные особенности, место и роль в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Эта проблематика и планируется стать центральной для нашего журнала.

* * *

Вообще говоря, любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки. Математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны.

На этом принципе соответственно основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, т.е. нахождение сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов — только одномасштабные);

- операция различия, т.е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций — сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т.е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;

- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения могут быть в трех плоскостях:

- 1) пространственными (выявление пространственных, «спатальных» различий);

- 2) временными («темпоральными»): сравнение с прошлым — ретроспективное сравнение, с будущим — прогнозирование, причем они могут быть двух типов — исторические (т.е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т.е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);

- 3) пространственно-временными («спатально-темпоральными»).

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т.е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям) и классификаций (т.е. абстрагирования и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹. Для точных наук

¹ П. Мэр («Сравнительная политология: общие проблемы»), Р. Дж. Далтон («Сравнительная политология: микроповеденческий аспект»), Л. Уайтхед («Сравнительная политология: исследования по демократизации») и Д.И. Аптер («Сравнительная политология: вчера и сегодня») в кн.: Политическая на-

основным является экспериментальный метод, для политических — системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

Реальная политическая жизнь бросает серьезный вызов сравнительной политологии как научной субдисциплине и исследованиям в области сравнительной политики как ее практико-ориентированной ипостаси: с одной стороны, сегодня под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой (или называются) сравнительной политологией и применяются в сравнительной политике; с другой — существует большое количество конкретных, включая страновые и частные, исследований, которые также называются сравнительными.

Основная проблема в области исследований сравнительной политики и сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, чтобы за общей генерализацией не исчезли конкретный материал и конкретная специфика разных стран и чтобы частности и специфика «не поглотили» понимание существования общих закономерностей.

Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии заключается в сочетании специфика и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев таким образом, чтобы можно бы-

ло понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений². Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе превалирующим становится не только интерпретативный, но также и даже интуитивный и интуитивно-интерпретационный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией, сравнительной политикой и сравнительной политической историей как сферами самостоятельного научного анализа³.

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно (либо ограниченное количество) предположение проверяется статистически с использованием всего богатства материалов, а также наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны не является важной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены и их важность может являться относительной.

² Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина *settings* в англоязычной сравнительной политологии.

³ Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Wilson Frank L. *Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.

ука: Новые направления. М.: Вече, 1999. С. 309–386.

Однако в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов для того, чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кросстрановому анализу. В подходах статистического типа страна предстает в виде группы точных статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в современной сравнительной политологии существует большее количество приемов и методик, которые находятся между этими двумя обрисованными нами крайностями. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что, «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами»⁴. Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук в частности. Точка зрения Ч. Рэгина на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т.е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно

убедительной в силу высказанных выше аргументов.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс в своей книге «Сравнительная политология. Теория и методы», посвященной основам сравнительного метода в политологии, удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический либо описательный анализ данных групп стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов⁵.

Питерс подробно с примерами иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса. Мы в нашем журнале планируем публиковать работы по всем типам сравнительно-политических исследований по классификации Питерса.

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросстрановой анализ не является единственным типом

⁴ Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М. : Общественный научный фонд, 1997. С. 32.

⁵ Peters B. Guy. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.

сравнительных исследований, т.е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно с этой точки зрения иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другой, либо «в глубь» определенного политического явления, чтобы подвергнуть его «углубленному» анализу в сравнительной перспективе.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кроссвременной (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института, явления «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы, естественно, понимая ее максимально расширительным образом. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда, также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т.е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. При этом нужно учесть, что существуют политологи, предполагающие в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают

это весьма успешно⁶. Наш журнал планирует обойти указанные методологические тонкости, расширив предметное поле публикаций до анализа всех явлений политики в сравнительной перспективе.

Таким образом, не забывая об анализе общих закономерностей, мы будем пытаться подступиться к выявлению региональной и страновой специфики, вычленив определенные модели базисной идеологии в отношении разных типов политических систем и политических процессов с точки зрения разной методологической перспективы, две крайние позиции которой мы уже обозначили.

Нам очевидно, что существует связь между глобальными, общими проблемами и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и перестраивают глобальный уровень отношений и глобальные, общие закономерности эволюции политической проблематики. Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование «Большой Европы», НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки, появление стран БРИК и G-20).

Геополитическое изменение регионального пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных трансформаций и инициируется прежде всего глобальными игроками⁷. Сравни-

⁶ См.: Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М.: Инфра-М / Весь мир, 2001.

⁷ Подробнее аргументацию см. в кн.: Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»:

тельный анализ в этой сфере чрезвычайно важен, так как в современном мире пространство может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. отграниченная ипостась мирового пространства — регион — может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или перестраивающая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические/политические, геоэкономические/экономические и этноконфессиональные) — содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности. При этом особая деликатность сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может *против воли его участников* приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться»⁸. Взаимодействие регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс указывает на утрату отдельными субъектами мировой политики возможности формулирования идеоло-

гизированной версии общих закономерностей. Поэтому мировое, региональное и фрагментированное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий. Это предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности, сравнительный анализ которых представляет как научный, так и практический интерес.

В мире в целом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, повысилась степень необходимости понимания общих закономерностей, адаптированных к конкретным условиям. В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство хотя и становится «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается. Соответственно повышается и значимость сравнительных исследований и сравнительного анализа степени дифференцированности мирового пространства при общем росте его гомогенизации.

Признание этих положений позволяет дополнить (или, точнее, наполнить) описание общих закономерностей функционирования политического региональной и страновой «плотью и кровью» во всей сложности их реального функционирования, что и мы и предлагаем читателям нашего журнала.

Таким образом, анализ конкретного материала в области сравнительной политологии и сравнительной политики, как ее практико-ориентированной сферы, должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических

Мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленланд, 2006. Разд. «Структурный анализ проблем мировой политики в контексте дискуссии о глобальном лидерстве». С. 10–23.

⁸ Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 21.

систем⁹, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем разных государств регионов мира, типологизированными по разным критериям¹⁰, потом углубиться в анализ конкретной специфики функционирования политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных «пространственных» или «спатальных» развертках), а затем уже исследовать пути эволюции политических систем и их региональную/цивилизационную специфику (т.е. анализ материала должен строиться на пространственно-аналитическом принципе, в дополнение к «спатальному» («пространственному») и «аналитическому» принципам). При этом очевидно, что, учитывая региональную/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание, по отдельности либо комплексно, три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны постоянно решать:

- насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, посколько дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;
- каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;
- каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они

влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны.

Применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политического, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционирует политическая сфера в конкретных странах, но и специфику ее функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности, в частности, применительно к проблематике мирового развития и анализу страновых версий модернизации.

* * *

Сформулированные принципы определяют методологические позиции, которые лежат в основе отбора материалов для публикации в нашем журнале, теоретических и практических построений, выводов прикладного характера. В этой связи при отборе материалов редколлегия предостит в каждом конкретном случае определить следующие вопросы:

- каково соотношение системного анализа политических процессов с компаративистским при исследовании общественно-политических явлений;
- как автор определяет сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; как используются методологически корректные типы сравнений и соответственно какова аберрация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта аберрация может быть связана с пробле-

⁹ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М/Весь мир, 2000; Сморгун Л.С. Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002.

¹⁰ Основная литература: Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол класик, 2004; Вся Азия: Справочник. М.: АСТ-Муравей, 2003.

матикой корректного компаративного политического анализа;

- в чем смысл «пространственного» изложения материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатально», используя политологический термин) корректно анализировать материал;

- как в этой связи определять соотношение общего и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политического, соответственно каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов;

- как конкретно формулировать специфику конкретных обществ и явлений;

- каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем разных типов и какова степень практической применимости при методологической корректности подобного понимания;

- как проведено системное сравнение различных политических систем, расположенных в различных пространственных («спатальных») системах координат, несхожих в реальной жизни, особенно политических систем разных типов (западных и незападных), не подвергая себя опас-

ности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

При определении этих вопросов парадоксальной по содержанию и одновременно банальной по форме является мысль о том, что от того пути, который выберет Россия, в значительной степени зависит вектор политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному будущему либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития авторитарного типа, и должен дать в конечном счете, на наш взгляд, сравнительный анализ политического в журнале «Сравнительная политика», который должен стать площадкой для научной дискуссии по этим вопросам. Редколлегия надеется, что публикуемые в журнале материалы и статьи помогут и научному сообществу, и политикам ответить на вопросы, встающие перед современной Россией, в сравнительной перспективе и выработать ответы, адекватные формирующимся национальным интересам нашей страны.

А.Д. Воскресенский

ЗАСЕДАНИЕ ГОССОВЕТА РФ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. СТЕНОГРАММА

Д.А. МЕДВЕДЕВ: Добрый день, уважаемые коллеги!

Сегодня у нас с вами заседание Государственного совета, посвященное развитию политической системы России. Тема для Государственного совета необычная: впервые, можно считать, мы на заседании Государственного совета рассматриваем в чистом виде вопросы внутренней политики и вопросы развития именно политической системы, демократических институтов в нашей стране.

Кроме того, впервые на заседании Государственного совета присутствуют руководители всех политических партий нашей страны. Так что разговор будет, надеюсь, и серьезным, и прямым.

Фактически всем, кто присутствует в этом зале, ежедневно приходится заниматься политической работой, взаимодействовать с общественными организациями, взаимодействовать с гражданами, критиковать кого-либо самим и реагировать на критику; готовиться к выборам, участвовать в выборах и организовывать проведение выборов; приводить к общему знаменателю интересы различных социальных групп и в конечном счете всем этим поддерживать политическую стабильность в стране.

Каждый из присутствующих здесь внес определенный вклад в создание нынешней политической системы. И я готов повторить в начале своего выступления то, о чем говорил неоднократно: наша политическая система работает. Она работает далеко не идеально, но работает. И руководители субъектов Федерации, и партийные лидеры многое сделали для того, чтобы наша политическая система и российская демократия стали работоспособными.

Политическая система в современном понимании — это достаточно широкое понятие. Оно включает в себя все фундаментальные институты государства, в том числе суды, правоохранительные структуры, правительственные учреждения, то есть исполнительно-распорядительную власть, комплекс федеративных отношений, структуры гражданского общества, партии, естественно.

Предлагаю сегодня обсудить самые разные проблемы, в том числе все названные мною, а не ограничиваться только разговорами о выборах. Каждая тема требует отдельного обстоятельного разговора, и, конечно, мы можем наметить основные направления продолжения этого разговора.

«Все мы разные люди, живем в разных регионах, имеем разные мнения, и партии у нас есть разные, но страна у нас одна, и давайте об этом помнить».

В своем сегодняшнем выступлении остановлюсь прежде всего на некоторых, на мой взгляд, важных идеях, которые вытекают из Послания Президента Федеральному Собранию в прошлом году, на проблемах и задачах развития конституционного принципа многопартийности, повышении уровня политической конкуренции и качества народного представительства.

За последние годы были приняты действенные решения, направленные на укрепление и укрупнение партий. Вместе с тем партии получили и дополнительные — я бы даже сказал, беспрецедентные — дополнительные возможности. Выборы в Государственную Думу проходят исключительно по партийным спискам. Как минимум половина депутатов региональных законодательных собраний

также избирается по партийным спискам.

Партии получают финансирование из федерального бюджета, то есть существуют практически на деньги избирателей. Только партиям с прошлого года дано право выдвигать кандидатов на замещение должностей в субъектах Федерации, представляя их Президенту.

Перечень этих полномочий можно продолжить. В результате той работы, которую мы с вами вели последние годы, количество партий стало меньше, но их влияние заметно повысилось, в том числе и на региональном уровне. Организационно все партии стали сильнее: и правящая партия, и партии оппозиционные.

Напомню, что в 2004 году у нас было 48 партий. На сегодняшний день в России действуют семь партий. Но количество партийных фракций в региональных парламентах резко возросло: с 91 фракции в 2004 году до 211 — в 2007 году и 248 — в 2009 году. Напомню, что в 2004 году фракции «Единой России» действовали в 56 субъектах Федерации, а в прошлом году — во всех; Компартия Российской Федерации в 2004 году — в 17 региональных парламентах, а в 2009-м — в 67; Либерально-демократической партии: в 2004 году — в 6, в 2009 году — в 43; «Справедливой России»: 18 такого рода фракций было в 2006 году и 50 — в 2009-м. Есть и представители некоторых других партий в региональных парламентах. Эти цифры сами за себя говорят.

Общество и государство дали партиям особые права. Количественные показатели роста партийных структур впечатляют. Но теперь задача развития и обновления общества и государства требует от партий повышенного внимания к работе и особого качества демократических институтов, адекватности представительства интересов граждан, ответственного подхода к выбору приемов политической борьбы, честности, стало быть, и ясности в позициях.

Эти требования обращены не только непосредственно к партийным функ-

ционерам, но и к региональным начальникам, к губернаторам, большинство из которых на сегодняшний день являются членами либо сторонниками «Единой России». У нас есть и представители других партий — надеюсь, что сегодня выступит Николай Владимирович Виноградов, который у нас на сегодняшний день является единственным губернатором-коммунистом.

России нужна всесторонняя модернизация, я об этом за последнее время немало сказал. Нам необходимо радикально изменить экономический и технологический уклад, преодолеть отсталость, чтобы страна получила эффективную экономику и стала конкурентоспособнее, а ее граждане стали богаче. Нам нужна экономика, основанная на интеллектуальных достижениях, то есть так называемая умная экономика, — но умная экономика может быть создана только умными людьми. Поэтому наше общество усложняется, оно неоднородное, многомерное, составляющие его группы ведут разный образ жизни, имеют разные вкусы и взгляды, в том числе и политические взгляды. Таким обществом не нужно пытаться командовать — с ним нужно сотрудничать.

Наша задача — добиться того, чтобы принципы политического управления были адекватны многомерности, идеологическому и культурному многообразию общества. Политика должна становиться более умной, более гибкой, более современной, а на практике мы, к сожалению, зачастую сталкиваемся с иными подходами, когда усложняющимися социальными процессами пытаются управлять при помощи примитивного, я бы даже сказал — тупого администрирования.

Регионы в России не похожи друг на друга, традиции и социальная структура каждого из них уникальны и неповторимы, но нет ни единой территории, где все до единого жители имели бы одинаковые политические предпочтения. Поэтому руководители всех без исключения территорий обязаны взаимодействовать

с отделениями всех партий, действующих в регионе, даже если эти партии и эти отделения малочисленны, даже если за эти партии голосуют полпроцента избирателей, но эти полпроцента избирателей — это наши граждане, и их мнение должно быть услышано властями. Именно поэтому я предложил давать возможность высказываться в местных парламентах представителям непарламентских партий. Это предложение должно быть реализовано.

Состав региональных парламентов также неодинаков. Есть у нас такие удивительные законодательные собрания, где только одна зарегистрированная фракция, есть и другие (и таких, кстати, большинство), где работают от двух до пяти фракций. Конечно, здесь невозможна унификация, самому избирателю решать, какие партии должны работать в парламенте, а какие нет. Но руководители субъектов должны проанализировать соответствие партийного представительства запросам избирателей.

Одна фракция, на мой вкус, во всяком случае, для любого региона — это слишком мало. Все равно есть люди с другими взглядами, которые голосуют за другие партии. Может быть, и две недостаточно.

В последнее время мы много говорили об итогах прошедших выборов. Позволю себе тоже поразмышлять вслух. Отражают ли, скажем, две фракции, которые действуют, например (подчеркиваю: это только пример), в Московской городской Думе, все многообразие политических пристрастий москвичей? Я, честно говоря, сомневаюсь, потому что и город огромный, сложный, с очень пестрым и активным населением, а фракций всего две. Конечно, можно сказать, что это следствие того, что москвичи на местные выборы ходят не очень охотно, но ведь и явка избирателей, низкая явка избирателей, — это сама по себе проблема политическая. Хотел бы подчеркнуть, что я не выписываю здесь каких-то рецептов — избиратели сами определяют, сколько партий будет ра-

ботать на них. Но нужно понять, все ли мы с вами сделали для того, чтобы мнение избирателей было на самом деле услышано, не искажено и учтено в полном объеме, как того требуют принципы демократии.

О прозрачности избирательных процедур. Мы об этом говорили в последнее время неоднократно. Несколько, если хотите, выводов на эту тему.

Во-первых, в целом итоги региональных выборов отражают реальное соотношение политических сил в стране и общественных настроений — это непреложный факт. Несмотря на то что было много различных выступлений, но в судах оспорены итоги выборов на участках, совокупный вес которых измеряется долями процентов голосов избирателей.

«Руководители субъектов должны проанализировать соответствие партийного представительства запросам избирателей».

В целом можно сказать, что заявления о массовых злоупотреблениях оказались, таким образом, все-таки неподтвержденными. И в будущем я бы предложил воздержаться от огульных обвинений в адрес избирательной системы. Не в адрес нарушений, естественно, — они должны пресекаться и наказываться, а в адрес самой избирательной системы, потому что это тоже разновидность правового нигилизма: если есть факты, надо обращаться в суды; нет фактов — обвинения ни на чем не основаны. Но суд является единственной инстанцией, которая ставит точку по этим вопросам.

Значит ли это, что выборы проходят стерильно, в том числе и последние выборы в региональные органы власти и органы местного самоуправления? Нет, конечно, нет. Например, итоги выборов в Дербенте в настоящий момент судом отменены. Еще многое нужно сделать, чтобы доверие к избирательной системе, этому важнейшему институту демократии, стало прочным.

Именно поэтому в своем Послании Федеральному Собранию я уделил осо-

бое внимание укреплению демократических институтов на региональном уровне. Мы с вами многое сделали для того, чтобы изменить ситуацию на федеральном уровне. Решения приняты, теперь нужно заняться региональным уровнем. Важнейшим делом я считаю оснащение избирательных участков современными электронными средствами для голосования и подсчета голосов.

До конца текущего месяца Правительство совместно с Центральной избирательной комиссией должно представить предложения на этот счет. Напомню, что в настоящий момент такими устройствами оборудовано чуть более одного процента избирательных участков.

Кроме того, мною уже внесен в Государственную Думу законопроект, устанавливающий порядок определения численности органов законодательной власти субъектов Федерации. Сегодня я внесу законопроект, гарантирующий представительство во всех региональных парламентах для партий, за которые проголосовало более пяти процентов избирателей, — так, как мы это сделали на федеральном уровне. Работа, направленная на повышение качества народного представительства, будет продолжена. И я хотел бы поблагодарить «Единую Россию» за неизменную поддержку всех моих инициатив и другие партии за поддержку по отдельным вопросам, которая тоже оказывается.

Прошу Федеральное Собрание рассмотреть в течение весенней сессии все законопроекты, обеспечивающие реализацию сформированных в Послании предложений, а региональных руководителей — оказать содействие в соответствующей корректировке местного законодательства по мере необходимости.

Уважаемые коллеги! Если в формировании органов государственной власти субъектов Федерации в той или иной степени участвуют практически все партии, то на уровне местного самоуправления картина иная. Почти половина из 246 тысяч депутатов представительных

органов муниципальных образований — это единороссы.

Это неплохой результат, это отражает на самом деле реальные в настоящий момент симпатии избирателей, но коммунистов среди депутатов местного самоуправления не более двух процентов, а представителей «Справедливой России» — один процент, либеральных демократов тоже один процент, менее процента даже.

Такая ситуация просто удивительна, она говорит о том, что наши партии, прежде всего оппозиционные партии, очень слабо работают на муниципальном уровне и что реальная политическая конкуренция там практически отсутствует. Давайте вместе подумаем, какие меры нужно принять для стимулирования политической конкуренции в сфере муниципального, местного самоуправления.

И еще один существенный момент. С прошлого года схема наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Федерации по моему предложению изменена. Теперь их кандидатуры определяются Президентом по представлению партий, но это не значит, уважаемые коллеги, что главы исполнительной власти республик, областей, краев превратились в обычных назначенцев, то есть кабинетных чиновников.

Наоборот, все вы, все присутствующие в этом зале — в полном смысле политические деятели, политические фигуры, и вы в настоящий момент представляетесь к наделению полномочиями партиями. То есть все присутствующие здесь по определению публичные, открытые, работающие, что называется, у всех на виду руководители.

Считаю, что главным критерием оценки работы регионального руководителя остается и всегда будет оставаться уровень доверия жителей региона. Это можно называть как угодно: рейтинг, еще как-то, — но это именно уровень доверия жителей региона. Хотел бы, чтобы руководители субъектов Федерации постоянно сверяли

свою деятельность с общественным мнением, не замыкались в кабинетах. Здесь необходим контакт со всеми политическими партиями, со средствами массовой информации, с общественными организациями, с неправительственными организациями. Все эти контакты весьма полезны и просто необходимы.

Надо общаться, не надо стесняться выходить в народ. Надо прислушиваться к тому, что говорят, спорить в необходимых случаях, но власть все время должна быть в диалоге с народом. И мы с вами прекрасно понимаем, в любой ситуации этот диалог никогда не будет простым. Уровень доверия граждан к региональным лидерам был и будет одним из главных критериев при рассмотрении вопроса о продолжении работы на соответствующем посту.

«В целом итоги региональных выборов отражают реальное соотношение политических сил в стране и общественных настроений, это непреложный факт».

И последнее, уважаемые коллеги. Общественная дискуссия, межпартийная конкуренция у нас могут быть сколь угодно острыми, но базовые ценности у нас у всех общие, независимо от партийной принадлежности и других привычек: процветание России, социальная стабильность, мирная жизнь, целостность государства, свобода и справедливость, наконец, права и достоинства человека. Все мы разные люди, живем в разных регионах, имеем разные мнения, и партии у нас есть разные, но страна у нас одна, и давайте об этом помнить.

Теперь начнем выступления. Слово для доклада Георгию Валентиновичу Босу.

Г. БОС: Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые участники заседания!

Успешная реализация стратегического курса на модернизацию страны в решающей степени зависит от способности политической системы воплотить такой курс в жизнь. Рабочей группой Государ-

ственного совета при подготовке доклада были проанализированы этапы становления политической системы современной России, а также опыт развития стран; определены в соответствии с концепцией, изложенной Президентом Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым в посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации 2008 и 2009 годов, в статье «Россия, вперед!» и в ряде других материалов.

Рабочая группа сочла стержневыми для российской политической системы на сегодняшний день вопросы развития политических партий и избирательной системы. Ряд направлений, таких как федерализм, исполнительные органы власти, местное самоуправление, суды, правоохранительные органы, в докладе рассматриваются в контексте взаимодействия с основными политическими институтами страны.

Необходимость обновления политической системы Российской Федерации впервые была обоснована Владимиром Владимировичем Путиным в своем первом Послании Федеральному Собранию Российской Федерации. Практическая работа по ее формированию носила системный и последовательный характер. Первым шагом стало принятие в 2001 году федерального закона о политических партиях. Логика нового закона предполагала создание предпосылок для усиления объединительных тенденций в партийном строительстве, стимулирование создания таких партийных структур на региональном уровне. Поэтому полноценными участниками политических процессов смогли стать только партии, имеющие широкую социальную базу.

Если в 90-е годы в выборах в Государственную Думу имели право участвовать сотни политических партий и избирательных объединений, и, наверное, все присутствующие помнят бюллетени размером с большую газету, то в настоящее время существует семь федеральных партий, зато это реальные политические пар-

тии, пользующиеся поддержкой избирателей. Многопартийная система стала стабильно функционирующим политическим институтом, демонстрирующим свою зрелость. Тем не менее это не значит, что нет необходимости совершенствовать как практику применения существующего законодательства, так и отдельных его положений. Ведь, как известно, состояние покоя — это состояние застоя, состояние смерти. И не случайно Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев в своих посланиях Федеральному Собранию 2008 и 2009 годов уделил особое внимание проблеме укрепления демократических институтов, в первую очередь на региональном и местном уровнях. Этот процесс начался в 2003 году с принятия законодательных актов об избрании не менее половины депутатов законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации на пропорциональной избирательной основе. Переход на использование пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов региональных законодательных собраний стал началом становления многопартийности на региональном уровне.

В связи с этим одним из наиболее дискутируемых сегодня вопросов становится обозначенный Президентом в порядке обсуждения вопрос о возможности перехода к выборам в представительные органы всех уровней исключительно по партийным спискам. Высказываются мнения «за» и «против». Переход к полностью пропорциональной выборной системе на региональном уровне, с одной стороны, позволит усилить позиции партий в субъектах Российской Федерации, с другой — может привести к отрыву представительных органов от своих избирателей, незнанию того, чем живет человек. Поэтому наиболее оптимально с учетом федерального характера Российского государства, по мнению членов рабочей группы, определяться в данных вопросах на региональных уровнях самостоятельно.

Искусственная «партизация» в данном случае, по мнению членов рабочей группы, может принести вред. Можно посмотреть опыт отдельных регионов, которые пошли на смешанный либо пропорциональный порядок формирования на местном уровне или пропорциональный порядок формирования на региональном. Практика развития местного самоуправления в зарубежных странах также свидетельствует о бесперспективности навязывания пропорциональной системы. Партия сегодня стоит больше уделять внимания повседневным нуждам людей, помнить, что судьбы каждой семьи решаются непосредственно на земле, и тогда каждая партия будет иметь поддержку своего избирателя. Условия для этого сегодня в стране созданы.

Принятие и реализация закона о политических партиях дали толчок к дальнейшему совершенствованию избирательного законодательства. Проводимая в России реформа местного самоуправления, административная реформа, изменения в сфере функционирования партийно-политических сил выявили необходимость внесения изменений и дополнений в избирательное законодательство. Унификация в федеральном законодательстве основных правил и процедур на выборах любого уровня обеспечила в целом профессиональный подход к организации избирательных кампаний со стороны политических партий, кандидатов, а также со стороны избирательных комиссий, что способствовало в том числе и выработке единообразного подхода к разрешению избирательных споров.

«Политика должна становиться более умной, более гибкой, более современной».

В предложениях, поступивших в адрес рабочей группы при подготовке данного заседания Государственного совета от политических партий, содержится в целом положительная оценка законодательного регулирования выборов в Российской Федерации. В частности, ЛДПР

считает, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» подробно регламентирует процедуру проведения выборов и прошел неоднократную обкатку в процессе проведения многочисленных избирательных кампаний от федерального до муниципального уровня. Партия «Справедливая Россия» также позитивно оценивает имеющуюся нормативно-правовую базу для проведения выборов.

Всеми политическими партиями были поддержаны и шаги, предпринятые в 2009 году, по дальнейшему совершенствованию избирательного законодательства. Очень серьезное значение для обеспечения конкурентной среды, для партийной деятельности имеют изменения, внесенные в избирательное законодательство, о поэтапном снижении количества подписей избирателей в поддержку федеральных списков кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы, возможность освобождения от сбора подписей на выборах всех уровней партий, списки кандидатов которых допущены к распределению депутатских мандатов в законодательных, представительных органах власти не менее чем в одной трети субъектов Российской Федерации, новые гарантии представительства малых партий в Государственной Думе. Были созданы возможности для расширения спектра политических движений путем поэтапного снижения минимальной численности членов политической партии, необходимой для государственной регистрации политической партии. Установлены требования о ротации коллегиальных органов партий, созданы юридические основания освещения работы парламентских партий в государственных средствах массовой информации и ряд других изменений.

Новым этапом в развитии избирательной системы России станет реализация Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2009 года. Безусловную поддержку долж-

ны получить инициативы об установлении единого критерия численности депутатов законодательных собраний регионов, равных возможностей формирования фракций для всех партий, представленных в региональных парламентах, гарантия представительства партий, набравших на выборах в региональные законодательные собрания более пяти процентов голосов избирателей, освобождение партий, имеющих представительство в региональном парламенте, от сбора подписей. Обсуждение возможности полного отказа от сбора подписей, упорядочения применения открепительных удостоверений, норм досрочного голосования пока не позволило сделать однозначные выводы. Большинство партий — «за», но есть и обоснованные возражения. Созданию конкурентной среды будет способствовать и принятие в субъектах законов о равных гарантиях освещения в местных СМИ деятельности партий, представленных в региональных парламентах.

Технологическому обеспечению политической конкуренции будет способствовать совершенствование технологии избирательного процесса, внедрение новых электронных технологий. Стоить такое переоснащение будет дорого, но общественная стабильность, доверие граждан к легитимности власти дороже. Подобная техническая революция в системе выборов позволит резко уменьшить возможности для политических спекуляций о фальсификациях на выборах, время от времени поднимаемых некоторыми представителями партий.

Вызывают недоумение попытки представить любые выборы как прошедшие с массовыми и безнаказанными нарушениями установленных норм и правил избирательного законодательства. В стране существует созданная и достаточно эффективно функционирующая судебная система, куда должны представляться доказательства о нарушениях для отмены результатов выборов. Все остальное — безосновательное, недоказанное, а проще

говоря, политические дрызги, позволяющие уходить от ответственности за неудачи и провалы на выборах. Постоянные обвинения в фальсификациях не должны стать системным явлением, это крайне опасно. В общественное мнение таким образом может быть иначе внедрена мысль о нелегитимности власти.

Рабочей группой был проведен тщательный анализ всех поступивших в ЦИК Российской Федерации, региональные и территориальные избиркомы, суды, правоохранительные органы заявлений о нарушениях избирательного законодательства. Выяснилось, что при подсчете голосов имеющимися в распоряжении избирательной комиссии техническими средствами возможны ошибки. Нельзя полностью исключить и человеческий фактор, но делать из этих фактов вывод о систематических нарушениях избирательного законодательства будет ошибкой, если не сказать больше — сознательной провокацией. Судами по результатам выборов в законодательные собрания и административные центры было принято к рассмотрению всего 48 заявлений по всей стране. Относительно общего количества избирательных участков, в которых проходило голосование, это составляет сотые доли процента.

В современных условиях значительно усилилось взаимодействие политических партий с Правительством Российской Федерации. Связано это прежде всего с тем, что впервые в истории, впервые в нашей современной истории, Председателем Правительства Российской Федерации стал лидер партии, имеющей парламентское большинство. В период глубокого кризиса в мире, затронувшего все страны, в том числе и нашу, эта мера — создание в стране фактически партийного Правительства — доказала свою эффективность. Это тенденция развития исполнительной власти, формирование Правительства на основе партий и парламентского большинства либо партийной коалиции. По мнению рабочей группы,

эта тенденция и в будущем должна стать основной формой взаимодействия парламентских партий с органами исполнительной власти Российской Федерации.

«Готов повторить то, о чем говорил неоднократно: наша политическая система работает. Она работает далеко не идеально, но работает. И руководители субъектов Федерации, и партийные лидеры многое сделали для того, чтобы наша политическая система и российская демократия стали работоспособными».

Вопросы развития политической системы Российской Федерации, конечно, не сводятся только к проблемам функционирования партийной системы, формирования гражданского общества. В своей статье «Россия, вперед!» Дмитрий Анатольевич Медведев отметил, что демократия нуждается и в защите, как нуждаются в защите и основные права и свободы граждан страны. Центральной частью такого создаваемого в наши дни защитного механизма должна стать судебная система.

Реформ в судебной сфере уже было несколько, но при формировании новой судебной системы были решены только основные проблемы. Дальнейшие шаги по развитию судебной системы свидетельствуют об увеличении со стороны общества к суду доверия, об особом отношении. При этом можно сказать, что уже очевидно повышена независимость суда, укреплен этот институт. Принят федеральный закон, позволяющий повесить ответственность за соблюдение сроков рассмотрения в судах гражданских дел. Создается механизм компенсации ущерба гражданам в связи с нарушением их прав в сфере осуществления судопроизводства, обеспечивается доступность информации о деятельности судов. Исполнение судебных решений, являющееся одним из слабых мест нашего правосудия, постепенно входит в цивилизованное русло. Произошла серьезная гуманизация уголовного законодательства. Начиная с 2012 года предполагается введение апелляционной инстанции при рассмотрении

гражданских дел, а к 2013 году — и уголовных дел.

Очень серьезные изменения происходят в последние годы также и в системе правоохранительных органов. Существующая структура органов внутренних дел, организация их деятельности, кадровая политика также будут модернизированы в соответствии с концепцией, изложенной в Указе Президента Российской Федерации «О совершенствовании деятельности органов внутренних дел», с введением практики ротации руководящего состава, сокращением численности сотрудников, усилением борьбы с коррупцией. В этом процессе формирования кадровой политики в правоохранительных органах очень многое зависит от институтов гражданского общества. Не огульное шельмование этой очень важной для общества системы, не предвзятые обвинения в нарушениях прав человека, а здоровая критика, участие в работе создаваемых, прежде всего в органах МВД, общественных советов, привлечение населения к охране правопорядка будут способствовать укреплению правоохранительных органов, расширению форм их взаимодействия с политическими партиями, иными общественными организациями.

Политическая система и политические институты Российской Федерации находятся в настоящее время в стадии развития. Демократические институты в целом сформированы, но требуют постоянного внимания. Гражданское общество формирует свои институты. И поэтому уровни самоорганизации и самоуправления пока еще невысоки. Политическая система должна быть адекватна уровню задач, стоящих перед страной в XXI веке, соответствовать современной структуре общества, обеспечивать интересы каждого гражданина.

Но укрепление демократии не означает ослабления правопорядка. Любые попытки под демократическими лозунгами раскачивать ситуацию, дестабилизировать государство, раскалывать обще-

ство должны пресекаться. Закон должен быть один для всех: и для правящей, и для оппозиционной партий. Политическая система должна обновляться и совершенствоваться при сохранении консенсуса по стратегическим вопросам внешней политики, социальной стабильности, национальной безопасности, основ конституционного строя, охраны суверенитета страны, прав и свобод граждан, защиты права собственности, неприятия экстремизма, поддержки структур гражданского общества, всех форм самоорганизации, самоуправления. Перемены должны быть постепенными, продуманными, поэтапными, но неуклонными и последовательными.

Масштабы страны, наличие разнообразных социально-экономических, территориальных размежеваний делают консолидацию политической системы страны необходимым условием успешного развития и существования Российской Федерации.

Спасибо за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо.

Давайте поблагодарим Георгия Валентиновича, который подготовился и выступил в особый для себя день, сегодня у Георгия Валентиновича день рождения. Мы все Вас сердечно поздравляем!

Слово теперь имеют наши партии. Сергей Михайлович Миронов, председатель партии «Справедливая Россия», Председатель Совета Федерации.

С. МИРОНОВ: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые члены Государственного совета, уважаемые коллеги!

В начале своего выступления я хочу напомнить, что партией «Справедливая Россия» подготовлены и официально представлены следующие предложения.

Первое — по реформированию органов внутренних дел.

Второе: в соавторстве с депутатами других фракций депутатами «Справедливой России» внесен в Государственную

Думу проект федерального закона о парламентском контроле в Российской Федерации.

И третье: также нами официально направлены предложения по совершенствованию избирательного законодательства.

«Количество партий стало меньше, но их влияние заметно повысилось, в том числе и на региональном уровне».

По этому вопросу хотелось бы только еще раз обозначить нашу позицию, а по двум другим вопросам я, считаю, сегодня лучше сэкономлю время и остановлюсь на некоторых других аспектах.

Так вот по вопросам изменения избирательного законодательства. Наша партия, еще раз напоминаю, против досрочного голосования и голосования по открепительным удостоверениям на любом уровне выборов. Мы будем настаивать на установлении права гражданина по итогам выборов получить информацию на специальном сайте избирательной комиссии о факте его участия в голосовании.

И еще одна позиция из этой же сферы. «Справедливая Россия» предлагает законодательно изменить порядок формирования избирательных комиссий регионального и муниципального уровней. Сегодня они формируются теми самыми органами власти, которые и предстоит переизбирать. И нами предлагается формировать все избирательные комиссии этого уровня непосредственно из представителей, назначаемых всеми политическими партиями на паритетных началах.

А теперь я хотел бы проинформировать столь представительное собрание о позиции партии «Справедливая Россия» по концептуальным вопросам развития политической системы России. В своем Послании Президент России четко определил необходимость совершенствования политической системы страны и наметил основные направления. Мы встали на путь модернизации, наступило время конкретных действий. Как показывает мировой, да и наш отечественный опыт,

эффективная модернизация невозможна без конкуренции, это ее катализатор и важнейший инструмент. Причем конкуренции не только экономической, но и политической.

Когда мы сегодня говорим о модернизации, многие думают прежде всего о высоких технологиях. Но модернизация — это всегда политический, социальный и культурный сдвиг. Сегодня мы сталкиваемся в нашем обществе с нарастающими угрозами, и их источником является несовершенство политической системы. Это, во-первых, отсутствие открытой политической конкуренции, которое приводит к социальной апатии и оборачивается масштабной коррупцией. Во-вторых, слабость местного самоуправления, ведущая к отчуждению значительных слоев общества от власти. И наконец, в-третьих, — это эгоизм некоторых региональных политических элит, который тормозит развитие страны в целом.

Убежден, преодолеть эти угрозы можно, только развивая политическую культуру, последовательно создавая условия для открытой состязательности партий и идеологий. Речь идет не о политической поляризации, которая как раз не лечит, а калечит общество, не о расколе элит, которыми постоянно пугают нас некоторые аналитики, политическая культура — это в первую очередь реальная многопартийность, подчеркиваю, реальная.

Сегодня уже много сделано для законодательного обеспечения деятельности политических партий, и об этом в своем вступительном слове говорил Президент Дмитрий Анатольевич Медведев. Это позитивный результат совместной работы Президента и всего нашего депутатского корпуса. Эта работа, безусловно, должна быть продолжена, но сейчас важно добиться того, чтобы принятые законы и решения работали, выполнялись. Модернизация состоится тогда, когда произойдет реальное расширение партийного представительства, заработают социальные «лифты», будут реализованы

актуальные общественные инициативы. В последние годы, к сожалению, о состоятельности того или иного мэра или губернатора все больше судят по тому, какой процент голосов за партию власти он сумел обеспечить на выборах. От такой политической практики необходимо отходить. Административный ресурс должен быть приведен в рамки конституционной законности и перенацелен с поддержки одной доминирующей партии на поддержку всей политической системы в целом.

Ключевой вопрос политической стабильности — доверие к существующим политическим институтам. Пора понять, что в условиях кризиса манипулятивные технологии перестают работать, люди обманываться не хотят. Только настоящая борьба между политическими партиями, выражающими интересы всех здоровых сил общества, может определить необходимый курс вывода страны из кризиса. И самое главное, если будет реальная конкурентная борьба партий, то весь выход протестных настроений окажется в рамках существующей партийной системы. Мы сохраним и социальную стабильность, и политическую систему, которая отвечает интересам России.

Политическая система сегодня должна быть адекватна рыночной модели экономики, которая содержит в себе по определению бесчисленное количество противоречий: сталкиваются не только частные интересы, а интересы различных социальных слоев и групп, из которых состоит современное общество. Если загнать все противоречия в подполье, то они могут прорасти глубокими социальными конфликтами. Это как же надо было укатать всю политическую жизнь, поставить под козырек всех чиновников, чтобы после двух десятков лет с начала рыночных реформ, замечу, очень противоречивых, отрапортовать о полном единогласии? И это в многомиллионном городе Москве с огромным социальным расслоением! Опять «полное единство партии и народа».

По итогам выборов 11 сентября нашей партией в суд подано несколько десятков исков. К сожалению, у нас нет уверенности, что дела будут рассмотрены по существу. Пока еще окончательное решение не принято, и там, где уже есть решения, не устраивающие нас, конечно, мы будем подавать апелляции.

«Наше общество усложняется, оно неоднородное, многомерное, составляющие его группы ведут разный образ жизни, имеют разные вкусы и взгляды, в том числе и политические. Таким обществом не нужно пытаться командовать, с ним нужно сотрудничать».

21 января Кировский суд города Астрахани на втором же заседании отклонил иск о признании незаконными выборов мэра города 11 октября. При этом суд отклонил ходатайство о вызове свидетелей, отказал в ходатайстве о приобщении аудио- и видеоматериалов и не стал исследовать вопрос о том, почему частные охранные предприятия не пропустили в здание избирательной комиссии представителей партии «Справедливая Россия». Но мы будем продолжать бороться в правовом поле и добиваться справедливости.

Возбужденное по нашему иску уголовное дело по факту фальсификации итогов выборов мэра Воскресенска должно быть доведено до конца, тем более что все члены теризбиркома, которые вдруг внезапно дружно заболели, когда их вызвали на допрос в Следственный комитет прокуратуры, сегодня уже здоровы. Хочется надеяться, что на выборах 14 марта мы не увидим тех «прелестей», в кавычках, административного ресурса, что мы видели в октябре прошлого года. Хочется спросить руководителей тех регионов, которые выводят близкие к 100 процентам партии власти: какова ваша цель? Люди уже сейчас перестают доверять таким результатам. Так ведь, может, и на главных выборах страны — выборах Президента избиратели могут сказать: не верим. Ведь, если ничего не менять, к этому, к сожалению, можно прийти.

Мы нередко слышим, что российское общество якобы просто не способно к самообновлению и преобразованию и уступает инициативу в проведении реформ государству. На наш взгляд, это очень вредный миф. Да, большинство граждан за сохранение достигнутой в стране стабильности. Но это не означает, что в России отсутствует гражданское самосознание. Отсутствует другое: отсутствуют социальные механизмы, обеспечивающие полноценное включение людей в общественную жизнь. Ответственность за состояние этих механизмов несет государство.

Мы видим огромный дефицит доверия в обществе, доверия людей к власти, доверия между различными социальными группами, доверия людей друг другу. И одна из причин все та же: на нашем политическом поле практически нет реальной конкуренции идеологии партий, а это лишает граждан возможности осознанно делать свой выбор и голосовать, а не молчать, считая, что твой голос все равно ничего не изменит. Отчуждение людей от власти на всех ее уровнях — одна из самых опасных угроз для новой России. Мы должны преодолеть ее в кратчайший срок. Активное участие граждан в дискуссии по вопросу модернизации страны, инициированной Президентом, — залог того, что мы с этой задачей обязательно справимся. Именно доверие нам представляется ключевым фактором, обеспечивающим эффективную власть и успешное развитие нашей страны.

В заключение хочу сказать, что модернизация — это большой проект, долгожданное, общее дело, оно по силам российской нации. Но модернизация состоится только тогда, когда каждый гражданин увидит, что он нужен своей стране, что от его усилий зависит будущее Отечества.

Спасибо за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Сергей Михайлович.

Я предлагаю выступить Геннадию Андреевичу Зюганову — председателю цен-

трального комитета Коммунистической партии Российской Федерации, руководителю фракции КПРФ в Государственной Думе.

Г. ЗЮГАНОВ: Уважаемый высокий Совет, благодарю, что вы собрались для рассмотрения, на наш взгляд, исключительно важной темы, не рассмотрев принципиально которую невозможно двигаться вперед.

Президент сформулировал четыре принципиальные и главные задачи в своем Послании: о модернизации страны, о жесткой борьбе с коррупцией и кадровом обновлении. Но ни одна из этих задач не решится успешно, если мы не проведем прежде всего модернизацию политической системы и финансово-бюджетной политики. Мы исследовали недавно в Думе три последние тяжелейшие аварии, которые привели к гибели многих людей, и оказалось, что главная причина заключается в дефиците ответственности и компетенции, прежде всего низкой квалификации кадров, которые этим занимались.

Есть уникальный опыт модернизации нашей советской страны и Китайской Народной Республики. В условиях кризиса они показали самую высокую эффективность, и это сегодня подтвердили все статистические отчеты. Что касается Европы и Японии, они ее проводили, прежде всего опираясь на новые технологии и демократизацию политической системы. Мы хотели попытаться сделать то же самое, но мы должны учитывать, что у нас существует ряд отягчающих обстоятельств. У нас нет десяти лет, о которых мечтали наши предшественники, износ основных производственных фондов превысил 20 лет.

К 2015 году в нашей стране при нынешней демографии останется 135 миллионов, в Китае будет миллиард четырехсот, в объединенной Европе — пятьсот, в США — триста пятнадцать. Мы будем им не конкуренты. Имея всего 2 процента на-

селения планеты, мы сосредоточили треть основных стратегических ресурсов, нам никто не даст покоя и нормально развиваться, если мы быстро не решим целый ряд проблем, которые поставлены в том числе и в Послании Президента.

Отвечая на это Послание, мы подготовили антикризисные мероприятия, которые направили всем губернаторам, всем законодательным собраниям, всем партиям и движениям, и настаиваем на том, чтобы наши предложения были рассмотрены. Их готовили лучшие ученые, специалисты, управленцы, промышленники и финансисты.

Что касается политической системы, Дмитрий Анатольевич, прошедшие выборы в октябре показали, что она неэффективна, 8 из 10 избирателей не пошли на выборы. Когда провели опрос, только три процента граждан страны сказали, что выборы были честными. Поэтому Ваша постановка проблем исключительно актуальна, но требуются решительные меры для того, чтобы все привести в соответствие. На наш взгляд, главный инструмент — это прежде всего честные выборы и политический диалог.

«Руководители территорий обязаны взаимодействовать с отделениями всех партий, действующих в регионе, даже если эти партии и эти отделения малочисленны, даже если за эти партии голосуют полпроцента избирателей, но эти полпроцента избирателей — это наши граждане, и их мнение должно быть услышано властями».

Ну вот приведу несколько примеров, какой может быть честный диалог. Кузбасс — у нас Останина, депутат Государственной Думы, наш секретарь, выступила в газете «Россия» с небольшим интервью, сказала, дословно: «Регион страха, где нет места свободным выборам». Три судебных иска: по линии администрации на 500 тысяч, по линии избирательной комиссии — на 500 тысяч и по линии регионального отделения партии «Единая Россия» — еще на 500 тысяч. На полтора миллиона пре-

тензии к депутату Государственной Думы, нашему секретарю, возглавляющему список. Такого прецедента ни в одной истории не было, за слова еще никто так не наказывал.

Перед вами лидер партии, которого оштрафовали в прошлом году на 950 тысяч рублей за то, что сказал: «В ряде регионов господствует криминал». Государственная Дума удержала три раза по ползарплаты, в три месяца. Лишь после того, как мы заявили официально, что будет вопрос поставлен в Совете Европы, сделали обратный ход.

Вот у меня газета, которую только что выпустил уважаемый человек, губернатор Рязанской области господин Ковалев. У нас в Думе неплохо работал, учил нас всех соблюдать нормы и правила. Вот газета вышла в ходе выборов. Ни одного исходного данного нет: сколько, кто, за какие деньги, когда и сколько экземпляров. Если бы мы выпустили такую газету, нас затаскали бы по судам, как это сегодня происходит во многих регионах.

Один из самых уважаемых депутатов Харитонов пять раз избирался от Сибири по одномандатному округу, ни разу не набрал меньше 50 процентов. Он у нас шел по Марий-Эл в качестве лидера. Мы приехали вместе с ним проводить встречу. Нас, встретив, трижды остановили на дороге. Потом встретил ОМОН, 20 депутатов огрел дубинами. Когда мы попросили Государственную Думу создать комиссию и расследовать эти факты — уклонились. Вы отреагировали на наши претензии после беседы. Вот и сегодня обсуждаем эти проблемы. Но сегодня еще пытаются — тоже пришили почти миллион рублей — засудить. Вот вся судебная система, свобода слова и демократический процесс в наглядную величину.

Второй год преследуют лидера [коммунистов] Марий-Эл Казанкова, который возглавляет лучшее в стране хозяйство, оно входит в десятку самых лучших. Засудили Антропова — мэра из Мурманской области. Прошел на выборах Яран-

цев — талантливый капитан. Сейчас тоже под судом находится. И таких фактов — море.

Я считаю, что наша судебная система, где судьи получают по 200 тысяч, назначаются и ни перед кем толком не отвечают, не способна демократизировать наш политический процесс, а выступает в роли дубинки, которая преследует граждан страны для того, чтобы они не высказывали собственное мнение.

Мы считаем, что без открытого диалога в эфире, без соперничества лидеров партий и программ не может быть нормального политического процесса. И предлагаем всем партиям провести дискуссию по проблемам модернизации, которые поставлены Президентом и нашим Правительством. Мы готовы к открытому диалогу в эфире и первого, и второго, и третьего, и четвертого каналов. Выставим солидную команду крупнейших ученых, талантливых специалистов. Это будет объективный и серьезный разговор, как нам выбираться из тяжелого кризиса.

И без контроля снизу исполнительная власть не может работать, она разлагается и разрушается. Сегодня нет контроля снизу, мы должны его организовать. Не случайно Вы сказали, что нет депутатов в местных органах. А их там и не будет. Почти всех, кого мы выдвигали, вызвали, допросили и сказали: светотрежем, газ не проведем, если вы пройдете туда, ребенка выгоним. Это преследование идет практически повсеместно. Поговорили — все нормально, приехали в Мордовию — все прекрасно. Побеседовали с главой республики, провели там встречу лучших наших рабочих со всей страны. А в результате все голоса, в том числе и наши, высыпал в одну урну «Единой России». Предлагали Грызлову: давайте рассмотрим этот беспрецедентный факт. Он и сегодня продолжает работать, нарушая все элементарные нормы.

Мы считаем, что можно поправить — при условии, если нынешний Совет примет принципиальное решение и прямо

заявит себя. КПСС была умнее, сильнее, грамотнее, заслуженнее «Единой России» и не удержалась на одном крыле без нормального диалога, когда приказ одного человека выполняли все не раздумывая. Мы не можем повторять те ошибки, на которых потеряли страну и потеряли половину своего национального богатства, капитала, в том числе и безопасность. Мы должны научиться работать в системе координат, которую еще недавно демонстрировало наше Правительство: после дефолта Ельцин сюда пригласил, хотя шесть лет с нами не разговаривал, мы трижды уговаривали Примакова с Маслюковым пойти в Правительство, и они тогда оттягивали страну от края пропасти. Мы сегодня находимся в трудном положении. Мы должны организовать диалог, который позволит нам выйти из кризиса, и для этого, мне кажется, есть сегодня воля и у руководства страны, и у наших губернаторов.

Спасибо за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Геннадий Андреевич.

Слово Владимиру Вольфовичу Жириновскому — председателю Либерально-демократической партии Российской Федерации.

В. ЖИРИНОВСКИЙ: Я вышел без бумаг, поскольку демократия должна быть в крови, в сердце, в душе у каждого.

Что нам нужно сделать, как мне бы казалось? У нас все-таки есть противостояние. Для демократии это хорошо, но у нас историческое противостояние. Я уже раздал здесь некоторым губернаторам, нам нужно подписать акт исторического примирения. У нас до сих пор разорвана историческая канва: царская Россия — отдельно, советская — отдельно, новая — отдельно. Давайте 12 июня в этом году, через два года, через пять такой акт подпишем, у нас будет нормальный государственный праздник. Нельзя, чтобы в стране не было государственного

праздника. Седьмым ноября не все были довольны, сегодня не все довольны двенадцатым июня. Поэтому я бы хотел, чтобы это было тоже у нас где-то, потому что это все-таки имеет значение и как политического института.

Чему радуется страна? У нее есть праздник, это День моей страны, День России? Но основа его — это 12 июня 1990 года. Это не всех устраивает. Поэтому здесь бы хотелось тоже решить.

«Нужно понять, все ли мы с вами сделали для того, чтобы мнение избирателей было на самом деле услышано, не искажено и учтено в полном объеме, как того требуют принципы демократии».

Надо оживить деятельность всех организаций, которые были в свое время, — это союзы, общества дружбы с зарубежными странами, славянский комитет, комитет солидарности с народами Азии и Африки, движение «За мир». Это все поухло, и это тоже имеет значение для того, чтобы как-то люди шевелились и чувствовали, что есть и другая политическая жизнь.

По кадровым вопросам. Я считаю, что нужно ввести правила, это, может быть, изменение Трудового кодекса, Гражданского кодекса, все-таки ограничить срок пребывания любого руководителя на руководящем посту. Например, 10 лет — все, два по пять или три по три, но более 10 лет человек не должен находиться, включая всех руководителей: губернатор, мэр, руководители научных учреждений, театров и так далее, и политических партий, заранее могу сказать. Также давайте, только желающих нет возглавлять оппозиционные политические партии. Идут туда, где пряники раздадут, там, где есть бюджет, финансы, где есть реальная власть, а вот каждый день выслушивать ушаты грязи лидеру оппозиционной партии — таких желающих нет. Как появятся, уступим место. Мы объявляем уже много лет конкурс, никто не хочет.

Вот мы же все делаем с вами наоборот. Сейчас здесь докладчик делал доклад о

политических партиях — во всем мире наоборот: политические партии формируют общественное мнение, они формируют кадровую политику, а у нас чиновники формируют партийные списки, организуют выборы, оценивают выборы. И такая прозвучала фраза, что все, что мы говорим, оппозиция, о выборах, на самом деле это, оказывается, политические дразги, мы, оказывается, просто сплетники. Ну разве так можно?

После выборов 11 октября ведущий, наверное, эксперт «Единой России» Фадеев говорит: оппозиция — все больные люди, пусть уезжают за границу, ворота открыты. Ну что за отношение к оппозиции? Так не должно быть, оппозицию надо любить, беречь. Это всем нужно знать, что обязательно много партий. Никогда никому не поверю, что избиратели России хотят всегда голосовать большинством голосов за одну партию, даже в благоприятной обстановке. Если мы все задачи уже экономические решили, никогда избиратели не будут голосовать, никогда, за одну и ту же партию. Давайте какой-то вариант найдем. 55 процентов, хватит одной партии 55, оставьте 45 оппозиции. Давайте примем закон, что ни одна партия не может получить больше 40 процентов. Мы же нижний предел определили, что, если партия не получила семь процентов, она остается на улице, а ее голоса уходят другим партиям. Так давайте то же самое сделаем. Даже если кто-то и получит больше 40, вот то, что больше 40, уйдет другим партиям. Тогда будет стабильная демократия, здоровая, чтобы отбить желание — умерить аппетит — вернуться к однопартийному режиму. Здесь, в Кремле, 20 лет назад, 16 марта 1990 года, отменили статью 6 навсегда. Поэтому никто не хочет, чтобы снова была какая-то одна руководящая сила.

Надо убрать любое досрочное голосование, любое голосование на дому, и никаких открепительных талонов. Ну что это такое, вся область вдруг едет в город ночью? Завтра выборы, и вся область ри-

нулась в город, это же смешно. Скупили открепительные талоны в Тульской области. Я представил протоколы, когда одна партия получает везде 3–4 процента, вдруг на четырех участках — 30–40 процентов. Вот туда они вбросили открепительные талоны. Мы готовы идти в суды, нам не дают документы, а если дают документы, избиркомы приносят другие документы, например протоколы подсчета голосов. И что мы остаемся? В дураках остаемся. Суд говорит: а вот другой протокол — кому верить? Тот протокол с синей печатью, со всеми подписями. Мешают, издеваются, избивают людей, выкручивают руки. Поэтому есть вещи, с которыми в суд не пойдешь. Вот органы самоуправления: мы не можем активно участвовать. Потому что вот здесь порядок. Вот Кремль, вот здесь, в этом зале, порядок, демократия. Давайте 100 метров от этого места — уже хуже, а 300 километров — еще хуже, а 1000 километров — вообще произвол и насилие.

В поселке люди сидят под сапогом у местного главы какой-то управы, и он их запугивает. Они говорят: мы с удовольствием, но нам здесь с ним жить. А он командует, за кого голосовать и кому участвовать. Поэтому с удовольствием мы выставили бы кандидатов всех, заняли бы эти десятки тысяч вакансий. Люди запуганы, потому что на стороне определенных политических сил и милиция, и прокуроры, и суды, и просто физическое насилие совершают над ними. Поэтому мы не можем с этим идти в суд. Мы в суд идем только с протоколами, которые вырывают наши наблюдатели, члены избиркомов. Одна девушка в бюстгальтере вынесла копию протокола. Не выпускают: не выноси ничего. Милиция стоит и не пускает никого. Поэтому мы все это знаем, как проходят выборы. Давайте все это делать более открыто, более честно.

Ведь вы поймите: не хочет народ, чтобы была монополия. Монополия в демократии, она автоматически приведет к монополии и в экономике. Монополией в

экономике никогда нельзя побороть коррупцию. Если мы ее не поборем, нам десяти бюджетов не хватит. Это все взаимосвязано. Ведь политика — это управление городом (греческое название). Вот они здесь сидят, управляющие нашими городами. В первую очередь они политики, но решать нужно вопросы с политическими партиями. Если мы не хотим повышать роль политических партий, давайте договоримся, что политические партии только как формат для участия в выборах, как сегодня происходит. Давайте тогда об этом договоримся, тогда давайте исключим возможность влияния партий на кадровую политику.

У нас в России все наоборот! Вот когда мы сделаем, развернем немножко нашу модель политическую, пирамиду власти развернем, финансовую пирамиду, кадровую, тогда дела пойдут лучше. Не надо ничего бояться, у нас нормальный народ, у нас прекрасная страна, наши граждане нормально голосуют — не хуже, чем в любой европейской стране. Но почему ни в одной европейской стране ни одна партия не может получить больше 30 процентов? Ну предел — 40, это «левые» греки, они вечно бунтуют, несчастная Греция. Сорок! Больше ни одной страны нет, где было бы 45, 50, 60, 70. Что мы, в Туркмению превращаемся или в Белоруссию? А уж тем более Северная Корея нам с вами не пример. И с Китаем сравнивать не надо — авторитарный режим, и с Америкой — искусственное государство. Вот здесь — Европа. Давайте с Литвой сравнивать: пять партий, в среднем по 20 процентов. Все. Ни у кого никаких сомнений, везде коалиция. И поймите: раз есть другие партии, они же должны критиковать. Если есть две братские партии, пускай они пытаются друг друга любить, но партии оппозиционные, если они не будут критиковать, они погибнут. Поэтому, если кто-то себя считает правящей партией, вы должны выслушивать критику. Вы — на Олимпе, у вас — власть, у вас — оркестры, вам — все под козырек. Но вы долж-

ны знать, что вас не любят. Раз и навсегда запомните: власть никогда не любят нигде, особенно в России.

Вспомните, царская монархия: никто не вышел защищать царя. Тысяча лет монархии — ни один человек, ни один офицер, помещик, дворянин, ученый — никто не вышел. И царь со слезами на глазах ушел от власти. Советская власть — никто не вышел защищать советскую власть. Много сделали коммунисты, молодцы. Но никто не вышел в августе 91-го года защищать. Подумайте, почему? Надоедаем мы с вами. Любая власть надоедает народу. Поэтому, чтобы не надоедала, надо менять лица, людей менять, должности.

Наконец, устройство. Я заканчиваю. Надо нам удвоить субъекты, соединить их. 83 — много, 40 — достаточно. Соединить соседние: большой — с маленьким, слабый — с сильным. Это усилит потенциал самого субъекта.

«Я бы предложил воздержаться от огульных обвинений в адрес избирательной системы. Не в адрес нарушений, естественно, — они должны пресекаться и наказываться, а в адрес самой избирательной системы, потому что это тоже разновидность правового нигилизма: если есть факты, надо обращаться в суды; нет фактов — обвинения ни на чем не основаны».

Должны быть только географические названия, как во всем мире. Не надо выдумывать ничего про национальные какие-то вопросы. У нас татар в Москве больше, чем в Казани; у нас азербайджанцев в Москве больше, чем в Баку. Поэтому не надо здесь говорить о том, что есть какой-то национальный элемент. Нормальные географические названия. И названия руководителей субъектов одинаковые: глава субъекта, губернатор. У нас столько названий. Названия законодательных органов должны быть одинаковые. Если края у нас, значит, везде краевая дума. Вот эта унификация, она будет легче для управления и меньше будет создавать проблем.

Вот этот акт примирения я предлагаю: давайте хорошо в истории говорить о царской России, о советской и о новой. Это наша страна, это наш народ. Все, что они сделали, наши предки, они сделали правильно. Еще раз повторяю, в этом Кремле они 20 лет назад сказали: все, навсегда мы закончили с монополией одной партии. Давайте эту хорошую традицию продолжать и будем считать, что все последующие выборы у нас будут проходить более или менее спокойно, открыто, чисто. И не бойтесь вы проигрывать. Ну проиграете вы, чуть меньше будет, и все, чуть-чуть меньше, и чуть-чуть больше у оппозиционных партий. Это будет лестно избирателям и вам всем, и журналистам, и политологам, и все будет спокойно. Если не хотите так, давайте договоримся как. Чтобы мы знали, что будет это и это, а так мы играем втемную, и втемную нам говорят, что мы дрызгами занимаемся, что мы больны и что нужно за границу уезжать. Такие оценки нам не нужны. Это мы можем дать другие оценки всем другим. Послушайте, что народ о вас говорит, посмотрите в Интернете.

Для того чтобы убедиться, какие результаты выборов, проверьте выборы, возьмите и пересчитайте. Пересчитали же в Москве на одном из участков: был ноль, стало 16 голосов в пользу одной партии. Вы представляете, какое искажение — в 16 раз! А у нас 100 тысяч таких участков по всей стране. Умножьте 100 тысяч на 16. 16 миллионов искажений. Не надо говорить здесь про выборы. Если вы уверены, что они абсолютно честные, пересчитайте. У нас огромное количество участков. Если не хотите пересчитывать, тогда обеспечьте, чтобы они действительно были нормальными.

И во всех странах мира оппозиция определяет честность выборов. Если оппозиционные партии говорят: да, согласны, выборы прошли хорошо, — вот тогда они прошли хорошо. Не надо партии большинства брать на себя право оценивать выборы. Это мы будем вас оценивать и на-

род, а вы получили власть, на Олимпе сидите, и слушайте, что мы о вас говорим. А если будут говорить нам: вы молчите, оппозиция, у вас дразги, — а вы считаете, что вот так, вот так и так, успеха не будет.

Вспомните 17-й год, 91-й год, я не желаю, у нас не будет больше таких вещей, третий раз мы не с вами не должны допустить. Спокойная, нормальная жизнь. Но я вам говорю: обо всем можно договориться. И к свободе я всех вас призываю, свобода, она всем нам принесет пользу. Любое глумление над свободой, оно нанесет нам всем ущерб, вам самим нужно иметь возможность открыто смотреть в глаза вашим гражданам любого города и губернии. Вот попробуйте выйти на улицу, посмотрите им в глаза, пусть они у вас автограф попросят. Или они будут какие-то дерзкие слова говорить? Когда мы, оппозиция, выходим к народу, они бросаются к нам со слезами на глазах, целуют руки, просят автограф. Вот у вас они, по-моему, этого ничего не просят. Вот и подумайте о том, каково к вам отношение.

Я заканчиваю и призываю к одному — чтобы мы все стремились к свободе. Мы можем обеспечить нормальные выборы, нормальную демократию и нормальную экономику. Мы — нормальное, хорошее государство, нас уважают и любят, и ничего мы не потеряем. Чем меньше людей, тем больше ресурсов на каждого человека падает, не надо слишком большого населения. Население где большое, там трясет везде, и потом его меньше становится, поэтому здесь ставку на население делать не надо. Надо, чтобы были умные, культурные и хорошие люди, а количество — это роли уже не играет.

За демократию, за свободу!

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Владимир Вольфович.

Слово Борису Вячеславовичу Грызлову, председателю Высшего совета партии «Единая Россия», Председателю Госдумы.

Б. ГРЫЗЛОВ: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые участники заседания!

Я думаю, что важным достижением развития нашего государства является то, что политическая система у нас создана, она есть, и эта система далеко не самая худшая среди передовых стран мира. Я бы сказал, что наша система уверенная, стабильная, и это система, которая может показывать пример многим другим странам. Наше Правительство опирается на партийное большинство в Государственной Думе, и, считаю, это тоже признак развитой политической системы. И партия «Единая Россия», которая является партией власти, не даст разрушить эту систему. Хотя мы, конечно, прекрасно понимаем, что конкуренция в политике так же необходима, как и конкуренция в экономике. И «Единая Россия» с того момента, когда стала партией парламентского большинства, то есть шесть лет, проводит серьезную работу по совершенствованию политической системы. Много уже об этом говорилось сегодня в выступлении Дмитрия Анатольевича, в выступлении докладчика Бооса Георгия Валентиновича.

Я хотел бы сказать о тех результатах, которых мы достигли, по совершенствованию политической системы. Мы сумели через принятие законов создать реальные партии, которые сегодня представляют избирателей в Государственной Думе. Если в 1995 году на выборы шли 43 партии, многие из них были непонятны, неузнаваемы, то в 2007 году было 11 партий, которые имели свои программы, свои уставы, они были более или менее известны нашим избирателям. И результат: в 2007 году в парламент прошли партии, которые поддержали 92 процента наших избирателей. То есть только восемь процентов избирателей не увидят сегодня в парламенте, Государственной Думе, своих представителей, а в 95-м году более половины, подчеркиваю, более половины избирателей не видели тех, за кого они го-

лосовали. То есть прошли партии, которые представляли только около 50 процентов отданных голосов за каких-либо депутатов.

«Прошу Федеральное Собрание рассмотреть в течение весенней сессии все законопроекты, обеспечивающие реализацию сформированных в Послании предложений, а региональных руководителей — оказать содействие в соответствующей корректировке местного законодательства по мере необходимости».

Эта работа, которую «Единая Россия» планомерно проводит, продолжается и сейчас, продолжается в Думе пятого созыва. И вообще эта работа идет в течение 10 лет. И сейчас Дмитрий Анатольевич Медведев дал новый импульс развитию политической системы. Мы рассматриваем законопроект в Государственной Думе, который касается изменения подходов к формированию законодательных собраний субъектов Федерации. Введены рамки численности. Да, сегодня мы видим, что среди законодательных собраний субъектов нет какой-либо приемлемой унификации. Мы видим двухпалатные парламенты (это Свердловская область, это Республика Тыва), мы видим парламенты малых субъектов, где малая численность граждан и парламенты по численности в разы превышают парламенты крупных субъектов, например, городской Думы Москвы. Считаю, что эти рамки, которые предлагаются законопроектом, необходимо принимать, а по партийной линии мы будем рекомендовать фракциям «Единой России» в законодательных собраниях субъектов Федерации уменьшить количество депутатов примерно на 20 процентов, при этом голосовать за то, чтобы все депутаты работали на профессиональной основе. Это существенно повысит эффективность работы законодательных собраний субъектов.

Ну и, конечно, о названиях я не могу не сказать, потому что у нас до сих пор есть государственные думы субъектов Фе-

дерации. Если слово «дума» очень нравится, то можно использовать термины «городская дума» или «областная дума», «краевая дума», но никак не «государственная дума». Этот вопрос, я думаю, тоже надо решить при обсуждении этого законопроекта.

Конечно, не могли сегодня мои оппоненты не коснуться выборов октября прошлого года, 11 октября. Но мое мнение такое, что та кампания партиями-оппонентами была продумана как кампания, которая должна пройти через скандалы. Заведомо вносились в списки кандидатов лица, документы которых были подготовлены с ошибками. Затем, после того, когда избиркомы их не регистрировали, подавались заявления в суды, оспаривались решения. Потом суды принимали такое решение, что восстанавливали этих кандидатов в списках. В результате мы получили раскрученные фамилии за счет вот этих скандалов.

Когда была необходимость проводить митинги и встречи, то вопреки закону заявления на те территории, где должна проводиться встреча или митинг, подавались не в мэрию города, а в орган региональной власти, который законом не уполномочен принимать эти решения. Затем были обращения, вплоть до зарубежных средств массовой информации, о каких-то злоупотреблениях со стороны властей.

Продолжилась эта тема и на пленарном заседании Государственной Думы, когда оппозиционные партии покинули зал заседаний в первый день после выборов 11 октября. Считаю, что все это была запланированная политическая акция со стороны оппозиции.

В то же время хотел бы обратить внимание на то, что для развития политической системы партия «Единая Россия» принимала закон о выделении одного-двух мандатов тем партиям, которые получили пять-шесть процентов на выборах. И хочу обратить внимание на то, что меня насторожило: ни КПРФ, ни ЛДПР за этот

закон не голосовали. Это значит, они боятся тех, которые уже сегодня стучатся в двери Государственной Думы, а это претит развитию нашей политической системы.

Хотел бы несколько слов сказать о федеративном устройстве. Я считаю, что быть субъектом Российской Федерации — это очень высокое звание. К сожалению, сегодня мы можем констатировать, что ряд субъектов Российской Федерации не являются самодостаточными. И самое плохое то, что они не проводят должной работы, чтобы стать самодостаточными. У нас во всех субъектах есть земля, есть полезные ископаемые, природные ресурсы, есть рабочие руки, есть интеллект, присущий российскому гражданину. Считаю, что, конечно, не сразу, но, думаю, что в течение примерно 10 лет мы должны прийти к ситуации, когда все субъекты будут самодостаточны. Я, конечно, понимаю, что могут быть исключения, это регионы с тяжелыми климатическими условиями и удаленные регионы, но я считаю, что этот вопрос сегодня надо поставить и начать обсуждать.

Еще один вопрос касается федеральных служащих, которые работают в субъектах Российской Федерации. Сейчас, когда мы изменили систему приведения к власти главы субъекта Федерации, и он ответственен перед народом, перед партией, перед Президентом, и он может быть снят за свою нерадивую работу, мы должны ему больше доверять. И в этой ситуации считаю, что мы можем сократить количество федеральных служащих, работающих в субъектах Федерации. Только сокращение примерно на 20 процентов этой численности сократит федеральный бюджет примерно на 50 миллиардов рублей. Это достаточно серьезная цифра.

К сожалению, сегодня многие чиновники, которые относятся к категории бюрократов, тормозят модернизацию страны, тормозят инновации. Еще не изжит лозунг бюрократа, который говорит о том, что «завтра я буду делать то же самое, что делал вчера». И это претит развитию на-

шей страны, претит развитию демократии, претит модернизации. До сих пор еще есть фразы из известного анекдота, когда к чиновнику приходит посетитель, и тот ему говорит: я же вам сказал, приходите завтра, а вы все приходите сегодня и сегодня. Это еще одно основание к тому, что нужно сокращать количество чиновников в нашей стране.

В завершение хотел бы сказать о том, что политическая система нашей страны, которая обсуждается сегодня, — это политическая система суверенного государства, государства с суверенной демократией, политическая система, с которой могут брать пример другие страны. Мы сегодня ее не меняем, мы ее сегодня модернизируем.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Борис Вячеславович.

Слово для выступления Митрохину Сергею Сергеевичу — председателю российской объединенной демократической партии «Яблоко».

М. МИТРОХИН: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые члены Государственного совета!

Времени мало, поэтому я начну сразу с главной, ключевой проблемы нашей политической системы. Мы считаем, что этой проблемой является монополизм, который проявляется в трех основных направлениях. Первое — это монополия в органах власти и в парламентах всех уровней одной политической партии, представляющей в основном интересы чиновников и связанного с ними крупного бизнеса. Второе проявление монополизма — это полное доминирование исполнительной власти в системе разделения властей, подавление ею судебной и законодательной ветвей власти. И третье проявление общественное — это диктат одного общественного класса, диктат чиновников над всеми остальными группами и слоями нашего общества. Таким образом, мы делаем неутешительный вывод

о том, что данная система в общих чертах воспроизводит советскую систему, главным пороком которой был как раз монополизм одной политической партии со всеми аналогичными, вытекающими из этого последствиями.

«Давайте вместе подумаем, какие меры нужно принять для стимулирования политической конкуренции в сфере муниципального, местного самоуправления».

Именно эта монополия привела к тому, что политическая система СССР перестала реагировать на вызовы времени, попытки ее реформирования сильно опоздали, и это закончилось крахом и самой системы и, к сожалению, вместе с ней крахом самой страны.

Возможно, что становление подобной системы после 90-х годов, после правления Ельцина, каким-то образом привело страну к стабильности, однако в самое ближайшее время может наступить такой момент, когда стабилизация перерастет в застой, вот именно такой застой, который привел к краху Советский Союз. И те кризисные явления, которые накапливались в результате отсутствия своевременных реформ и своевременной модернизации страны, вот такие же кризисные явления, как мы считаем, имеют место и сегодня.

Назову только самые основные. В государстве — отсутствие реального разделения властей. Но именно отсюда вытекает коррупция, это основная причина коррупции. Чиновник абсолютно бесконтролен, и при этом он распоряжается огромными ресурсами, как финансовыми, так и материальными ресурсами, в том числе и землей, без всякого контроля со стороны парламента, потому что парламенты на всех уровнях не просто несамостоятельны, они напрямую подчинены чиновнику и реализуют исключительно его интересы. Отсюда же и деградация системы правоохранительных органов, потому что тоже полная бесконтрольность. Отсюда и упомянутая прежде выступавшими фальсификация выборов

как следствие стремления сохранить монополию одной партии.

У нас есть доказательства фальсификации выборов и в Москве, и в других регионах страны. Есть судебные иски в достаточно большом количестве. Есть, например, у нас 225 участков, по которым мы обратились с жалобами в Московскую городскую избирательную комиссию. Никакого хода этим жалобам не дано. И когда говорят, что мало исков в судах, извините, возникает вопрос: огромное количество свидетельств о фальсификации в Интернете, в СМИ. Почему на это никто не обращает внимание? Если кто-то в Интернете признается в убийстве, этим же моментально займется прокуратура, следственный комитет. А если кто-то признается в фальсификации — а массовое количество таких признаний было, — никто на это почему-то не обращает внимание.

В политической сфере, в публичной политике отсутствует реальная полноценная политическая дискуссия. Политические партии лишены возможности работать в таких условиях — в условиях неравного доступа к средствам массовой информации. Непарламентские партии вообще сегодня практически лишены такого доступа. Я это говорю в первую очередь от имени своей партии — партии «Яблоко». Постоянное давление на некоммерческие объединения, всевозможные запреты, часто бессмысленные, продиктованные совершенно необоснованными страхами какого-то зарубежного влияния, — это тоже угнетающее направление в нашей публичной политике.

В экономике это, к сожалению, продолжающаяся консервация сырьевой зависимости; фантастический диктат естественных монополий, которые взвинчивают свои тарифы абсолютно бесконтрольно, неадекватно по экономической ситуации, которая существует, фактически облагают данью население и всю остальную немонопольную экономику. Лоббирование интересов крупного биз-

неса также доминирует сегодня в экономической политике.

В обществе это уже упомянутый дефицит доверия к органам власти. Доверие только к первым лицам государства. К институтам власти доверия практически нет. И это ситуация, в условиях которой, конечно же, никакую реальную модернизацию проводить невозможно.

Мы, безусловно, поддерживаем требование, выдвинутое Президентом России, о необходимости модернизации нашей страны. Но мы считаем при этом, что нынешняя политическая система несовместима с модернизацией. Наоборот, так же как и коммунистическая система времен позднего СССР, она фактически запрограммирована на стагнацию, демодернизацию и в конечном счете на деградацию страны. В данной системе нет предпосылок для раскрепощения созидательных сил общества, которые могли бы пойти в авангарде модернизации, поддерживать активно и живо саму эту идею. В том числе нет мощного среднего класса, класса собственников, то есть таких собственников, которые решают свои проблемы без посредничества власти и способны представлять свои интересы на государственном уровне. Соответственно нет и мощного класса наемных работников, они тоже пассивно зависят от государства. А значит, и нет самостоятельных, мощных профсоюзов и соответствующих левых партий, которые бы отвечали хотя бы тем критериям, которым отвечают такие партии в развитых странах.

Но возвращаюсь к собственникам. Вот свежий пример: вчера все СМИ сообщили о новом очередном сносе домов в поселке «Речник», и сегодня этот снос продолжается на глазах у всей страны. У кого сносят дома? Я отвлекаюсь от юридической стороны вопроса. Сносят у представителей среднего класса, которые накопили свои сбережения, хоть какие-то. Рядом поселок, называется «Остров фантазий», там живут чиновники и представители крупного бизнеса. Та же самая

природоохранная территория, ее никто не трогает. Почему? Понятно почему — потому что у этих людей высокий статус. И вывод какой? Собственность у нас гарантирована не законом, а статусом. Закон только закрепляет этот средневековый принцип. Пока наш средний класс так бесправен, и в первую очередь в вопросах обладания собственностью, конечно же, никакая модернизация невозможна, потому что отношение к собственности и справедливость элементарная в распределении контроля на собственность — это и есть первое, что надо реформировать. Это есть первое, что надо модернизировать для того, чтобы все остальные задачи были решены успешно. И именно такой средний класс, повторяю, должен идти в авангарде модернизации.

Поэтому, еще раз, главное условие модернизации страны — это реформа политической системы, и основные направления этой реформы — демонополизация, создание условий для политической конкуренции, раскрепощение крупных социальных слоев общества, отделение власти от бизнеса и создание мощного класса полноценных собственников. Основные шаги этой реформы мы видим в следующем.

«Надо общаться, не надо стесняться выходить в народ. Надо прислушиваться к тому, что говорят, спорить в необходимых случаях, но власть все время должна быть в диалоге с народом».

Во-первых, начинать надо со средств массовой информации, общество должно быть услышано. Политические силы, представляющие общество, должны вести диалог со всей страной, а не только с маленькими аудиториями через Интернет или какие-то отдельные независимые маленькие газеты и радиостанции. Мы констатируем, что в государственных средствах массовой информации, вещающих на всю страну, у нас сохраняется цензура. Эту цензуру надо отменить, может, или сразу, или постепенно, эволюционно, революционно — это не имеет значения.

Уходить от этого надо, без этого невозможно дальнейшее развитие. Необходимо наказание за административное давление на СМИ и журналистов со стороны чиновников и устранение административного ресурса, который у нас везде является движущей силой государственной политики. Нужно начинать именно со средств массовой информации и, конечно же, обеспечения равного доступа политических партий. Сегодня этого доступа нет, непарламентские партии в этом вопросе абсолютно дискриминированы.

Дальше. Система выборов. Тоже начинать с монополизации самих избирательных комиссий. Сегодня они подчинены исполнительной власти — это полный абсурд, потому что в исполнительной власти доминирует одна партия, заведомо создается преференция для одной партии. Диктат в этих самых комиссиях, отсюда, собственно говоря, и почва для фальсификаций. Мы считаем, что все комиссии должны формироваться самими партиями на равных условиях безотносительно представительства их в парламентах всех уровней.

Теперь фальсификация. Мы считаем, что необходимо ввести дифференцированную уголовную ответственность за каждый вид фальсификации. Не в общем виде, как сейчас это сформулировано в Уголовном, Административном кодексах, а за каждое конкретное действие: выдворение наблюдателей с участка, нарушения при составлении протоколов; по каждому виду нарушения — уголовная и административная ответственность, — работать будет гораздо легче. Мы считаем, что подсчет голосов надо осуществлять не в участковых комиссиях, а в территориальных. Это облегчит контроль за данным процессом, а именно это является самым слабым звеном, которое приводит к фальсификациям.

Мы считаем, что надо ввести запрет на практику так называемых «паровозов». Вот тут говорилось только что о том, что в чем-то кто-то там обманывает избира-

телей. Мне кажется, вот представитель той партии, который выступал, он в данном случае не совсем последователен, потому что обман избирателей начинается с той практики, когда идет губернатор во главе списка или кто-то очень известный, какой-то другой чиновник, например, в том же регионе, а потом он отказывается от мандата, и вместо него проходят никому не известные люди в парламент, которые, естественно, подчиняются ему во всем.

В партийной системе считаем необходимым снижение нормы численности для партий. Можно и до 5 тысяч человек, можно до десяти, как было раньше. Ничего страшного нет в том, что общество получит возможность выдвигать новые политические силы, и эти силы могли бы представлять их в парламенте. А с этой целью можно пойти и на снижение заградительного барьера как минимум до 5 процентов. Не надо бояться снижать и меньше — ничего страшного в том, что общество представлено различными политическими силами, нет. Наоборот, от этого будет только польза.

Общественным объединениям снять все запреты нелепые и бессмысленные, которые сейчас на них наложены. Они играют огромную роль в обществе, они помогают. Там, где власть понимает их значение, они помогают развитию страны и решению задач самой же власти.

Что касается государственного аппарата — отдельная, огромная тема. Но самое главное — необходимо исправление законодательства, антикоррупционное исправление законодательства. Сокращение того объема ресурсов, которым бесконтрольно распоряжается чиновник, — это и есть главная причина коррупции, и главная причина нашей коррупции не в том, что законы не исполняются, и не в том, что они нарушаются. Она состоит в самих законах, вытекает из самих законов, которые бесконтрольны. Парламент, подчиняющийся только чиновникам, принимает в интересах тех же самых чи-

новников. Это и есть корень всей коррупции, и заниматься этим должны независимые эксперты в том числе, и в том числе представители оппозиционных партий, иначе такое исправление будет абсолютно бессмысленным.

Считаем также необходимым комплекс мер по отделению власти от бизнеса. Это одна из самых порочных сторон функционирования нашей политической системы, этим надо заниматься. У нас есть комплекс мер, мы представляли Вам, Дмитрий Анатольевич, и раньше эти предложения, и будем направлять их дальше. Все эти меры в более подробном виде существуют и в нашей программе, и в наших разработках, мы готовы их представить.

В заключение хочу еще раз обратить внимание только на одно обстоятельство. Если реформа политической системы России не начнется сегодня, то Россия может пропустить ту точку невозврата, которую пропустил в свое время Советский Союз, не начав вовремя реформирование страны. И мы знаем, чем это кончилось. Надеюсь, что с Россией этого не произойдет, и мы будем как партия все для этого делать.

Спасибо.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Сергей Сергеевич.

У нас редко выступают представители партий, тем более в таком формате, поэтому я не прерывал, но у меня все-таки настоятельное пожелание придерживаться регламента, потому что иначе получается, кто-то выступает больше, кто-то меньше, а это несправедливо.

Надежда Анатольевна Корнеева — заместитель председателя партии «Патриоты России».

«За последние годы были приняты действенные решения, направленные на укрепление и укрупнение партий. Вместе с тем партии получили и дополнительные — я бы даже сказал, беспрецедентные — дополнительные возможности».

Н. КОРНЕЕВА: Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Уважаемые члены Государственного совета!

Сегодня на заседании Государственного совета рассматривается стратегически важный вопрос. Наша партия, находясь в оппозиции, тем не менее всегда неизменно выступала за политическую стабильность в России, прежде всего для того, чтобы не допускать проблем, которые существуют сегодня на той же братской Украине.

На наш взгляд, укрепление нашей политической системы может способствовать устранению ряда ее недостатков. Мы всегда выступали за единый базовый принцип функционирования политической системы — это равенство всех семи зарегистрированных партий. С целью полной реализации этого принципа мы предлагаем принять следующие решения.

Первое. Уже сейчас, в 2010 году, отменить сбор подписей для непарламентских партий на выборах всех уровней.

Второе. Гарантировать освещение деятельности не только парламентских, но и непарламентских политических партий в государственных, федеральных, региональных и местных средствах массовой информации. Это решение мы предлагаем принять тоже в текущем году.

Третье. Проводить выборы в представительные органы власти субъектов Федерации только по партийным спискам.

Четвертое. На муниципальном уровне проводить выборы по смешанной системе, включая выборы по одномандатным округам.

Пятое. Обеспечить государственное финансирование для всех семи политических партий в зависимости от числа голосов, полученных партиями на последних выборах в Государственную Думу.

Шестое. Мы считаем, что непарламентские партии должны иметь право включать своих представителей с правом решающего голоса в состав избирательных комиссий всех уровней.

И наконец, седьмое. Предлагаем уже с 2010 года снизить электоральный барьер с 7 до 5 процентов на выборах всех уровней. Сегодня мы видим, что в закон о выборах уже внесены изменения, дающие партиям, набравшим свыше 5 процентов голосов, возможность получить один-два мандата в Государственной Думе. Таким образом, первый шаг в этом направлении уже сделан, и мы его поддерживаем.

Тем не менее даже самые лучшие идеи иногда могут устареть еще до того, как они будут реализованы. Например, представляется крайне несправедливым, что партия, набравшая 6,9 процента голосов, получит всего два мандата, в то время как партия, набравшая 7 процентов, получит более 30. Такая логика, по современным меркам, выглядит довольно странной.

Кроме равноправия партий, на наш взгляд, необходимо сделать еще ряд шагов, которые способствовали бы укреплению политической системы страны и позволяли повысить доверие граждан к власти.

Первое. Ввести обязательные ежегодные публичные отчеты руководителей исполнительных органов власти всех уровней. При этом, если отчет признается неудовлетворительным, должны наступать соответствующие последствия.

Второе. Необходимо реальное реформирование всей правоохранительной системы страны. С этой целью, во-первых, нужно провести комплексную переаттестацию всех сотрудников правоохранительных органов с выходом на постепенную замену кадров.

Во-вторых, поскольку одной из важнейших функций правоохранительной системы является следствие, мы предлагаем создать единый следственный комитет. Надзор за его деятельностью должна осуществлять Генеральная прокуратура с более широкими полномочиями. Подчиняться следственный комитет, по нашему мнению, должен Министерству юстиции и, соответственно Президенту России.

В-третьих, и нас, и все российское общество крайне беспокоит ситуация, сложившаяся в судебной системе страны. Мы разработали ряд предложений по развитию судебной системы и готовы внести их на рассмотрение руководства страны.

В целом мы считаем, что реализация наших предложений будет способствовать созданию условий для дальнейшего развития демократии в стране. Но если говорить о серьезной модернизации России, то нужно уже сейчас ставить вопросы по созданию новой модели политической системы в нашей стране.

Спасибо.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Надежда Анатольевна.

Слово Георгию Георгиевичу Бовту, председателю партии «Правое дело».

Г. БОВТ: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые участники заседания Госсовета!

«Партии получают финансирование из федерального бюджета, то есть существуют практически на деньги избирателей. Только партиям с прошлого года дано право выдвигать кандидатов на замещение должностей в субъектах Федерации, представляя их Президенту».

Прорыв России вперед неосуществим без раскрепощения инициативы людей. Мы поддерживаем меры, намеченные Президентом, по совершенствованию политической системы, повышению ее открытости, состязательности и эффективности. Выборы — это кровеносная система государства. Они обеспечивают обновление власти и ее ответственность. Застой здесь чреват серьезными тромбами, а то и инсультами. Но часто не нужно придумывать новые правила, нужно лишь добиться соблюдения имеющихся. Небрежение законами, словно ржа, разъедает политическую культуру, сеет цинизм среди тех, кто принимает решения, и апатию среди избирателей. Они перестают верить в то, что их голос что-либо реша-

ет, и начинаются рассуждения: у нас, мол, нет запроса на демократию. Есть такой запрос, в том числе на модернизацию политической культуры. И тут даже не все зависит от формального законодательства. Речь о формировании новой политической этики.

В регионах порой наблюдается тенденция к монополизации власти. Это лишь одна из настораживающих черт политической культуры, политической моды. В рамках такой моды считается нормальным давать разрядки относительно результатов выборов, давить на СМИ, не отвечать на запросы СМИ, общественных организаций, пренебрегать общественным мнением и законами, жить по принципу «нам все можно» даже в таких мелочах, как езда по особым правилам дорожного движения. Стало модно выступать с пренебрежительной критикой демократии: мол, мы не доросли, высказываться за сворачивание демократических норм, касаются ли они свободы слова, где гораздо чаще звучат предложения что-то запретить и ограничить, нежели призыва к открытости или праву на свободу демонстраций. Некоторые уже допредлагались до того, чтобы запретить и одиночные пикеты.

Нужно изменить порядок формирования избиркомов. Они должны формироваться напрямую партиями. Все партии выдвигают списки кандидатов без сбора подписей. Почему партия, получившая регистрацию, должна снова доказывать наличие своего электората? Ведь не секрет, что процедура проверки подписей иногда придает простор для самых иезуитских фантазий, когда речь идет о неудобных кандидатах. Основанием для отказа в регистрации может быть только уголовное дело или уголовное преступление. В случае предъявления в суде двух надлежаще оформленных протоколов участковой избирательной комиссии с разными данными о количестве голосов результаты голосования на участке нужно признать недействительными, потому что ненормальная ситуация, когда вскры-

ваются указанные нестыковки, а потом никто не несет за это наказание, и говорят, что это, мол, не оказало влияния на результаты волеизъявления. Надо запретить проверки партий в период избирательной кампании, запретить арест тиражей агитпродукции, потому что даже если потом постфактум изъятие такое признано незаконным, то поезд уже ушел, избирательная кампания испорчена, и поезд этот ушел не туда.

Обеспечить доступ кандидатов и их доверенных лиц к спискам избирателей в течение месяца после голосования, дать избирателям возможность через Интернет проследить, а не проголосовал ли кто-нибудь вместо них, больше прозрачности, в том числе урнам для голосования. При отказе кандидата от мандата сразу после выборов этот мандат хорошо было бы передать следующему по списку по результатам выборов избирательного объединения. В противном случае и дальше будет процветать лукавая практика «паровозов», когда избирателей, по сути, водят за нос, понуждая голосовать за тех, кто и не собирается прилежно работать в том органе, куда он делает вид, что избирается. Практика «паровозов» — это политический фетишизм или выборы котлов в мешке, которые едут в опломбированном вагоне за своим лидером.

Относительно муниципальных выборов. Нужны прямые выборы глав административных округов в крупных городах и глав крупных городских поселений без исключений. Когда мы говорим об ответственных, инициативных гражданах новой страны, то инициатива и ответственность рождаются именно отсюда, снизу.

Мы также за возврат общественным организациям права выдвигать кандидатов на местных выборах, особенно в малых городах и сельских поселениях, за создание реального самоуправления в городе Москве на уровне административных округов. Ну в идеале, конечно, желательно было бы видеть и прямые выборы мэров Москвы и Санкт-Петербурга.

Идет ползущая атака местной бюрократии на права граждан. Но где, как не на местном уровне, учиться демократии! Еще два года назад на прямых выборах избирались главы почти в 70 процентах муниципальных образований, сейчас соотношение приближается к 50 на 50. Прямые выборы мэров отменены в десятках городов, и идет подкоп под выборы мэров в других городах. Почему бы не положить конец насаждению подобной антивыборной, назначенческой политической культуры? Вернуть, например, прямые выборы в Совет Федерации, тогда, может быть, более эффективно институт представительства регионов заработал бы.

А почему, например, в рамках реформы системы МВД не избирать участковых уполномоченных, что повысило бы их ответственность перед населением, сняло бы отчасти то напряжение, которое имеется в отношениях между населением и милицией? Мы выступаем за предоставление права голоса на местных выборах владельцам недвижимости на территории данного муниципального образования, в том числе членам садоводческих товариществ, потому что не может быть налогов без представительства.

Предлагаем также образовать органы местного самоуправления специальной компетенции, школьные советы, которые могли бы участвовать в разработке образовательной политики, формировать бюджет, распоряжаться субсидиями, нанимать учителей и определять систему оплаты их труда.

Избиратели также должны быть уверены, что их представители в заксобраниях дееспособны, а не пойдут с протянутой рукой от бюджетной нищеты за деньгами в центр. Нужно поэтапно хотя бы увеличить до 50 процентов доли региональных бюджетов в консолидированном бюджете России, и это изменило бы соотношение регионов-доноров и дотационных в стране, и тогда бы все гордо носили звание субъекта Федерации.

Без независимого суда не заработает эффективно вся политическая система. Партия «Правое дело» поддерживает все предложения в этой области, высказанные Президентом в Послании Федеральному Собранию. Надо наконец вывести суды из-под зависимости от региональных властей, а то порой удивляются, как это: глава региона, как ни придет в местный суд судиться с кем-нибудь, так всегда и выигрывает. Откуда такое везение в сутяжничестве?

«В 2004 году у нас было 48 партий. На сегодняшний день в России действуют семь партий. Но количество партийных фракций в региональных парламентах резко возросло: с 91 фракции в 2004 году до 211 — в 2007 году и 248 — в 2009 году».

Суды должны на 100 процентов финансироваться федеральным бюджетом, председатель областного суда, который переназначается каждые шесть лет указом Президента, мог бы выбираться, может быть, и самими судьями, поскольку Президенту ведь готовят документы на судей чиновники, и он невольно будет ориентироваться на исполнительную власть. В Конституции также сказано о судах административной юстиции, но таких судов нет, а ведь именно туда гражданин и предприниматель могли бы пожаловаться на коррумпированного чиновника.

Уважаемые господа! Наша страна уже давно далеко продвинулась по пути построения современного демократического общества, и отдельные ошибки и неудачи на этом пути не должны стать поводом к откату назад, в патерналистский тоталитаризм или к сомнениям в том, куда ли мы идем, Мы идем в правильном направлении, идем вперед, и эту дорогу мы в состоянии осилить.

Спасибо вам за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Георгий Георгиевич.

Слово губернатору Владимирской области Николаю Владимировичу Виноградову.

Н. ВИНОГРАДОВ: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемый Владимир Владимирович! Участники заседания Госсовета!

Рассматриваемый сегодня вопрос наряду с проблемами сохранения принципов демократии и федерализма лежит в основе укрепления государственности России и выработки вектора симметричного построения политических сил, не допускающего их доминирования за счет подавления других систем.

В условиях политических экономических, национальных особенностей нашего государства, объективного характера возникающих проблем и ряда субъективных причин проходившие в стране преобразования нередко носили противоречивый характер и не всегда способствовали созидательному объединению основных общественно-политических структур. Полагаю, необходим системный научный анализ созданной в постперестроечный период нормативно-правовой базы, в основу которого должна быть положена Конституция и необходимость повышения управляющего воздействия государства на решение ключевых экономических и социальных задач.

16-летний период действия Конституции наряду с возможностью широкого правоприменения показал возможность регулятивного воздействия этого важнейшего документа на происходящие в государстве процессы и подтвердил, что вместе с укреплением политических институтов и утверждением верховенства закона государство должно гарантировать незыблемость и безальтернативность ее демократических основ. Одним из важнейших вопросов повышения эффективности управления является ликвидация дискретности действий властной вертикали. Если благодаря ряду законодательных решений этот вопрос в звене федеральный центр — субъект Федерации практически снят, то во взаимоотношениях субъекта Федерации с муниципальными образованиями все остается

по-прежнему. При этом имеющийся пробел усугубляется разобщенностью действий районных и внутрирайонных муниципальных образований. Попытки повышения результативности и законности деятельности органов местного самоуправления только контрольными и надзорными структурами не дают ожидаемого эффекта и сводятся к констатации недостатков или порождают безынициативность.

Проблема застарелая, но решать ее нужно. Необходимо уходить от прочно утвердившегося заблуждения в том, что закрепленное конституционно исключение органов местного самоуправления из системы органов госвласти влечет за собой утрату ими государственно-властной природы.

Крайне важно воссоздание системы подотчетности и ответственности органов местного самоуправления не только перед населением, но и вышестоящими структурами органов госвласти. В этом же ряду стоит проблема дефицита взаимодействия региональных органов государственной власти с территориальными подразделениями федеральных органов. Отвечая практически за все, руководство субъектов не наделено достаточными правами и функциями.

Серьезный резерв роста авторитета органов государственной власти заключается в стабилизации законодательства. Социологические исследования свидетельствуют об усталости от частых изменений, вносимых в законы, слабом понимании нововведений, росте потенциала недоверия к новациям и политическим институтам. А частая смена правил создает преимущества принципу тактической целесообразности. Так, в принятые в 2002–2003 годах федеральные законы об основных гарантиях избирательных прав, об организации местного самоуправления, об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов власти субъектов было внесено около 130 изменений.

Одним из важнейших институтов политической системы, обеспечивающих формирование политической воли народа и его участие в управлении государством, являются партии. Опираясь на те или иные идеологические позиции, отстаивая интересы определенных слоев населения, именно они при единстве цели сохранения и процветания государства призваны в конкурентных отношениях генерировать идеи и реализовывать их на практике через представительства в органах власти.

При всей сложности происходящих социально-экономических процессов, объективном желании все решить быстро государство обязано создавать необходимые для развития многопартийности условия, избегать искушения отсекал или игнорировать любые созидательные мировоззренческие позиции. Только при этом возможна выработка ожидаемой общественно-политической равнодействующей.

Внешне все необходимые механизмы демократических процедур вроде бы есть. Однако проблемы внутренней организации партий, их финансирование, формы и методы работы создают серьезные противоречия в соблюдении равных прав и ответственности, что вызывает необходимость выработки и законодательного закрепления дополнительных гарантий отсутствия идеологической монополизации. В частности, подобные гарантии содержатся в конституции Германии, где особо подчеркнуто требование соответствия внутренней организации партий демократическим принципам и выделена их обязанность предоставления публичных отчетов об имуществе, источниках и использовании средств.

«Не бывает абсолютно раз и навсегда установленных схем. Всякая политическая система должна развиваться, наше общество — модернизироваться вместе с экономикой».

Проблема большей прозрачности партийной жизни далеко не нова. Она поднималась в президентском Послании,

где говорилось о том, что механизмы финансирования политических партий остаются для избирателей тайной за семью печатями, рынок предвыборных технологий в значительной степени является одним из секторов теневой экономики. Развитие политической системы в условиях существенного повышения роли партий в формировании всех органов власти ставит на одно из первых мест уменьшение финансовой зависимости партий от коммерческих структур. По мнению ряда политологов, объем нарушений и уровень коррупционных проявлений пропорциональны сумме средств, привлеченных в избирательную кампанию.

В свое время большой интерес вызвала книга «Сингапурская история: из «третьего мира» — в «первый», написанная «отцом» сингапурского чуда, бывшим премьер-министром Ли Куан Ю. В главе о борьбе с коррупцией, а эту работу при полной поддержке политического руководства страны вело специально созданное бюро, одно из основных направлений — он проводит минимизацию использования денег в ходе избирательных кампаний, утверждает, что система чистых и свободных от денег выборов позволяет сохранить честных должностных лиц. Примечательно то, что к концу 90-х годов Сингапур вошел в число семи наименее коррумпированных государств мира.

Реальную опасность представляют и попытки реанимировать руководящие и направляющие партии. При этом делается упор на тиражирование далеко не лучших, отвергнутых самой жизнью форм и методов работы. На места, особенно в предвыборные периоды, выезжают, как правило, ни за что не отвечающие партийные функционеры, основными средствами работы которых становятся интрига, обещание кадровых перемещений и запугивание. И вот что удивительно: срабатывает. Видимо, дискредитировавшие себя традиции живы и возможны их реставрация.

Судя по прозвучавшим в последние годы посланиям Президента, выступле-

ниям на форумах партии «Единая Россия» и высших должностных лиц государства и позициям, занимаемым лидерами других ведущих партий, имеющиеся проблемы и политические преобразования понимаемы, что создает необходимые условия для дальнейшего укрепления государственности и становления гражданского общества в России.

Благодарю за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Николай Владимирович.

Слово Дмитрию Федоровичу Мезенцеву — губернатору Иркутской области.

Д. МЕЗЕНЦЕВ: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые участники заседания!

Провозглашенный Президентом страны курс на модернизацию невозможен без совершенствования политических механизмов, без совершенствования системы местного самоуправления. В обществе с большим ожиданием в 2004—2005 годах следили за подготовкой проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В 2005 году закон был принят, подписан Президентом и стал, по сути дела, базой по совершенствованию системы местного самоуправления. При, безусловно, верной философии закона, направленного на мобилизацию и объединение усилий людей по обеспечению достойных условий проживания в своем городе, поселке, деревне, закон за четыре года своей работы получил 200 дополнений и изменений. И совершенно понятно, что те переданные на местный уровень исполнения полномочия, которые на самом деле, безусловно, повышают авторитет местной власти, не могут быть исполнены, потому что ни законодателем, ни Министерством финансов, ни возможностями областных бюджетов полностью эти обязательства обеспечены быть не могут.

И мы отмечаем, что власть стала ближе к населению, власть стала внимательнее к людям, но порой финансово-экономическая база скорее всего и в ряде случаев в не очень сильных муниципальных образованиях ставит под сомнение возможности самой власти.

Сегодня руководители политических партий, в том числе партий и прежде всего партий так называемой цивилизованной оппозиции, очень много, критично говорили о том, сколь печален опыт работы и становления политического механизма в нашей стране и сколько бед у нас еще за углом. Но мало прозвучало слов, которые касались интересов конкретного человека, мало прозвучало предложений, которые позволяют жизнь в муниципальном образовании отдаленной, далекой территории, Владимир Вольфович, в 5 тысячах километров, а не в 100 метрах отсюда, делать по-настоящему близкой к стандарту достойной жизни российского гражданина в XXI веке.

И мы считаем очень важным, в том числе с привлечением лидеров всех (кроме «Единой России», я думаю, нас там поддержат) оппозиционных партий, обсуждение практики работы 131-го закона за эти четыре года. Он трактовался и воспринимается сегодня как базовый фундамент повышения роли людей в том месте, в котором они живут, где они работают, где они растят своих детей.

И только один пример, понимая, что регламент очень жесткий. До введения 131-го закона на территории Приангарья число работников органов местного самоуправления составляло менее 9 тысяч человек. Из них чуть более 4,5 тысячи являлись муниципальными служащими. В 2009 году, после того как закон уже набрал силу, число работников муниципального управления 2,5-миллионной области — 11,5 тысячи человек, из них около 6 тысяч — муниципальные служащие. А увеличение финансирования на образованные муниципальные образования, прежде всего первого уровня, составило

4 миллиарда 137 миллионов рублей. Если мы говорим об эффективности власти, я считаю возможным привлечь внимание федерального законодателя к тому, как работает этот закон и какие меры необходимо предпринять по его совершенствованию.

И, к слову сказать, высшее образование в муниципалитетах имеют чуть более 50 процентов человек. При этом среди глав первого уровня — менее 60. А опыт муниципальной работы более пяти лет имеют лишь около 40 процентов, а каждый третий менее трех лет руководит муниципальным образованием. И это один из поводов обратиться к руководителям и представленных в парламенте, и не представленных в парламенте партий, чтобы работа с людьми была приоритетом. Не укору бесконечно, в том числе в адрес любого правительства субъекта и главы исполнительной власти, не попытка, безусловно, может быть, в ряде случаев, и справедливо, укорять правящую партию в несоблюдении справедливости, прозрачности и объективности выборов, но при этом задолго до самих выборов, а возможность показать партнерскую работу с исполнительной властью регионов и муниципальных образований по реализации интересов и базовых задач, которые люди вынуждены, порой не имея на это реальных возможностей, решать, не опираясь на власть.

И конечно, мы просили бы обратить внимание, может быть, и обсудить на одном из заседаний Государственного совета как один из сопутствующих вопросов вопрос федеральной целевой программы по подготовке кадров для органов муниципального, местного самоуправления.

«России нужна всесторонняя модернизация, я об этом за последнее время немало сказал. Нам необходимо радикально изменить экономический и технологический уклад, преодолеть отсталость, чтобы страна получила эффективную экономику и стала конкурентоспособнее, а ее граждане стали богаче».

Важное направление модернизации политической системы — это совершенствование судебной системы, и прежде всего института мировых судей. Мы считаем, что институт мировых судей состоялся и успешно функционирует. Так вот только в нашем субъекте за последние пять лет число рассмотренных мировыми судьями дел увеличилось почти в три раза. Но вместе с тем не всегда у нас есть возможность оптимально распределять, в том числе и по нашей громадной территории, формирование судебных участков и возможность обеспечить равномерную профессиональную нагрузку между судьями, работающими в сельских районах, по сравнению с городскими. Так, например, у нас разрыв в шесть раз. Видимо, возможно, законодателью либо определить критерии образования судебных участков в дополнение в федеральный закон, либо разрешить субъектам Федерации право самим устанавливать порядок образования таких участков и число должностей мировых судей. Мы считаем, что мировой судья должен быть наиболее близкой и доступной фигурой для населения, и вера в него — один из факторов сопротивления правовому нигилизму и факторов становления большего уважения к закону, что является основой любого реформирования, в том числе и политической системы.

И также, говоря об этом, считаю возможным остановиться на тезисе о становлении ювенальных судов как одного из перспективных направлений совершенствования судебной системы. Так, у нас в Ангарском районе третий год существует судебный состав, специализирующийся на рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. К рассмотрению дел привлекаются психологи и социальные работники, практикуется проведение выездных судебных заседаний в образовательных учреждениях. Судьями реализуется специальная программа воспитательных мероприятий в отношении несовершеннолетних. Не случайно, что в

этом районе снижается рецидив преступлений, совершенных несовершеннолетними. Если в 2006 году вновь совершали преступления почти 22 процента несовершеннолетних, в 2007-м — 13,5, в ушедшем — 2,5 процента ребят.

Конечно, мы уже говорили и в ходе этого заседания, и в ходе тех встреч, которые всегда глава региона, нам кажется это важным, проводит не только с депутатами в ходе сессий, но и, безусловно, до этого с представленными в региональном парламенте фракциями, о том, что прогноз уважения людей к политической деятельности, к партийной деятельности, недопущение того, чтобы люди отвращали свой взор от ежедневной практики, в том числе и работы местной власти, — это тот ресурс доверия, который пока еще недостаточен и по отношению к работе власти субъекта Федерации. Путь здесь только один — путь повышения открытости, становления большего партнерства. Конечно, мы готовы к тому, чтобы все те партии, которые порой и справедливо во многом сегодня, жестковато оценивали то, что уже сделано всеми, совместно идти в муниципальные образования, совместно решать без политической окраски и без политического партийного пиара вопросы жизни миллионов людей, которые очень много ждут в том числе от нынешнего заседания Государственного совета.

Спасибо за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Дмитрий Федорович.

Мамсуров Таймураз Дзамбекович — глава Республики Северная Осетия — Алания.

Т. МАМСУРОВ: Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги!

Хочу прежде всего поддержать основную идею доклада о том, что политическая система России находится в живом, динамичном развитии. Мы строим открытое общество свободных людей.

Мы живем в федеративном государстве с высокой степенью централизации. И эти обстоятельства полезно сочетаются друг с другом. И то, что каждое десятое слово в Послании Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева Федеральному Собранию посвящено совершенствованию политической системы, очень даже символично. Казалось бы, кризис — не до новых горизонтов, образов будущего, спасти бы реальную экономику, финансы, социальную сферу. Но разве мы не выросли до понимания того, что устойчивость политической системы — важнейшая часть общего успеха России?

К этому мы и в Северной Осетии двигались методом проб и ошибок. Прежний опыт не всегда был пригоден, конечные цели не всегда были ясны. В предшествующие периоды в республиканском парламенте депутатов было вдвое больше, чем в нынешнем. Все они были одномандатники и, уже будучи избранными, объединялись в так называемые депутатские группы, фактически в клубы по временно совпадающим интересам. У этих групп не было ни единой политической программы, ни общих целей, ни, как оказалось, будущего.

Сегодня политические партии в республике принимают активное участие в формировании парламента и органов местного самоуправления. За места в парламенте на последних выборах и во Владикавказскую городскую Думу боролись, получили мандат и образовали свои фракции и «Единая Россия», и КПРФ, и «Справедливая Россия», и ЛДПР. А в городской Владикавказской Думе заместителем председателя Думы избран представитель КПРФ. Это уже реальное представительство реальных партий. Это следы разногласий, которые были в период предвыборной борьбы, но они отражают интересы больших групп населения.

Вместе с тем пока у нас на местах многое еще несовершенно. Не все политические силы готовы на местном уровне ре-

шать повседневные проблемы граждан практически. Мы, члены «Единой России», прямо и непосредственно заняты ими в республике, и поэтому мы боремся и побеждаем в предвыборной борьбе. Это трудно, с каждым днем действительно труднее, потому что чем больше работаешь, тем становится яснее, что всегда несделанного будет больше, чем сделанного. И тем не менее мы боремся и побеждаем. Это так, и, по крайней мере, мы настроены так и дальше вести себя. А крики оппонентов об украденной победе, происках избиркомов, административном ресурсе на поверку оказываются голословными и бездоказательными. Они уже в принципе не раздражают, но и привыкать к ним не хотелось бы. Пора, мне кажется, приучить себя и других: не согласен — обращайся в суд. Только в суд, другого выхода нет, как бы мы ни говорили о судебной системе и какие бы частные случаи ни пытались приводить, чтобы говорить о чем угодно, кроме как о суде. Тем самым мы на деле признаем, что судебная система — это важнейший институт нашей политической системы.

Все мы видим, что за последние годы для совершенствования судебной системы, как, впрочем, и правоохранительной системы, сделано немало. По крайней мере, главные, фундаментальные проблемы судебной системы в основном решены. Как видно из Послания Президента России, действительно настало время обратить внимание на качество работы суда, вопросы внутренних процедур и статуса судей.

«Наша задача — добиться того, чтобы принципы политического управления были адекватны многомерности, идеологическому и культурному многообразию общества».

На мой взгляд, предложенные Президентом страны меры по финансовому и материально-техническому обеспечению судов, наведению порядка в подготовке юридических кадров, включая процессы отбора кандидатов в судьи, впервые

обозначенные меры по обнародованию информации о работе судов, в том числе и через электронные средства, через Интернет, прямо ведут к основной цели — все-таки добиться независимости судов. А это значит, что эти меры должны быть всячески поддержаны и реализованы. Это прямой путь к тому, чтобы наши суды не были, как это иногда еще бывает, продолжением правоохранительной системы, а стали по-настоящему независимыми, чтобы суд стал поистине определяющим фактором демократического развития нашего государства, освобождения его от многих пороков, особенно от нетерпимой дальше по масштабу и уровню коррупции.

В соответствии с идеями и содержанием Послания мы готовимся внести изменения в конституцию республики. Это не пресловутое «одобряем и поддерживаем». Разве не ясно, что в стране, где действует и верховенствует конституция, определяющая основы конституционного строя, должны быть определены единые подходы, какая-то логика? Нам предлагается исходить из числа избирателей. Все просто, а потому и понятно. Люфты и вилки, которые предлагаются, в нашем случае — это от 15 до 50 депутатов парламента, сегодня их 70, дают все возможности учесть и специфику, и особенности региона. Поэтому мы намерены идти этим путем, когда будут приняты федеральные законы в развитие этих положений Послания.

Ну а тех, кто, рассчитывая на наше беспамятство, приводит нам в пример 90-е годы как время мифического расцвета демократии, приглашаю вновь вернуться к событиям в Южной Осетии августа позапрошлого года. Теперь уже все понимают, что, если бы не молниеносное решение Президента — Верховного Главнокомандующего Дмитрия Анатольевича Медведева, если бы не энергичные действия, в том числе там, у нас, на месте, Председателя Правительства России Владимира Владимировича Путина, Юж-

ная Осетия была бы растоптана и уничтожена. О разных аспектах событий августа 2008 года немало сказано, но хочу обратить внимание на то, что, на мой взгляд, мы не до конца оценили. Смею утверждать, что это было действительно серьезнейшее испытание на прочность и зрелость и политических институтов нашей страны и всей нашей политической системы. Может быть, впервые в современной истории России, несмотря на визг и вопли, поднятые за границей, все политические силы, все политические партии страны поддержали принятые высшим руководством страны решения, а значит, осознали, что, разделяя избирателей во времена выборных кампаний, необходимо объединять народ, если речь идет о репутации Отечества.

Нетрудно представить, что бы происходило, если бы атака Грузии на Южную Осетию и российских миротворцев случилась во времена пресловутой демократии образца 90-х. То, что наше общество другое сегодня, надо не только признавать, но и ценить. И очень хочется верить, что это была не разовая вспышка любви к Родине. Кто знает, какие еще испытания уготованы нашей стране и ее политической системе. Но если слова нашей Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству...» и так далее, не просто пафос Основного закона, то наш дух может подтвердить, что мы на правильном пути. Но только, ради бога, без реформ, рывков и скачков, к которым нас здесь пытались призвать.

Спасибо за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Таймураз Дзамбекович.

Уважаемые коллеги! Наше обсуждение было бы неполным, если бы я не предоставил слово председателю партии «Единая Россия» Владимиру Владимировичу Путину.

В. ПУТИН: Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги!

Сначала позвольте несколько замечаний по ходу нашей сегодняшней дискуссии. Вещи серьезные прозвучали, к которым мы все, безусловно, прислушаемся, будем иметь в виду, будем все анализировать и принимать многие вещи к действию.

Что касается преследований различных функционеров, политических деятелей. Конечно, если что-то происходит необоснованно — это абсолютно недопустимо. И Дмитрий Анатольевич ставит перед правоохранительными органами соответствующие задачи, и на уровне Правительства мы будем все делать, чтобы исключить подобные вещи.

Вместе с тем было сказано, что никогда не было практики преследования за идеи, за дела. Вспомним пресловутую статью за антисоветскую деятельность. Она была и активно применялась. А если мы вспомним Зошенко, который как-то сказал — помните, была у него такая фраза: «Говорят, слово не воробей, вылетит — не поймаешь. А у нас догонят, поймают и посадят». И все это в нашей жизни, к сожалению, было.

Что касается привлечения к ответственности чиновников и представителей каких бы то ни было организаций, если они нарушили закон. Обращаю ваше внимание на то, что и так называемые представители власти — это не каста неприкасаемых. И у нас есть примеры уголовного преследования, доведенного до суда с обвинительным заключением и с отбыванием в местах лишения свободы. В том числе и руководителей регионов, которые принадлежали к этой самой партии власти. Здесь не должно быть никаких исключений. Никаких исключений мы допускать не будем.

Теперь по поводу монополизации и того, что «Единая Россия» является партией крупного капитала и чиновничества. Если бы так было, то в условиях кризиса мы действовали бы совсем иначе.

Мы заморозили бы пенсии и заработные платы. Мы снизили бы налоги. Такова логика рыночной экономики.

Мы как раз поступили наоборот. Мы, используя накопленные резервы, сохраняем условия для нормального функционирования экономики. Но, несмотря на все сложности и проблемы, связанные с кризисом, добились хоть минимального, но все-таки повышения уровня доходов населения почти на 1 процент. И направили колоссальные деньги на реформирование пенсионной системы — свыше 700 миллиардов рублей. В условиях кризиса. С повышением пенсий на 46 процентов в течение 2010 года.

«Регионы в России не похожи друг на друга, традиции и социальная структура каждого из них уникальны и неповторимы, но нет ни единой территории, где все до единого жители имели бы одинаковые политические предпочтения».

Так что заявления подобного рода считаю некорректными.

Что же касается народности той или иной партии. Народность партии определяется на выборах. Голосует народ за партию — значит, она народная. Не голосует — значит, это группа лиц, объединенных определенной идеей, но пока эти идеи не приобрели устойчивой поддержки со стороны избирателей.

Теперь по поводу фальсификаций и ссылок на Интернет. Да в Интернете 50 процентов порноматериалов! Что мы будем ссылаться на Интернет?! В суд надо идти с доказательствами.

Вот что абсолютно правильно — это нужно укреплять судебную систему. Совершенно согласен с этим. И двумя руками поддерживаю предложение, связанное с антикоррупционной экспертизой принимаемых законов, в том числе с привлечением не только парламентских партий. Абсолютно с этим согласен.

Что касается «точки невозврата» и своевременности проведения реформ — ссылки на Советский Союз. Но в Советском Союзе как раз были начаты реформы.

Вопрос в том, как они были организованы и к чему эти реформы привели.

Теперь по поводу судебной системы и возможности избрания судей в различных уровнях и инстанциях. Вы знаете, у нас и так много проблем, связанных с правоохранительными органами и судебной системой. Если мы создадим вообще замкнутую неподконтрольную корпорацию, то неизвестно, к чему это приведет.

Я еще раз хочу сказать: считаю правильным думать о реорганизациях, о совершенствовании судебной системы, правоохранительных органов, но действовать здесь нужно крайне аккуратно. Мы и так практически вывели за рамки общественного и государственного контроля судебную систему. Не знаю, пошло ли это на пользу самой судебной системе. И потом вынуждены были, кстати говоря, корректировать все, что там происходит.

Ну и наконец, позвольте несколько слов по существу сегодняшней повестки дня. Ни одна из известных в мировой практике и в мировой истории политических систем, да и функционирующих сегодня в мире, ни одна не лишена системных проблем и серьезных недостатков. Нет такой политической системы в мире и не было никогда!

Мы всегда в России исходили из того, что нам нужна устойчивая политическая система, чувствительная к изменениям, происходящим в мире и в нашей собственной стране. Но такая политическая система, которая, безусловно, гарантировала бы нам суверенитет.

За прошедшие годы нами в этом плане сделано немало. Для того чтобы совершенствовать, укреплять политическую систему, нужно было для начала восстановить территориальную целостность страны и обеспечить единообразное применение Конституции Российской Федерации на всей ее территории, на всей территории России. Мы сделали с вами это вместе.

Проведена реформа формирования Совета Федерации — тоже немаловажная вещь, в том числе и для обеспечения борь-

бы с коррупцией. Об этом сегодня справедливо говорили представители оппозиционных партий. Но именно в том числе для этого была проведена реформа формирования Совета Федерации, кстати говоря, в полном соответствии с демократическими принципами. Здесь ссылались недавно на пример Федеративной Республики Германия — там верхняя палата парламента формируется правительствами земель, вообще напрямую назначаются. У нас гораздо более мягкая система создана и, на мой взгляд, соответствует сегодняшним реалиям страны.

Далее. Проведено разграничение полномочий между различными уровнями власти и управления. Еще не все, может быть, сделано, не совершенна эта система, но первый шаг, и весьма существенный, все-таки в этом направлении сделан. С политической сцены страны устранены различные «политические дельцы» и олигархические группы. Укреплена многопартийная система. Уже говорилось о том, как расширили свое представительство в регионах оппозиционные партии. Серьезным, самым серьезным образом это произошло.

«Никогда не следует обольщаться по поводу стабильности условий, в которых мы работаем, но их нужно ценить и сохранять».

Продолжается совершенствование политической культуры страны. По предложению Президента, вы знаете, введена система отчетности Правительства перед парламентом. Мы начали эту практику и будем ее продолжать.

Правительство Российской Федерации и дальше будет вести консультации по всем жизненно важным вопросам со всеми политическими силами, представленными в Думе и вообще в стране. Мы активно это с вами делаем в ходе подготовки к принятию бюджета, но и по другим вопросам тоже будем совершенствовать эти инструменты.

От Правительства зависит и технологическое сопровождение модернизации.

Кстати говоря, стоит это немалых денег, и здесь мы с вами должны выбирать приоритеты, действовать аккуратно, поэтапно, но, конечно, это тоже будем делать.

Мир меняется, и не меняться вместе с ним — неправильно. Правильно — меняться. И делать, конечно, это нужно только своевременно.

Мы постоянно должны думать над совершенствованием политической системы России, своевременно вносить необходимые коррективы. Но действовать, конечно, — я поддерживаю последнего выступавшего — в этой сфере надо крайне аккуратно. Ни в коем случае не допустить «украинизации» политической жизни России, но и не скатываться в другую сторону — в сторону тоталитаризма и деспотизма. А такое на постсоветском пространстве тоже, к сожалению, есть.

Думая о совершенствовании и действуя в этом направлении своевременно, мы должны исходить еще из одного принципа, который всегда присущ любой эффективной политической системе. А любой эффективной политической системе должна быть присуща здоровая степень консерватизма. Политическая система не должна дрожать, как жидкий студень, при каждом к ней прикосновении.

Но для того, чтобы выработать общую позицию, для того, чтобы действовать аккуратно, но своевременно, — для этого мы все сегодня в Кремле и собрались.

Спасибо большое за внимание.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Владимир Владимирович.

Уважаемые коллеги!

Считаю, что идея провести Государственный совет по политическим проблемам абсолютно оправданна, и она удалась.

Думаю, что присутствующие здесь руководители регионов очень внимательно выслушали выступление лидеров политических партий. Думаю и то, что многие из вас давно не слышали столько острых оценок текущей политической ситуации. Это неплохо. Никогда не следует оболь-

щаться по поводу стабильности условий, в которых мы работаем, но их нужно ценить и сохранять.

Не буду сейчас подводить итоги обсуждения, комментировать то, что было сказано лидерами политических партий. Хотел бы адресовать всех присутствующих здесь губернаторов к своему вступительному слову. Это как раз и есть набор поручений, которые я сформулировал для присутствующего здесь губернаторского корпуса и тех законодательных инициатив, с которыми я уже выступил в рамках Послания Президента Федеральному Собранию и последующих действий. Именно из этого я и буду исходить в дальнейшем.

Не могу не согласиться с тем, что не существует абсолютно стерильных, принципиально готовых к любому раскладу политических систем. Любая политическая система действительно развивается, и я уверен, что мы находимся на правильном пути.

Здесь говорили об опасности возврата в советский период, об опасности скатиться к авторитаризму, скопировать опыт тех или иных политических режимов, которые находятся по соседству с нашей страной.

«Я абсолютно уверен — и сегодняшняя дискуссия это в полной мере демонстрирует, — что возврат к политической системе периода Советского Союза невозможен».

Вы знаете, я абсолютно уверен — и сегодняшняя дискуссия это в полной мере демонстрирует, — что возврат к политической системе периода Советского Союза невозможен. И не только по каким-то экономическим соображениям, и не только из-за того, что мы с вами делали особенно активно в течение последних десяти лет, а по совершенно простой причине: этого никто не хочет и никто не примет — ни граждане России, ни сидящие здесь начальники. Нам это не нужно. Мы свою дорогу выбрали, и мы по ней пойдем.

Уверен также и в том, что в обозримой политической перспективе, в достаточно короткой перспективе, мы будем иметь современную политическую систему, за которую никому из нас стыдно не будет, но которую мы все равно будем критиковать именно потому, что не бывает абсолютно раз и навсегда установленных схем.

Всякая политическая система должна развиваться, наше общество — модернизироваться вместе с экономикой. Этим мы будем заниматься в ближайшее время.

ЭЛИТЫ, МАССОВЫЕ ГРУППЫ И ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Дж. Хигли

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 1/2010

Попытки сформулировать теорию политики основываются на двух базовых подходах: в соответствии с первым подходом политика отражает существование и развивается благодаря крупным социальным силам; в соответствии со вторым — политика по своей сути не зависит от этих социальных сил. В рамках первого подхода, иногда определяемого как социология политики, принято считать, что первостепенной важностью с точки зрения причинных и каузальных связей обладают интересы социальных акторов и соотношение всех акторов относительно друг друга. Второй подход, традиционно лежащий в основе политической науки, предполагает, что те, кто обладает политическим влиянием, должны быть объектом отдельного анализа и теоретического осмысления, поскольку они пользуются свободой выбора и действий, которая обычно достаточно широка.

Противоречие между этими основополагающими подходами является извечной бедой теоретических построений в сфере политического. В рамках первого подхода акцент в теоретических исследованиях делается на социальной дифференциации в соответствии с марксистской традицией; в рамках второго — на политической иерархии в традиции Моска и Парето. Первый подход связан преимущественно с политическим поведением масс или не-элитных социальных групп, второй — политических элит и лидеров. Это противоречие, безусловно, не осталось незамеченным. Классические попытки на уровне общей теории политики примирить оба подхода трудно переоценить, поскольку они были гораздо упорнее и более последовательными, неже-

ли остальные попытки. Но полвека назад известный французский социолог Раймонд Арон (1950) выражал беспокойство по поводу продолжавшей существовать проблемы того, каким образом добиться сочетания «классовой» социологии и «социологии элит», объединения марксистских идей с идеями Парето. Озабоченность Арона оправдана и сегодня.

Эфемерный характер сформированной единой основы для объяснения и анализа политики усугубляется существованием метатеоретических, эвристических и методологических «белых пятен». При создании теорий, посвященных выработке теорий, представители социальных наук, по-видимому, были убеждены, что политическое объяснение должно иметь детерминистский характер, какой имела теория в физике в ньютоновский период, и что физики впоследствии отвергли. Сложность состоит в том, является ли случайностью, в строгом смысле слова, то, что политические элиты осуществляют изменения, противоречащие «расстановке сил» среди не-элиты. Дело не только в том, что поведение элит понимается с трудом; всегда существуют в достаточном количестве такие составляющие, как произвольность, непостоянство или просто отсутствие очевидного объяснения, позволяющего игнорировать детерминистские объяснения. Таким образом, в рамках того исторического периода, когда западные общества демонстрировали схожие не-элитные конфигурации в ходе своего социально-экономического развития, такие закономерности в поведении их элит выделить не удается. В рамках любой общей теории, которая признает это

разделение на элиты и не-элиты, должен быть предусмотрен значительный лаг для политических случайностей и непредсказуемого политического выбора, так что ее экспликативные претензии должны быть достаточно скромными. Но в современной социальной науке такая скромность остается в дефиците.

Проблема, заключающаяся в том, что причины некоторых составляющих поведения элит имеют сугубо случайный характер, по своей сути, однако, является интеллектуальной, и неспособность решить ее служит не только результатом нескромности социальной науки. Проблема требует концептуализации динамических отношений между элитами и не-элитами, в рамках которых при некоторых условиях, которые могут быть установлены и точно определены, элиты по своей значимости перевешивают не-элиты, но при других условиях не-элиты доминируют над элитами. Когда элиты превалируют, в задачи теории входит определение *внешних границ* возможного поведения элит и, таким образом, политических результатов. Когда преобладают не-элиты, политические итоги могут быть предсказаны с большей определенностью. Анализ сменяющего друг друга доминирования элит и не-элит является, таким образом, важной теоретической задачей.

Если одним белым пятном является метатеоретический отказ признать, что общая теория политики в обязательном порядке ограничена в своих экспликативных и прогнозных возможностях, то другим — эвристический контекст создания такой теории. Изложенная в этой работе теория предполагает, что существует политическая природа вещей, которая не поддается, а тем более легко, человеческим желаниям. С эвристической точки зрения просто и тривиально предположить, что текущая политика является результатом или отражает существующие желания широких масс населения или даже ряда элит. Политика является результатом многочисленных исторических «остаточных явлений», случайных событий,

географических факторов, отношений с внешними акторами и т.д., что значительно ограничивает возможности для изменений. По-прежнему более просто и тривиально поддержать предположение, носящее имплицитный или эксплицитный характер в обсуждении, в значительной мере эйфорическом и утопическом, социальных изменений, средств изменений и новых ценностей, что желания широких масс населения или элит могли бы быстро и заметно измениться в результате применения аргументированных методов убеждения, и политика в этом случае также изменилась бы.

В рамках общей теории политики необходимо обратить внимание на то, каким образом общества начинают понимать политическую природу вещей. Следует предположить, что возможности для изменений всегда склонны быть весьма ограниченными. Но предположить такие ограничения теоретически ни в коей мере не означает смириться или удовлетвориться ими. Признание теоретиком того, что элиты безусловно играют важную, но в высшей мере непредсказуемую роль в политических вопросах, ничего не говорит о его взглядах. Теоретик может, к примеру, быть сторонником демократических практик, по крайней мере, в тех сферах, где потребность в проверке очень велика, но он не обязан при этом верить, что демократический идеал равенства в народном самоуправлении в большинстве случаев хотя бы отдаленно достижим. Или, опять-таки, теоретик может широко поддерживать демократическую политическую систему, являющуюся практическим воплощением идеалов демократии и реализуемую политиками, участвующими в соревновательных выборах и обращающимися за поддержкой к массовому электорату, как это происходит в настоящее время во всех западных странах, но он не обязан верить в то, что демократию можно легко установить в большинстве незападных стран, где она не существует.

Несмотря на то что различие между личными предпочтениями теоретиков и

их теоретическими оценками политических возможностей кажется очевидным, очень часто это не находит отражения в политическом анализе. Значительная доля аналитических работ является эвристически и догматически «демократической» в том отношении, что эти работы выражают только суждения о политике и политических институтах, которые сравнимы с предполагаемым моральным предписанием сделать людей свободнее, более равными, более просвещенными и стремящимися к большему участию в политической жизни. Эта склонность является характерной чертой «Духа времени», порожденного, по крайней мере, в основном, теми действиями нацистского и других фашистских режимов, в результате которых авторитарные и олигархические тенденции обрели чрезвычайно дурную славу. Со времен признания ужасов нацизма политические аналитики, как и большинство людей, стремятся в максимальной степени дистанцироваться от них. Однако теория, в общих чертах изложенная в этой работе, наоборот, имеет несколько с нормативной точки зрения неприятных выводов, которыми будут даны объяснения.

Чрезвычайный методологический интерес к эмпиризму представляет собой третье белое пятно в усилиях, направленных на теоретическое осмысление политики. Очередные исследования общественного мнения, эксперименты в области поведения, измерения, таблицы данных, математические уравнения и т.п. позволят нам приблизиться к пониманию того, что является возможным в политике, не больше, чем такой эмпиризм способствовал первоначальному развитию биологии и физики. Прогресс в развитии современной науки, так же как и античной философии, зависит от творческих и рациональных интеллектуальных усилий ее наиболее выдающихся представителей. Безусловно, нельзя спорить с тем фактом, что точные эмпирические наблюдения вносят значительный вклад в утверждение, разработку и правку научных теорий.

Но вопреки ожиданиям Френсиса Бэкона в XVII столетии факты никогда не говорят сами за себя. Не существует надежного индуктивного метода, который мог бы обойтись без необходимости в творческом и теоретическом обосновании. Дэвид Хьюм убедительно продемонстрировал в начале XVIII столетия, что такого метода не существует.

Таким образом, теория, представленная в этой работе, является дедуктивной и рационалистической; ее цель, если уж говорить совсем просто, — «чтобы она была разумной» (теорией). Эта теория раскрывает соответствующие роли, которые играют в политике элиты, т.е. очень небольшие группы людей, обладающих несравнимым влиянием, и не-элиты, т.е. большие массы населения и рабочей силы. Теория основана и распространяется на все типы обществ, хотя акцент сделан на западные общества в современный исторический период. Теория, безусловно, должна быть проверена на современной ей реальности. Происходят ли события именно таким образом, каким они должны были бы происходить, если бы теория была верной? Способна ли она дать лучшие объяснения политики, чем другие теории? Если это так, то существуют ли тем не менее очевидные и несомненные факты, свидетельствующие о том, что теория, ко крайней мере частично, ошибочна? Таковы законные вопросы, на которые читатель в конечном итоге должен найти ответ. Однако вопрос «Можете ли Вы эмпирическим путем доказать каждое из положений теории?» не является оправданным. Ни одна серьезная экспликативная общая теория, даже в самых экспериментальных и по общему мнению научных сферах исследований, никогда не выдержит такой проверки. Внутренняя структура атома, изучаемого физиками, не поддается наблюдению. Вещи, которые можно наблюдать, происходят так, как они должны были бы произойти, если бы положения теории были верны, и не существует лучшего или более простого и доступного

объяснения. Никакие другие вопросы не могут быть заданы применительно к теории политики.

Элиты

Предположение, что элиты являются неотъемлемой чертой любого общества, в большинстве случаев основано на том, и это очевидно для окружающих, что в любом обществе есть исключительно одаренные люди, независимо от того, служат ли проявлением их одаренности выдающиеся интеллектуальные способности или присущие человеку активность и энергичность, творческий талант или личный магнетизм. Можно предположить, что до тех пор, пока существует подобное «неравенство», до тех пор будут существовать и элиты. Таково было представление, распространенное в античном мире и донесенное до нас прежде всего Аристотелем. Оно подвергалось и подвергается резкой критике со стороны многих демократов и социальных радикалов, которые стремятся доказать, что отдельные элиты представляют собой не группы в высшей мере даровитых и талантливых людей, но всего лишь людей, которые добились социальных преимуществ в борьбе за власть. Сторонники этой точки зрения утверждают, что элиты могут быть уничтожены либо путем ликвидации социальных преимуществ, которыми обладают некоторые люди, либо путем уничтожения центров сосредоточения власти, которые порождают борьбу за нее — способы, которые часто идут рука об руку. Однако не существует исторических примеров, подтверждающих, что применение таких методов среди больших групп населения на протяжении длительного периода времени оказалось бы успешным.

Личный талант и социальные преимущества, безусловно, необходимо учитывать при изучении процессов рекрутирования и состава элиты. Но если предположить, что одна или обе составляющие (в строящемся на принципах абсолютной справедливости обществе всеоб-

щего изобилия) не играют никакой роли, то окажется, что это не отражается на существовании элиты. Это объясняется тем, что причины существования элит кроются в гораздо более фундаментальном и универсальном явлении человеческой жизни, в частности в отсутствии в большом сообществе некоего общего интереса, который распространялся бы и на мельчайшие черты организации и политики. Если верно, что большинство сообществ основываются на взаимопонимании относительно социальных и культурных вопросов, то это взаимопонимание всегда имеет неоднозначный и грубый характер. Удовлетворение своих желаний и потребностей, к которому стремятся некоторые члены сообщества, только частично совпадает с стремлениями других членов. В целом люди постоянно стремятся добиться высокого положения и иных составляющих, имеющих безусловную ценность в обществе, где они живут, для себя, а также для своих родственников, друзей и союзников, однако другие члены общества не считают их в полной мере легитимными. Согласие с этими притязаниями часто вытекает из предположения, что было бы неразумно не согласиться с ними, т.к. на самом деле речь идет о признании того, что люди, выдвигающие эти требования, имеют некоторое, оправданное с культурной и социальной точек зрения, право поступать таким образом. Общий интерес минимален, особенно в рамках чрезвычайно широкой социальной сферы, и всегда должен дополняться решениями авторитетных и влиятельных людей, которые не решаются или считают неблагоприятным оспаривать их оппоненты и сторонники других точек зрения.

Общий интерес носит еще более ограниченный характер применительно к мельчайшим чертам организационного функционирования. Работа любой достаточной сложной и крупной по размерам организации включает в себя ежедневное распределение и перераспределение задач

и, таким образом, организационных статусов. Просто для того, чтобы такие организации смогли выжить, необходимо постоянно принимать «разумные» и «объективные» решения, которые выходят за рамки личных интересов. Однако среди всех членов организации редко удается достичь согласия относительно правильности принимаемых решений. Частично это объясняется тем, что только несколько человек занимают положение, которое позволяет им составить достаточно полное впечатление о соответствии организационных усилий и положения организации на текущий момент во времени и пространстве ее целям. Тем не менее это впечатление обычно необходимо для того, чтобы иметь твердое мнение о том, какие решения необходимо принять. Не менее важно, что необходимость постоянно участвовать в процессе принятия решений отнимает у огромного числа членов организации время, которое им потребовалось бы, чтобы понять, каким образом интересы организации соотносятся с ее текущими проблемами и потребностями. Даже незначительное по своей важности решение меняет то влияние, которое окажет следующее принятое решение, так что детали организационной структуры и ее потребностей ежедневно меняются. Но любой зарождающийся консенсус среди членов организации неизбежно касается вчерашних структуры и потребностей.

Отсутствие всеобщего интереса или понимания, которые распространяются на мельчайшие черты организации и политики, означает, что структуры и процессы больших и сложных организаций по своей сути являются случайными. Они создаются и изменяются под воздействием решений, принимаемых теми, кто оказался в стратегически важном месте организации в тот или иной момент времени. Но правильность или ошибочность принимаемых этими людьми решений ни при каких условиях невозможно убедительно доказать тем, на кого эти решения влияют. Как и все люди, лица, принима-

ющие стратегические решения в организациях, иногда действуют эгоистично и непостоянны в своих действиях, а иногда исходя из альтруистических побуждений. Все, что можно сказать с уверенностью, — это то, что принимаемые решения, по мнению остальных членов организации, в своей основе являются случайными и произвольными. Природа вещей такова, что не существует иного пути принятия решения и, следовательно, обеспечения эффективной работы организации, кроме того, когда некий один или несколько человек решают, что должно быть сделано.

Признание изложенных принципов работы организации определяет значимость и важность элит в политической и социальной теории. Работа организаций любой сложности и любых размеров всегда означает случайное принятие решений лицами, которые занимают стратегически важное положение в организации. Если мы назовем этих людей элитами, то мы можем сказать, что существование сложных и крупных организаций неизбежно ведет к формированию элит. Только в этом смысле элиты являются неотъемлемой чертой более крупных коллективов и обществ; все остальные философские обоснования теории элит менее убедительны и более дискуссионны. Признание этого, однако, не является всего лишь рефреном утверждения Роберта Мишеля «Что бы ни говорила организация, говорит олигархия». Поскольку олигархия, аристократия и др. эвфемизмы, используемые для определения элит, подразумевают или приписывают им специфические структурные и поведенческие черты. Получить ответ на вопрос, являются ли элиты едиными, заговорщическими, обладающими определенным самосознанием и т.д., возможно только с помощью эмпирических исследований. Поскольку элиты представляют собой неизбежное следствие существования любой организации, их непосредственные черты меняются в зависимости от политических и социальных обстоятельств.

Элиты можно определить как *личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях или организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты.* Иными словами, элиты — это лица, занимающие влиятельные политические позиции, а также лица, у которых есть *организационная возможность* создать серьезные политические проблемы, если их быстро не остановить. В этом смысле элиты состоят не только из «утвердившихся» лидеров, занимающих престижные позиции: ведущих политиков, влиятельных бизнесменов, занимающих высокие должности государственных служащих, военного руководства, — но также, в различной степени в том или ином обществе, из достаточно временных и менее лично известных лидеров и руководителей массовых организаций, в частности профсоюзов, церквей и других важных добровольных ассоциаций и массовых движений. Таким образом, в рамках такого определения элит они включают в себя тех, кого принято называть «контр-элитами», поскольку они безусловно обладают организационной возможностью, хотя, может быть, в основном, путем несогласия и отрицания, оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты.

В связи с изложенным выше необходимо внести три терминологических пояснения. Во-первых, необходимо последовательно различать «элиты» и «не-элиты», хотя это чрезмерно упрощает и искажает истинную политическую стратификацию обществ. Право на эту неосторожность основывается на экспликативных и предикативных достоинствах теории, основанной на различии. Во-вторых, термин «элита» в дальнейшем будет часто использоваться во множественном числе — «элиты», — поскольку в организованных обществах всегда существуют

значимые различия между разнообразными группами тех, кто формируют элиту. В-третьих, для стилистического разнообразия будут использоваться такие термины как «лидеры», «лица, обладающие властью», «лица, обладающие влиянием», но они всегда будут означать элиты в том смысле, как они были определены выше.

Элиты и политическая стабильность

Наличие или отсутствие стабильных политических институтов — одно из основных отличий политических систем друг от друга, которое можно объяснить, основываясь на различиях в поведении элит. Эффективная институционализация политической власти, как это на протяжении многих лет существует в Великобритании, Соединенных Штатах, Швеции и в некоторых других западных странах, является нетипичным явлением. Для стабильных политических институтов *не характерны* периодические попытки захватить государственную власть, в частности, исполнительную, или очевидное влияние со стороны военных на отправленные политики с помощью угрозы военного вмешательства. Начиная с 1789 г. каждые четыре года президент Соединенных Штатов занимает свой пост по итогам выборов и более или менее эффективно выполняет свои обязанности в качестве главы американской политической системы до истечения срока своих полномочий, если только не умрет до окончания своего президентского срока. В Британии на протяжении еще более длительного периода времени премьер-министры и кабинеты министров регулярно сменяют друг друга в качестве главного органа политической власти в соответствии с принципами и правилами, которые, несмотря на свой неформальный характер, хорошо известны.

Личностная манипуляция политическими институтами путем индивидуального и прямого контроля со стороны военных и полицейских сил всегда бы-

ла и остается гораздо более распространенным явлением. Обычно существует некая элитная группа, которая осуществляет эффективное военное руководство организованными силами, способными к осуществлению насилия, и стремится к принятию политических решений, независимо от того, что предписывают существующие институты. С аналитической точки зрения, находятся ли в центре этой группы традиционный монарх (противопоставляемый понятию «конституционный монарх»), группа гражданских лиц, тесно связанная с армейским руководством, или это откровенная военная хунта, имеет незначительные последствия. С аналитической точки зрения важно то, что элиты, независимо от того, каковы личные склонности их представителей, считают власть персонализированной и непосредственно зависящей от поддержки со стороны организованных сил, способных к осуществлению насилия. Элиты, по той или иной причине выступающие против существующей социальной организации, в обязательном порядке рассматривают политические изменения с точки зрения возможности смещения или ослабления группы, которая в настоящее время, и эффективно, контролирует такие силы. С их точки зрения и с точки зрения их противников, источником власти является не пребывание в официальной должности, но успех некоей конкретной группы в получении, по крайней мере, временного контроля над основными средствами принуждения. Представители элиты и элитные группы, опасаясь попыток захватить власть со стороны других представителей элитных групп, неизбежно относятся друг к другу с недоверием и готовы «отвечать на огонь огнем». Попытки захватить власть с помощью силы считаются всеми правдоподобным, даже вероятным, исходом событий.

Такова основная черта *расколотой элиты*. Вследствие этого для политического анализа особый интерес представляют относительно немногие общества,

в которых политическая нестабильность не является нормой, поскольку, как было отмечено, очень немногие общества продемонстрировали паттерны институционализированной власти и процедур, которые уважаются и которые стремятся сохранить на протяжении долгих периодов времени. В этих обществах неизвестны примеры неожиданной узурпации государственной власти с помощью силы, и квалифицированные наблюдатели считают такие попытки практически невозможными. Такие девиантные случаи возможно объяснить *только* с точки зрения поведения элит. Если говорить точнее, нормальная с исторической точки зрения ситуация политической нестабильности в обществах перестает существовать, только когда формируется *единая элита*.

Необходимо сформулировать общее представление о политике, которое легло бы в основу этого ключевого утверждения. Соглашение или консенсус относительно основных политических решений, которые непосредственно влияют на распределение чего-то, что имеет ценность в обществе, никогда не находят широкой поддержки среди не-элитных групп населения. Такие вопросы, когда происходит их осознание в полной мере, ведут к началу гражданского конфликта. С точки зрения политической стабильности проблема политики всегда заключается в том, каким образом действовать законно, чтобы те, кто активно борется за получение нечего, имеющего безусловную ценность в обществе, не были бы вовлечены в открытое проявление враждебности, а те, кто остается пассивным, не были мобилизованы таким образом, чтобы они заняли враждебную позицию. Политическая стабильность никогда не является результатом добровольной, мирной, совместной деятельности всех социальных акторов на основе владения достаточной информацией. Она всегда является искусственным следствием разумных и практических решений, принимаемых в высшей мере влиятельными людьми — элитами. По своей

сути эта разумность сводится к тому, чтобы подавлять, искажать или иным образом манипулировать темами и вопросами, которые, если они будут открыто и широко высказаны или реализованы, приведут к возникновению разрушительных конфликтов. Практичность в принятии решений, которые оказывают влияние на большие социальные категории населения, требует от элит доверять друг другу, чтобы не разоблачить хитрости и уловки, к которым они прибегают; а также подразумевает почти заговорщическое поведение бесчисленных групп людей, обладающих влиянием, и лиц, способных принимать эффективные решения. Такое согласованное поведение влечет за собой заключение базового соглашения между всеми или большинством этих групп и людей относительно желательности существования политически стабильной системы и целей, к которым она, по-видимому, движется. Говоря кратко, это ведет к появлению единой элиты.

Однако существует два отчетливо отличных друг от друга типа единой элиты и соответственно две совершенно разные формы политической стабильности. Первый тип — *идеологически единая элита*, т.е. элита, все или практически все представители которой разделяют общую, ясно сформулированную идеологическую платформу. Члены элиты избегают публичных конфликтов между собой и демонстрируют едва ли не единодушие по поводу проводимой политики и своих политических убеждений. Лица, стоящие на самом вершине властной иерархии, так же как и те, кто стремится туда попасть, старательно создают образ единой и гомогенной элитной группы. Однако, принимая во внимание непримиримые конфликты интересов, которые существуют в каждом обществе, это единодушие, безусловно, является скорее кажущимся, нежели истинным. В некоторой степени оно обусловлено решимостью лидеров, разделяющих определенные убеждения, не допустить вмешательства ненадежных

чужаков в процесс принятия политических решений и разработку и реализацию политического курса. Но даже для инсайдеров идеологическое единообразие в некоторой мере является принудительным. За высказываемым публично едва ли не единодушием по текущим политическим вопросам и политическим целям, за выражением приверженности общим убеждениям скрывается аппарат принуждения, способный добиться от всех или почти всех представителей элиты и тех, кто стремится войти в этот узкий круг, того, чтобы их публичные высказывания соответствовали утвердившимся и общепринятым на данный момент политическим взглядам. Определение того, что можно считать общепринятым, является задачей небольшого числа лиц, занимающих ключевые позиции в политической элите, и приверженность этому ортодоксальному подходу препятствует выражению различных интересов.

Содержание идеологии, которой придерживаются все элиты, представляет незначительный интерес с аналитической точки зрения. Она, вероятно, должна быть достаточно распылчатой и мало соотноситься с текущими условиями, чтобы оставаться гибкой, что позволит через ее призму найти объяснение постоянно меняющейся реальности. Она, по всей вероятности, должна быть обращена к некоторому будущему, воображаемому состоянию общества, к которому оно предположительно движется. Иными словами, она должна быть в значительной мере утопической. Но с аналитической точки зрения описывает ли идеология будущее общество, в котором не будет существовать разделения на социальные классы, или общество, в котором каждый может получить вечное спасение или похвалу своему поведению от пастыря, не имеет практически никакого значения для поддержания насильственного единства среди элит? Поскольку единственно допустимая публичная позиция, в рамках которой есть стремления предпринять ка-

кие-то попытки изменить ситуацию, уже определена и монополизирована власть-предержащими, степень централизации политических институтов может достичь небывалой величины. Индивидов, которые стремятся подорвать эти институты, можно легко опознать, и у них в распоряжении есть очень небольшой набор средств, с помощью которых они могли бы постараться добиться общественной поддержки. Практика свидетельствует, что, будучи однажды сформированными, институты, управляемые идеологически единой элитой, остаются стабильными на протяжении долгих периодов времени.

Другой тип единой политической элиты, *элита, единая на основе консенсуса*, не предполагает, что все представители элиты публично придерживаются одинаковых политических позиций. Не существует единой, жестко сформулированной идеологии, которой всем необходимо придерживаться. Более того, представители элиты стоят на совершенно отличных друг от друга позициях по общественно значимым вопросам. Они нередко являются сторонниками прямо противоположных друг другу идеологий, примером чему может служить длительный конфликт между консерваторами и либералами в британской и шведской политических элитах в XIX веке и последующий конфликт между либералами и социалистами в тех же странах в первой половине XX века. Ключевой чертой этих конфликтов является то, что они происходят в рамках определенных правил, которые нигде в полной мере не кодифицированы и не введены, но широко распространены и используются многими по умолчанию для того, чтобы исключить серьезную угрозу со стороны отдельного участника межэлитной борьбы и межэлитного соревнования. Эти неформальные правила проистекают из способа структурирования власти, который обеспечивает всем или почти всем членам элиты участие в процессе принятия решений; таким обра-

зом, в их коллективных интересах не допустить действий, способных подорвать существующий порядок, и, таким образом, сохранить управление политической ситуацией. Несмотря на то что представители элиты и группы элит испытывают разногласия и конфликтуют друг с другом в ограниченной мере, власть распределена таким образом, что все или большинство имеют возможность влиять на принимаемые политические решения, что является достаточным для того, чтобы сдерживать их от конвертирования своего недовольства в попытки захватить государственную, в частности исполнительную, власть насильственным путем. Таким образом, политические институты остаются стабильными на протяжении долгих периодов времени.

Несовершенно единая элита отличается от элиты, единой на основе консенсуса, в том, что единство и взаимное доверие существуют только среди представителей правополитических сил и не распространяются на крупный, заметный и стоящий особняком лагерь политической элиты, объединяющий сторонников социалистических убеждений. Шаткая стабильность политических институтов происходит из демонстрируемой относительно сплоченной частью элиты, в частности правополитической элитой, способности удерживать контроль над институтами благодаря тому, что она каждый раз побеждает на выборах и получает большинство голосов. Следовательно, группа, способная наложить свое вето, формирующаяся вокруг военного командования в странах с расколотыми элитами, прекращает свое существование как таковая, и ожидания вмешательства в политику со стороны военных снижаются. Массовые беспорядки и волнения остаются достаточно распространенным явлением, но возможность того, что время от времени могут происходить перевороты, сопровождающиеся захватом государственной власти, становится все менее и менее вероятной. Недовольные левые (или, возможно, радикаль-

но настроенные правые) элиты выражают свою неудовлетворенность, провоцируют общественные беспорядки, но, руководствуясь соображениями целесообразности и, возможно, приверженностью демократическим принципам, они не нападают открыто на институты, которые пользуются поддержкой большинства избирателей на периодически проводимых выборах.

Вероятность того, что несовершенно единая элита может эволюционировать в элиту, единую на основе консенсуса, существует, но не обязательно найдет свое воплощение на практике. На протяжении 1970-х годов такую эволюцию можно было наблюдать во Франции и в Японии. В 1980-х годах стало очевидно, что элиты, единые на основе консенсуса, сформировались в обеих странах, и политические институты этих стран впервые в их истории приобрели стабильность.

Границы демократии

Как было сказано в начале работы, даже если исследователь в области политической теории является сторонником демократических ценностей, он или она не обязан(а) верить в то, что демократия может быть установлена в большинстве стран мира и практически при любых условиях. Основания этого утверждения теперь должны быть очевидными. Насколько значимы демократические институты и практики, зависит от того, какой из четырех типов элит существует в обществе. Ни один из типов элит не совместим с абсолютным демократическим идеалом, и только два типа в достаточной мере совместимы с демократической политикой, служащей практическим воплощением этого идеала, в частности, в настоящее время в западных странах и некоторых других государствах. Хуже того, ни один из четырех типов элит не обуславливает *в обязательном порядке* возникновение даже этой ограниченной формы демократии. Важно принимать во внимание эти границы демократии.

Основной чертой самой типичной формы политики, в рамках которой элиты расколоты, является институциональная нестабильность. В то время как институты, управляемые некоторой частью расколотой элиты, могут иногда иметь демократический фасад, вряд ли имеет смысл стремиться к развитию этих институтов или стараться их охранить, поскольку они, скорее всего, не выдержат серьезный политический кризис. Обычно любой значительный рост политической напряженности, определенная степень которой присуща любой политической системе, ведет независимо от того, сопровождается он военным переворотом или нет, к появлению более авторитарного и репрессивного политического режима. Несмотря на то что такой политический режим может в конечном счете стать более мягким или ему на смену может даже прийти более демократический и либеральный режим с молчаливого одобрения элитной группы, обладающей правом вето и связанной с военными кругами, это улучшение, скорее всего, носит лишь временный характер, до появления более или менее репрессивных политических режимов. История убедительно свидетельствует о том, что расколотые элиты и создаваемые ими нестабильные институты выживают несмотря на многие изменения, и существование любого политического режима в действительности возможно только потому, что это допускается теми, кто контролируют армию и полицию.

Из четырех типов элит элита, единая на основе консенсуса, безусловно, наиболее отвечает критериям, необходимым для установления демократии. Тем не менее, режим, управляемый этим типом элиты, не обязательно должен быть совершенно и полностью демократическим. Он может основываться, как это и было в большинстве исторических случаев, на чрезвычайном ограничении избирательных прав. Даже временная диктатура или долгое правление властного

или даже деспотического лидера могут длиться до тех пор, пока представители элиты доверяют друг другу и готовы к совместным действиям для смещения диктатора или просто властного правителя, если он или она станет в значительной мере нетрудоспособным(ой) или некомпетентным(ой). По существу, практическая демократия зависит от способности элиты, единой на основе консенсуса, поддерживать политическую напряженность на невысоком уровне. В обществах, где существует такая элита, проблема, с которой сталкиваются люди, глубоко приверженные идеалам демократии, заключается в том, какую долю общественного внимания они должны постараться привлечь к вопросам, которые они считают правильными с моральной точки зрения, но которые также являются потенциально взрывоопасными. Индивиды, придающие такого рода нравственным вопросам исключительное значение, склонны считать, что члены элиты, единой на основе консенсуса, искажают, частично подавляют или просто спутывают проблемы, если они полагают это необходимым для поддержания институциональной стабильности. Вопросы, оказавшиеся на повестке дня в результате оценки их с нравственных позиций, станут предметом «благотворного невмешательства», если элиты придут к выводу, что эти вопросы достигли того предельного уровня артикуляции и антагонизма, преодоление которого приведет к угрозе политической стабильности.

Должны ли те, кто не могут быть услышанными, чего, по их мнению, заслуживают те моральные основания, которые ими движут, молча согласиться с такими действиями элит? Если верно то, что элиты, единые на основе консенсуса, обычно способны полностью сгладить политическую напряженность, то этот вопрос не имеет смысла. Тем не менее предположим, что элиты не способны сделать этого, столкнувшись с жесточайшими требованиями и серьезными массовыми выступлениями. В соответствии с приня-

той теорией это приведет к расколу элиты и, по всей вероятности, станет причиной формирования расколотой элиты, типичным последствием чего является установление прямого или опосредованного военного правления и подавление инакомыслия. Было бы правильным решением со стороны непреклонных демократов способствовать такому исходу ситуации, руководствуясь нравственными основаниями? Ответ очевиден.

Существующая теория в целом утверждает, что зрелый и искушенный сторонник демократии должен всегда поддерживать политический порядок, который достаточно далек от идеала. Элита, единая на основе консенсуса, или элита, приближающаяся к этому условию, необходима для установления демократического правления. Только такая элита сможет эффективно справиться с решением проблем, чье публичное обсуждение в безапелляционной форме приведет к тяжелейшему внутреннему конфликту. Там, где элита справляется с этой задачей на протяжении многих лет, возможно, но это не является неизбежным, создание представительных институтов, работа которых определяется в достаточной мере соревновательными и влиятельными выборами. Но там, где фракции внутри элиты откровенно и открыто выражают свои взгляды на вступающие в конфликт интересы не-элит, значительное число представителей как элиты, так и не-элиты в какой-то момент перестанут пользоваться политической свободой, либо политическая система не сможет выжить. Иными словами, необходимо признать ошибочным модную, но бессмысленную точку зрения, что наиболее желаемой политической системой является та, в рамках которой открыто представлены и убедительно выражены на уровне элит разнообразные интересы населения. Предоставление «настоящего выбора, а не его отголоска» в демократической политической системе всегда угрожает ослабить элиту, единую на основе консенсуса, и сопутствующую ей по-

литическую стабильность. Человек, признающий это, не может, по существу, чувствовать, что он обязан следовать демократическому идеалу при любых обстоятельствах и любой ценой.

Границы революции

Не существует общепризнанного определения революции, которое отражало бы и использовалось применительно к четко описанному политическому событию или процессу. Иногда этот термин применяется для обозначения практически любого спорадического и насильственного захвата власти, таким образом, включая многие государственные перевороты и восстания, носящие единичный характер, которые происходят в обществах, чьи элиты расколоты. Термин «революция» также часто используется применительно к гражданским войнам и войнам за национальное освобождение, в основе которых лежат династические, этнические, региональные или религиозные размежевания. Такая терминологическая расплывчатость приводит к тому, что решение называть или не называть тот или иной режим, движение или вооруженный конфликт «революционным» становится результатом субъективного суждения, суждения, которое, безусловно, часто выносится уже после того, как событие произошло, как это случилось с так называемой Кубинской революцией, приведшей к власти Фиделя Кастро.

Однако существует определенный тип политического переворота, который по своим характеристикам объективно отличается от типичного государственного переворота, гражданской войны, территориального отделения сепаратистских территорий и народного восстания. Такой переворот начинается, когда нормальный, исправно функционирующий политический режим, и это находит свое отражение, прежде всего, в существовании дисциплинированной армии и полиции, неожиданно и полностью рушится.

На протяжении последующего более или менее длительного или, наоборот, короткого периода времени поддержание порядка, несмотря на восстание и мародерство, до тех пор, пока власть правительства, а также армии и полиции не будет восстановлена либо заново установлена победившей политической группировкой, становится чрезвычайно сложной задачей. Нельзя сказать, что на протяжении этого периода существует политическая элита, принадлежащая к тому или иному типу. Власть, как любят заявлять радикалы, принадлежит «населению» или, говоря точнее, тем конкретным людям, которые довольно спонтанно собираются, обычно вооруженные, и реагируют на откровенные пропаганду и ораторство массовыми акциями. Такие скопления людей обычно включают множество членов рядового состава воинских частей, которые либо расправились с офицерским составом, либо просто отказываются выполнять офицерские приказы.

Переворот этого типа выдвигает в ряды элиты совершенно отличную от своих предшественников группу людей и коренным образом изменяет политические и особенно экономические институты. Однако прежде чем становится очевиден масштаб произошедших изменений, предпринимаемые кем бы то ни было попытки восстановить или создать подобие организованной власти в той области, на которую государственная власть больше не распространяется, встречают противодействие со стороны той области, где она продолжает существовать. Для того чтобы справиться с этим сопротивлением, новые политические лидеры и государственные руководители должны в короткие сроки добиться определенной степени бюрократической централизации и навести порядок и дисциплину среди действующих военных и полицейских соединений. Раньше или позже группы населения, которые держатся впереди, будут взяты под контроль и подавлены. Когда это произойдет, то можно вновь говорить

о том, что политическая система управляется одним из четырех типов элит.

Если ради концептуального порядка и терминологического соответствия употреблять термин «революция» исключительно применительно к перевороту, включающему крах политической системы и последующий период, когда власть, способная осуществлять меры принуждения, принадлежит более или менее спонтанно организующимся группам населения, то революция, безусловно, окажется редким и маловероятным событием в общественной истории. Революция в этом смысле слова может, вероятно, произойти только в обществах, находящихся на низком уровне социально-экономического развития, — это в значительной мере аграрные или крестьянские общества. В более бюрократизированных обществах, стоящих на более высоком уровне развития, широкомасштабный коллапс государственной власти, а также армии и полиции представляется в настоящее время еще менее вероятным, нежели тогда, когда поборники революции рассчитывали, большей частью ошибочно, что массы рядовых граждан, «встав под ружье», установят правительственную власть после трудностей и поражений, с которыми им пришлось столкнуться в ходе участия в полномасштабном военном конфликте. Более того, новые достижения в сфере военных технологий, прежде всего создание ядерного оружия, позволяют сделать вывод о том, что ведение военных действий массовыми армиями стало теперь частью истории.

Вероятны ли они по-прежнему или уже нет, ведут ли революции в современном понимании этого термина к политическим улучшениям? Если отправной точкой является критерий демократичности и либерализма, то ответ — однозначно Нет. В результате того что они оказываются причиной глубокой вражды и политических «шрамов», революции никогда не приводят к формированию элиты, единой на основе консенсуса,

но либо расколотой, либо идеологически единой элиты, но ни одна из них не способствует установлению проверенных демократических практик. Несмотря на то что можно многое услышать от людей, оскорбленных и возмущенных тем, что они считают фундаментальными моральными дефектами современных политических режимов, не в последнюю очередь западных демократий, глубокие «революционные» изменения, которых требуют эти люди, находятся далеко за границами политики и являются не более чем беспочвенными мечтаниями, которые с демократической и либеральной точки зрения являются в высшей мере неблагоприятными.

Не-элиты

Каким образом не-элиты должны быть теоретически связаны с элитами и с политическими изменениями и стабильностью? Основополагающее утверждение заключается в том, что поскольку общества постоянно развиваются с социально-экономической точки зрения, то характер занятости рабочей силы также меняется, и это накладывает ограничения на поведение элиты. Элиты ограничены тем, какого типа рабочая сила преобладает в обществе на данном этапе его развития, а какие типы формируют меньшинство, поскольку это определяет идеологию, к которой элиты могут прибегнуть для того, чтобы заручиться поддержкой со стороны не-элит и защитить свои положение и статус.

По своей сути социально-экономическое развитие означает в том числе превращение рабочей силы, практически все представители которой ориентированы на материальное окружение, как это бывает в аграрных или крестьянских обществах, в рабочую силу, значительная часть которой ориентирована на социальное окружение: вначале — это индустриальное общество, где существует большое число как промышленных рабочих, занятых ручным трудом, так и «белых воротничков»,

затем — постиндустриальное, где число промышленных рабочих гораздо меньше, но резко возрастает число «белых воротничков» и представителей умственного труда. На основании правдоподобного предположения, что представления человека о политической власти в наибольшей степени отражают ту роль, которую власть играет в его работе, этот паттерн различий в характере занятости и труда, сопряженных с социально-экономическим развитием общества, определяет конфигурацию сторонников различных политических взглядов среди не-элиты.

Можно выделить два основных взгляда на политическую власть, связанных с теми видами труда, о которых было сказано ранее и которые являются основой для политического поведения не-элиты и присоединения к сторонникам тех или иных политических позиций. Первый — *статусное отношение к власти*. Оно свойственно рабочим, которые либо считают, что для ежедневного выполнения своей работы они не нуждаются во власти, либо полагают, что в отношениях властвующий — подвластный они всегда принадлежат ко второй группе. Иными словами, статусное отношение отражает роль власти в автономном и также ручном промышленном труде. Занятые таким трудом рабочие рассматривают и оценивают власть с точки зрения наличия у человека, обладающего властью, личного права поступать таким образом, как он/она поступает в действительности. Они задаются вопросом, имеет ли человек, обладающий властью, социальный статус, который легитимизирует его или ее использование власти, и видят в использовании власти способ утвердить этот социальный статус. Например, крестьянин — издольщик или арендующий землю на каких-либо иных условиях понимает, но не обязательно соглашается с тем, что землевладелец стремится сохранить доходы, получаемые им от работы крестьянина на его земле, в виде части урожая или иным образом, в качестве функции своего землевладель-

ческого статуса. Точно так же занятый ручным трудом промышленный рабочий на сборочном конвейере часто спрашивает, оправдывает ли наличие статуса контролера или руководителя то, что его обладатели заставляют рабочих выполнять тяжелую монотонную работу и терпеть унижения.

Внимание людей, разделяющих такое отношение к власти на рабочем месте, неизбежно приковано к более широкому статусному порядку, существующему в обществе, и к различным точкам зрения относительно его легитимности. Политические пристрастия не-элит формируются вокруг этих точек зрения. Если статусное отношение доминирует среди не-элит, элиты, для получения поддержки со стороны не-элит, должны выработать и использовать идеологию, в основе которых лежат вопросы статуса. Санкционируют ли эти идеологии существующий статусный порядок, способствуют ли его значительной модификации или требуют его полного уничтожения, с аналитической точки зрения совершенно неважно. Важно то, что пока существует большое число представителей не-элиты, придерживающихся статусного отношения к власти, в основе политических предпочтений и расстановки политических сил лежит стремление уничтожить или сохранить существующий статусный порядок. Иными словами, можно сказать, что, когда общество находится на более низком уровне социально-экономического развития, и рабочая сила преимущественно состоит из занятых автономным и ручным трудом промышленных рабочих, политика пронизана статусными и классовыми идентичностями и конфликтами, до тех пор, пока они не вступают в противоречие с этническими, региональными или религиозными размежеваниями.

Второй тип отношения к власти — *административное отношение*. Оно свойственно т.н. белым воротничкам, т.е. административным и офисным работникам

и людям, занятым умственным трудом, которые видят в осуществлении властных полномочий важное и необходимое средство для постоянного и эффективного осуществления своих рабочих задач. Как было сказано ранее, это работающее население включено в имеющие высокую степень организации бюрократические структуры, которые зависят от принятия взаимозависимых решений, либо они вовлечены в прямое манипулирование и являются объектом манипулирования, поведением социально отдаленных клиентов и потребителей, которым они предоставляют личные услуги. Принимая во внимание, что бюрократические задачи и задачи по предоставлению услуг не могут быть реализованы без повсеместного, но осмотрительного и целенаправленного использования власти, это работающее население гораздо менее склонно расценивать специфические властные действия с точки зрения «права» тех, кто обладают властью, действовать соответствующим образом. Для них вопрос заключается не в том, соответствуют ли действия какого-либо лица его или ее личному статусу, но служит ли использование власти целям и задачам организации или отправления услуг.

Работники, разделяющие административное отношение к власти, не обращают внимания на легитимность статусного порядка, существующего в обществе. Такие работники полагают, что в любых рабочих условиях, сходных с их собственными, различные люди обладают различной полнотой власти, и по-другому в сложно организованных предприятиях и в социальных контекстах, в которых предоставляются безличные услуги, не может быть. Идеологически обоснованное утверждение, что только определенные типы индивидов, одаренные особыми личностными качествами и имеющие особые социальные черты, должны обладать максимальной долей власти, практически или совсем лишено смысла для «белых воротничков». Вместо этого они считают, что

власть должна быть распределена дифференцированно, и обладание ею конкретными людьми обусловлено случайным образом — менеджеры и контролеры, которых они любят или не любят, сменяют друг друга, и на место одних приходят другие. В этом отношении административное отношение к власти по своей сути несовместимо с идеологическими нападками или стремлением сохранить статусный порядок, существующий в обществе, поскольку люди, разделяющие такой взгляд на власть, не признают любое фиксированное статусом «право» обладать и применять власть или любое «верное» распределение власти и статуса в обществе.

На протяжении долгих периодов социально-экономического развития занятые автономным и ручным трудом промышленные рабочие составляют большинство. Соответственно политические позиции не-элит формируются в соответствии с представлениями о классовых различиях вдоль раскола на правых и левых. В частности, занятые ручным трудом промышленные рабочие обычно очень враждебно относятся к применению власти, и в обществе, в частности индустриальном, где их численность велика, заметно популярна бескомпромиссная эгалитаристская точка зрения, отрицающая легитимность существующего статусного порядка и требующая его уничтожения. За исключением этнических, региональных или религиозных идентичностей, которые искажают их взгляды, рабочие, занимающиеся сельским хозяйством и другим автономным трудом, также враждебно относятся к существующему статусному порядку, особенно в обществах, являющихся в значительной мере аграрными, в которых социальную верхушку формируют представители какого-либо привилегированного класса, например неработающая страта. Однако индустриализация ведет к сокращению числа занятых автономным трудом работников, так что уровень благосостояния тех, кто продолжает заниматься сельским хозяйством или ремесленни-

чеством и мелким производством, повышается. Поредевшие ряды фермеров и ремесленников менее однозначно оценивают легитимность существующего статусного порядка. С одной стороны, они выступают сторонниками осуществления жесткого контроля над занятыми ручным трудом промышленными рабочими, разделяющими эгалитаристские убеждения, поскольку их стремление уравнивать всех членов общества угрожает той небольшой собственности и скромному уровню благосостояния и независимости, которыми теперь обладают сократившиеся в численности фермеры и мелкие ремесленные производители. С другой стороны, эти фермеры и ремесленники негодуют по поводу жесткого контроля над их собственной рабочей деятельностью и задаются вопросом, каким образом его осуществление определено статусом.

Важно, чтобы этот абстрактный анализ стал более политическим в узком понимании. На более низких уровнях социально-экономического развития общества левые взгляды или точка зрения, сторонники которой выступают в пользу всеобщего уравнивания, потенциально преобладают среди не-элит. В чрезвычайных политических обстоятельствах это может привести к революционному свержению правительства и уничтожению военной дисциплины, сопровождающимся последующим хаосом и попытками ограничить возможности тех, кто прежде обладал властью и привилегиями. Такие уравнивательные революции возможны *только* на ранней стадии социально-экономического развития, но они чрезвычайно редки. Гораздо более распространена на этой стадии развития ситуация, когда массы крестьян и ремесленников не слишком злят посягательства со стороны представителей имущего и привилегированного высшего класса, и их фундаментальные левые и эгалитаристские политические предпочтения имеют в целом пассивный характер. Но политика становится бо-

лее взрывоопасной, когда общество переходит на индустриальную стадию развития. На этом этапе занятые ручным трудом бесчисленные промышленные рабочие последовательно придерживаются эгалитаристских убеждений и враждебно относятся к существующему статусному порядку. Столь же бесчисленные «белые воротнички» готовы согласиться с необходимостью в дифференцированном статусном порядке, даже если они не согласны со всеми его деталями. Сократившиеся в численности и теперь более или менее сравнимые занятые автономным трудом рабочие неоднозначно относятся к легитимности существующего статусного порядка. Возникает потенциальная вероятность, при появлении чрезвычайных политических обстоятельств, анти-эгалитаристского и, возможно, «фашистского» восстания, направленного на уничтожение сил, обещающих привести общество к всеобщему равенству. Однако чаще большая численность и политическое влияние незанятых ручным трудом «белых воротничков», возможно, неявно поддержанных занимающими неоднозначные позиции и резко поредвшими в численности занятыми автономным трудом рабочими, оказываются достаточными, чтобы удержать занятых ручным трудом промышленных рабочих, готовых к эгалитаристским по своей сути действиям, от захвата государственной власти. При проведении выборов сторонники таких убеждений и действий оказываются в проигрыше. В конечном счете, о чем будет более подробно сказано в конце работы, рост числа «белых воротничков», не занятых ручным трудом на постиндустриальной стадии социально-экономического развития, исключает вероятность глубоких политических изменений, которые потенциально возможны на более ранних стадиях развития общества.

Необходимо сделать две оговорки. Во-первых, необходимо соблюдать определенный порядок и принципы при изу-

чении и концептуализации изменений характера занятости населения и различных композиций типов рабочей силы, однако необходимость экономить место в статье не позволяет изложить здесь эти подходы (см. Филд, 1967, 37-38). Во-вторых, приведенный в этой работе анализ основывается на том, каким образом происходило политическое развитие в странах Европы, англо-американских обществах и Японии по мере их перехода от одной стадии социально-экономического развития к другой. На примере обществ, где социально-экономическое развитие происходило или по-прежнему происходит более медленно, в основном в странах Латинской Америки и в Азии, за исключением Японии, но также в ряде в основном маленьких стран, обладающих большими запасами нефти, стало очевидно, что современные производственные и коммуникационные технологии очень ускоряют превращение рабочей силы из включающей преимущественно занятых автономным трудом рабочих в формирующуюся в основном из незанятых ручным трудом «белых воротничков». В таких обстоятельствах, обусловленных происходящими ускоренными темпами изменениями и постоянными технологическими инновациями, численность занятых ручным трудом промышленных рабочих в одночасье падает, и, возможно, в связи с их меньшей численностью и стоящими перед ними более сложными рабочими задачами они (рабочие) занимают менее бескомпромиссные и враждебные позиции по отношению к существующим статусным порядкам. Основная политическая проблема в обществах, поздно вставших на путь социально-экономического развития, может соответственно состоять не столько в композиции типов рабочей силы, чей характер быстро меняется, сколько в способности этой рабочей силы абсорбировать резко возросшее не-элитное население — проблема, к которой необходимо будет вернуться в конце работы.

Взаимодействия элит и не-элит

Как было сказано в начале работы, предиктивные притязания общей теории политики должны иметь очень ограниченный характер, поскольку влиятельные политические акторы, элиты, часто способны совершить глубокие политические изменения без участия не-элит. Сделают ли они это, невозможно заключить на основании легко поддающихся количественному определению характеристик населения — не-элиты. Например, ни формирование, ни продолжительность существования идеологически единой элиты или элиты, единой на основе консенсуса, не зависят от не-элитных конфигураций. Предсказать возможность того, что та или иная единая элита создаст стабильные политические институты, возможно только на основании знания недавней истории развития элит. Отражает ли эта история длинную и дорого обошедшуюся, но, по существу, безрезультативную войну между фракциями расколотой элиты, которые впоследствии могут оказаться готовы заключить основополагающее соглашение по спорным для них вопросам? Пережили ли элиты в недавнее время столь тяжелое поражение, что это может неожиданно открыть перед хорошо организованной, но прежде находившейся на периферии политической жизни группой возможность захватить и консолидировать власть в революционной ситуации? Общая теория должна оставить некоторый лаг для таких возможностей, а также трансформаций элит, которые они вызывают.

Но может ли существовать «теория», где историческому событию предоставлено такое «пространство для маневра»? Разногласие заключается в том, что общая теория политики возможна *только* в том случае, если согласиться с этим ограничением. Это значит, что общая теория должна в основном касаться не того, что произойдет, или того, что может произойти, — и то, и другое, по существу, неизвестно, — но того, что *не* произойдет или то-

го, что *маловероятно*. В области политики эти знания не являются незначительными, и это, вероятно, большее, на что можно рассчитывать. Следующие утверждения о взаимодействии элит и не-элит могут иметь динамическую взаимосвязь для того, чтобы сделать возможными точные и существенные прогнозы тех политических событий, которые *не* произойдут или, по крайней мере, маловероятно, что они произойдут в данном обществе и в данное время.

Конфигурации не-элит, включающие две составляющие: отличительная композиция типов рабочей силы и сопутствующие сочетания различных отношений к власти — устанавливают параметры, которые ограничивают действия элит. Определенные конфигурации не-элит *предотвращают* определенные типы действий элит на различных стадиях социально-экономического развития обществ, но они не определяют, каковы будут действия элит на этих стадиях развития. На ранней стадии социально-экономического развития, например, конфигурация не-элиты такова, что она состоит в основном из занятых автономным трудом рабочих и небольшого числа промышленных рабочих, которые представляют собой только зарождающийся класс занятых ручным трудом промышленных рабочих. Все эти рабочие склонны враждебно относиться к использованию элитами власти, а нищета, в которой они живут, не вызывает у их страха перед уничтожением существующего статусного порядка в пользу всеобщего равенства. Это заставляет элиты, обращаясь к не-элитам за поддержкой, облекать это в форму религиозных и других традиционных убеждений и в форму левой, до определенной степени, и более или менее эгалитаристской идеологии. Если элиты действуют очень неумело или им не везет, то тогда политический режим может пасть, что спровоцирует эгалитаристскую социалистическую революцию, хотя можно рассчитывать на восстановление доминирования элиты в той или иной

форме после короткого промежутка времени.

На индустриальной стадии развития численность занятых автономным трудом рабочих, промышленных рабочих, занятых ручным трудом, и не занятых ручным трудом «белых воротничков» приблизительно одинакова. Несмотря на то что фермеры и ремесленники продолжают враждебно относиться к использованию элитами власти, тот факт, что многие из них живут в скромном достатке и владеют небольшой собственностью и малыми предприятиями, означает, что занятые автономным трудом рабочие в качестве сплоченной социальной группы более не восприимчивы и могут даже сопротивляться эгалитаристским уравнильным взглядам, разделяемым большим числом промышленных рабочих, занятых ручным трудом. Если правые политические элиты смогут должным образом мобилизовать занятых автономным трудом рабочих, многие из них солидаризируются с многочисленными «белыми воротничками», которые еще больше страшатся эгалитаристских уравнильных идей, готовые поддержать авторитарные и даже фашистские перевороты, целью которых является сохранение и расширение существующего статусного порядка и беспощадное подавление всех социалистических движений. Если в индустриальном обществе движение в сторону авторитарного или фашистского правления возможно, то что *невозможно*, так это то, что исключено конфигурацией не-элиты, а именно, успешная эгалитаристская революция. Вопреки предсказанию Маркса такие революции никогда не происходили в обществах с такой конфигурацией не-элиты.

Конфигурация не-элиты в промышленных обществах также исключает возможность неожиданного и намеренного урегулирования основных разногласий между различными фракциями, из которых состоят расколотые элиты. Относительная сложность индус-

триальных обществ превращает элиты в большую социальную страту, больше социально не изолированную от не-элит. Представители элиты многочисленны, и многие из них, впервые испытав потребность и готовые поддержать те или иные социально-политические взгляды, отдают предпочтение интересам массовых организаций и движений, которые они возглавляют. Маловероятно, что они станут вести закулисные переговоры, чтобы согласовать точки зрения и расстановку сил по принципиальным вопросам, при том что различные элитные фракции последовательно отстаивают влияние собственных точек зрения благодаря тому, что обращаются за поддержкой к не-элитам, а затем постараются добиться от всех или большинства членов элиты одобрения таких компромиссов. Более вероятно формирование несовершенно единой элиты, правоцентристские фракции которой смогут мобилизовать надежное большинство избирателей, готовых отстаивать существующий статусный порядок или его близкое подобие. Но это зависит от тех решений, которые элиты могут принять или не принять.

Следующее и основное утверждение состоит в том, что, однажды сформировавшись и придя к власти, элита, единая на основе консенсуса, уверенно пролонгирует собственное существование независимо от конфигураций не-элиты. Иными словами, элита, единая на основе согласия, более весома, чем не-элита.

Элиты и не-элиты в постиндустриальном обществе

На постиндустриальной стадии развития численность «белых воротничков» настолько возрастает, что они являются членами практически каждой «нуклеарной» семьи. Благодаря этому, а также получению ими образования, приобретению коммуникационных навыков и престижу профессии свойственное им административное отношение к власти получает широкое распространение в обществе, так

что статусное отношение к власти значительно сократившегося числа занятых автономным трудом рабочих и промышленных рабочих, занятых ручным трудом, становится едва заметным.

Вопрос заключается в том, каким образом элиты и не-элиты влияют друг на друга в постиндустриальном обществе. Первоначально постиндустриальные условия, по-видимому, способствуют укреплению политической стабильности, обеспеченной элитами, едиными на основе консенсуса. Это объясняется тем, что численное преобладание «белых воротничков» приводит к размыванию классовых границ и ослабляет традиционную поддержку тех или иных политических сил среди не-элиты. Следовательно, необходимость прибегать к политическим идеологиям, таким как социализм и либерализм, как элиты поступали раньше, для того чтобы оправдать свой статус, политические взгляды и управленческие действия, теперь заметно снижается. Политический дискурс элит смещается к обсуждению таких тем, как обеспечение материального благополучия и развитие государства всеобщего благосостояния, в чем видят способ справиться с существующими на протяжении всей истории человечества недовольствами и проблемами. Наблюдатели охотно говорят о «конце идеологии», тезисе, который, вероятно, лучше всего рассматривать в роли рационализатора оптимистичных взглядов на постиндустриальную эпоху, особенно как она видится с выгодных позиций, занимаемых элитами и суб-элитами. При высоком уровне производительности и практически несуществующей безработице, отсутствии серьезных экономических кризисов, резко сократившемся рабочем классе, жизненные стандарты представителей которого быстро приближаются к стандартам среднего класса, и отсутствии каких-либо иных крупных и очевидно недовольных групп населения среди не-элит возникает значительная гармония. Элиты придерживаются куда

более ярко выраженного административного подхода и выражают самодовольное убеждение, что одно только «справедливое» отношение к отдельным людям и группам будет способствовать бесконечному продолжению социального прогресса и поддержанию социального спокойствия.

В 1970-е годы еще не было возможности убедиться, какими будут первые результаты наступления постиндустриализма в обществах, где существовали идеологически единые, несовершенно единые и, вдобавок, расколотые элиты. Переход к постиндустриальной стадии развития мог привести к тому, что идеологически единая элита превратилась бы в элиту, единую на основе консенсуса, в результате размывания различий между не-элитами и очевидного устаревания официальной идеологии элиты. Но, учитывая также и то, что элита, единая на основе консенсуса, не обязательно способствует установлению демократической системы, эта трансформация идеологически единой элиты, вероятно, не привела бы к созданию демократического режима западного образца. На протяжении значительного периода времени общество просто проявляло бы толерантность по отношению к соревнующимся элитным фракциям. К началу 1970-х годов существовала реальная вероятность того, что несовершенно единые элиты превратятся в элиты, единые на основе консенсуса, после достижения в полной мере постиндустриальной стадии развития, поскольку бескомпромиссные политические позиции, левого или крайне правого толка, разделяемые диссидентскими фракциями элит, постепенно утратили бы поддержку среди не-элиты. Однако не было основания предполагать, что в обществах, которые достигли постиндустриальной стадии развития, когда их элиты были расколоты (такowymi оказались лишь несколько обществ, большинство из которых — небольшие автократии с крупными запасами нефти), эти элиты неожиданного

превратятся в элиты, единые на основе консенсуса.

Есть ли основания считать, что в обществах, где уже существуют или могут в скором времени сформироваться элиты, единые на основе консенсуса, эти элиты являются неизменным признаком постиндустриальных обществ? Есть некоторые основания в этом сомневаться. Со временем более высокий уровень гармонии среди не-элит и степень самовольства элит, а таковы первые результаты достижения постиндустриальной стадии развития, начинают снижаться. Ухудшение социальных условий становится очевидным в городах; бедность, с которой, кажется, невозможно справиться, распространяется в городских трущобах и сельском захолустье; в поведении многих молодых людей, происходящих из привилегированных семей, становятся очевидными значительное отчуждение и недовольство. Эти явления позволяют предположить, что развитие постиндустриального общества с политической точки зрения окажется в дальнейшем более сложным. Почему?

Постиндустриальная конфигурация не-элиты является во многих отношениях конечной точкой социально-экономического развития. Это завершающая стадия эволюции характера занятости рабочей силы, от преимущественно занятых автономным трудом рабочих на первоначальной стадии развития до не занимающихся ручным и неквалифицированным трудом «белых воротничков». Маловероятно, что вслед за постиндустриальной стадией наступит следующая стадия социально-экономического развития, если рассматривать ее с точки зрения появления новых основных видов труда и соответственно нового типа занятости. Если постиндустриальная рабочая сила с этой точки зрения является концом социально-экономического развития, необходимо задать вопрос, смогут ли общества, достигшие соответствующей стадии, оставаться жизнеспособными с политичес-

кой точки зрения, не чувствуя прогресса и не испытывая надежды, что всегда было порождением исторического развития. Проще говоря, могут ли постиндустриальные общества бесконечно «стагнировать» с точки зрения характера рабочей силы, не став ареной крупных политических восстаний?

Возможно, элиты, единые на основе консенсуса, тем или иным образом найдут способы сделать по существу стагнирующее, нежели эволюционирующее состояние рабочей силы приемлемым для большинства не-элит. Элиты могут оказаться достаточно изобретательными для того, чтобы разрешить противоречия, по своей сути требующие сугубо интеллектуального осмысления и являющиеся следствием данного аспекта постиндустриального развития. Но препятствием для решения этих противоречий служит возросшая эмпатия между элитами и не-элитами. Преобладание «белых воротничков» ведет к смещению прежде отдельных социальных страт. Люди входят в состав элиты, исходя из не-элиты, чаще и проще, чем это происходит в более жестко стратифицированных обществах на более ранних стадиях развития. В результате немалое число представителей элиты считают себя «одним из них» применительно к не-элитам, среди которых у них часто есть близкие личные товарищи и к которым они испытывают значительную эмпатию. Эти близкие и эмпатические связи с не-элитами помогают добиться того, что представители элиты способны предложить лучшие меры, которые хотя бы частично удовлетворят требования и желания не-элиты. Но что может произойти, если умиротворить не-элиты окажется невозможным? По-видимому, элитам будет гораздо сложнее предпринять действия и принять меры, от обмана до предотвращения не-элитам, вплоть до прямых репрессий, которые вызовут гораздо больше недовольства. Можно только предполагать, что элиты, единые на основе консенсуса, сумеют справиться с политически-

ми сложностями, вызванными возросшей эмпатией элит к не-элитам в постиндустриальных обществах, благодаря тому что природа этих сложностей достаточно очевидна и понятна. Несмотря на свое прошлое, которое может быть каким угодно, и свои разнообразные связи с не-элитами, элиты могут проявить значительное коллективное самосознание в отношении своих особых обязанностей и своего положения.

Но невозможно придерживаться столь же оптимистической точки зрения на другую, еще большую сложность, с которой сталкиваются элиты в постиндустриальном обществе. На всех более ранних стадиях социально-экономического развития целью политического действия в целом не было поддержание большинства людей постоянно вовлеченными в выполнение необходимой работы. В основном наличия определенных, давно усвоенных взглядов и привычного социального контроля, обеспечиваемого соседями и коллегами по работе, было достаточно. Однако в постиндустриальном обществе такой тесный социальный контроль, наравне с большинством религиозных и других традиционных систем верований, слабеет или исчезает. Более того, на более ранних стадиях социально-экономического развития большинство людей неустанно работали для того, чтобы предотвратить возможные ужасные жизненные ситуации — увольнение, выселение из дома, лишение собственности, голод и т.д. Значительная часть людей работала не прекращая, поскольку они не без основания могли верить, что, поступая таким образом, их немалые личные амбиции могут быть реализованы. В этих ранних обществах только небольшое число пользующихся специальными преимуществами людей — в основном отпрыски или друзья богатых и влиятельных людей — не имело мотивации постоянно работать, и они были склонны празднично проводить время, потакая своим желаниями и по возможности своим эстетическим потребностям.

Нетрудно заметить, что число людей, не имеющих мотивацию постоянно работать, заметно возрастает в постиндустриальном обществе, когда люди живут в материальном достатке, а элиты, благодаря сопереживанию и эмпатии, потакают неэлитам. Бессмысленно игнорировать этот факт, утверждая, что благодаря современным технологиям потребность в человеческом труде резко снизилась. Ни в одном обществе ответственную работу не готовы дробить на множество мелких участков. Некоторые задачи по-прежнему должны — и, вероятно, всегда должны — выполняться с особой тщательностью, старанием и предусмотрительностью, а те, кто их выполняют, не позволят большому числу совершенно бесполезных людей, какую бы декоративную роль они ни выполняли, пошлеть значимое поощрение за то, что они в действительности бесполезны. Разделение между усердными и бесполезными сотрудниками является свидетельством нарастающего конфликта между отдельными сегментами не-элиты, хотя пока неясно, приобретет ли это противостояние размах, с которым элиты, единые на основе консенсуса, окажутся не в состоянии справиться.

Что может достичь политика?

Теория политики, изложенная в этой работе, многим придется не по вкусу, поскольку она исключает возможность существования более идеальных целей и результатов, о которых постоянно говорят в интеллектуальной среде и в СМИ и в отношении которых ученые — представители социальных наук в современных западных обществах делают некие расплывчатые прогнозы. В рамках данной теории нет места для идеализированных представлений о демократии или социальной революции, равно как и для распространения новых ценностей, которые располагают человеческие существа к последовательному и полному альтруизму. Человеческие конфликты неизбежно ослабляют социальное единство и созда-

ют политические проблемы, с которыми элиты должны постараться справиться, приложив все свои силы. Если в конечном счете политика определяется как усилия по поддержанию некоего практически достижимого уровня социального мира путем непрерывного и весьма искусного улаживания конфликтов, которые постоянно возникают в обществах, то в таком случае политика никогда не станет настолько эффективной, чтобы уничтожить необходимость в самой себе.

Какой смысл участвовать в политике, которая никогда не закончится? На этот вопрос можно ответить, только исходя из ситуации, сложившейся в жизни отдельного человека. Человек, являющийся эффективным членом той или иной элиты, не имеет выбора, поскольку его или ее жизнь неразрывно связана с политикой. Чтобы ни сделал какой-либо представитель элиты, это оказывает некоторый эффект на только зарождающиеся или уже существующие в обществе конфликты путем перераспределения чего-то, что имеет ценность в соответствующем обществе, между конфликтующими группами и способствуя или, наоборот, препятствуя различным группам оказывать давление для того, чтобы добиться уступок. Член элиты редко серьезно спрашивает себя, имеет ли политическое действие смысл, поскольку он или она знает, что некоторые вещи в мире меняются, хотя бы очень незначительно, в результате выбора, который он или она совершает.

Участие в политической деятельности представляет большую проблему для выдвиженца из не-элиты. Такой человек может только незначительно переформировать проблемы, с которыми сталкиваются элиты. Шансы занять место в элите малы. Зачем в таком случае действовать в соответствии с требованиями политики? Этот вопрос, чаще да, нежели нет, отвечает сам за себя. Представитель не-элиты, чьи профессиональная деятельность и частная жизнь приносят ему достаточное

удовлетворение, не склонен много размышлять о серьезном участии в политической деятельности. Представитель не-элиты чья жизнь в некотором отношении, находится под угрозой из-за текущих обстоятельств, или тот, кто ограничен неадекватными характеристиками той социальной группы, к которой он или она принадлежит, и отчаялся, — такой человек ищет возможность участвовать в политической деятельности. Можно ли считать удовлетворительным тот факт, что человек начинает активно заниматься политикой, поскольку это единственный способ избежать потенциальных жизненных катастроф или улучшить свою судьбу?

Если человек не испытывает тяги к занятию политикой или он не получает личного удовлетворения от занятия политической деятельностью, то бессмысленно участвовать в политике, исходя только из чувства долга. Это объясняется тем, что внимание к политическим вопросам не может быть нормировано, как можно ограничить пожертвования на благотворительность или в пользу церкви, просто уделив политическому участию минимальную долю внимания, чего, как может показаться, требует «честное исполнение гражданского долга». Те, кто занимается политикой для удовлетворения своих глубоких потребностей и внутреннего давления, или даже те, кто занимаются ею ради забавы и удовольствия, всегда вкладывают в это безмерно много усилий и времени, которые необходимы для того, чтобы преуспеть в политике. Те политические игроки, которые руководствуются внутренней тягой к этой сфере деятельности, или даже те, кто участвует в политике ради забавы, обязательно перехитрят и добьются преимуществ у тех, кто

исполнен сознания собственного долга, но попал в политику случайно.

Тем не менее, политическая деятельность часто приносит удовлетворение людям, которым нравится сознавать, что они вносят определенный вклад в упорядоченное и гуманное общество. По крайней мере, их суждения и умения влияют на некоторые мельчайшие аспекты функционирования общества, в котором они живут. Но это предполагает существование элиты, единой на основе консенсуса, или, по крайней мере, несовершенно единой элиты, которой удалось создать и сохранить стабильные политические институты. При всех иных условиях политика — это обязательная и опасная деятельность. За поддержку проигравшей стороны конфликта нередко приходится расплачиваться собственной жизнью. Также не существует ни одного способа, видимого через призму данной теории, с помощью которого обычные граждане могли бы изменить эту жуткую, но с исторической точки зрения совершенно нормальную политическую ситуацию в пользу более безопасной и более мирной. Однако выводы, сделанные в рамках этой теории, нельзя назвать совсем безрадостными. Они совместимы с той точкой зрения, что люди, элиты или не-элиты могут действовать последовательно в соответствии с тем, что в настоящее время допускает политическая природа вещей. Хотя мы можем быть достаточно уверены, что некоторые вещи, которые мы себе представляем и которые, по крайней мере, некоторые из нас хотели бы видеть свершившимися, не произойдут, границы политики и границы, которых может достигнуть политическое действие, по-прежнему достаточно широки.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ РАЗНЫХ СТРАН: ПРОЕКТ ДЕЛБЕРТА МИЛЛЕРА

В.Г. Ледяев

Исследование Делберта Миллера (Miller, 1970) занимает особое место в истории изучения власти в городских сообществах: оно представляло собой *первую попытку сравнительного анализа власти в городских сообществах разных стран*. Как и другие сравнительные исследования второй половины 1960-х — первой половины 1970-х годов¹, исследование Миллера претендовало на обобщения знания о преобладающих типах структуры власти в различных городских общностях и выработку оптимальной конфигурации методов изучения власти, вокруг которых велась интенсивная полемика в политической науке и социологии.

С позиций сегодняшнего дня в этих дискуссиях интересны прежде всего споры по поводу проблематики и методов исследования. В эмпирических штудиях того периода зависимость результатов от используемой методологии была очевидной, что стимулировало дальнейший поиск наиболее адекватных аналитических инструментов. Собственно говоря, вся история эмпирических исследований власти в городских и территориальных сообществах² представляет собой череду непрекращающихся попыток усовершенствовать методологию исследования. Накопленный мировой наукой опыт чрезвычайно важен для отечественной политической науки и социологии, по-прежнему занятых поиском оптимальных стратегий изучения власти городского и регионального уровня. Растущий кор-

пус эмпирических исследований (В. Авдонин, Р. Галлямов, О. Гаман-Голутвина, В. Гельман, А. Дука, Н. Лапина, А. Понеделков, Д. Сельцер, А. Старостин, А. Чирикова и др.) остро ставит вопрос об осмыслении этого опыта и адаптации его к российским политическим реалиям. В этом контексте исследование американского социолога Д. Миллера представляет безусловный интерес и заслуживает внимательного изучения.

Хотя сравнение отдельных аспектов городской политики и власти в различных странах имело место и до исследования Миллера, именно его проект изучения структуры власти в четырех городах многие считают пионерной (Fried, 1971; Daland, 1971). Фактически исследование началось в 1950-х годах, сначала в двух городах — Сиэтле (США) и Бристоле (Великобритания) (Miller, 1958). Затем в 1960-е годы объектами исследования также стали два латиноамериканских города — Кордоба (Аргентина) и Лима (Перу). Таким образом, общий исследовательский проект Миллера включает в себя три связанных между собой сравнительных исследований: (1) Сиэтла, Бристоля и Атланты³, (2) Кордобы и Лимы и (3) Сиэтла, Бристоля, Кордобы и Лимы. Данная структура работы вполне естественна и отражает логику и хронологию исследования. Вначале были изучены города, представляющие традиции западной культуры, имеющие

¹ Этот период Т. Кларк назвал «компаративной революцией» (Clark, 1968: 5).

² Подробнее об истории изучения власти в городских сообществах см.: Ледяев, 2005.

³ Сам Миллер непосредственно изучал два города, однако в своем анализе он использовал и данные по Атланте (США), полученные в исследовании Ф. Хантера (Hunter, 1953) (подробнее об исследовании Хантера см.: Ледяев, 2002).

общий язык, приблизительно одинаковый уровень индустриального развития и ряд других общих социальных характеристик. На втором этапе Миллер исследовал Кордобу и Лиму, которые посчитал наиболее показательными представителями латиноамериканской цивилизации; они также имеют общий язык, религию, исторические и семейные традиции. При этом латиноамериканские города по целому ряду параметров оказались схожими с американским и английским городами⁴, что в итоге и позволило сравнить структуру власти во всех четырех городах.

Методология и цели исследования.

По мнению Миллера, изучение власти в городских сообществах имеет две основные цели: «раскрыть структуру власти в общности⁵ и показать, каким образом она действует и почему действует именно так» (Miller, 1970: 22). Для реализации этих целей Миллером используется развернутая модель власти, включающая в себя пять тесно взаимосвязанных между собой основных элементов: (1) институциональную структуру власти в обществе, характеризующую распределение власти между социальными институтами; (2) институциональную структуру власти в социальной общности, отражающую распределение власти между местными институциями; (3) комплекс власти в общности (the community power complex), представляющий собой конфигурацию организаций, ассоциаций и неформальных групп, участвующих в решении по тем или иным проблемам;

(4) влиятельных людей городской общности (top influentials), обладающих наибольшей властью и оказывающих существенное влияние на процесс принятия решений; (5) самых влиятельных (key influentials) — лидеров среди наиболее влиятельных.

Поскольку институциональная структура общества оказывает существенное влияние на природу и характер власти в общности, Миллер обращает специальное внимание на роль базовых институтов и структур, к которым он относит бизнес и финансы, государственные структуры, профсоюзы, военный и религиозный сектор, систему образования, институты культуры и искусства и др. Миллер исходит из того, что институциональные сектора заключают в себе определенные потенциалы власти и влияния, зависящие от объема ресурсов сектора, степени их политической мобилизации и эффективности использования. Институциональная структура власти в городской общности в целом соответствует институциональной структуре власти в обществе, что, в свою очередь, определяет властные ресурсы и возможности конкретных акторов городской политики — наиболее влиятельных организаций и лидеров городской общности; их конфигурация и позиции во многом зависят от места, занимаемого институциональным сектором во властной структуре общности.

Данные гипотезы и стали предметом эмпирической проверки в четырех городах разных стран. При этом акцент на структурных (институциональных) факторах позволил, по мнению Миллера, избежать сведения изучения власти к изучению лидерства и/или процесса принятия решений, которые, будучи важными сами по себе, не исчерпывают всей полноты анализа власти (Miller, 1970: 13–14). Тем самым Миллер пытается вписать властные отношения в общий контекст функционирования социальной общности, в котором осуществляется сложное взаимодействие экономической, политико-государственной и социальной основ

⁴ Города были выбраны с учетом их схожести по трем базовым критериям: (1) числу жителей, (2) уровню индустриализации и (3) экономической основе. Он также считал, что изучаемые городские общности должны быть достаточно большими с четко структурированными институциональными секторами во всех сферах социальной жизни и проблемами, типичными для современного индустриального города (Miller, 1970: XVIII).

⁵ Власть в социальных общностях — это «сеть влияний (network of influences), обусловленных всеми решениями, имеющими значимые для общности последствия» (Miller, 1970: 6).

общности с властной структурой. Их вариации и характер взаимодействия обуславливают и различия во властной структуре общностей (см. рис. 1).

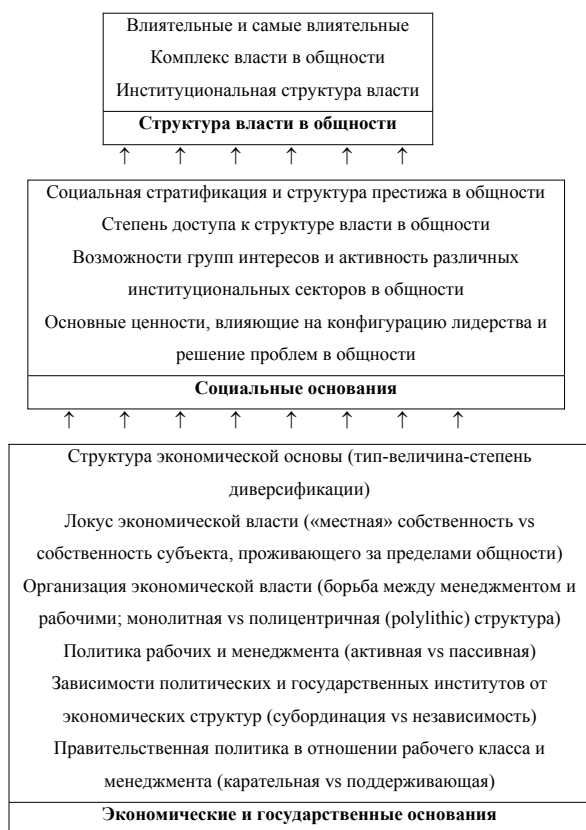

Рис. 1. Совокупность основных переменных социальной общности, отражающих взаимодействие экономических, государственных и социальных оснований и структуры власти в общности (Miller, 1970: 23)

Комментируя схему данного взаимодействия, Миллер подчеркивает, что анализ функционирования экономических оснований власти требует изучения состава, места расположения и характера организации экономической власти, а также влияния на нее со стороны профсоюзов и местных органов власти. Экономическая основа общности может существенно варь-

ироваться в зависимости от степени диверсификации экономики и соотношения ведущих отраслей городского хозяйства, наличия или отсутствия крупных город-

ских собственников, проживающих за пределами города, сравнительного потенциала влияния и активности управленческих структур и организаций работников и др. Далее основные характеристики экономической сферы общности должны быть соотнесены с социальными характеристиками общности, важнейшими из которых являются параметры стратификации, степень доступа к структуре власти общности, конфигурация основных интересов и активности различных институциональных секторов, основные ценности, предопределяющие выбор лидеров и результаты принятия решений. Эти факторы отражают сравнительные возможности разных классов и социальных групп, их электоральный потенциал и ресурсы политического влияния, определяют систему ценностей различных групп, основания партийно-политического

кливиджа, состав различных организаций общности и др. (Miller, 1970: 23–26).

Особую роль в развитии социальных общностей Миллер связывает со следующими факторами: «рост и упадок бизнеса, его централизация и децентрализация, перемещение собственности, возникновение новых организаций и функций, появление и обсуждение новых идей, разрушение традиционных ценностей». Рассматривая роль этих факторов на примере Бристоля, Миллер подчеркивает, что ни один из них сам по себе не в состоянии объяснить характер и динамику структуры власти в общности, а вся совокупность

факторов может вызывать самые различные ее вариации. Однако если иметь данные по всем этим факторам, то «можно нарисовать властную структуру общности с большой степенью адекватности» (Miller, 1970: 26–28).

Миллер считает, что структура власти в городских сообществах может существенно варьироваться, находясь в достаточно широком континууме от «монолитных (олигархических) до плюралистических (аморфных)». Миллер предлагает пять основных типов (моделей) власти в общности:

1. *Пирамидальная структура власти с сильной концентрацией власти в руках одного лица.* Такие структуры часто возникают в моноиндустриальных городах, где нет альтернативных центров власти. Подобный тип был описан Р. и Х. Линд в своем первом исследовании в Миддлтауне (Lynd and Lynd, 1929).

2. *Пирамидальная структура власти во главе со сплоченной группой.* В отличие от первого типа властвующая элита полностью не контролирует все ключевые аспекты городской жизни города, а другие группы могут бросить ей вызов. Пример — структура власти в Миддлтауне в период второго исследования (Lynd and Lynd, 1937).

3. *Стратифицированная пирамидальная структура.* В городской политике доминируют представители местной социальной аристократии; промышленники, коммерсанты, финансисты и управляющие крупных предприятий преобладают в группах лидеров второго, третьего и четвертого эшелонов. Такая структура власти была обнаружена Ф. Хантером в Атланте (Hunter, 1953).

4. *Кольцевая или конусная модель.* Для нее характерно наличие гетерогенного бизнес-сектора и серьезных противоборствующих группам в лице профсоюзов, церкви, оппозиционной политической партии; имеет место автономия институциональных секторов и отсутствует единый центр принятия ре-

шений. Данному типу полностью соответствует структура власти, обнаруженная самим Миллером в Бристоле.

5. *Сегментированные властные пирамиды.* Власть в обществе формируется вокруг линий партийного размежевания; имеют место конфликт и борьба за власть между правыми и левыми радикальными политическими партиями. Миллер полагает, что данный тип структуры власти распространен в Латинской Америке (Miller, 1970: 15–16).

Для определения структуры власти в каждой городской общности и объяснения факторов и причин, обусловивших ее характер и особенности, Миллер последовательно решает семь конкретных задач. Главная задача исследования — *определение наиболее влиятельных (1) лидеров, (2) организаций, (3) институциональных секторов городской общности и степени их влияния.* Для ее решения он использует комбинацию трех основных методов выявления субъектов власти⁶, отмечая, что все уровни власти — позиционный, репутационный и решенческий — важны для объяснения структуры власти. Однако он отдает приоритет *репутационному методу*, поскольку тот выявляет наиболее стабильные и повторяющиеся паттерны лидерства. Выявление позиционных лидеров позволяет продемонстрировать потенциальную властную структуру и является способом проверить адекватность

⁶ Традиционно для определения субъектов политической власти использовались три метода: позиционный, репутационный и решенческий. Позиционный метод в качестве субъекта власти рассматривает индивида или группу людей, занимающих определенные статусные позиции в формальной социальной иерархии. Репутационный метод определяет субъектов политической власти на основе их репутации, т.е. субъективного мнения респондентов (экспертов) об их возможностях влиять на политические процессы в общности. Решенческий метод относит к субъектам политической власти тех людей, которые оказывают наибольшее влияние на процесс принятия политических решений (Подробнее о методах власти см.: Ледаев, 2004).

списка репутационных лидеров⁷. Миллер использовал хантеровскую формулировку основного репутационного вопроса: «Если бы был проект, требующий решения группы лидеров (чье лидерство принимается практически всеми членами общности), то каких 10 человек из 40 Вы бы выбрали?» Чтобы несколько нивелировать недостатки репутационного подхода, испытывающего трудности с выделением определенного типа лидеров⁸, Миллер использует и иные версии репутационного вопроса. В частности, в Лиме он просил респондентов выделить наиболее влиятельных лиц, осуществляющих *инициацию, поддержку и запрещение* действий, оказывающих влияние на решение важных для общности проблем (Miller, 1970: 17). При этом репутационный метод был использован для выявления не только лидеров, но и определения наиболее влиятельных организаций и институтов городской общности.

Второй задачей была *проверка валидности полученных результатов*. Поскольку репутационный метод подвергся критике за то, что он не может продемонстрировать *осуществление власти*, Миллер «проверял» результаты, полученные репутационным методом путем изучения участия репутационных лидеров в принятии решений, деятельности различных организаций, с помощью выявления и анализа их лидерских качеств и т.д.

Третья задача исследования — *выявление наличия или отсутствия клика и степени солидарности наиболее влиятельных акторов*. Это самая сложная задача, стоящая перед исследователями власти в городских общностях. Наиболее адекват-

ным способом получения информации для ее решения Миллер считает использование открытых вопросов, которые он задавал квалифицированным информантам. В итоге во всех городах лидеры были ранжированы по уровню их знакомства друг с другом.

Четвертая задача — *анализ институциональных связей*. Миллер предположил, что институциональные связи играют особую роль в латиноамериканских городах в связи с пересечением интересов церкви, военного и экономического секторов. Кроме того, он счел необходимым проанализировать паттерны семейных связей и цепочки «отцы — сыновья».

Пятая задача — *определение модели власти в общности*. На основе анализа сравнительного влияния различных институциональных секторов, уровня солидарности лидеров общности и характера институциональных связей Миллер определяет, какая из пяти предложенных им моделей власти наиболее соответствует структуре власти в каждом городе.

Шестая задача — *выявление установок, норм и ценностей, которые влияют на принятие решений*. В их числе: ценность демократии, степень консенсуса относительно общих целей развития общества, классовое самосознание, отношение к экономической и социальной системе, гражданскому участию, частной и общественной собственности и др.

Наконец, седьмая задача — *характеристика социальной системы, в которой формируется структура власти в общности*. При изучении власти в четырех городах Миллер акцентировал внимание на различиях экономических, социальных и культурных оснований структур власти, обуславливающих специфику власти в каждом городе (Miller, 1970: 17–21).

Результаты исследования, изложенные Миллером в 3–15-й главах книги, представлены им в два этапа. Вначале он последовательно излагает результаты сравнительного анализа структуры власти в (а) Сиэтле и Бристоле и (б) Кордобе и Ли-

⁷ Миллер предположил, что большинство репутационных лидеров одновременно являются и позиционными лидерами, но не наоборот.

⁸ Миллер признает, что метод часто не обнаруживает «одиночек», «противоречивых лидеров», «метеоров», а также лидеров, участвующих в решении вопросов, инициированных государственными структурами (Miller, 1970: 17).

ме; затем делает общий сравнительный анализ всех четырех городов. Мы сразу перейдем ко второй части.

Сравнительный анализ Миллер начинает с рассмотрения *институциональной структуры власти* в четырех городах, в частности с ранжирования различных

институтов по степени их влияния на социальные процессы в городских общностях. Как показывает таблица 1, в числе пяти наиболее влиятельных институтов во всех городах обязательно присутствовали бизнес-сектор, местные власти (local government) и рабочее движение (labor).

Таблица 1. Сравнительные ранги влияния наиболее влиятельных институтов в Сизтле, Бристолье, Кордобе и Лиме (Miller, 1970: 205)⁹

Сизтл	Бристоль	Кордоба	Лима
Бизнес и финансы Местные власти Рабочее движение СМИ Образование	Местные власти Бизнес и финансы Политические партии Рабочее движение Образование	Религия Бизнес и финансы Местные власти Рабочее движение Военные	Местные власти Политические партии Бизнес и финансы Военные Рабочее движение

⁹ Ранжирование было сделано на основе использования репутационной техники.

В Сизтле основания социальной общности имеют глубокие корни в институте свободного предпринимательства. Сильный бизнес-сектор, оказывающий значительное влияние на структуры местной власти, — это определяющий фактор городской политики, в которой приоритет отдается экономическому развитию; профсоюзы интегрированы в систему, принимая ее основные приоритеты и поддерживая стремление бизнеса избежать роста государственного вмешательства в свои дела; СМИ и партии полностью разделяют основные ценности сложившейся системы.

В Бристолье обнаружено явное доминирование публичных политических институтов. В центре структуры власти — Лейбористская партия; городской Совет проводит умеренную социал-демократическую политику, развивая общественные услуги. Бизнес остается сильным актором, поскольку в экономике преобладают частные предприятия, а его лидеры занимают высокие места в социальной иерархии.

В Кордобе особую роль играет религиозный сектор: католическая церковь имеет влияние во всех институтах города и

активно участвует в деятельности политических партий, образовательной политике, общественной жизни города. Другой важной политической силой являются военные, что весьма характерно для городов Латинской Америки. В целом лидеры основных секторов города — руководители местной власти, бизнеса и церкви — разделяют ценности частной собственности и видят угрозу благосостоянию общности в «коммунизме» и «перонизме».

Важная роль военных была обнаружена Миллером и в Лиме. В обеих странах военные обладали возможностью непосредственно прийти к власти, в случае если экономическая или политическая нестабильность поставит под угрозу нормальное функционирование общества; население рассматривает военных как легитимную, но преходящую силу. Будучи у власти, они опираются на гражданских лиц и весьма чувствительны к требованиям восстановления представительного правления. После возвращения власти гражданскому правительству они сохраняют за собой роль «сторожевой собаки»; при этом подразумевается, что де-

тельность гражданской администрации должна получить одобрение военных. В последнем случае гражданские имеют широкий диапазон самостоятельности, который сохраняется при успешном выполнении ими своих функций. Однако в отличие от Кордобы, где в момент исследования правила военные, в Лиме политическая система оставалась демократической с высокой ролью политических партий в принятии важнейших решений. Именно партийные лидеры признавались самыми влиятельными в городе. Бизнес и военные стремились ограничить инфляцию и «коммунизм»; их главная цель состояла в том, чтобы развивалось частное предпринимательство. Потенциал влияния рабочих был обусловлен их главным ресурсом — возможностью прибегнуть к забастовке; проводником их интересов была партия Американский народный революционный альянс (APRA, American Popular Revolutionary Alliance), имевшая наибольшее число мест в высшем законодательном органе страны (Miller, 1970: 205–207).

Сравнивая все четыре города, Миллер приходит к выводу, что наиболее важной общей характеристикой городов является *приверженность частному предпринимательству*. Сохранение и развитие свободного предпринимательства способствовало развитию городов, обеспечивало рост рабочих мест с высокой оплатой труда и стимулировало увеличение доли среднего класса. Государственные предприятия оставались в меньшинстве не только вследствие экономического и политического давления со стороны могущественных групп интересов, но и в силу ряда проблем, с которыми они сталкивались во всех городах (коррупция, низкая эффективность, слабая трудовая мотивация, рост налогов и др.) и которые хорошо осознавались населением.

Во всех городах *значительным потенциалом власти обладали рабочий класс и поддерживаемые им политические партии*; они являлись главным противовесом эко-

номической элите. Когда рабочие партии оказывались у власти, влияние рабочих существенно возрастало и обычно результировалось в расширении социальных услуг.

Наиболее существенная разница между городами была обусловлена различной ролью военных: если в Сиэтле и Бристоле правление военных не рассматривалось даже как эвентуальная возможность, то в Кордобе и Лиме их влияние постоянно ощущалось, а в периоды дезорганизации социальной жизни непосредственный приход военных к власти оказывался ожидаемым. Другие различия между городами Миллер связывает со спецификой социальной стратификации и разными конфигурациями ресурсов акторов, в силу которых политическое влияние «по-разному фильтруется через традиционные установки и ценности» (Miller, 1970: 207–208).

Следующим шагом в сравнении властных отношений в четырех городах стал *анализ комплекса власти* — конфигурации организаций, ассоциаций и неформальных групп, участвующих в решении тех или иных проблем. Для этого Миллером выделяются (1) наиболее влиятельные организации и (2) набор важнейших городских проблем, ставших предметом политических дискуссий.

В Сиэтле наиболее влиятельными оказались организации бизнеса и СМИ (Торговая палата, Муниципальная лига, Боинг, Первый национальный банк Сиэтла, Таймс Сиэтла и др.). Практически все представители Торговой палаты и Муниципальной лиги являлись выходцами из бизнеса или независимых профессионалов; Боинг, Первый национальный банк Сиэтла, две наиболее влиятельные газеты оказывали материальную, организационную и информационную поддержку многим проектам и активно участвовали в формировании общественного мнения, определяя, что является благом для городской общности. Оппозицию бизнесу составляли профсоюзы, Демократическая партия и Католическая церковь — осо-

бенно в вопросах, касающихся права на труд, забастовок, налогообложения и т.п.

В Бристоле значительным политическим влиянием обладали лейбористы и организации рабочих; при этом степень их доминирования, по оценкам Миллера, была как минимум сопоставима с доминированием бизнеса в Сиэтле. Им оппонировали организации бизнеса и некоторые городские организации. Однако в целом общественно-политические организации в Бристоле играли менее важную роль в формировании общественного мнения, чем в Сиэтле, поскольку центром власти в городе был городской Совет, в котором решающую роль играл партийный фактор; именно партийные организации обладали наибольшим потенциалом власти и влияния на важнейшие решения в городе.

Еще менее значимую роль играли общественно-политические организации в Кордобе. Фактически городом управлял человек, назначенный правящей военной хунтой, захватившей власть в стране в 1963 г. При этом сохранялись внешние атрибуты гражданской власти, функционировал городской Совет, политические партии пропагандировали свои программы, в СМИ обсуждались текущие политические события. Однако уровень участия граждан в деятельности добровольных организаций и муниципальных органов власти был крайне низким, что существенно отличало городские общности аргентинских и североамериканских городов. Ответственность за решение городских проблем население связывало главным образом с деятельностью городских или провинциальных органов власти.

Характеризуя комплекс власти Кордобы, Миллер постоянно подчеркивает, что он манифестирует себя несколько иначе, чем в стабильных демократических режимах. В центре общественно-политической жизни — органы публичной власти и политические партии, в которых наибольшее влияние имеют церковь и бизнес. Однако за кадром остаются во-

енные, которые влияют, но напрямую не вмешиваются в городские дела¹⁰.

В отличие от Кордобы в Лиме имело место полностью гражданское (демократическое) правление. При этом комплекс власти был представлен двумя примерно одинаковыми по влиянию политическими силами — Альянсом и Коалицией. Альянс имел поддержку в лице католической церкви и ряда бизнес-групп, а также (негласно) военных. Коалиция опиралась на профсоюзы и партию Американский народный революционный альянс. Остальные организации могли оказывать некоторое влияние только через эти партии и государственных чиновников (Miller, 1970: 208–210).

Второй аспект комплекса власти — совокупность основных проблем и политических решений, вокруг которых выстраивается городская политика. В Сиэтле таковыми были экологические (загрязнение озера) и транспортные проблемы (строительство магистралей), а также некоторые решения в сфере услуг (строительство новой публичной библиотеки, гражданского центра, субсидирование университетского футбола). В Бристоле в центре внимания оказались вопросы управления муниципальным жильем арендными отношениями, а также проблемы реконструкции города и обновления промышленных и торговых сооружений. В Кордобе истоки основных городских политических проблем восходили к правлению Перона и временам вмешательства военных. Индустриализация и рост города обострили транспортные проблемы, а приход крупных международных концернов (Кайзер, Фиат) привнес и дополнительные производственные конфликты и забастовки. В Лиме центральной проблемой была ликвидация трущоб, а также невысокое качество основных услуг (водоснабжение, транспорт, телефонизация, общественные рынки и др.). В целом, заключает Миллер, во всех исследуемых

¹⁰ О влиянии военных речь пойдет далее.

городах социальные проблемы были обусловлены наличием групп с невысоким уровнем дохода и быстрым ростом населения (Miller, 1970: 211–212).

Следующий элемент сравнительного анализа — сравнение конфигураций влиятельных людей (*top influentials*) в четырех городских общностях (см. табл. 2).

Таблица 2. Институциональная идентичность наиболее влиятельных людей в четырех городах (Miller, 1970: 211-212)¹¹.

Институты	Сиэтл (N = 44)	Бристоль (N = 32)	Кордоба (N = 37)	Лима (N = 33)
Бизнес и финансы	33%	34%	24 %	30%
Рабочие	14	19	3	3
Образование	10	9	11	12
Государственное управление	17	9	16	18
Политические партии	0	0	11	18
Независимые профессионалы	12	12	8	3
Военные	0	0	0	3
Религия	7	9	8	6
Общественное положение и богатство	0	7	5	0
СМИ	0	0	8	6
Социальные услуги	5	0	0	0
Культура и искусство	2	0	3	0
Сфера досуга	0	0	3	0
Всего	100%	100%	100%	99%

¹¹ Наиболее влиятельные люди были определены панелью экспертов и оценены (признаны) ими самими. В случае если институциональная принадлежность человека была связана с двумя и более институтами, выбиралась та институциональная принадлежность, которая наиболее адекватно соответствовала структуре ресурсов власти данного человека.

Во всех городах наибольшее число влиятельных людей связано с бизнесом и финансами; довольно высокий процент влиятельных людей дают религия, образование и государственное управление. В каждом из этих секторов формируются лидеры, обладающие высоким образованием и широким спектром интересов к делам общности; они часто занимают позиции, которые активно способствуют их участию в политике, и у них есть для этого достаточно времени. В других секторах число влиятельных людей крайне незначительно, причем во всех городах.

Наиболее существенное различие между городами заключалось в том, что в западных городах значительно выше доля влиятельных лидеров рабочего движения, тогда как в латиноамериканских городах в

число влиятельных людей попали лидеры политических партий. Миллер отмечает, что эти различия обусловлены тем, что в западных общностях добровольные ассоциации играют более значимую роль, тогда как в Латинской Америке опорой социальной общности являются структуры городского управления, что соответственно усиливает значимость партийного фактора. При этом многие партийные лидеры имеют существенное влияние, даже не занимая никаких постов в городских органах публичной власти. Это объяснение отчасти относится и к различной доле представителей независимых профессий: в западных странах они могут приобрести влияние, участвуя в деятельности добровольных организаций, а в Латинской Америке им необходимо обязатель-

но быть включенными в государственные или партийные структуры (Miller, 1970: 212–213).

Что касается *самых влиятельных* членов городских общностей (key in-

fluentials) — лидеров среди наиболее влиятельных, — то их распределение по институциональным секторам во многом совпадает с распределением «просто влиятельных» (см. табл. 3).

Таблица 3. Институциональная идентичность самых влиятельных людей в четырех городах (Miller, 1970: 215)

Институты	Сиэтл (N = 12)	Бристоль (N = 12)	Кордоба (N = 14)	Лима (N = 14)
Бизнес и финансы	67%	25%	43 %	7%
Рабочие	0	8	0	0
Образование	8	17	22	21
Государственное управление	8	17	7	21
Политические партии	0	0	14	29
Независимые профессионалы	8	8	0	0
Военные	0	0	0	0
Религия	8	8	0	7
Общественное положение и богатство	0	8	7	0
СМИ	0	0	7	14
Социальные услуги	0	8	0	0
Культура и искусство	0	0	0	0
Сфера досуга	0	0	0	0
Всего	99%	99%	100%	100%

Миллер также приводит полный перечень позиций, занимаемых самыми влиятельными лидерами четырех городских общностей. В Сиэтле первые пять позиций принадлежали лидерам бизнеса и финансов; в Кордобе в первой шестерке наряду с бизнесменами оказался владелец и редактор влиятельной газеты, поддерживаемой Католической церковью. В других городах бизнес не имел такого преимущества над другими секторами в плане рекрутирования самых влиятельных лидеров: в Бристолье самыми влиятельными оказались лидер Лейбористской партии и Президент университета, а бизнесмены заняли 3-е, 5-е и 8-е места. В Лиме бизнесменов не оказалось даже в первой десятке, а первые места заняли лидеры партий (1-е, 2-е, 5-е, 10-е и 13-е места) и владельцы газет (3-е и 6-е места) (Miller, 1970: 214).

Итогом изучения структуры власти в четырех городах стал *анализ взаимоотношений между ее различными компонента-*

ми. Данные исследования подтвердили гипотезу о том, что *все пять компонентов структуры власти тесно взаимосвязаны.* Миллер обнаружил высокую степень корреляции при сопоставлении уровня влияния 13 институциональных секторов четырех стран с уровнем влияния данных секторов соответствующих городских общностей — 0,87 (Сиэтл), 0,9 (Бристоль), 0,84 (Кордоба), 0,93 (Лима)¹². Высокий уровень связи был зафиксирован и между властными комплексами (конфигурациями наиболее влиятельных организаций) и наиболее влиятельными секторами городских общностей: подавляющее большинство наиболее влиятельных организаций (в Сиэтле — 100 %, в Бристолье — 80%, в Лиме — 90%, в Кордобе — 60%) относились к пяти наиболее влиятельным инсти-

¹² Коэффициенты корреляции Спирмена. Ранжирование было осуществлено экспертами и наиболее влиятельными людьми в городских общностях (Miller, 1970: 217).

тутам городских общностей (Miller, 1970: 217). Данные исследования подтвердили и наличие связи между институциональной структурой общности и конфигурацией наиболее влиятельных людей в каждой городской общности: большинство их сосредоточилось в пяти институциональных секторах — бизнесе, государственном управлении, рабочем движении, СМИ, образовании¹³. Самые влиятельные лидеры городских общностей обычно представляют ведущие институциональные сектора данной общности¹⁴, однако в некоторых влиятельных секторах топ-лидеров нет вообще¹⁵.

Одной из важнейших задач исследования было выявление модели власти в каждом городе. Миллер приходит к выводу, что *во всех четырех городах имеет место конусная или кольцевая структура власти*. Он считает, что распространение данной модели является естественным следствием развития современного общества, результатом растущей гетерогенности интересов в экономическом секторе, появления новых влиятельных акторов, расширения разнообразия и степени автономии групп интересов во всех секторах, возрастания роли специализации и профессионализации. Хотя экономический сектор остается очень влиятельным, он уже не обладает монопольным контролем над городской политикой. Мощным

противовесом бизнесу выступают независимые партийные и рабочие организации. Вопреки распространенному стереотипу, военные не были «подручными» олигархии, а нередко занимали довольно жесткую позицию по отношению к бизнесу, ограничивая возможности его влияния. Военные в Перу и Аргентине развивали свои социальные организации и независимые структуры влияния, действуя аналогично другим организациям, защищающим свои (корпоративные) интересы¹⁶. Сегментированный характер имело и влияние религиозного сектора; даже в Кордобе, где данный сектор был в числе самых влиятельных, общественно-политическая активность и влияние Церкви касались в основном ограниченного набора проблем (контроль за рождаемостью, религиозные праздники и др.) (Miller, 1970: 224). Таким образом, даже в латиноамериканских городах структура власти в целом соответствовала конусной модели. Несмотря на сильное влияние военных и Католической церкви, политическая арена оставалась достаточно свободной для участия различных акторов (партии, организации бизнеса, образования, представители государственного управления и др.), а структура лидерства — фрагментарной.

Как складывается и функционирует конусная модель власти? Хотя в каждом городе сложное взаимодействие топ-лидеров, влиятельных акторов, организаций и институтов обуславливает различные паттерны принятия решений, в структуре власти всех городских общностей есть ряд общих моментов. Во-первых, *особую роль играют топ-лидеры, на которых ориентируются остальные акторы при решении важнейших проблем*¹⁷. Во-вто-

¹³ В Сиэтле доля «влиятельных» в этих секторах составила 74%, в Бристоле — 71%, в Кордобе — 51%, в Лиме — 72%. Соответствующие доли топ-лидеров — 83%, 67%, 50% и 57% (Miller, 1970: 220–222).

¹⁴ В Сиэтле и Кордобе соответственно 67% и 43% топ-лидеров составляли бизнесмены, в Лиме половина лидеров представляли партии и государственное управление (Miller, 1970: 222).

¹⁵ Наиболее поразительный пример — отсутствие топ-лидеров в религиозном секторе Кордобы, который в данном городе является наиболее влиятельным. Однако присутствие или отсутствие топ-лидеров не может быть, по мнению Миллера, решающим свидетельством влиятельности сектора, поскольку имеют место и иные механизмы и показатели власти (Miller, 1970: 221–223).

¹⁶ Миллер отмечает, что в Перу и Аргентине уже не действует традиционная аристократическая модель власти, где военные социально и функционально интегрированы с гражданской элитой, а дети представителей высших классов рекрутируются на командные позиции в обществе, обеспечивая воспроизводство монолитной структуры власти (Miller, 1970: 224).

¹⁷ Объяснение одного из топ-лидеров Сиэтла: «Группировок (crowds) как таковых нет. Есть

рых, имеется определен- ный набор организаций и институтов, участвующих в инициации и реализации решений¹⁸. В-третьих, значительная группа влиятельных людей и лидеров второго уровня осуществляют поддержку инициатив топ-лидеров и активно участвуют в различных сферах городской жизни. Все это в единстве и представляет собой конус, верхнюю часть которого образуют топ-лидеры (см. рис. 2).

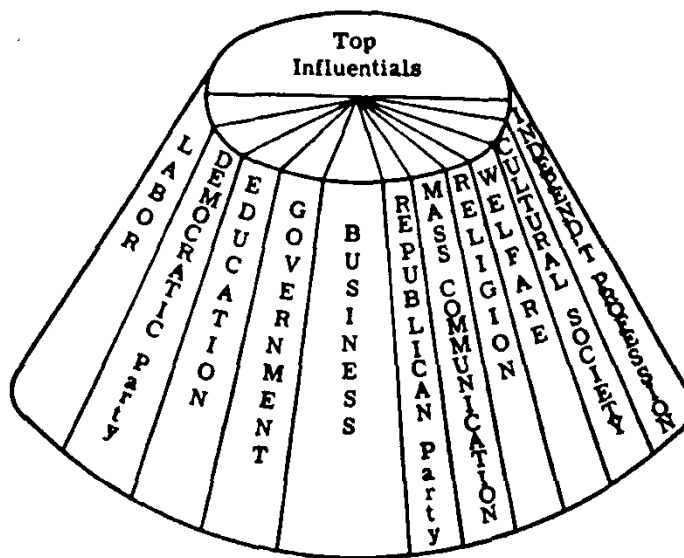

Рис. 2. Кольцевая или конусная модель (Miller, 1970: 16)

Изменения в институциональной принадлежности лидеров и конфигурации наиболее влиятельных организаций могут произойти лишь в случае, если изменится институциональная структура власти в общности (распределение власти и влияния между различными институциональными секторами социальной общности); последняя, в свою очередь,

примерно 10 основных лидеров, и чтобы какое-то неоднозначное решение было принято, большинство их должно его поддерживать» (Miller, 1970: 224).

¹⁸ По этому поводу другой топ-лидер Сизтла высказался следующим образом: «Существует несколько узнаваемых блоков, которые обычно представляют единый фронт. Торговая палата, вероятно, является наиболее важным блоком в плане инициации и влияния. Рабочие хорошо организованы. Группы сектора образования обычно солидарны по, например, налоговому вопросу, но в целом слишком разобщены, чтобы считаться солидной силой. Организации социальной сферы и религиозные организации обычно не склонны к выражению своей позиции и не являются лидерами общественного мнения. Газета и радио не имеют влияния в решении местных проблем» (Miller, 1970: 224).

зависит от институциональной структуры общества. Поэтому можно говорить о наличии определенных закономерностей в развитии власти на городском уровне (Miller, 1970: 223–225).

Наиболее важным фактором, определяющим характер и специфику структуры власти в городских общностях, является социальная стратификация, которая, как уже отмечалось ранее, определяет сравнительные возможности разных классов и социальных групп, их электоральный потенциал и ресурсы политического влияния, определяет систему ценностей различных групп, основания партийно-политического кливиджа, состав различных организаций общности и др. Рассмотрение властных отношений во взаимосвязи с основными социальными расколами дает возможность Миллеру вписать их в общий контекст функционирования социальной общности, в котором осуществляется сложное взаимодействие экономической, политико-государственной и социальной основ общности с властной структурой.

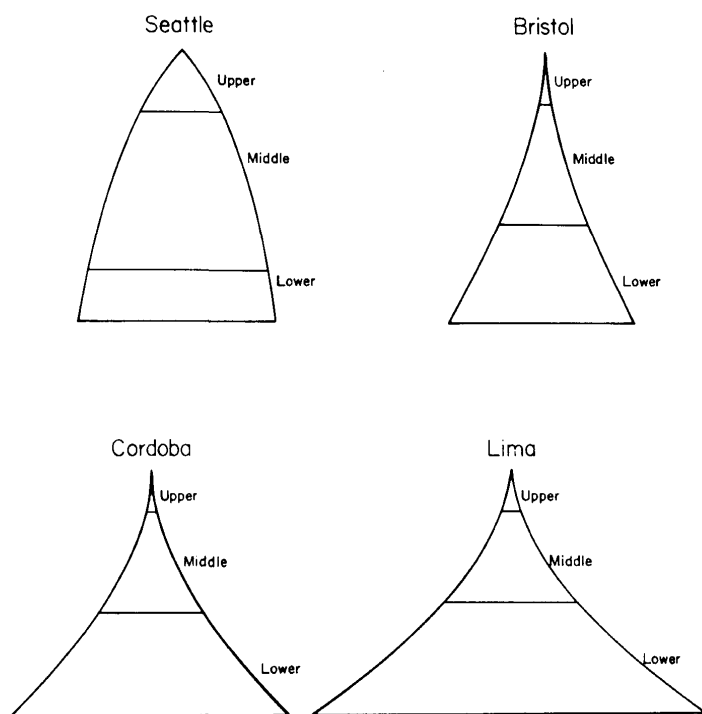

Рис. 3. Наглядное изображение распределения высшего, среднего и низшего классов в четырех городах (Miller, 1970: 226)

Важнейшим индикатором социальной стратификации для Миллера является соотношение долей высшего, среднего и низшего классов (см. рис. 3). Если во всех городах высший класс составляет очень незначительную часть населения, то пропорции долей среднего и низшего класса существенно различаются. В Сиэтле имела место высокая доля среднего класса и относительно невысокая (в сравнении с другими городами) доля низшего класса. В Лиме ситуация прямо противоположная, а показатели Бристоля и Кордобы оказываются где-то посередине. Миллер подчеркивает, что именно средний класс обеспечивает основную поддержку центристской или левоцентристской политике

при одновременном уважении к демократическим институтам, в то же время левая политика опирается на низший класс и отражается в требованиях земельной и налоговой реформ, национализации, повышении роли профсоюзов и др. или в призывах к революции. В целом же «паттерны стратификации дают ключ к объяснению многих политических и экономических движений и природы социального контроля, осуществляемого для поддержания закона и порядка» (Miller, 1971: 225).

В Сиэтле сложилась «цивилизация бизнеса»: у каждого жителя города есть неплохие шансы стать собственником и иметь хорошую работу, много «белых воротничков», большинство населения разделяет ценности индивидуальной инициативы и предпринимательства. В Бристолье все категории населения, за исключением самых богатых, беднее соответствующих групп населения в Сиэтле, а распространение социал-демократической идеологии, популярность Лейбористской партии, политика национализации многих коммунальных услуг во многом явились следствием «стратификационного давления». Особая роль Лейбористской партии и ее влияние на городскую политику обусловлены наличием более многочисленного (по сравнению с Сиэтлом) низшего класса и меньшей обеспеченностью среднего класса. В Кордобе доля среднего класса еще ниже, а давление

снизу — более артикулируемое. Стремление к «сильной руке» было характерно для многих представителей рабочего класса, желавших возвращения Перона; марксистская идеология имела многочисленных сторонников, в политической борьбе четко прослеживалось стремление определенных групп расширить контроль над собственниками. В Лиме давление бедности на государство в период исследования постоянно усиливалось. Национализация промышленности, рост государственных услуг, возрастание влияния профсоюзов, левый терроризм — эти и другие тенденции были обусловлены высоким уровнем стратификационного неравенства в городе. Политические партии и институты государственного управления представляли собой центр власти до тех пор, пока им удавалось поддерживать порядок; если им этого не удавалось, то вмешивались военные (Miller, 1971: 226–227).

Целый ряд выводов Миллера заслуживает специального рассмотрения в контексте изучения власти в российских городах и регионах. В их числе важнейшими, на наш взгляд, являются (1) характер и механизмы политического влияния военных и церкви и (2) наличие/отсутствие «клик» в процессе принятия политических решений, уровень и характер взаимодействия различных акторов городской политики.

Ранее уже отмечалось, что наиболее существенные различия между городами были обусловлены различной ролью военных. Это вполне естественно: первым в числе факторов, обуславливающих специфику власти в Кордобе и в Аргентине в целом, Миллер назвал именно сильную «аварийную» (emergency) власть военных (Miller, 1970: 124–125). Военные часто непосредственно брали власть в свои руки, но и в тех случаях, когда у власти была гражданская администрация, роль военных, по свидетельству практически всех экспертов, всегда была высокой. Однако традиционные способы измерения влияния определенных групп с помощью учета

их доли среди наиболее влиятельных лидеров городской общности, а также анализа роли политических и гражданских организаций, представляющих данную группу в городской политической системе, оказывались не вполне показательными. В данном исследовании Миллер продемонстрировал наличие разрыва между степенью влияния отдельных институциональных секторов, в том числе военного, и их представленностью во властном комплексе (конфигурации наиболее влиятельных организаций города) и лидерском корпусе городской общности. В частности, в Кордобе среди 37 влиятельных людей города оказалось всего два военных, а в числе самых влиятельных их не оказалось вовсе (Miller, 1970: 120–121). В Лиме в числе 33 влиятельных людей города был указан всего один военный; среди самых влиятельных военных также не оказалось (Miller, 1970: 154–157); во властном комплексе Кордобы и Лимы отсутствовали организации, представляющие интересы военных (Miller, 1970: 119, 161). Аналогичная ситуация имела место и в религиозном секторе Кордобы¹⁹, и в рабочем движении обоих городов.

Данный разрыв обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, косвенным образом сказывались сравнительно *невысокий уровень участия граждан в деятельности добровольных организаций и соответственно их слабые возможности влияния на принятие важнейших политических решений*. Во-вторых, *институциональные особенности указанных секторов не способствуют формированию сильного персонализированного лидерства*; их значительный потенциал влияния поддерживается мощными коллективными ресурсами даже при отсутствии сильных лидеров. «Рабочие, военные и Католическая церковь чтут установленные инс-

¹⁹ Религиозный сектор был оценен как самый влиятельный в городе, но в числе влиятельных людей оказалось всего три его представителя (из 37), а среди самых влиятельных их не оказалось вовсе (Miller, 1970: 120–121).

титуты и рассматривают их потребности как более важные, чем потребности индивидуальных лидеров»; «коллективные структуры иногда осуществляют влияние в своей институциональной форме без помощи со стороны ассоциаций и признанных лидеров общности» (Miller, 1970: 162; 223). Вместо создания организаций для участия в решении конкретных проблем и инициации проектов эти сектора «используют свою коллективную власть в своих интересах: рабочие — забастовку, военные — силу или угрозу использования силы, Католическая церковь — моральное убеждение и санкции» (Miller, 1970: 162). Кроме того, они могут влиять через другие организации и институты: рабочие — через политические партии, военные поддерживают и/или оказывают давление на правительство, Церковь действует через государственные организации, свои школы и другие структуры влияния. При этом и военные, и религиозные лидеры часто предпочитают не афишировать свою деятельность: «в Лиме военные представляют собой «практически обезличенный институт»; поэтому даже многие влиятельные информанты не знают, кто будет командовать в городе в случае прихода к власти военной хунты» (Miller, 1970: 162). В Кордобе влияние Церкви осуществляется в основном через низовых лидеров, предпочитающих действовать по своим каналам влияния (Miller, 1970: 123), а сила рабочих — в организации и возможности прибегнуть к забастовке²⁰.

Наличие разрыва между влиянием того или иного сектора и его представленностью в конфигурации лидеров и влиятельных организаций городской общности полностью подтверждает правомерность изучения структуры власти не

²⁰ Еще одна причина разрыва между сравнительно высоким уровнем влияния «рабочего» сектора и отсутствием значительного числа влиятельных городских лидеров среди рабочих состоит в том, что последние просто не получают публичности как лидеры города и часто меняются (Miller, 1970: 160).

только через анализ персонального состава наиболее влиятельных людей и организаций городской общности и их участия в принятии решений, но и требует учета иных факторов, в частности потенциала влияния сектора, его коллективных ресурсов, институциональных возможностей и т.п. (Miller, 1970: 123)²¹.

Стремление выявить наличие или отсутствие «клик» в процессе принятия политических решений и в целом характер и степень взаимодействия различных акторов городской политики было присуще практически всем исследователям власти в городских общностях, поскольку именно вокруг данной проблемы разворачивались дискуссии между плюралистическими и элитистскими интерпретациями власти. У Миллера проблема также оказалась в центре внимания; при этом наиболее обстоятельно была изучена ситуация в Лиме, описанию которой он посвятил отдельную главу (Miller, 1970: 177–203).

Изначальная гипотеза Миллера состояла в том, что влиятельные политические лидеры, лидеры бизнеса, религиозного и военного секторов действуют вместе как единая солидарная группа при принятии наиболее важных решений. Эта гипотеза опиралась на распространенное среди исследователей мнение о том, что в Перу доминирует олигархия (Miller, 1970: 178–179). Однако результаты исследова-

²¹ Что касается релевантности данных сюжетов российскому контексту, то наряду с очевидными параллелями в отношении «людей в погонах» возникает и непростой вопрос о влиянии некоторых других секторов на российскую политику, которое, как нам кажется, имеет место, но не получило четкого институционального оформления. Речь в данном случае идет не только о криминальном секторе, который, не сомневаюсь, мог бы оказаться в числе влиятельных секторов городской политики (по крайней мере, в некоторых городских общностях), но и о потенциале влияния бизнес-сектора. Последний часто не имеет ярких лидеров и не выглядит хорошо организованным, однако это не может свидетельствовать о его слабом влиянии в городах и регионах, даже в условиях «вертикали власти».

ния показали, что *структура взаимодействия лидеров в значительной степени фрагментарна*; поэтому гипотеза о том, что лидеры военного, государственного, религиозного и бизнес-секторов образуют единую группу («клик»), Миллером была отвергнута (Miller, 1970: 202). Во-первых, частота контактов между лидерами оказалась сравнительно низкой. Наиболее влиятельные бизнес-лидеры города довольно плохо знали политических лидеров и по сути, только слышали о лидерах из других секторов (Miller, 1970: 181). Во-вторых, оценивая основания власти лидеров, Миллер пришел к выводу, что «экономическая власть и политическое влияние не находятся в одних и тех же руках» (Miller, 1970: 190). Данные исследования свидетельствуют о том, что «экономическая и политическая власть не являются тесно взаимосвязанными в качестве оснований власти политических лидеров»: политические лидеры не черпают свое влияние из экономических источников; среди них не было богатых людей, и им приходилось использовать в основном свои политические ресурсы, лидерские качества и (кроме двух партийных функционеров) государственные должности (Miller, 1970: 186). По сравнению с политическими лидерами власть лидеров банковского сектора оказалась «более сбалансированной», и ее основу обеспечивали «сравнительно высокие показатели экономического власти, политического влияния и социального престижа» (Miller, 1970: 183). Таким образом, власть лидеров городской общности поддерживалась их институциональными ресурсами, связанными с их профессиональной деятельностью: политические лидеры опирались на руководящие позиции в партии, банкиры и бизнесмены — на свое место в экономической власти, служители Церкви — на свое положение в церковной иерархии и т.д.

В-третьих, исследование не подтвердило наличия стабильного *совместного* участия всех основных акторов городской политики в принятии решений.

Определенный минимум коллективно-го действия имел место, у лидеров были площадки для формальных и неформальных контактов, но в целом экономическая и политическая власть осуществлялись по разным каналам. Церковь участвовала в принятии решений только по определенным проблемам, где затрагивались ее интересы (контроль за рождаемостью, собственность Церкви и др.); военные оставались, как правило, инертными, за исключением ситуаций, связанных с коммунистической угрозой, растущей инфляцией или возможностью сокращения военных расходов. Опрашивая наиболее влиятельных людей Лимы о том, действительно ли лидеры города действуют вместе при принятии решений, Миллер получил 9 отрицательных и 12 положительных ответов с такими оговорками²², которые не позволяют считать группу лидеров «клик».

Разумеется, критики указали на целый ряд проблем в исследовании Миллера. Дж. Уолтон справедливо посчитал, что Миллеру не удалось представить четкой концептуальной схемы своего исследования. В частности, Миллер предложил классификацию «десяти взаимоисключающих форм власти, которые легко различимы» (экономическая власть, политическое влияние, государственный авторитет, моральное и религиозное убеждение, социальный престиж, средства коммуникации, специализированные знания и умения, военная поддержка и др.), но никак не прокомментировал ее. Поэтому у читателя остались серьезные сомнения в том,

²² Например, некоторые респонденты подчеркивали, что совместные действия лидеров имеют место только в периоды кризисов; другие поясняли, что под «совместными действиями» они имели в виду лишь «пересечение» лидеров, принадлежащих к разным секторам, например военных с Церковью, политических лидеров с лидерами бизнеса и т.п. Никто из них не сказал, что лидеры всех четырех секторов собираются вместе для совместного принятия решений (Miller, 1970: 190).

что эти формы власти не пересекаются. Далее Миллер выделил три пересекающихся уровня власти — позиционный, репутационный и проблемно-решенческий, но не прояснил их связи и соотношения с вышеуказанными формами власти. Таким образом, «книга начинается с концептуальной путаницы, которая негативно сказалась на четкости полученных результатов» (Walton, 1971: 1141–1142)²³.

Другое существенное замечание заключалось в том, что Миллеру не удалось выдержать одинаковые стандарты процедуры исследования во всех четырех изучаемых городах (Walton, 1971: 1142–1143; Daland, 1971: 1252–1253). Действительно, дизайн исследования был разный в разных городах, хотя имело место очевидное сходство в изучении Сизтла и Бристоля, а также Кордобы и Лимы. Хотя во всех городах выделялись наиболее влиятельные акторы и институты и описывались отношения между ними, процедуры их выявления заметно различались в том, как составлялся конечный список наиболее влиятельных лиц и выбиралась панель экспертов, сколько людей интервьюировалось, какие вопросы им задавались и др.

Недостатком исследования Миллера следует считать и отсутствие достаточного внимания к изучению отдельных проблем городской политики и участия в их решении различных акторов. В книге, разумеется, упоминаются проекты, по которым велись политические дискуссии. Однако выводы Миллера в основном опирались на мнения людей об этих проектах, а не на наблюдения за конкретными событиями или их реконструкцию.

Наконец, не все аналитики убеждены в том, что результаты исследования не были предопределены самим методом. Если

ли исследование начинается с выявления сравнительного влияния различных секторов, то «не будет ничего удивительного в том, что обнаруженная структура власти окажется конусной. Если бы Миллер изучал Атланту, то смог бы он обнаружить «стратифицированную пирамидальную структуру власти», как Хантер? Скорее всего, нет — считает Р. Даланд (Daland, 1971: 1253). С этим суждением, по-видимому следует согласиться и признать, что акцент на секторах может способствовать более «плюралистическим» интерпретациям власти, поскольку вряд ли в современном (демократическом) обществе можно найти город с явной концентрацией влияния в одном секторе.

Есть и другие претензии к ученому²⁴. Однако в целом исследование Миллера получило широкое признание научной общественности, которая квалифицировала его как первую и в целом весьма успешную попытку сравнительного изучения власти в социальных общностях на международном уровне. Многие идеи Миллера — о роли институциональных секторов в структуре власти в общности, специфике влияния отдельных акторов и

²³ На мой взгляд, замечание Уолтона вполне корректно: Миллер должен был четко прояснить все эти понятия и соотношения между ними. Но в этом случае, я уверен, он был бы вынужден скорректировать свою схему, поскольку выделенные им формы власти действительно не выглядят взаимоисключающими.

²⁴ Например, Уолтон посчитал, что на результаты исследования в Лиме повлияли некоторые политико-идеологические факторы. В частности, он имел в виду тот факт, что из 120 влиятельных акторов городской политики Миллер взял интервью у тех 25 человек, которые были «одобрены» посольством США; при этом Миллер не попытался сравнить характеристики тех, кто был выбран с остальными людьми, и объяснить, каким образом данная ситуация могла повлиять на результаты исследования. А главное, комментарии Миллера, как считает Уолтон, показывают, что он «разделяет предубеждения цензоров; он с энтузиазмом пишет о роли иностранных предприятий в «поддержке» экономики и развитии социальной сферы без манипуляции, укреплении демократических традиций, росте среднего класса, ценности частного предпринимательства, стабилизирующем влиянии военных, важности иностранной помощи и, в целом, фактически оправдывает статус-кво отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой» (Walton, 1971: 1142–1143).

институтов, возможностях комплексного использования методов выявления субъектов власти и влияния и др. бесспорно способствовали совершенствованию методологии изучения власти и получили развитие в дальнейших эмпирических исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ледяев В.Г. Социология власти: исследование Флойда Хантера // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 96–114.
- 2 Ледяев В.Г. Классические методики определения субъектов политической власти: западный опыт // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции / отв. ред. А.И. Соловьев. Ежегодник РАПН. М. : РОССПЭН, 2004. С. 33–55.
- 3 Ледяев В.Г. Модели эмпирического исследования власти: западный опыт // Власть и элиты в российской трансформации / под ред. А.В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2005. С. 65–79.
- 4 Clark T.N. Introduction // Community Structure, Power and Decision-making / Ed. by Terry N. Clark. Scraton : Chandler, 1968. P. 3–11.
- 5 Daland R.T. Reviewed work: International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. By Delbert C. Miller. (Bloomington and L. : Indiana University Press, 1970. P. 320) // The American Political Science Review. 1971. Vol. 65. №. 4. P. 1251–1253.
- 6 Fried R.C. Reviewed work: International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. By Delbert C. Miller. (Bloomington and L.: Indiana University Press, 1970. P. 320) // Midwest Journal of Political Science. 1971. Vol. 1971. №. 3. P. 629–631.
- 7 Hunter F. Community Power Structure. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1953.
- 8 Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. New York : Harcourt, Brace, and World, 1929.
- 9 Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown in Transition. New York : Harcourt, Brace, and World, 1937.
- 10 Miller D. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. № 1. P. 9–15.
- 11 Miller D.C. International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and L.: Indiana University Press, 1970.
- 12 Walton J. Reviewed work: International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. By Delbert C. Miller. Bloomington: Indiana University Press, 1970. P. XX +320 // The American Journal of Sociology. 1971. Vol. 76. №. 6. P. 1140–1144.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ

Б.И. Макаренко

Любая модернизация — сложный и комплексный процесс, затрагивающий все стороны жизни общества. В разработке стратегии и «дорожной карты» модернизации исключительно важное значение имеет правильное совмещение ее социально-экономических, технологических и политических составляющих.

Постановка целей модернизации в Послании Президента Д.А.Медведева Федеральному Собранию РФ 2009 г. делает акцент именно на политической и «человеческой» составляющей: «Первый опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии... Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей»¹. Такая формулировка подразумевает демократический характер самого процесса модернизации уже на нынешнем этапе его развертывания и одновременно указывает на современное и демократическое общество как конечную цель этого процесса. Подобная характеристика модернизации — не субъективное суждение Президента, а формулировка и целей, и принципов долгосрочной стратегии, и, как показано ниже, формулировка правильная, соответствующая и нынешнему характеру российского общества, и историческим особенностям современных модернизационных процессов.

Модернизация в экономике и в политике: характер взаимозависимости

Взаимосвязь экономики и политики в модернизационном процессе следует определять для каждого конкретного общества и в конкретной временной точ-

ке. Для всех модернизаций, происходивших до последних десятилетий XX века, этот вопрос не носил приоритетного характера. Модернизация в первом своем значении означала переход от традиционного аграрного общества к индустриальному с соответствующей перестройкой и ценностей, и государственного строя. Ранние модернизации («эндогенные» в некоторых классификациях) происходили в большинстве стран Европы и Северной Америки на протяжении длительного исторического периода, завершившегося в основном ко Второй мировой войне. Проходили они при самых разных политических режимах — демократии в Англии или США, почти абсолютных монархиях (например, Германии), многократно изменявшемся режиме во Франции. После Первой мировой войны именно политический аспект модернизации — подъем социалистического движения и эмансипация крестьянства — породил знаменитую развилку модернизаций: те страны, которые оказались не способны урегулировать обостряющиеся социальные конфликты демократическими механизмами, «свалились» на пути модернизации либо в фашизм, либо в коммунизм². Страны, пережившие фашистские режимы, вернулись на путь демократизации, либо потерпев поражение во Второй мировой войне, либо в 1970-е годы в ходе третьей волны демократизации. Коммунистический Советский Союз и центральноевропейские сателлиты фашистской Германии вышли на современный этап модернизации лишь в начале 90-х годов прошлого века — пос-

¹ URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979/print>

² См. классический труд: Moore, Barrington, Jr. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Cambridge : Beacon Press,

ле того, как исчерпал себя «коммунистический эксперимент».

В модернизациях стран третьего мира в 50–80-е годы прошлого века вопрос о политическом развитии также носил подчиненный характер³. Эти модернизации осуществлялись под доминирующим влиянием Запада в рамках биполярного противостояния «холодной войны» — а потому порой такие модернизации именуются «экзогенными». Первая более — менее цельная концепция модернизации в «третьем мире», сформулированная на пике распада колониальной системы, прямо провозглашала себя «повесткой дня по спасению развивающегося мира от коммунизма»⁴. Главной целью Запада было не допустить попадания развивающихся стран в орбиту влияния СССР, поэтому любой диктатор, добивавшийся успеха в социально-экономическом развитии страны, мог рассчитывать на политическое покровительство и ресурсную помощь Запада. Демократизация в ряде этих стран наступала лишь на определенном этапе продвижения социально-экономической модернизации и, добавив, во многих случаях уже в период «третьей волны демократизации», после окончания биполярного противостояния Запада и СССР.

Преимущества авторитарного строя для модернизации, особенно на ее ранних этапах, часто подчеркиваются в отечественном политическом дискурсе. Минималистская трактовка такого утверждения несомненна. Демократия возможна только в состоявшемся государстве, независимо от его политического режима. Аргументы о полезности для модернизации таких преимуществ авторитарного строя, как способность мобилизации финансовых и человеческих ресурсов, обеспечения

устойчивости политического курса путем ограничения оппозиции — как из уходящих общественных слоев, так и обездоленных «низов» — были весьма популярны в 60-е — 70-е годы прошлого века. Они основаны на доминировавшее в то время в западной политологии технократических представлениях о «добродетельном государстве», а также на описанной выше конкуренции Запада и советского лагеря за влияние в «третьем мире».

Часто — не только в научной литературе, но и в общественно-политической дискуссии приводятся такие высказывания как «Без государства не может быть демократии»⁵ «Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, стабильностью, от тех, где всего этого недостает»⁶ Об этом же, в частности, в применении к России писал и Ч.Тилли: в своем последнем труде «Демократия» он назвал «взаимосвязанными» тенденции укрепления государства и «наступления на демократию» в годы президентства В.В.Путина, не исключая, что в случае последующей демократизации укрепление государства будет расценено как «первый шаг на пути к этой цели»⁷.

Авторитетные исследования последних лет показывают: прямой связи между политическим устройством и экономическим ростом не существует. Мета-анализ 470 оценок таких связей показал, что за период 1951–2000 годов средний темп роста ВВП был несколько выше в недемократических режимах, но в демократиях (поскольку темпы прироста

³ Компактный и концептуально прозрачный обзор истории модернизаций можно найти в статье А.В.Рябова: Рябов А. Модернизации в России и глобальные изменения // Стратегия России. №10 (70), октябрь 2009. М., 2009.

⁴ Almond G., Coleman James S. The Politics of the Developing Areas The Journal of Politics, Vol. 23, No. 3 (Aug., 1961), pp. 587–590.

⁵ Guillermo O'Donnell. 1993. «On the State, Democratization, and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries.» World Development 21: 1355–69.

⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Прогресс-традиция, М., 2004. С. 21.

⁷ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 166.

населения в них в целом ниже) выше показатель роста ВВП на душу населения⁸. В противовес часто упоминаемым успехам авторитарных модернизаций Южной Кореи или Тайваня выступает огромная масса провалов модернизационных усилий авторитарных режимов: по наблюдению А. Пшеворского, в списках десяти крупнейших успехов и крупнейших провалов экономического развития по 8 недемократий. Он объясняет это тем, что недемократический режим определяет свою экономическую стратегию вне диалога с обществом, и либо крупно выигрывает, либо столь же катастрофически проигрывает⁹. «На каждый Китай есть своя Ангола», — остроумно заключают Ф. Фукуяма и М. Макфол¹⁰. Они же подчеркивают, что успехи авторитарных модернизаций, как правило, обнаруживаются в странах, политическая культура которых основывается на конфуцианской философской традиции, бюрократию которых они характеризуют как «самоотрицающую» (self-denying).¹¹ В других же случаях, как отмечает А. Пшеворский, «за укрепление дееспособности государства выдается то, что на деле является укрыванием недееспособности»¹².

При всех вариациях общая парадигма взаимосвязи изменений в экономике и политике в «классических» модернизациях однозначна: как отмечают современные авторы, описывающие историю модернизационных теорий, «центральной

идеей модернизации является то, что экономическое и технологическое развитие порождает комплекс взаимосвязанных социальных, культурных и политических изменений»¹³. Эти авторы продолжают традицию интерпретации трансформационных процессов через социальную мобилизацию, заложенную еще в 60-е годы Карлом Дойчем¹⁴ и продолженную гораздо более известными работами Г.Алмонда и С.Вербы о гражданской культуре, и отслеживают корреляцию демократизации с утверждением в обществе секулярно-рациональных ценностей и «ценностей самовыражения» взамен традиционных ценностей и «ценностей выживания» (по терминологии Всемирного опроса о ценностях — *World Values Survey*).

Подчеркнем, что подобная причинно-следственная связь в мировых теориях модернизации и политического развития устойчиво сохранялась, несмотря на существенные изменения трактовок большинства других базовых положений этих теорий. Однако, как представляется, эти общие установки в применении к модернизационным процессам в России и большинстве других посткоммунистических стран нуждаются в существенном уточнении.

Современная Россия: Модернизация 2.0

В истории российских модернизаций было немало успехов, но была и общая проблема. Каждый ее виток — в сравнении с сопоставимыми в историческом времени аналогами — при всех достижениях порождал меньшую экономическую конкуренцию и меньшую политическую свободу. При всех различиях социально-экономического наполнения модернизационных процессов им были присущи общие, почти универсальные черты.

⁸ Doucouliagos, H. and Usbasoglu, M., 2006. Democracy and Economic Growth: a Meta-Analysis. Ms. School of Accounting, Economics and Finance, Deakin University, Australia. Цифра «кейсов» столь велика, потому что оценивался каждый из существовавших за этот период политических режимов в каждой рассматриваемой стране.

⁹ Przedworski A. Democracy, Political Inclusion, and Development.

¹⁰ F. Fukuyama and M. McFaul, Should Democracy be Promoted or Demoted?, The Stanley Foundation, June 2007. P. 4.

¹¹ Ibid., P. 8.

¹² Запись выступления А. Пшеворского на семинаре в Институте демократии и сотрудничества, Нью-Йорк, 5 ноября 2009 г.

¹³ Вельцель К. Ингелхарт П. Как развитие ведет к демократии // Россия в глобальной политике. М., 2009. Том 7. №3, май-июнь. С. 13.

¹⁴ Deutsch Karl W. Social Mobilization and Political Development // The American Political Science Review, Vol. 55, No. 3 (Sep., 1961). P. 493–514.

Государство, а точнее — бюрократ, царский или постсоветский, сохранял превосходство над предпринимателем, производителем, а советский бюрократ сам же им и становился; политическая власть оставалась нераздельно в руках властной вертикали. Потому-то каждая модернизация оказывалась недоделанной, «анклавной», лишь частично эффективной. Глубинные ценностные сдвиги в таких модернизациях происходили в ограниченном объеме, а ее изъяны быстрее исчерпывали отдачу от позитивных перемен.

Модернизации советского периода превратили Россию в образованную, индустриальную, урбанизированную страну — но без мотора конкуренции и без появления свободного человека. Сталинская модернизация дала миру модель, многие элементы которой потом воспроизводились в авторитарных модернизациях Азии и Латинской Америки: ограбление деревни через «ножницы цен», казарменное строительство промышленности, массовый переток сельского населения в города, высокая норма накопления, ограниченная политическая активность масс (эти аргументы ни в коей мере не являются оправданием массовых репрессий). В позднее советское время выбор «нефтяной иглы» как альтернативы структурным переменам в экономике не был случайным. Иной путь, пусть и столь умеренный, как «косыгинские реформы», грозил партийной номенклатуре появлением новых лиц, доказавших свою состоятельность в оживившейся экономике, зарождением новых стимулов к принятию решений, противоречащих коммунистическому догматизму, в конечном счете — размыванием монополии на власть.

Таким образом, главное отличие России и других посткоммунистических стран от классических моделей модернизации — это привнесение рыночного начала в экономику (уже индустриализованную, хотя и в разной степени в разных странах) и рыночных ценностей в общество. В частности, речь идет о становле-

нии полноценного современного среднего класса — того самого «буржуа», без которого, согласно известной максиме упоминавшегося Баррингтон Мура, «нет демократии»¹⁵. Таким образом, в этих модернизациях реформа политической сферы и внедрение начал политической конкуренции и открытости занимает особое место — она является предпосылкой начала экономической модернизации и развивается параллельно с ней.

Из сказанного выше следует, что сегодняшнюю российскую модернизацию следует рассматривать не как абсолютно новый проект. Модернизация России сегодня — это продолжение усилий, начатых с перестройкой во второй половине 80-х годов прошлого века и продолжавшихся в последующие два десятилетия. Как и во многих других модернизациях, однозначную оценку ее промежуточным итогам дать затруднительно: очень немногие модернизационные проекты в мире можно назвать безусловно успешными (например, Япония, Южная Корея) или провальными (например, шахский Иран). Во всех других случаях оценивать модернизацию следует через сопоставление решенных и нерешенных задач.

Горбачевские реформы, которые следует признать началом нынешнего модернизационного проекта, состоялись в первую очередь как модернизация политической системы. Из трех слоганов раннего Горбачева два — «перестройка» и «гласность» — запомнились, потому что состоялись. Третий — «ускорение» — безнадежно забыт. Потому что экономические реформы при неререформированной советской бюрократии оказались невозможными. Отрицание плюрализма в политике и конкуренции в экономи-

¹⁵ «Буржуа» в этом контексте, разумеется, не «буржуй», даже не обязательно предприниматель, а именно представитель городского среднего класса, «гражданин» (вспомним, к примеру, что известная скульптура О.Родена *Les Bourgeois de Calais* по-русски известна под названием «Граждане Кале»).

ке оставалось главной характеристикой советского политического режима. Поэтому, как подчеркнул Президент России Д.А. Медведев, «в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима... Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами»¹⁶.

Сравнение с китайскими реформами, до сих пор столь популярными у нас, не опровергает, а усиливает этот аргумент. Китайская компартия добилась успеха в модернизации потому, что смогла исправить две типично коммунистические ошибки: во-первых, принудила саму себя ротировать высшие руководящие органы государственной и партийной иерархии, во-вторых, смогла поощрить и поставить на службу стране тысячелетние традиции: усердие китайского труженика и предприимчивость китайского торговца. На это была органически не способна бюрократия советская. Только сломав ее, а вместе с ней, увы, и «союз нерушимый», наша страна стала возвращаться на путь развития, построенный на естественных человеческих инстинктах к труду и соревновательности. Однако первые этапы нового модернизационного проекта не решили исконных проблем, характерных и для прошлых модернизаций: они не дали России ни современной рыночной экономики, ни современного политического устройства, способствующего инновационному развитию.

России за два с половиной десятилетия модернизационных усилий удалось существенно продвинуться по всем направлениям т.н. «тройного перехода» — построить рыночную экономику вместо планово-распределительной; на месте разваливающегося тоталитарного государства создать дееспособный государственный механизм с основными демократическими институтами и ограниченным политическим плюрализмом; из метро-

полии вчерашней империи создать многонациональную федерацию, решившую вопрос территориальной целостности и общественного согласия. Однако каждая из этих задач решена не полностью: фактически сегодняшняя модернизация — это перезапуск «зависшей» модернизации предшествующих двух десятилетий, или, продолжая использовать компьютерную терминологию, «Модернизация 2.0.»

Для анализа политической системы можно сформулировать следующее резюме социально-экономических реформ: экономика стала рыночной, предприниматели и менеджеры (и частной, и отчасти государственной формы собственности) внесли серьезный вклад в модернизацию экономической системы и общества. Рыночная экономика необратимо разрушает коллективистское сознание и порождает «частного свободного человека» — того самого «буржуа». Однако эта экономика монополизирована, коррумпирована, в значительной степени подконтрольна бюрократии, а потому не порождает достаточных стимулов к инновационной деятельности. Социальная сфера — образование, здравоохранение, система социальной защиты — не только не дает должной отдачи в смысле умножения человеческого капитала для модернизации, но едва ли способна даже сохранить его.

В политической сфере проблем для модернизации еще больше. Рыночные реформы породили в обществе расколы и водоразделы, угрожавшие дееспособности государства. Это выразилось и в формировании в 90-е годы прошлого века антиреформаторского большинства в законодательной власти: Россия — единственная из трех десятков посткоммунистических стран, где на протяжении почти десятилетнего периода трансформаций осуществлявшая их исполнительная власть не опиралась на поддержку законодательного большинства. Так что у России в отличие, кстати, от центральноевропейских и балтийских государств в реальнос-

¹⁶ URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979/print>

ти не было альтернативы выбору режима с сильной президентской властью. Но это же породило и известную в сравнительной политологии проблему: в обществах, раздираемых антагонистическими конфликтами, всенародно избранный президент совмещает две роли — президента всех граждан и лидера своей партии (точнее — политической программы. — *Б.М.*), и «исполнение второй роли компрометирует первую»¹⁷. Это наблюдение Х. Линца полностью применимо к России 90-х годов, и он же отмечает, что эта особенность президентских режимов порождает искушение «зафиксировать стабильность» на более долгий срок, особенно если политическая повестка дня не исчерпана.

Добавляли остроты и нестабильности политической системе и быстрые процессы социального расслоения, и политические амбиции стремительно поднявшейся верхушки бизнеса, и сепаратистские устремления некоторых из этнических республик. Все эти, как и многие другие, факторы служат если не оправданием, то объяснением того, что российская политическая система стала двухслойной. В ней действовали демократические институты, по своим канонам конкурировали власть и оппозиция, но эта деятельность не позволяла решать многие стоящие перед страной проблемы. Из реформаторской деятельности исполнительной власти, навязывавшей реформы сверху и сталкивавшейся с противостоянием и политической оппозиции, постепенно выростал параллельный управленческий механизм.

Британский политолог Ричард Саква в готовящейся к печати книге выстраивает концепцию «дуалистического государства» в России, в которой «дуализм» означает сочетание «нормативного государства» и «привилегированного» или «административного» государства (*prerogative state*): «...элементы реальной демократии имеют определенные структурные и процедур-

ные черты, но они сдерживаются произволом административного режима». Привилегированное государство охватывает выборочные сферы — в первую очередь отношения с «врагами» и контролем над политической деятельностью.

В России плебисцитарно избираемый глава государства опирался на «вертикаль» бюрократической машины, которая стала доминировать во всем политическом поле. При сохранении конституционной модели разделения властей и сдержек и противовесов в реальности политический режим в стране приобрел моноцентрический характер:

- Правящая партия оказалась почти полностью зависимой от исполнительной власти на всех этапах своей деятельности, а оппозиция лишилась даже «блокирующего пакета» в федеральном и большинстве региональных законодательных собраний. В такой конфигурации законодательная власть в лучшем случае исполняет представительную функцию, но не может полноценно работать как законодатель (недавний скандал с законопроектом о транспортном налоге — убедительное тому доказательство), ни контролировать деятельность исполнительной власти.

- В политическом пространстве абсолютно доминирует бюрократическая вертикаль. Конкуренция между партиями фактически подменяется конкуренцией областных и районных властей со своими соседями за лучший результат «партии власти» на выборах. Именно это явление охарактеризовал Д.А. Медведев как ситуацию, «когда демократические процедуры путаются с административными»¹⁸.

- Несмотря на проведенную судебную реформу, суд не стал реально независимым. Это означает, что он не может полноценно исполнять свою главную политическую функцию: быть арбитром, применяющим закон в спорах между гражданами, государством, субъектами экономической деятельности, т.е. не яв-

¹⁷ Linz J. 1990. *The Perils of Presidentialism*. Journal of Democracy. Volume 17. Number 1. Winter 1990. P. 51–69.

¹⁸ URL: <http://news.kremlin.ru/news/6066>

ляется в полной мере «сдержкой и противовесом» проявлениям беззакония.

■ В отношениях федеральной и региональной власти за последние годы произошел существенный сдвиг в пользу центра. Назначаемость губернаторов и распределение большей части консолидированного бюджета через федеральный центр не просто ставят регионы в сильную зависимость от Москвы, но и практически подавляют стимулы к реализации собственных социально-экономических программ, что убедительно показала реакция региональных властей на кризис. Реформа местного самоуправления создала новые институциональные возможности для развития базового уровня публичной власти, однако реализация этих возможностей тормозится ограниченным объемом финансовых ресурсов на отправление функций местного самоуправления и стремлением региональных властей к избыточному контролю над ним.

■ Гражданское общество остается слабым и зависимым от государства. Законодательные рамки его деятельности не создают ему режима благоприятствования, а напротив, ставят под избыточный контроль бюрократии. В таком состоянии гражданское общество не может быть полноценным партнером государства.

Ограничение политического плюрализма — отражение уникальной российской модели неокорпоративизма. Такие политические конструкции рассматривают все общество как органически единый механизм, в котором политическая воля эмануруется от лидера, а автономность всех остальных институтов и структур ограничена — они призваны лишь в меру своей компетенции выполнять спущенные сверху решения, но не оспаривать их, исполнительная власть выступает в такой системе в роли верховного арбитра, управляющего отношениями между всеми остальными институтами общества¹⁹.

¹⁹ Определение современного неокорпоративизма (Ф. Шмиттер, 1974): «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально раз-

Российский случай неокорпоративизма — это, по выражению Д. Бадовского, «государство победившей бюрократии», которое «все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали»²⁰. При этом государство ограничивает политическое участие граждан в принятии решений и создает неокорпоративистские структуры для выполнения таких функций. Общественная палата взяла на себя функцию публично-политического дискурса, которую в нынешних условиях не может выполнять Государственная Дума, созданные «сверху» молодежные движения «заполняют майдан», демонстрируя гражданскую активность, список таких «поощряемых» общественных организаций, интернет-ресурсов и действий можно продолжать довольно долго. Главный принцип «верха» в управлении подобного рода структурами — избежать того, что метко охарактеризовано в редакционной статье «Газеты.ру» как «появление в представительных структурах некоторого числа критиков, не получивших от начальства предварительной санкции его критиковать»²¹.

Оговоримся: элементы неокорпоративизма, внеконституционных (а порой — как Общественная палата во Франции — и законодательно предусмотренных) согласительных процедур присутствуют во многих современных демократических режимах. Во многих успешных модернизационных проектах (Япония, Южная Корея) неокорпоративизм становился

личных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» (Schmitter F. Still the Century of Corporatism? — «The Review of Politics», 1974).

²⁰ Бадовский Д. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. Т. 7. №3, май-июнь 2009. М., С. 23–35.

²¹ «Согласованная демократия» — От редакции. «Газета.ру» 04.09.2009.

действенным инструментом «государства развития» (developmental state). Как указывает Ф.Шмиттер, неокорпоративистские институты действительно делают общество более управляемым, сокращают политическую нестабильность и повышают качество финансовой политики, но негативно влияют на открытость власти и «на основной механизм демократии — конкуренцию»²². Концентрация усилий, проведение политической воли государства как агента модернизации — все это будет востребовано не только сегодня, но и на последующих этапах «модернизационного проекта». Согласительные процедуры между конфликтующими общественными интересами также будут востребованы. Главное, чтобы неокорпоративистские элементы и практики стали отвечать двум условиям:

— во-первых, перестали столь откровенно сдерживать или подменять собой реальный политический плюрализм, от «имитации» политической активности перешли к реальному согласованию функций (что означает, грубо говоря, что не во всех спорах должна побеждать спущенная сверху как заведомо правильная точка зрения);

— во-вторых, транслировали политическую волю к модернизации; искали не оправдания бездействию по причине объективных сложностей, а пути их разрешения. Иначе говоря, чтобы государство, в том числе и бюрократия, реально выполняло функции «государства развития», а не «государства победившей бюрократии».

Повестка дня политической модернизации: что менять в сфере политики и зачем?

В многочисленных в последние месяцы публикациях на тему модернизации повторяется на разные лады один и тот же лейтмотив: модернизация требует более открытой, конкурентной среды. Чтобы не

приводить длинную подборку таких утверждений, ограничимся цитатой из выступления премьер-министра В.В. Путина на съезде «Единой России»: «Почему для развития и модернизации экономики так важен фактор здоровой конкурентной среды? Потому, что на рынке в честной и открытой конкурентной борьбе должны побеждать действительно сильнейшие, передовые предприятия. Побеждать за счет внедрения инноваций и эффективного управления, а не за счет сговоров, закулисного лоббизма или чиновничьего покровительства»²³. Очевидно, что речь идет о политической рамке экономических реформ: закулисный лоббизм и чиновничий произвол — явления не экономические, а политические.

Процесс модернизации породит серьезные проблемы в сфере политического. Он будет переопределять отношения собственности, распределения и перераспределения общественного богатства и востребует новые механизмы арбитража меняющихся общественных отношений и управления конфликтами со стороны государства. При этом «цена ошибки» резко возрастает: каждый нереализованный модернизационный «субпроект» не только поглотит дефицитные ресурсы, но и затруднит реализацию других «субпроектов», поскольку степень взаимозависимости между экономическими, социальными и иными составляющими модернизации будет весьма высокой. К тому же психологическое воздействие неудачи расхолодит «модернизаторов».

Самый наглядный пример в этой области — решение проблемы «слезания с нефтяной иглы», т.е. отказ от модели экономического роста, основанного на экспорте углеводородного сырья. Казалось бы, данная цель консенсусна для российской политики, однако есть авторитетные указания на то, что в России сохраняются влиятельные силы, надеющиеся на сохранение (или восстановление

²² Шмиттер К. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5.

²³ URL: <http://edinros.er.ru/er/text.shtml?10/9259,110566>

ние) прежней парадигмы: председатель Торгово-промышленной палаты академик Е.М. Примаков называет помехой модернизации «инерционное мышление весьма влиятельных кругов, которые уповают на то, что основные импортеры нефти постепенно выходят из рецессии и цены на нефть удерживаются на достаточно высоком уровне. По их мнению, продолжение курса на преимущественную поддержку крупных сырьевых компаний воссоздаст благоприятную докризисную ситуацию»²⁴. Д. Бадовский еще несколько месяцев назад предупреждал, что «выход из кризиса «назад» [к прежней рентной модели] возможен и теперь», потому что воспринимается как предпочтительный частью элиты²⁵. Преодоление этих настроений, встраивание этой традиционной элиты в новую парадигму модернизации — важнейшая политическая задача, важнейшая подвижка в распределении политических сил, и не случайно Е. Примаков в своей статье формулирует ряд новых стимулов и компенсаций, которые могут превратить и эту элиту в часть модернизаторской коалиции, но не «законодателей моды» в ней.

Из этого следует **первый аргумент** в пользу демократизации политической системы: демократия как режим обсуждения, согласования и «обратной связи» государства с обществом снижает риск ошибок в принятии стратегических решений — см. приведенную выше аргументацию А. Пшевурского. На это обстоятельство прямо указывает в упомянутой статье и Е.М. Примаков. Резко возражая против идей «слома сложившейся политической структуры как условия успешной модернизации экономики», он тем не менее указывает: «Успех модернизации экономики в России во многом завит от создания такой партийно-политической

системы, которая помогала бы властям избежать ошибочных решений. Характерная черта такой системы — партийный плюрализм. Его нормальному развитию в России препятствуют два обстоятельства: жесткий контроль сверху, направляющий процессы партийного строительства, и административный ресурс, которым в несравнимо большей степени, чем другие партии, пользуется самая сильная из них «Единая Россия»... создание моноцентристской партийно-государственной системы даже при наличии на политическом поле многих партий блокирует демократический процесс»²⁶.

Оборотной стороной этой проблемы становится и **первый риск**: замедление принятия решений, в ряде случаев — уступки оппонентам, «удорожающие» решения. Это касается таких глобальных тем, как налоговая система, бюджетный процесс (определение инвестиционных приоритетов) и многого другого. Объем ресурсов, потребных для модернизации, не бесконечен. Конкуренция за распределение ресурсов через бюджет — важнейшая составляющая модернизации.

Еще на один риск — снижение управляемости в условиях политической открытости — указывал заместитель руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков: «Если [к имеющимся трудностям] добавится политическая неустойчивость, то наше развитие будет просто парализовано»²⁷.

Второй аргумент в пользу демократизации связан с тем, что современная модернизация во многом строится на «человеческом капитале». Высококвалифицированный работник — главный секрет ее успеха. Следовательно, она требует и механизма «воспроизводства» такого капитала (система образования), и его поддержания (система здравоохранения, пенсионного обеспечения, без чего он не

²⁴ Примаков Е. Россия перед выбором // Российская газета. 14.01.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/14/primakov.html>

²⁵ Бадовский Д. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. М., 2009. Т. 7. № 3, май — июнь. С. 30.

²⁶ Примаков Е. Россия перед выбором // Российская газета. 14.01.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/14/primakov.html>

²⁷ Сурков В. Обновляйтесь, господа! // Итоги. 2009. октябрь

будет иметь стимула к сбережениям). Как справедливо указывал А. Рябов, «классические» модернизации как раз строятся на эксплуатации дешевизны человеческого капитала — не только в смысле оплаты труда, но и малого объема востребуемых им общественных благ²⁸. Требуемые для такого «приумножения человеческого капитала» меры и реформы требуют открытости, диалога с «потребителями», учета как их объективных интересов, так и субъективных оценок социальной справедливости предпринимаемых мер. Лучший (точнее — худший) пример ошибок в реализации таких реформ — «монетизация льгот»: бурные протесты «льготников» вызвало не столько содержание реформы, сколько методы ее проведения и «продажи» обществу. **Риск** в этом случае тот же, что и в предыдущем: возможное повышение «цены вопроса».

На эту опасность указал Президент Д.А. Медведев в выступлении на заседании Госсовета в январе 2010 г.: «...на практике мы, к сожалению, зачастую сталкиваемся с иными подходами, когда усложняющимися социальными процессами пытаются управлять при помощи примитивного, а бы даже сказал — тупого администрирования»²⁹.

Третий аргумент — продолжение первого и второго вместе. И деловая активность, и общественная деятельность граждан нуждаются в высвобождении из-под бюрократического «вертикального» прессинга, иначе «технологическая» модернизация просто не даст эффекта. Так, успехи в развитии информационно-коммуникационных средств дают преимущество в скорости обработки информации и принятия решений, но они не дадут мультипликационного эффекта в других секторах экономической деятельности, если одновременно не будут снижены административные барьеры

²⁸ Рябов А. Модернизации в России и глобальные изменения // Стратегия России. №10 (70), октябрь 2009. М., 2009. С. 82.

²⁹ URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/print>

и обуздана коррупция. То же самое относится и к повышению энергоэффективности: снижение издержек производителя будет прочитано бюрократом как возможность обложить предпринимателя более высокой коррупционной рентой.

Негативное воздействие закрытой системы на экономику не сводится к коррупции и бюрократизму. Отношения государства и бизнеса, по всем авторитетным заключениям, приобрели практически чисто некорпоративный характер: По мнению Я. Паппэ, «[в 2000-е гг.] Власть рассматривала бизнес-элиту (и любую другую социальную группу) не как партнеров, а как ресурс или инструмент своей политики... к реальному процессу принятия решений они не допускаются, а нарушение этого запрета карается репрессиями... в 2000-е гг. лоббизм был заменен «режимом челобитных»³⁰. Девизом этого процесса можно сделать «исторический» вопрос бывшего премьера России М. Фрадкова к бизнесменам на первом заседании Совета по конкурентоспособности и предпринимательству: «Вы готовы встраиваться?»³¹ Добавим к этому распростиранную практику рейдерства, неутвержденность прав собственности. Очевидно, что такой режим отношений с государством не способен создать деловую среду для модернизации (что, собственно, и признал В.В. Путин приведенным выше высказыванием).

Отношения государства с обществом в «режиме челобитных» изживало себя уже в период линейного (правда, количественного, а не качественного) подъема экономики. В условиях же кризиса и начинающегося нового этапа модернизации они становятся недопустимой помехой и

³⁰ Паппэ Я. Что развивают институты развития? Политком.ру. URL: <http://www.politcom.ru/6708.html>

³¹ Встройка» века: Премьер-министр Михаил Фрадков лично проверил российских олигархов на благонадежность. Время Новостей. 9 апреля 2004. URL: <http://www.vremya.ru/print/96002.html>

для стратегических планов, и для повседневной деятельности государства, его общения с гражданами. Существующие же рамки институтов политической конкуренции (вкуче с зависимым положением судов, «выстроенностью» большей части СМИ) слишком узки для того, чтобы и предприниматели, и группы граждан могли через эти институты отстаивать свои права и интересы, тем более — добиться от власти учета своей позиции.

Модернизация политики в общественном дискурсе

Модернизация России вообще и ее политическая составляющая в частности в последние месяцы стали предметом активной общественно-политической дискуссии. Сам по себе этот факт крайне положителен: без информированной и рациональной поддержки по крайней мере политически активной частью общества модернизация невозможна. Однако содержание этой дискуссии является дополнительным свидетельством неоднозначного отношения к модернизации различных слоев российского политического класса.

Почти прекратились споры о том, можно ли российскую модернизацию называть «догоняющей»: они провоцировались скорее «пропагандистской оболочкой»: в эпоху высоких нефтяных цен некоторым сама постановка вопроса казалась политически некорректной. В условиях же мирового финансового кризиса и после того, как Президент России в своей статье дал нелюбимую характеристику положения дел в стране дискуссия на эту тему утратила смысл.

Можно считать решенным и вопрос о характере модернизации как «индустриальной» или «постиндустриальной»: практически единодушно признается, что в экономической сфере требуется и перевооружение традиционных отраслей промышленности, и развитие новых, инновационных сред. Другое дело, что значимость такого согласия нельзя пре-

увеличивать: и «традиционные», и «инновационные» сектора — понятия безразмерные, поиск приоритетов и в тех, и в других только начинается пятью сферами, обозначенными в Послании Президента. Их уточнение и формирование инвестиционных планов — важнейшая политическая задача (подчеркнем слово «политическая» — распределение ресурсов — функция политики).

Со словом «модернизация» практически не употребляются определения «авторитарная» или близкое к нему — «мобилизационная». И не только потому, что петровско-сталинские модернизации получили однозначную оценку из уст Президента. Любой реалистически мыслящий политик или эксперт осознает, что задачи нынешней российской модернизации нерешаемы через казарменную мобилизацию, а современное российское общество слишком индивидуалистично и урбанистично, чтобы стать слепым исполнителем авторитарных команд.

По «техничко-экономическим» аспектам модернизации намечается общая точка зрения, повторимся, дебаты по их конкретному содержательному наполнению еще впереди, и именно для обеспечения их качества и нужны реальные рамки урегулирования конфликтов, которые может дать только институционализированная дискуссия, предотвращающая острые конфликты.

Но политические аспекты модернизации остаются предметом острых дискуссий, что показало, в частности, заседание Государственного совета 22 января 2010 г. Полярными можно признать высказывания по поводу политической системы со стороны «Единой России», устами Б. Грызлова заявившей: «Мы сегодня ее [политическую систему] не меняем, мы ее сегодня модернизируем», и лидера партии «Яблоко» С. Митрохина: «...нынешняя политическая система несовместима с модернизацией»³².

³² URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693>

Даже внутри политического мейн-стрима видны существенные расхождения в подходе к реформированию (или модернизации — думается, что словоупотребление в этой дискуссии значимо, но не является главным) политической системы.

Противники модернизации политической системы склонны преувеличивать ее риски — приведем пример публицистически яркого описания возможных последствий ослабления административного ресурса на выборах: «...пока лед не трогают, он кажется несокрушимым, но при первых же прыжках начинает стремительно крошиться под ногами власти. Куда все вырулит, не скажет заранее никто. Во всяком случае никакой «модернизацией» этот праздник непослушания» не обернется... общество тем более неспособно само себя дисциплинировать, остановиться у разумной черты»³³.

В значительной части официально-истеблишмента доминируют установки на модернизацию, которая не предполагает существенных изменений в политической системе. Напрямую политическая модернизация не отрицается, но общий тон концепций «консервативной модернизации» как официальной позиции «Единой России» и многих ориентированных на исполнительную власть экспертов именно такой. Близкие к партии политологи определяют ее как «консервативную по содержанию, ненасильственную по методам, демократическую с точки зрения опоры на сложившиеся национальные демократические институты»³⁴. Выбор консервативной модели авторы обуславливают отсутствием массового запроса на нее и напротив — доминированием патерналистского запроса. Ссылаясь на неразвитость институтов, они считают «инертную коалицию» путинского большинства высочайшей ценностью, которая обеспечит

массовую поддержку власти в период модернизационных изменений.

Консерватизм провозглашает непременным условием «органичной» модернизации и журнал «Эксперт», главный редактор которого В. Фадеев, по сути, ставит знак равенства между этими понятиями, говоря об органичной модернизации как «той самой консервативной модернизации, которая не ломает базовые структуры жизни общества»³⁵.

Тон «околовластного дискурса» о переменах в политической сфере в контексте модернизации варьируется. Например, Г. Павловский интерпретирует президентский курс как «конституционную конверсию власти — возвращение ее из размытого, узурпированного состояния к надежно стандартизированным государственным правилам — институтам... включение меньшинств и принуждение партии власти к диалогу с ними»³⁶, но другие близкие к «Единой России» комментаторы намеренно принижают значимость политических реформ: «Людам все время хочется какой-то «движухи», и приходится с этим считаться. Конечно, в идеале нам надо было бы заморозить на 10–12 лет ту политическую систему, которая сложилась к 2005–2007 годам»³⁷ (В. Иванов). Еще большую широту и вариативность точек зрения экспертов (в большинстве своем — провластных) на политическую сферу в контексте модернизации выявляет подборка материалов специального выпуска «Русского журнала» № 1 (43) от 21 января 2010 г., но все же основной лейтмотив многих из них — необходимость институционализации «партии власти» и ее трансформация в связи с задачами развития страны. Добавим, что наряду с этим полнота дискуссии подразумевает и расширение возможностей для

³³ Разиховский Л. Песчинка на весах // Российская газета. 27.10.2009.

³⁴ Орлов Д., Бадковский Д., Виноградов М. Консервативная модернизация — 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня.

³⁵ URL: <http://edinros.ru/er/text.shtml?11/0953,110030>

³⁶ Павловский Г. Охранительный плюрализм правящей силы // Русский журнал. Выпуск 1(43). 21 января 2010. С. 2

³⁷ URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2010/01/19/13314>

участия в политической жизни страны оппозиционных партий — на это направлены, в частности, два пакета реформ соответственно федеральной и региональной законодательной власти, выдвинутые Президентом России Д.А. Медведевым в посланиях Федеральному Собранию 2008 и 2009 гг.

Таким образом, ближайшую задачу в области политической модернизации можно сформулировать как «перезапуск» механизмов политической конкуренции. Речь должна идти о планомерном «открытии» каналов политического диалога — диалога институционально равноправного и обязывающего. Иными словами, смысл модернизации политической системы — в постепенном переводе властных функций от некорпоративистских элементов государственного строя в демократические, разнесении бремени власти, сосредоточенной в одной вертикали, на различные ветви и уровни власти, но не путем ослабления эффективности и управляемости, а путем развития институтов, принимающих на себя отправление этих властных функций. Упомянувшийся выше Ф. Шмиттер в недавнем интервью российскому изданию отметил: «Чтобы институционализировать российскую демократию, необходимо создать относительно автономные институты власти... систему сдержек и противовесов»³⁸.

Описание означенных задач четко указывает на необходимость политической воли высшего руководства страны: только оно может послать бюрократии достаточно сильные сигналы и добиться их выполнения. Если «политический класс» откликнется на действия, расширяющие каналы конкуренции, то образуется «встречное движение снизу», которое, собственно, и составит суть реформы политической системы.

Решение этих задач, разумеется, не приведет к немедленному появлению в России зрелой и стабильной демократии — она по определению невозможна в переходном, трансформирующемся обществе. Однако такой «перезапуск конкуренции», с одной стороны, сохранит рамки управляемости политической системы политическим руководством страны, а следовательно — поможет оптимально использовать инструментарий модернизации, с другой стороны, обретаемые навыки политического плюрализма создадут политическую рамку для модернизации, поскольку откроют каналы мобильности, ослабят бюрократическое давление на предпринимателей, запустят механизмы ненасильственного урегулирования конфликтов. Все это откроет возможности как для реализации комплексной программы модернизации, так и для дальнейшего развития демократии в России.

³⁸ Шмиттер Ф. Статус партий в эпоху корпоративизма // Русский журнал. Выпуск 1(43), 21 января 2010. С. 5.

КИТАЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.В. Виноградов

В последнее десятилетие характер общественного развития Китая все чаще описывается понятием «модернизация», т.е. приближением к современности, появление которой в нынешнем виде связывается прежде всего с развитием западного мира. Исследование модернизации как одной из форм социально-исторического движения, альтернативного естественно-историческому типу, предполагает, таким образом, сопоставимое внимание не только к исходной точке — китайской цивилизации, но и к западной, воспринимавшейся на определенном этапе в качестве бесспорной цели общественной эволюции.

До Второй мировой войны альтернатива развития имела четкую определенность, в которой капитализму противостоял социализм, не только не ставивший под сомнение ведущую роль Европы в мире, но и последовательно и энергично утверждавший ее. Взаимодействие культурных миров за пределами коммунистической идеологии определялось термином «вестернизация», отражавшим как реальные социально-экономические процессы, так и политику западных держав в отношении «мировой периферии».

После Второй мировой войны прежняя модель мира стала уходить в прошлое. Образование «третьего мира» на обломках колониальной системы усилило противостояние двух общественных систем, дополнив его конфликтом развитых и неразвитых государств. Тогда же появилась теория модернизации, обосновывавшая западный взгляд на развитие новых государственных образований и аргументировавшая неизбежность их движения в сторону западной модели развития. Критерии модернизации совпадали с крите-

риями индустриального общества, ее обязательными чертами были изменения во всех сферах человеческой деятельности, при которых трансформация одного института приводила к соответствующим изменениям в других, а единицей анализа являлось национально-территориальное образование — государство. Основные положения этой теории были изложены в работах Ш. Айзенштада, С. Блэка, Д. Аптера и др., ставших классическими уже в 1960-е годы.

Однако довольно скоро стало ясно, что в результате мирохозяйственных связей стремление к достижению уже существующего уровня обрекает избравших эту модель на постоянное отставание. Одновременно стало выясняться, что и черты модернити, успешно объясняя отличия современного европейского общества от средневекового, мало что дают для понимания отличий европейской цивилизации от азиатских, в том числе от китайской. Практические результаты освоения европейской материальной культуры другими народами не свидетельствовали о воспроизводстве западной социальной матрицы, из чего вытекал вывод, что теория модернизации не справляется с возложенными на нее функциями.

Между тем в самой западной цивилизации нарастали кризисные явления. Продолжая традиции экономического детерминизма, теории постиндустриального общества дали новое объяснение общественно-экономическому развитию Запада. Из анализа развитых стран ими был сделан вывод, что модернити как эпоха индустриальной фазы экономики завершается. Естественные стремление исследователей выйти за рамки обнаружившего изъяны индустриального

общества не могло быть удовлетворено в рамках экономических концепций. Смещение акцентов в сферу культуры стало ведущей тенденцией общественных наук.

После того как концепция модерна подверглась критике, под ударом оказалась и теория модернизации. В 1980-е годы она была связана уже не столько с конкретными результатами социально-экономических преобразований, сколько с изменившимся дискурсом интеллектуальных кругов, испытавших влияние постмодернизма, вследствие чего произошел отказ концепции от универсализма и идеологической конфронтационности. В результате был разрушен стереотип, в соответствии с которым социализм рассматривался как принципиальный оппонент либерализма. Одновременно по мере ослабления международной напряженности и возникновения противоречий внутри социалистического лагеря его историческая миссия все больше стала связываться с ускорением экономического развития отсталых стран, а основания для противопоставления марксизма и теории модернизации исчезали.

В результате в 1990-е годы понятие «модернизация» стало подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития. Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и социально-исторического времени — процессом постоянной смены, рассматривающимся в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества.

Научно-технический прогресс, став основанием для глобального утверждения Западом своих культурных норм, вызвал их отторжение другими народами. Более

того, как свидетельствует история XX в., после удара западной цивилизации все они постепенно, хотя и в разной степени, возвращаются к традиционному способу воспроизводства культуры, демонстрируя нарастающее многообразие развития. Одновременно опровергается постулат классической теории модернизации: сегодня этот процесс затрагивает уже не отдельные нации-государства, а целые культурные ареалы.

Модернизация и Китай

Развитие Китая, с середины XIX в. протекавшее под определяющим влиянием технико-технологического превосходства Запада, а после 1949 г. под растущим воздействием социалистических идей, а сейчас приобретающее все большую самобытность, во многом соединило эти качественно разнородные процессы. Таким образом, все три наиболее распространенные в XX в. модели общественного развития, описываемые концепциями перехода от традиционного общества к современному, социалистического строительства и взаимодействия Восток — Запад, оказались применимы к Китаю, где они, объединившись, предложили принципиально новую модель, в которой крупномасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения становятся результатом целенаправленных усилий государства.

Зарождение новой эпохи совпало с вовлечением во всемирную историю все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Единственным способом ее решения могло стать ускорение развития, т.е. смена естественно-исторического типа на новый, субъектный. Материалистическое понимание истории, воплотившее экономический детерминизм европейской цивилизации и основные черты наступившей эпохи, обусловило выбор марксизма рядом отсталых стран для решения

задач национального и социального освобождения, а также для преодоления разрыва с мировыми лидерами.

Поставив своей целью решение задач, вставших перед европейским обществом, марксизм за пределами Европы стал восприниматься преимущественно как средство догоняющего развития, оторвав практику социалистического строительства от ценностей европейской цивилизации. Утратив приоритет европейских нравственных ценностей, мобилизационная модель развития тем не менее длительное время не признавалась в качестве самостоятельной и получила наименование «государственно-административный социализм», подчеркивающий ее производный от других европейский характер.

Зафиксировав генезис мобилизационного типа развития, теории национального освобождения и социалистического строительства существенно отличались от западных концепций, предложив обширные ниши для национальной культуры, что обеспечило политический успех их сторонникам. Тем не менее экономическая отсталость социалистических стран предопределила, что соответствие социализма требованиям нарождающейся эпохи и его самостоятельный характер на протяжении длительного времени оказались скрыты проблемами текущего развития. Только в конце XX в. появились основания для того, чтобы связать этот тип развития с поисками национальной (цивилизационной) идентичности в социокультурной и социально-политической сфере.

Господствовавшие в научном сообществе социологические, исторические и идеологические концепции играли определяющую роль в изучении социально-экономических и общественно-политических процессов в Китае. До Второй мировой войны американские и западноевропейские обществоведы рассматривали его в традиционном европоцентристском ключе, уделяя внимание прежде всего вопросам, связанным с иностран-

ным влиянием, что в целом верно отражало узловые проблемы его развития с середины XIX в. После 1949 г. общественные процессы в Китае стали рассматриваться с большим вниманием и заинтересованностью. Однако в фундаментальных исследованиях по-прежнему главное внимание уделялось досинхайскому и республиканскому периодам, и редко преодолевался рубеж 1949 г. Текущей ситуацией занимались в основном политологи и экономисты, поставлявшие государственным институтам оперативную аналитическую информацию, не погружаясь в изучение фундаментальных вопросов.

Толчком к переосмыслению представлений о Китае стали успехи КНР в первое десятилетие социалистического строительства, а затем война во Вьетнаме и поражение в ней США, положившие начало пересмотру ряда параметров прежних западных концепций мирового развития. Стало формироваться новое отношение к КНР, китайская революция была признана не только политическим и идеологическим явлением, но и явлением китайской культуры и истории, что сделало возможным ее изучение в контексте развития китайской цивилизации. Тогда же было признано ошибочным противопоставление теории модернизации и марксизма как интеллектуальных альтернатив, а марксизм стал рассматриваться как один из вариантов теории модернизации.

Начало реформ в 1978 г. не внесло принципиальных изменений в характер изучения КНР. Поскольку в теоретическом отношении постмодерн оказался не завершен, то и в исследованиях современного Китая не произошло концептуальных прорывов. До сих пор внимание западных исследователей в первую очередь привлекают экономическая реформа, рост экономического и военно-промышленного потенциала как факторов регионального и мирового развития.

До 1980-х годов марксистское понимание общественного развития во многом доминировало и в КНР. Даже про-

цессы в дореволюционном Китае было принято рассматривать в русле формационной теории, сводящей к борьбе рабочих и крестьян с китайскими помещиками, иностранным капиталом и маньчжурским господством объяснение причин и характера его социально-исторической динамики. Концепция «строительства социализма с китайской спецификой», выдвинутая китайским руководством в начале 1980-х годов, расширила рамки исследований, ориентируя на поиск новых подходов. Существенным стало признание уникальности древней китайской цивилизации и общественной мысли, а также их влияния на современное развитие.

На рубеже третьего тысячелетия, когда кризис действующего мироустройства вызывает все большую обеспокоенность, а альтернатива ему не определена, изучение Китая с целью вписать протекающие в нем процессы в общемировой контекст может пролить свет на фундаментальные тенденции глобального развития. Для этого развитие Китая необходимо рассматривать как комплексный процесс, который сначала описывался в понятиях «традиционное — современное», а затем «социализм — капитализм» и «национальная идентичность — глобализация», акцентируя внимание не столько на различиях в рамках каждой пары, сколько на том, что их объединяет, проанализировать общие и специфические принципы социально-политической и социокультурной трансформации, уделив особое внимание сравнению с формационно и цивилизационно близкими странами, интерпретировать роль марксизма в этом процессе, а также представление о национальной идентичности, рассмотрев ее как структурообразующий элемент современного мира.

Генезис революций нового типа

Экономический детерминизм марксизма обосновал главенство в его методологии естественно-исторического подхода, в соответствии с которым борь-

ба классов неизбежно завершится ликвидацией социальных антагонизмов. Для реализации ставшего рациональным идеала стало возможно использование выявленных общественных закономерностей. Объединив научную теорию и неизбежные выступления пролетариата, можно было создать условия для ускоренного достижения естественно-исторически предначертанных целей. Революция стала центральным элементом нового типа развития и необходимым условием социального прогресса. Стихийному течению истории стала противостоять история, строящаяся в результате целенаправленных усилий, прилагаемых в соответствии с теоретическими представлениями.

Высокий уровень абстракции придал марксизму строгость, сделав удобным для использования в других странах. Оказалось, что его основные инструменты по преодолению изъянов западной цивилизации — план и диктатура адекватны для решения задач социального развития в отсталых странах. Представляя оппозиционное движение, сочетавшее принадлежность к могущественному Западу и критику его несовершенства, марксизм приобрел популярность в коллективистской культуре России.

Главной особенностью воздействия Европы Нового времени на Россию стала собственная инициатива последней по усвоению характерных черт европейской жизни. Логика петровских заимствований была продиктована кругом прикладных задач. Преобразования начались с военной реформы, которая повлекла за собой создание промышленности, финансовой системы, принятие западных стандартов образования. Успешное решение задач, поставленных под воздействием внешних факторов, укрепило государство. Внутренние стимулы к преобразованиям, не вызрев полностью, потеряли актуальность. Одновременно произошло разделение российского общества по типу культурной ориентации — высшие слои

оказались ориентированы на западный образ жизни, мысли и ценности. Самостоятельным фактором развития стали общественно-политические теории.

В результате преобразований в начале XIX в. на социально-политической сцене возник не связанный с властью слой, обладавший не только европейским образованием и рациональным взглядом на мир, но и не порвавший связи с национальными традициями. Представители разночинной интеллигенции первыми увидели пороки западной модели и предложили путь к общественной справедливости, учитывающий экономические, социальные и политические особенности России — через соединение крестьянской общины с социалистической мыслью. Включив в социальный проект в качестве позитивного фактора основную часть населения, они признали за общиной право оставаться носителем цивилизационного ядра и наметили подходы к формулированию национальной идентичности, назвав это «русским социализмом» (А. Герцен). Считая, что история Западной Европы является примером синхронного развития, при котором экономические и политические аспекты вызывают соответствующие изменения друг в друге, они предположили, что естественный путь не является единственным вариантом исторического движения — возможна его асинхронность.

С восприятия марксизма Г. Плехановым начался новый этап в отношениях с Западом. По его убеждению, формационная теория Маркса сумела предложить ответ на большинство вопросов социально-экономического развития России. Схема ее последующего развития выглядела абсолютно логичной и убедительной: капиталистические преобразования создадут союзный революционной интеллигенции пролетариат, породив классовую борьбу, которая освободит страну и от власти царя, и от буржуазии. Однако свойственная Европе синхронность отказывалась находить практическое подтверждение в Рос-

сии — экономический рост не только не вел к изменению политического строя, но и не сопровождался установлением капиталистических отношений.

Признав особый характер российского общества, большевики отдали приоритет не столько социально-экономическому развитию, сколько профессиональной политической деятельности. В отличие от буржуазных революций, которым предшествовало завоевание экономического пространства, российская социал-демократия предложила сначала взять политическую власть, а затем вернуться к преобразованиям базиса. Обрусевший марксизм, таким образом, преступил один из фундаментальных принципов европейской цивилизации — следование естественно-историческим закономерностям. Поставив в качестве цели не самоусиление существующего государства, а приближение его к критериям западного, русские интеллектуалы заимствовали из западного опыта идею революции, для осуществления которой ими был выработан уникальный политический инструмент — авангардная партия, которая заменила в общественно-политическом многочлене марксизма понятие «естественно-исторический».

После победы в 1917 г. революции иностранная интервенция и Гражданская война в значительной степени определили черты новой государственности, которая стала формироваться не только под влиянием марксистского идеала, но и с учетом практических задач. Сложившийся хозяйственный механизм, известный как «военный коммунизм», совпадал в основных чертах с экономической теорией Маркса. Отличие заключалось в том, что централизованное распределение использовалось не для осуществления уравнительного идеала социальной справедливости, а для мобилизации ресурсов на приоритетных направлениях. Сложившаяся к началу 1920-х годов экономическая модель оказалась далекой от гуманистических идеалов социализма, но эффек-

тивной для решения мобилизационных по своей природе задач. Укрепление нового государственного строя и реализация революционного идеала стали основными принципами деятельности новой власти, между которыми постоянно тлеет конфликт.

Провозгласив целью достижение уровня развитых государств, коммунистическая партия изменила характер марксизма в России, сделав его государственной идеологией. Итоги Второй мировой войны предопределили решающее влияние советской системы на начальный этап строительства социализма в других странах. Составляющие ее сущность общественная собственность, распределение по труду, плановый характер экономики и командно-административная система отвечали задаче преодоления разрыва с капиталистическими странами. Однако по мере ее решения в советской модели стали проявляться серьезные изъяны. Возникшее в результате постоянных изменений между внешними факторами, государственными интересами и идеологическими принципами напряжение можно было преодолеть, только существенно модифицировав идеологию.

Революция и модернизация

В середине XIX в. Китай также как и Россия столкнулся с вызовом западного мира. Но в отличие от России китайский императорский двор не смог преодолеть тысячелетних традиций китаецентризма и был не в силах расстаться с идеей собственного культурного превосходства. Предпринимавшиеся им меры по усвоению западных достижений были поверхностны и непоследовательны.

Надежда на потенциал совершенствования существующего строя существовала и у государственных чиновников, которые, как и их русские предшественники, обратились к западным концепциям, а также к опыту России и Японии. Но, даже признавая необходимость масштабных

изменений, инициаторы первой последовательной концепции преобразований — «100 дней реформ» (1898 г.) строго придерживались традиционной этики и не призывали к свержению строя, поэтому в отличие от петровских результаты первых китайских реформ были минимальными. Несмотря на неудачу, предпринятая попытка синтеза национальной традиции с западными идеями продемонстрировала готовность китайских интеллектуалов к модернизации традиционной культуры.

Наступление следующего этапа было связано с появившимся в конце XX в. западнообразованным и независимым от государства социальным слоем. В результате безуспешных попыток предшественников Сунь Ятсен осознал необходимость радикальной смены строя и заимствования методов управления и интеллектуальных стандартов. Смысл его общественно-политической доктрины состоял в более динамичном движении к современности. В своей политической программе он объединил две главные для Китая задачи: погоню за мировыми лидерами и смену режима. Наиболее важным вкладом в общественно-политическую мысль Китая стала идея Сунь Ятсена о возможности проведения насильственной революции, нарушавшая традиционные представления о ходе исторического процесса. Он первым стал связывать преобразования не с постепенным изменением взглядов императора и чиновников, а с уничтожением старых и утверждением новых общественных институтов. Однако энергии Синьхайской революции (1911 г.) хватило только на слом старой машины, на обломках которой выросли региональные милитаристские группировки. Выступив главным защитником осколков разваливающегося государства, милитаризм стал временной хозяйственно-политической формой выживания традиционной культуры, придавший status quo состоянию неустойчивого равновесия. Предложить позитивную программу государственного

строительства в этих условиях могла только революционная интеллигенция.

Желание Сунь Ятсена найти на Западе своего естественного союзника в борьбе за национальное освобождение обусловило повышенный интерес к социалистическим учениям, подвергавшим жесткой критике империалистическую политику, и одновременно близким традиционным этическим концепциям. Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, привели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно переплелись национальное и классовое. В отличие от других школ социалистической мысли марксизм смог стать инструментом политической борьбы, не только объяснив социально-экономические закономерности феодализма, в которых китайцы легко угадывали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад. Интерес к марксизму значительно вырос после Октябрьской революции и образования Советского государства, продемонстрировавшего на практике способность эффективно противостоять не только вооруженной агрессии западных держав, но и самостоятельно развиваться. Движение «4 мая 1919 г.», вызванное ущемлением чувства национального достоинства итогами Первой мировой войны, придало импульс общественно-политической деятельности студенчества и интеллектуальной элиты Китая, создав предпосылки для их организационного оформления. С появлением КПК (1921 г.) настоящим марксизмом многие в Китае стали считать осуществленный в России большевизм. Китайская компартия, таким образом, с самого начала рассматривала марксизм прежде всего как государственную, а не классовую идеологию.

Последовавшая идейно-политическая и организационная реформа Гомиьндана с использованием советского опыта партийного строительства в начале

1920-х годов создала условия для политического союза с китайскими коммунистами. Появление мощной, хорошо организованной политической силы положило начало успешному освобождению страны от милитаристов и объединению ее под властью революционного правительства в ходе национальной революции 1925–1927 гг. Однако расширение влияния компартии обострило борьбу между крупнейшими политическими силами за лидерство. ГМД не успевал за ростом политической активности населения и был вынужден пойти на разрыв с КПК, быстро расширявшей свое влияние в массах и органах власти.

Главный политический оппонент КПК, превратившись в единственную правящую партию и вынужденно сосредоточившись на хозяйственной деятельности, постепенно терял революционный импульс. Социально-политические усилия, которые приложил ГМД для модернизации традиционного общества, оказались явно недостаточными. Под влиянием социокультурной среды началось движение не в сторону новой государственной идентичности, а возвращение к национальной традиции, которое шло более быстрыми темпами, чем допускало решение мобилизационных задач.

У КПК, оказавшейся в результате поражения национальной революции (1925–1927 гг.) и последовавшей гражданской войны в сельских районах, появились мощные стимулы для творчества. В 1930-е годы оформились характерные черты ее политической деятельности: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т.д. Вызревшая в этих условиях доктрина «китаизированного марксизма» привела к общему знаменателю европейские построения и китайские реалии политической борьбы. Не только китаизируя марксизм, но и европеизируя традиционные китайские концепции, она полностью укладывалась в китайские представления об использо-

вании западного для собственного совершенствования, предопределив в конечном счете победу КПК.

После завоевания компартией власти в 1949 г. изменился характер и масштаб стоящих перед ней задач. В соответствии с распространенными тогда в коммунистическом движении представлениями национальная специфика ограничивалась проведением революции в «полуфеодальной, полукOLONIALной» стране, а после ее победы задача развития многократно облегчалась движением по уже известному маршруту. Ясность цели делала главной задачей увеличение скорости. До начала 1950-х годов деятельность КПК концентрировалась в социально-политической и военной сферах, в которых решающими были политическая воля и организация. Революционные методы преобразований выглядели в равной степени применимыми и к экономическим процессам. Во многом поэтому из-за негодных средств программа форсированной индустриализации закончилась провалом, быстро исчерпав потенциал простого живого труда. Неудачи социально-экономических экспериментов Мао Цзэдун расценил как недостаток социокультурной среды, сделав вывод о необходимости перенести центр преобразований на социальные отношения, искусственно создать зону социально-политического напряжения, чтобы вырваться за пределы традиционного общества и за рамки естественно-исторического развития.

Во время «культурной революции» (1966–1976 гг.) зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела для маоистов абсолютный характер. История «культурной революции» и ее результаты позволили сформулировать основное противоречие социалистического строительства в Китае — между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, не подчиняющейся характерным для Запада законам общественного развития.

На протяжении всей китайской истории конфликт поколений, являвшийся одним из главных факторов социального развития, скрадывался социально-политическими институтами и традиционной этикой, обеспечивавшими общественную стабильность. В ходе «культурной революции» инерции социокультурной среды вновь был брошен вызов, но не извне, а изнутри — революционным характером новых лозунгов, которые по замыслу ее организаторов должны были отразиться на социально-политическом динамизме масс. Подключив к процессу свободную от норм традиционного общества молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние старых традиций. Но на практике выяснилось, что вместе с традициями исчезла и социально-политическая стабильность. Новые структуры власти оказались не способны контролировать массовое движение. Мао был вынужден укрепить личную власть, ставшую единственной точкой общественной консолидации. Потенциал революции как важнейшего инструмента модернизации был, таким образом, исчерпан в «культурную революцию», революционно возродившую традиции государственного управления.

Всем китайским революциям, начиная с Синьхайской (1911 г.) и кончая «культурной», свойственны существенные общие моменты, которые позволяют не просто выделить их типичные черты, но и определить их место и функции в общественном развитии. Традиционные культура и социальная организация были не способны эффективно ответить на вызовы времени и внешние угрозы, но были еще достаточно сильны, чтобы сопротивляться внутренним попыткам реформирования. Усиливающееся давление внешней среды испытывало на прочность всю китайскую культурную традицию. В наибольшей степени его ощущали действующая власть и политическая традиция, консолидировавшие китайское общество и придававшие ему политичес-

кую, государственную идентичность. Поражение государства в конфликте с внешними силами, властью и лояльными ей социальными слоями воспринималось тождественным поражению культуры. Для социальных слоев, не связанных с государством, естественной выглядела мысль о жертве части во благо целого. Бескомпромиссный выбор требовал проведения революции, т.е. сознательного разрушения прежнего социально-политического организма, инерция которого неумолимо вела Китай к гибели. Разная степень давления, испытываемая различными социокультурными слоями, обострила конфликт между ними, предопределив вооруженный, т.е. неконвенциональный — обычный для единого культурного массива, способ урегулирования отношений и разрушения политической традиции, в первую очередь свержения ее носителей. Задача революционных сил, осознавших перспективу гибели и готовых предложить альтернативную модель развития, состояла в том, чтобы сформировать новый механизм управления, способный воссоздать конкурентоспособную для мировой истории социальную организацию на месте и из материала прежней.

Так определился круг задач китайской революции, а возможно, и некоторых других революций Новейшего времени. Во-первых, необходимо было разрушить прежнюю политическую организацию, начав с устранения высшего руководства, являвшегося главным носителем традиции. Отличие политических переворотов от революций заключается в том, что новая политическая сила использует обретенную власть для формирования нового социально-политического механизма, а не пользуется действующим. Поэтому, во-вторых, необходимо было решить задачи переходного периода и удержать социум от распада и хаоса особыми, экстраординарными — мобилизационными и насильственными методами, поскольку традиционные — этические и политические — не действовали.

Перечисленные задачи диктовали свои условия. Революции должны были осуществляться не просто вооруженными методами, но и при активном участии военных, на которых возлагалась задача сохранения общественной ткани от распада. Вместе с тем военные, призванные по своей природе выполнять государственно-охранительные функции, были не в состоянии создать новые социальные связи и принципы социальной организации. Поэтому рано или поздно перед обществом возникала задача перейти к гражданскому, т.е. стабильному, немобилизационному правлению, на которое возлагалась задача по конструированию нового социального организма и системы его управления. Авангардные партии в силу своих организационных особенностей и принципов построения были близки армейским структурам и могли сочетать функции разрушения и созидания. Очень часто они прямо возлагали на военных выполнение задач социалистического строительства, что неизбежно сказывалось на формах, методах и конечном результате. Изъяны военных методов организации мирной жизни явились одной из главных причин общих недостатков социалистического этапа строительства, особенно на ранних стадиях. Для того чтобы уйти от них, потребовались значительные усилия и время. Но и после этого сохранялась опасность. Слишком раннее освобождение от военного компонента и переход к мирному ритму создавали угрозу реставрации культурной традиций и норм жизни, препятствовавших зарождению нового, постоянно подавляя его.

К середине 1970-х годов выяснилось, что успешная модернизация невозможна при сохранении традиции, но и попытки полностью отказаться от нее не ведут к успеху. Необходимо было эмпирическим путем найти условия для синтеза традиционного и современного. Придание модернизаторской роли традиционной культуре стало главной задачей КПК, сумевшей

найти ей решение в китайской трактовке идей социализма.

Китайские реформы

Смерть Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 г.) кардинальным образом изменила политическую ситуацию в Китае. В высшем руководстве обострилась борьба между различными фракциями. Дэн Сяопин в конце 1970-х годов отказался от ключевых положений «культурной революции», заявив о своих претензиях на политическую инициативу и лидерство. Веским основанием для этого был избранный им подход — не следование указаниям Мао, а завоевание авторитета практическими действиями. Переориентация на экономический прагматизм могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства конфликты. Стремясь избежать этого, Дэн Сяопин обратился к марксистскому лозунгу, воплощавшему и традиционный для Китая эмпирический подход: «практика — единственный критерий истины», который стал методологической основой реформ.

В ходе начавшейся дискуссии Дэн Сяопин, хотя и заявлял, что «нельзя нарушать основные принципы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна», вместе с тем подчеркивал, что их «надо обязательно соединять с действительностью». 3-й пленум 11-го созыва (декабрь 1978 г.) положил начало курсу реформ, которому необходимо было найти позитивное идейно-теоретическое оформление. Выдвижение «четырех основных принципов» (приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна) очертило границы курса на развитие производительных сил, сохранив за реформами социально-политическую определенность.

Социально-экономическая природа «левых» ошибок, допущенных в годы «культурной революции», дала китайской общественной мысли основание ха-

рактеризовать тогдашнее состояние общества как «начальный этап социализма», главной задачей которого является развитие производительных сил. Принятое в этих условиях «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (июнь 1981 г.) не привело к отрицанию предшествующего периода, места Мао Цзэдуна в истории китайской революции и не потребовало новых процедур легитимации власти. В начале 1980-х годов стало окончательно ясно, что для продолжения реформ нужна такая теоретическая формула, которая бы примиряла принципы марксизма и социально-экономическую практику и, таким образом, задавала новые ориентиры развития. Марксистским построениям, по-прежнему служившим точкой отсчета для значительной части руководства КПК, требовалось дать новую интерпретацию. Жесткий детерминизм марксистской модели в каждом конкретном случае стремился проверить экономическую целесообразность на соответствие идеологическим принципам, сдерживая проведение реформ. Ссылка на цивилизационную специфику в этих обстоятельствах представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями. Так проявился основной конфликт политического развития КНР 1980-х годов: между универсализмом экономической модернизации и особенностями исторического развития и национальной культурой.

Осуществление модернизации Китая было описано Дэн Сяопином на XII съезде (сентябрь 1982 г.) с использованием новой идейно-теоретической формулы как «строительство социализма с китайской спецификой». Она давала ему такую же степень свободы в отношении марксизма, как опора на практику — в отношении наследия Мао Цзэдуна.

Решение съезда о первоочередности экономического развития позволило зафиксировать новую точку консолида-

ции. Но провозгласив критерием эффективности экономический рост, КПК была вынуждена признать товарный характер экономики и многоукладность, а план и рынок — средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. Постановление 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.), положившее начало радикальной экономической реформе, обострило противоречия в высшем руководстве страны. В ходе дискуссии Дэн Сяопин на первое место поставил развитие производительных сил, а не осуществление принципа «от каждого по способности, каждому по труду», недвусмысленно дав понять, что за социализмом он оставляет в основном лишь функции инструмента.

В результате борьбы мнений приоритет производительных сил и китайских условий был уравновешен курсом на строительство социалистической духовной культуры и открытость внешнему миру. При этом верность марксизму по-прежнему провозглашалась главной идейно-политической константой, но ее истинность требовала свежих доказательств.

С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К. Маркса в обществе произошли глубокие изменения и «некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой». Для преодоления этих недостатков предлагалось новые тенденции развития человечества сделать основой новых теоретических обобщений. Одной из важнейших задач провозглашался «прорыв ограниченности прежних трех составных частей, трех источников марксизма».

Такое отношение к развитию марксизма позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от «несущественных добавлений» к нему. К последним были причислены монополия общенародной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; специфиче-

ские методы политики «военного коммунизма»; придание конкретному опыту социалистического строительства универсального характера; централизованная плановая экономика. Основной чертой социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений, в первую очередь характер производительных сил, определяющий отношения распределения и уровень обобществления. Сохранив марксизм в качестве официальной составной части символа государственной идеологии, дискуссия ввела в его теоретическую систему новые проблемы, приблизив его китайскую версию к современности.

Авторитет власти, подтвердившей свою легитимность на идейно-теоретическом уровне, оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран мира и решить задачу национального объединения. Развитие товарного производства, признание многоукладности и допущение капиталистических анклавов в свободных экономических зонах сняли идейно-теоретические ограничения для мирного восстановления национального суверенитета на всей территории страны — возвращения Китаю колониальных владений Великобритании и Португалии — Гонконга и Макао, и объединения с Тайванем. Концепция «одно государство — два строя» предложила общественное устройство, в основе которого лежит не социально-экономический строй, а этнокультурное единство.

Так же как концепция «одно государство — два строя» объединяла две социально-экономические системы, концепция социалистической духовной культуры, формированию которой был посвящен 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 г.), попыталась объединить национальную традицию и коммунистическую идеологию, которой стало явно недостаточно, чтобы эффективно контролировать социально-экономически

неоднородное общество. Отказавшись на этом пленуме от коммунистической идеологии как ядра духовной культуры, КПК тем самым начала вносить изменения в механизм политического лидерства. В результате этого подверглась трансформации и модель модернизации, с сугубо идеократической, использовавшей социально-политические факторы, — на прагматичную, готовую задействовать личную инициативу и социокультурные традиции.

Новые социально-экономические и идейно-политические реалии вызвали потребность в более аргументированной социально-политической модели развития. К XIII съезду КПК (октябрь — ноябрь 1987 г.) была сформулирована ее новая идейная платформа. Концепция «начального этапа социализма» (НЭС) утвердила за китайской спецификой формационный характер, дополнив его особенностями политической культуры — влиянием феодальных традиций и «буржуазных пережитков». Сложилась новая иерархия, в которой строительство «социализма с китайской спецификой» провозглашалось воплощением теории начального этапа социализма.

Изменяющаяся социально-экономическая структура подготовила условия и для реформы системы управления. Сформировался социальный запрос не только на осуществление демократических преобразований в обществе, но и в системе высшего руководства, которые вели к прямому вызову сложившейся под влиянием национальных традиций и под руководством Дэн Сяопина системе, где личный авторитет стоял выше формальной процедуры. На стороне Дэн Сяопина была подтвердившая свою эффективность на практике методология «реалистического подхода». Политический прагматизм освободил пространство для более близкого китайским традициям социального идеала. При формулировании на XIII съезде стратегической цели — достижения Китаем уровня среднеразвитых стран к 2050 г. Дэн Сяопин использовал

понятие «сяокан» (традиционная китайская концепция «общества среднего достатка»), выглядевшее явной национальной альтернативой НЭС. И поскольку социально-экономическое развитие провозглашалось главной целью государства, то и существующая в Китае политическая система должна была сохраняться до тех пор, пока не исчерпала средств для решения общественных противоречий. Соответственно важнейшей задачей политической реформы стало поддержание стабильности и создание в этих целях механизма адаптации к изменениям, вызванным рыночными преобразованиями.

В то время как политические дискуссии сосредоточились вокруг стабильности и демократии, теоретические дискуссии ушли в сферу культуры, возродив интерес к конфуцианству и проблемам китайской цивилизации. Наиболее перспективным для официальной идеологии вариантом эволюции стало рассмотрение вопросов, связанных с особенностями цивилизационного развития Востока и Запада. Теоретическим обоснованием строительства «социализма с китайской спецификой» была признана концепция азиатского способа производства. Был сделан вывод, что социалистическое общество — это самостоятельная общественная формация и может рассматриваться как особый путь к новой социальной организации, благоприятный для стран с патриархальной системой и приоритетом государственных интересов над личными. В итоге концепция «сяокан» получила солидную теоретическую основу.

Ликвидировав непосредственную угрозу действовавшей политической системе, руководство страны поставило перед собой задачу выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала власть КПК и стратегические цели Китая — экономическую мощь и авторитет на международной арене. Зимой 1992 г. Дэн Сяопин сделал несколько принципиальных заявлений о характере и перспективах развития, подчеркнув необ-

ходимость подчинить деятельность государства трем критериям: развитию производительных сил социалистического общества, укреплению совокупной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни народа, которые стали считаться критериями социализма. Это положение было закреплено на XIV съезде (октябрь 1992 г.).

Для окончательного оформления новой концепции развития необходимо было признать за идеями Дэн Сяопина качественную новизну, что давало основание для внесения более глубоких изменений в идейно-теоретическую доктрину, оставляя ее в то же время фактором социально-политической стабильности. Руководящей идеологией КПК на XIV съезде были названы «марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой». В результате ее автор стал не просто политическим лидером, «архитектором реформ». Претендуя на более высокое, адекватное масштабу поиска новой идентичности место, он встал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую идентичность Китая. Но такая зависимость политической системы от Дэн Сяопина была неприемлема в свете его преклонного возраста. Видимо, поэтому в докладе XV съезду (сентябрь 1997 г.) было подчеркнуто положение об управлении государством на основе закона, гарантировавшее руководящую роль КПК вне зависимости от личности лидера.

Содействуя возрождению некоторых традиционных ценностей и форм общественной жизни, компартия объективно способствовала появлению и быстрому росту влияния секты Фалуньгун, положившей в основу своей деятельности высокие нравственные принципы и подвергшей КПК критике за рост коррупции и нравственную деградацию. Деятельность Фалуньгун, превзошедшей по численности членов КПК, показала, что традиция

по-прежнему представляет реальную угрозу современности. Жизнь, таким образом, вновь подтолкнула КПК к активному поиску новой платформы общественной консолидации. Поддержание стабильности требовало создания такой системы власти, которая бы соответствовала нескольким параметрам — сложившейся экономической системе, официальным идеологическим принципам, национальным традициям, а также обладала способностью к воспроизводству. В процессе ее реализации выяснилось, что это вполне осуществимая задача.

Заложив новую общественную систему, Дэн Сяопин обрел высшую из возможных степеней легитимности. Назвав действовавшее руководство КПК «третьим поколением» руководителей, он ввел его в историю КНР как правящую династию. Однако для ее утверждения в этом качестве необходима была свежая идея, особый вклад в государственное строительство, адекватный историческому масштабу реформ предшественника. Первый вывод о реформе власти, таким образом, был сделан — в основе государственного управления должна лежать не только законность, но и нравственные принципы, воплощенные в политических традициях управления.

В начале 2000 г. Цзян Цзэминь заявил, что партия пользуется поддержкой народа потому, что всегда выражала требования развития передовых производительных сил, интересы широких народных масс и передовой культуры. Теоретическую зрелость идеи «3-х представительств» аргументировало выдвинутое им новое методологическое положение «следовать времени», вставшее в один ряд с «реалистическим подходом». Идея Цзян Цзэминя была названа «китайским марксизмом нового века». Отчетный доклад XVI съезду (ноябрь 2002 г.), утвердив все теоретические новации и официально провозгласив в качестве нового социального ориентира общество «сяокан», сделал еще один шаг в сторону исторической традиции, такой

же, как формирующийся механизм власти. Данное на нем определение КПК как «авангарда китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации» создало благоприятные предпосылки для консолидации. Для успеха модернизации необходимо было решить последнюю задачу — обеспечить устойчивость поступательному движению.

Важнейшим критерием зрелости общественной системы является ее способность к воспроизводству. Передача власти от Дэн Сяопина Цзян Цзэминю была важным событием, значение которого тем не менее не выходило за рамки конкретного политического контекста, став успешным опытом политической преемственности.

Передав власть Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь на первый взгляд просто повторил действия предшественника. Но именно повторение позволило событию политической истории стать общественно-политическим институтом, являющимся центральным элементом формирующейся политической системы. Канонизация «3-х представительств» в Уставе КПК позволила ее автору повысить свой статус до харизматического и сохранить контроль за политическими процессами. Таким образом, в дополнение к официальному руководству был создан еще один рычаг поддержания социально-политической стабильности, ограничивающий следующее поколение руководителей установками предыдущего. Как родовое понятие, продолжающее ряд «идеи Мао Цзэдуна» — «теория Дэн Сяопина», идея «3-х представительств» вводилась в политический механизм в качестве полноправного субъекта. Законодательное ограничение срока пребывания на высших государственных и партийных постах, механизм преемственности и соблюдение процедур легитимации предложили новый механизм воспроизводства власти, который можно рассматривать как завершающий элемент китайской модели модернизации.

Жизнеспособность складывающейся в КНР общественной системы связа-

на с тем, что политическая сила, выполняющая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, неизбежно превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен, во-первых, способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей. Во-вторых, политической организацией и волей, от которых в конечном итоге зависит успех мобилизационного развития. В-третьих, вниманием к научному потенциалу для анализа текущей ситуации и определения тенденций развития.

Глобализация превратилась к концу XX в. в важнейший фактор мирового развития. Изменившийся характер внешних условий был зафиксирован КПК, охарактеризовавшей теорию Дэн Сяопина как соединение марксизма не только с практикой Китая, но и спецификой современной эпохи, «вскрывшее сущность социализма».

В этих условиях КПК необходимо было вновь определить характер внешнего влияния, учитывая уже не борьбу капитализма и социализма, а тенденции мирового развития, особенно взаимоотношения Восток — Запад. Расширение сферы противостояния за счет культуры способствовало поискам идентичности в реконструкции национальной традиции, стихийно воспроизводившейся большинством элементов общественной жизни. В итоге в социализме было найдено не оптимистическое продолжение европейского развития, а цивилизационная перспектива Востока.

В начале XXI в. в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира. Основные контуры этой системы изначально были присущи социализму — авангардная партия подходила для мобилизационного развития и была близ-

ка традициям бюрократического управления, а предлагаемая ею централизованная плановая экономика соответствовала задачам текущего этапа развития. Однако в процессе функционирования этой системы вскрылись недостатки: высокая социально-политическая активность, мобилизуемая в ходе массовых общественных кампаний, дестабилизировала ситуацию, сдерживая экономический рост, а повышению темпов с помощью рыночных механизмов мешали идеологические принципы.

Стихийное возрождение конфуцианских норм, на определенном этапе поддержанное властью, ослабило социальное напряжение, а предпринятые КПК внутренние преобразования преодолели революционный радикализм и инерцию партийного догматизма, превратив партию в признанный институт государственного управления. В итоге китайская цивилизация восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни — не через авторитет силы, а через силу авторитета.

Целью Китая на нынешнем этапе является поиск стратегии развития, формирующей новую идентичность. Опыт социалистического строительства, интегрировавшего западную индустриальную культуру в национальные традиции и создавшего феномен мобилизованности, стал основой для такого движения. Проводимая КПК политика модернизации стала приобретать новые черты, превращаясь из единовременного акта приведения реформируемого организма в соответствие определенным критериям в тип развития, стремящийся к постоянно повышающейся планке мирового уровня — «соответствию времени».

Таким образом, в истории китайской модернизации можно отчетливо проследить две основные фазы: революционную и эволюционно-реформационную, которые поочередно сменяли друг друга. В ходе первой китайская цивилизация преодолевала инерцию и приводила в движение

традиционную культуру, не подчинявшуюся реформаторским импульсам, создавая тем самым условия для перехода в новое качественное состояние. Избранная сторонниками социализма мобилизованность способствовала формированию новой идентичности. Однако революционные изменения в силу высокой динамичности оказались не способны быстро создать стабильные формы воспроизводства и, в отличие от эволюционных, были отягощены обратимостью, а достигаемый ими рост был чреват тотальным разрушением социального организма. Именно поэтому все китайские революции (Синьхайская (1911 г.), национальная (1925–1927 гг.), народная (1949 г.)) сменялись периодом спада и попятного движения, вызывавшим потребность вновь и вновь прибегать к революционным методам. Что в конце концов привело к «культурной революции», на протяжении 10 лет последовательно уничтожавшей фрагменты традиционной культуры.

Второй фазой преобразований стали реформы, призванные трансформировать новую реальность в стабильную социальную систему. Институционализация мобилизованности в процессе реформ превратила ее из черты развития в более фундаментальную характеристику — элемент механизма развития, соответствующий уплотнившемуся социально-историческому времени. Всю вторую половину XX в. общественное развитие Китая связывалось с социалистическим движением. Но по мере того как революционная фаза развития уходила в прошлое, характер общественного развития Китая все меньше связывался с социалистической парадигмой, и все настойчивее проявлялось желание по-новому концептуализировать его социально-историческую динамику.

К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, призванной преодолеть конфликты между властью и современной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но

ее механизм не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития. Окончательный исход модернизации, таким образом, зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей в определенной мере элементы старых институтов, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.

На первом этапе модернизации доминирующей тенденцией было приобретение динамизма за счет заимствования западной культуры и западных форм исторического развития, способных вытолкнуть общество из состояния социально-политического застоя и начать движение в сторону западного мира, далеко ушедшего вперед в техническом и экономическом развитии. Освоение достижений Запада было невозможно в рамках старого общества, внутренние связи которого необходимо было разрушить, а само общество сделать открытым для заимствований. Эта задача предопределила решающую роль революционных методов преобразований, способных преодолеть социокультурную инерцию. На следующем этапе главной стала интеграция заимствований и принесенных ими социальных изменений в социокультурную среду. Наступил этап взаимопроникновения и синтеза. По мере его осуществления все острее чувствовалась потребность закрепить и эффективно использовать эти достижения. Главной задачей стало достижение стабильности, которое потребовало усиления внимания к традиционной культуре. В процессе стабилизации началась стихийная, а затем все более сознательная и направляемая государством реконструкция традиционных структур, прежде всего социально-политических.

Целью модернизации, таким образом, можно считать достижение универсальных социально-экономических показателей, обеспечивающих независимость

общества от давления извне и гарантирующих самосохранение культуры. Однако процесс модернизации не ограничивается, как долгое время было принято считать, социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями в социально-политической сфере. Экономический детерминизм, свойственный европейской цивилизации и зафиксированный в европейских социологических концепциях, прежде всего марксистских, не действует в Китае в полном объеме. Экономические преобразования являются необходимым этапом в приведении уровня развития в соответствие с мировым и ликвидации, таким образом, угрозы поглощения внешней средой. На следующем этапе главной задачей становится обретение нового качественного состояния — новой идентичности, неразрывно связанной с социокультурными традициями и способной гарантировать удержание этого статуса. При этом формирование социально-политических механизмов находится в непосредственной зависимости от социокультурных факторов, которые обладают исключительной способностью придавать стабильный характер общественному развитию в период крупномасштабных перемен. Модель успешной модернизации включает, таким образом, элементы традиций политической культуры, применение и использование которых для текущих политических преобразований придает новой системе завершенность и превращает в фактор стабильности.

В свою очередь, и социализм применительно к Китаю может быть представлен не как общественный строй, лишенный вызревших в Европе недостатков и классовых противоречий. «Социализм с китайской спецификой» представляет собой мобилизационную социально-историческую модель, избранную китайской цивилизацией для овладения западными методами в целях преодоления разрыва в уровне развития. Использование в ней европейского опыта ограничено не только

социально-экономическими условиями, но и в не меньшей степени социокультурными традициями.

Ведущую роль в успешном осуществлении модернизации играет общественная мысль, способствующая формированию политических движений и партий, готовых провести социально-экономические преобразования, а затем осуществляющая синтез с социокультурными традициями, придавая обществу стабильные формы воспроизводства. Выбор Китаем марксистской теории и идеологии, а затем и социалистического пути был продиктован не зрелостью классовых противоречий и необходимостью вести поиск путей достижения социальной справедливости, а давлением западного мира и необходимостью заимствовать адекватные для его отражения средства. Существенную роль в восприятии марксистской идеологии и практики сыграли социокультурные традиции Китая, близкие по своим параметрам европейским социальным утопиям.

Политическая практика марксизма была воспринята в Китае, поскольку претерпела глубокие изменения в России и

уже там была частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразований, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом и сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в китаизированный марксизм в Китае.

Завершающим этапом формирования модернизационной модели стало формирование эффективной политической системы. Важнейшими ее чертами являются механизм воспроизводства власти, т.е. обеспечение ее сменяемости, гарантирующее адекватное внимание нового руководства вызовам и угрозам эпохи, и механизм преемственности, учитывающей как необходимость идеологической легитимизации в русле революционных традиций обретения власти КПК, так и соответствие социокультурным традициям.

ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МГИМО

И.Н. Тимофеев

В 2006 г. в России был издан перевод резонансной работы Джейн Джекобс «Закат Америки». Эта книга интересна фиксацией ряда разрушительных тенденций, свойственных несущим конструкциям американского общества. В частности, речь идет о кризисе американской науки, которая традиционно полагается фундаментом технологического и экономического лидерства США. «...она [наука] явно застряла на стадии вычленения отдельных фрагментов без серьезного понимания того, как они взаимосвязаны с другими фрагментами целостных систем. Весьма частичное понимание, соединяясь с характерной для ученых самоуверенностью, подталкивает нас к тому, чтобы делать ошибки, которых в других обстоятельствах мы бы не совершили. ...Если лженаука продолжит распространяться, как гниль, если с ней будут мириться и поощрять ее с помощью грантов от властей и корпораций, расцвет научных достижений в Северной Америке неизбежно затухнет», — писала Джекобс¹.

Первоначально я обратил внимание на выводы Джекобс сугубо с позиций американистики. Однако впоследствии они привлекли меня в связи с вопросом о перспективах российской политологии.

Проблема видится в следующем. Американская политическая наука на сегодняшний день считается безусловным

мировым лидером. Для мировой политологии американские исследования выступают ценным источником, как с точки зрения используемой методологии, так и с точки зрения их результатов. Ее сильная сторона заключается, на мой взгляд, в значительном числе эмпирических исследований, систематическом и формализованном сборе фактов, их сопоставлении и анализе, опять же, посредством более или менее формализованных процедур. Высокий уровень эмпирической работы дал богатую содержательную основу для развития политической теории².

Вместе с тем формализованные методы — это всего лишь инструмент, который может не только способствовать появлению новых парадигм, но консервации уже имеющихся, их превращению в идеологии. Американская сравнительная политология, похоже, в той или иной степени попадает в эту ловушку. Наиболее яркий пример — исследование проблем демократии и демократизации,³ в которых политическая составляющая иногда под-

¹ Джекобс Д. Закат Америки. Впереди средневековье. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 145.

² Это хорошо видно на примере теории международных отношений. См.: Тимофеев И.Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО — Университета. 2008. № 3.

³ О превращении категории демократии в идеологический концепт см.: Алексеева Т.А. Насилие и демократия в политике США // Международные процессы. 2008. № 2 (17).

меняет научную при соблюдении правил применения методов⁴.

Российской политологии эти явления оказывают медвежью услугу. Они дискредитируют использование количественных и иных формализованных процедур, которые начинают восприниматься скорее как технологии манипуляции результатом, а не получения научного знания. Это зерно падает на благодатную почву. В отечественной политической науке применение формализованных методов только набирает обороты. Крупные формализованные исследования, направленные на объяснение, а не описание (вопрос «почему», а не «что»), по-прежнему остаются редкостью. Язык и требования подобной методологии сами по себе слабо укоренены. Это препятствует пониманию данных исследований. Обостряется соблазн их восприятия как «сомнительных процедур», используемых для легитимации заранее известного результата или же, в лучшем случае, доступных для понимания узкой группы специалистов-политологов (математиков, экономистов). Формализованным методам и процедурам нередко противостоит уникальность экспертного знания, естественно, в пользу последнего.

Парадоксально, но для американской политологии эта проблема также актуальна, хотя и с обратным знаком, когда формализованные модели начинают полагаться в качестве универсальных, а их расхождение с реальностью считается случайностью или ошибкой. Приме-

чательно, что на такие случайности указывают именно эксперты и делают это, первоначально, скорее, на основе «озарения» или «инсайта», а не четко отработанной процедуры исследования: в получении нового знания процедура и метод скорее догоняют, а не опережают творческого эксперта.

Истина, как всегда, оказывается где-то посередине, причем российская наука (или ее заметная часть) оказывается с одной ее стороны, а американская — с другой.

Понимание этой ситуации может оказаться весьма интересным для политологической школы МГИМО. В России она является одной из старейших — факультету политологии недавно исполнилось 10 лет. Однако его потенциал базируется на 65 годах экспертной работы советских и российских международных. МГИМО богат теми самыми экспертами, которые, опираясь на свой опыт, могут поставить корректную исследовательскую задачу изучения и сравнения политических процессов зарубежных стран, предупредить о нюансах и сложностях, которые не фиксируют даже самые «продвинутые» формализованные модели. С другой стороны, ученые МГИМО в российском контексте были среди новаторов в области применения формализованных методов в сравнительных политических и международных исследованиях (опыт Проблемной лаборатории, Центра международных исследований, Института международных исследований, ряда кафедральных школ, а также крупных исследовательских проектов, таких как «Политический атлас современности»).

Тем не менее, задача сочетания экспертного знания и формализованных методов крайне актуальна для мгимовской политологической школы. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить возможные пути решения этой задачи. Движение в этом направлении может стать одной из технологий укрепления лидерских позиций политологической школы МГИМО в следующие 10 лет.

⁴ Здесь примером могут выступать некоторые выводы исследователей Фридом Хаус, которые делаются на основе проведения экспертных опросов, в т.ч. относительно состояния политических прав и гражданских свобод в России. Не претендуя на лидерские позиции России в мире по этим параметрам, все-таки сомнительным представляется характеристика России как «несвободной» страны, сопоставимой с режимами в ОАЭ, Катаре, Руанде, Иране, Мавритании и ряде других стран. URL: <http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw09/MOF09.pdf>

1

Для начала определимся с понятием формализованных методов. Будем понимать под ними методы сбора и обработки информации, изучения и сопоставления фактов, выявления причинно-следственных связей между ними, которые предполагают заранее определенный алгоритм, процедуру или правила проведения подобной работы. Процедура и правила — сущностное понятие данной категории. Собственно они и формализуют метод, делают его воспроизводимым другими исследователями для проверки сделанных выводов или для получения новой информации.

Этим формализованное знание, в чистом виде, отличается от экспертного знания. Блестящее определение последнего дает Бент Фливерберг: «...Истинное мастерство основано на интимном опыте, на тысячах индивидуальных случаев и на способности различать ситуации со всеми их нюансами, различиями, не отфильтровывая их до состояния формул или стандартных образцов. Проблема здесь аналогична неспособности поисковых компьютерных экспертных систем приблизиться к уровню виртуозов человеческой экспертизы, даже если эти системы сравнимы с экспертами, придумавшими правила этих систем. Ибо эксперты не используют правила, а действуют на базе опыта детальных случаев. Это — настоящая экспертность... Правила — это характеристика экспертных систем, но не реальных живых экспертов»⁵.

Тем не менее, формализованное и экспертное знание тесно переплетены. В конечном итоге познавательные процедуры и правила возникают не сами по себе, а создаются именно экспертом. Он же имеет выбор между правилами, созданными предшественниками или учителями. Он же может менять их, исходя из поставлен-

ной им уникальной исследовательской задачи. В реальности же мы часто сталкиваемся с перекосами в сторону игнорирования правил или же их переоценки.

Приведенное выше определение охватывает весьма широкий спектр методов и процедур. Они отличаются друг от друга по степени формализации, то есть по возможности трансформировать правила применения методов и интерпретации результатов. К наиболее формализованным, конечно, относятся количественные методы. Так, проводя элементарный корреляционный анализ, мы вынуждены применять конкретную формулу расчета коэффициента корреляции между переменными. Кроме того, эти коэффициенты задают четкое направление интерпретации полученного результата — корреляция либо есть, либо ее нет, она либо значима, либо нет и т.п. Однако даже в высоко формализованной исследовательской процедуре обнаруживается большое количество «подводных камней», требующих экспертного подхода, знания тонкостей об исследуемом объекте. На результаты корреляционного анализа могут повлиять, например, так называемые «выбросы» — случаи с аномально высокими или низкими значениями параметров. США являются «выбросом» в терминах военных расходов, значительно опережая другие страны. Люксембург — «выброс» в терминах ВВП на душу населения. Россия — «выброс» в терминах смертности от убийств, самоубийств, несчастных случаев и прочих неестественных причин на 100 тыс. человек населения и т.п. Выявление этих «выбросов» и определение их влияния на итоговый результат в проверке гипотезы осуществляется с помощью формализованных процедур (например, элементарного ранжирования или построения графика рассеяния). Понимание же их природы и, главное, их учет в проверке гипотезы остается на усмотрение эксперта: он вынужден будет либо применять другие процедуры и правила для получения дополнительной информации,

⁵ Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 16.

либо использовать свои уникальные знания об этих странах или случаях.

В политической науке количественные методы сами по себе могут серьезно отличаться по уровню формализации. Ограничения задает уже сам характер используемых переменных. Одно дело, когда мы используем такие переменные, как ожидаемая продолжительность жизни или количество лет, в течение которых страна N жила без государственных переворотов. Совсем другое, когда мы вводим в анализ шкалы — например, шкалируем на основе наших представлений и критериев уровень внутренних конфликтов (Гейдельбергский институт), демократии (Полити), восприятие коррупции (Трансперенси интернешнл) и т.п. Такие переменные более условны и оспариваемы, хотя, подчеркнем, их использование может дать нетривиальные результаты, невидимые «невооруженным» взглядом эксперта.

Оригинальные результаты можно получить также, подвергнув количественной формализации изучение текстов (контент-анализ) или событий (ивент-анализ). И здесь полученные результаты и применяемые правила могут быть оспорены. В случае контент-анализа, например, дискуссия экспертов может развернуться вокруг единицы анализа — понятий, предложений, разделов текста. В случае ивент-анализа — вокруг отбора событий, способа их кодировки, иерархизации и т.п. (Например, какое событие имеет более выраженный конфликтный потенциал — использование экономических санкций или проведение военных маневров вблизи территории вероятного противника? Каким должно быть числовое отличие этих событий в шкале «конфликтности»? Чем обосновать это отличие?) Но даже при условии подобной оспариваемости формализация этой работы дает принципиально новый исследовательский продукт.

Исходя из данного выше определения, к числу формализованных можно отнести и качественные методы. Несмот-

ря на меньший уровень формализации, они все-таки базируются на ряде изначально очерченных исследователями правил и процедур. Скажем, проведение фокус-группы осуществляется на основе заранее разработанных вопросов (гайда), социально-демографической, профессиональной или иной квоты участников. Существует ряд требований к проведению фокус-группы, без соблюдения которых результаты могут считаться ненадежными: модератор не должен навязывать своего мнения или критиковать; он пресекает или снижает эффекты группового взаимодействия, способные исказить результаты (конформность, эффект присутствия других) и т.п. Большинство качественных методов подразумевает свод правил, процедур и «рутин», используемых при их проведении или воспроизведении.

Граница между неформализованным обменом мнениями и формализованным качественным методом хорошо видна на примере отличия круглого стола и мозгового штурма. Круглый стол подразумевает свободный обмен мнениями и дискуссию на заданную тему. Мозговой штурм (в самой простой его вариации) — то же самое, но с соблюдением жесткого правила: сначала участники высказывают свои идеи и только потом эти идеи, критикуются и обсуждаются. Таким образом, участники высказывают самые нетривиальные и оригинальные идеи, которые при иных условиях они высказать не могли бы в силу личных особенностей (лидерские качества, уровень конформности) или боязни критики. Существует много разновидностей мозговых штурмов, в которые включены и иные процедуры и правила их проведения⁶.

Эта граница хорошо прослеживается и на примере анализа документов. Формализация

⁶ См., например: Примаков Е.М., Хрусталев М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. Вып. 1. М.: НОФМО-МГИМО МИД РФ, 2006.

лизация процесса работы с документами подразумевает введение или использование существующих критериев релевантности, отбора и систематизации документов, которые жестко прописываются в исследовании. (Хотя данному процессу может и должна предшествовать неформализованная поисковая часть предварительного знакомства с имеющимся массивом документальных данных.) Даже метод кейс-стади, который на первый взгляд дает эксперту наибольшую свободу, базируется на солидной процедурной основе, сочетающей количественную и качественную составляющую. Чего стоит процедура отбора случаев и ее обоснование или формирование матрицы сравнения и сопоставления кейсов⁷.

В целом назначение формализованных методов можно определить необходимостью выхода за пределы здравого смысла и индивидуального (хотя и уникального) опыта отдельного эксперта или экспертов. Последние не защищены от стереотипов, инерционности знания, ограниченности опыта. Формализация эмпирического исследования позволяет выйти на более высокий уровень аргументации и защиты выдвигаемых предположений и уже на этой основе увеличивать добавленную стоимость экспертных знаний.

2

Приведенные выше рассуждения могут показаться трюизмом. Однако они актуальны по двум причинам. Первая. В российской политической науке аргументация положений и проверка гипотез посредством формализованных эмпирических методов и процедур — скорее исключение, нежели практика. В результате работа наших ведущих экспертов-политологов, в том числе имеющих богатый опыт практической работы, лишается очень важного условия для их последующего развития. А именно — среды большого количества исследовате-

лей, которые бы вели непрерывную верификацию или развитие идей ключевых экспертов посредством формализованных методов. Такая работа выявляет новые грани экспертных находок и формирует в этой дискуссии новых экспертов. Иногда таких исследователей называют «ремесленниками», ведь на первый взгляд применение формализованного метода представляет собой использование уже созданных процедур. На деле же, даже применение методов, опробованных сотни и тысячи раз, может дать непредсказуемый и нетривиальный результат, будучи примененными в ином контексте или для решения иной задачи.⁸ Кроме того, именно применение формализованных методов представляет собой удобный способ проверки теорий и их сопряжения с прикладными задачами.

Хороший пример подобной работы дает случай американского конструктивизма в теории международных отношений. В 1992 г. вышла известная статья Александра Вендта, в которой он подверг жесткой критике положения реализма и неореализма. Эти парадигмы господствовали в американской теории международных отношений периода «холодной войны». Вендт предложил относительно новую объяснительную схему выбора государств между миром и войной, определив в качестве независимой переменной идентичность государств и их взаимное восприятие друг друга в качестве друзей или врагов.⁹ Американский уче-

⁷ См.: Gering John. *Case-Study Methodology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

⁸ Так, например, в «Политическом атласе» мы использовали дискриминантный анализ для индексирования стран мира по заданным параметрам, хотя его основное назначение — группировка стран и оценка вероятности принадлежности исследуемых объектов к той или иной группе. См.: Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полуниин Ю.А., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н. *Политический атлас современности*. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2007.

⁹ Wendt Alexander. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics* // *International Organization*. Vol. 46. No 2. Spring 1992.

ный не обеспечивал эмпирической поддержки своим допущениям. Его статья носила сугубо теоретический характер, будучи выполненной на достаточно высоком уровне абстракции. Однако после ее публикации в США появилось достаточно большое число работ, в которых тезисы Вендта были подвергнуты серьезной эмпирической проверке при помощи как количественных, так и качественных методов. Подобные исследования весьма способствовали сопряжению конструктивизма с конкретными прикладными задачами. Такими, например, как влияние на идентичности и системы ценностей представителей элит и иных социальных групп в зарубежных странах с целью повышения или сохранения лояльности Соединенным Штатам или «западной» системе ценностей в целом (решение данной задачи является частью арсенала «мягкого влияния»). Кроме того, эмпирические исследования с использованием формализованных методов позволили конкретизировать ряд конструктивистских тезисов и предложить ответы на ряд неочевидных вопросов: как государственная идентичность сопрягается с идентичностью конкретных лиц, принимающих политические решения? Каковы конкретные механизмы определения «своих» и «чужих» в различных страновых контекстах? Какова логика распространения идентичности или системы ценностей среди граждан, а также в международном сообществе государств? Почему те или иные идентичности приживаются в одних случаях и отторгаются в других и т.п.¹⁰ Очевидно, что ответы на эти вопросы способствовали как обогащению теоретического дискурса, так и решению практических задач американской внешней политики.

¹⁰ См. например: Atkinson Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000 // *International Studies Quarterly*, Vol. 50, 2006. Rousseau, David. Identifying Threats and Threatening Identities. *The Social Construction of Realism and Liberalism*. Stanford : Stanford University Press, 2006.

Вторая причина, по которой я обращаю внимание на формализованные методы, состоит в ряде стереотипов, сложившихся в нашем политологическом сообществе. Среди них, например, мнение о том, что применение формализованных методов в основном дает «банальные» результаты, которые и так известны экспертам, выхолащивая многообразный опыт до уровня простейших причинно-следственных связей. Или же в выявленных закономерностях обнаруживается множество исключений, которые нивелируют ценность находок. Другой стереотип — правила и процедуры применения формализованных методов можно «настраивать» для получения искомого результата. Третий стереотип: ряд методов (особенно количественных) непонятен для политологов; они должны оставаться в предметном поле экономистов, психологов, математиков, социологов, филологов или представителей иных наук, породивших эти методы. Так как данные методы непрозрачны для политологического сообщества, их применение бесполезно в аналитических записках для государственных структур¹¹.

Эти стереотипы имеют под собой основания. Однако они или преувеличивают слаботы, или искажают суть формализованных методов. Касательно «банальности» результатов достаточно отметить, что в отношении тех или иных явлений, как правило, существует несколько *альтернативных* гипотез. Кроме того, даже если получен ожидаемый результат, работа

¹¹ С подобными стереотипами я сталкивался в ходе целого ряда конференций, семинаров и круглых столов, на которых представлялись результаты эмпирических исследований, выполненных в МГИМО с помощью формализованных методов. Среди них: «Политический атлас современности» (количественные методы: дискриминантный, факторный, кластерный анализ); «Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения» (метод фокус-групп); «Потенциал и эффективность внешней политики России: 2008–2009 гг.» (экспертные опросы), «Дилемма безопасности и динамика военных расходов великих держав» (нелинейное моделирование) и др.

с данными может дать целый ряд новых деталей о наблюдаемой причинно-следственной связи. Так, например, в одном из недавних исследований мы выдвинули гипотезу о том, что рост военных расходов великих держав повышает вероятность вооруженного конфликта между ними. Эта на первый взгляд привычная для международников гипотеза получила целый ряд существенных уточнений благодаря динамической модели, которая использовалась для анализа изменения военных расходов во времени. Далеко не всякая гонка военных расходов приводит к войне. Нам удалось выявить тип процесса, в наибольшей степени способствовавшего развязыванию крупных вооруженных конфликтов¹². Что касается локальных конфликтов, то модель, безусловно, выявляет ряд исключений, но это скорее обогащает исследование, превращая эти случаи в предмет отдельных кейс-стади.

Относительно второго стереотипа: манипуляция данными в процессе их обработки, конечно, возможна. Однако зачастую она не имеет практического смысла. В этом случае результаты искажаются априори. Кроме того, подобные уловки часто могут быть выявлены другими исследователями (в этом преимущество формализованных методов), что нанесет урон репутации исполнителей проекта. Гораздо больше возможностей для манипуляций открывают неформализованные методы.

Третий стереотип в целом отражает проблему все более глубокой специализации современной науки. Между тем успех применения формализованных методов часто базируется на междисциплинарном подходе. Нет нужды доказывать, что ситуация, когда представители различных дисциплин сидят в «башне из слоновой кости» препятствует научным достижениям. Например, российские математики и экономисты обладают уникальным набором

методов моделирования политических процессов. Но часто они не могут перевести свои выводы на язык политической науки, встроить их в теоретический мейнстрим, без чего даже самый оригинальный подход «повисает в воздухе». Политологи, со своей стороны, далеко не всегда имеют необходимый опыт для использования даже простых моделей для проверки и защиты своих предположений.

В этом смысле аргумент о том, что в органах государственной власти «не поймают» методологию, маскирует, а не решает проблему. Лица, принимающие решения, и не должны разбираться в тонкостях методологии. Ведь в аналитических записках, в отличие от научных статей, излагается суть полученных результатов и даются рекомендации, а не защищается методология. Что, конечно, не подразумевает ее отсутствия как таковой.

3

Политологическая школа МГИМО в свете обозначенной проблемы имеет ряд важных преимуществ. Во-первых, это наличие сильной теоретической базы, без которой применение любых формализованных методов теряет смысл. Новаторское исследование начинается с постановки вопроса и дискуссии вокруг причинно-следственных связей, которые ложатся в основу гипотез. Прошедший недавно Первый ежегодный политологический симпозиум МГИМО показал высокий уровень подобной дискуссии¹³. Во-вторых, факультет является частью мгимовского сообщества экспертов-страноведов и регионоведов, владеющих редкими языками, имеющих опыт дипломатической или академической работы в различных странах мира. В-третьих, большинство наших экспертов вовлечено в сопровождение принятия политических решений, то есть решает востребованные прикладные задачи. Иными словами, для

¹² Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4.

¹³ Симпозиум состоялся 22 декабря 2009 г. Он был организован факультетом политологии и кафедрой политической теории МГИМО.

развития практики широкого использования формализованных методов имеет важное условие: наличие теоретической школы и экспертного сообщества, которое сможет выстраивать получаемые с помощью формализованных методов результаты в более или менее целостные системы, избегая фрагментации знания.

Развитие системного применения формализованных методов на факультете может включать в себя следующие составляющие.

Создание баз данных по ряду исследовательских направлений, являющихся приоритетными для наших экспертов. Назначение — систематический и непрерывный сбор фактов по изучаемому направлению, их кодировка в установленном порядке и организация в виде информационной базы, доступной для дальнейшей интерпретации. Базы могут быть количественными или качественными. Количественная база подразумевает выражение факта в виде числового значения. Например, для исследователей проблем войны и мира это данные о военных потерях, потенциалах сторон и т.п. В исследованиях демократизации — данные электоральной статистики. Проверка ряда гипотез может потребовать анализа экономической и социальной статистики. Такие данные могут браться из широкого круга источников, однако их сбор должен носить регулярный характер. Этим создание и ведение базы данных отличается от эпизодических ссылок на те или иные количественные показатели.

В качественных базах факт выражается в виде текстового описания. Примером может служить фиксация событий в СМИ и их ранжирование по различным критериям (инициатор, объект, результат и т.п.). Наличие системы отбора событий и их сортировки, равно как и документальное выражение базы, отличает ее от простых ссылок на сообщения СМИ или иные источники, приводимых в текстах исследований. Базы данных дают непосредственную содержательную основу для

применения различных аналитических процедур. Архив баз данных имеет ценность как для исследовательской, так и для учебной работы. Студенты могут оттачивать свои аналитические компетенции на тех базах, которые созданы под решения конкретных задач. Они могут принимать и активное участие в их создании и обновлении.

На факультете уже есть задел в области создания баз данных. В частности, значительный опыт был получен в ходе разработки количественных баз данных проекта «Политический атлас современности»¹⁴. Отдельные базы были созданы для таких учебных курсов, как «Нелинейные политические процессы», «Методы политического анализа» и «Введение в методологию социально-политического исследования». Крайне интересные результаты были получены исследовательской группой Т.А. Шакеиной на базе использования ресурсов Политико-дипломатического ситуационного центра МГИМО. В настоящее время Центром аналитического мониторинга ИМИ МГИМО ведется разработка событийной базы данных по ряду проблемных направлений внешней политики России.

Следующая составляющая может подразумевать поощрение использования формализованных методов студентами, аспирантами и молодыми учеными в квалификационных работах или в процессе подготовки научных публикаций, создание рабочих групп по ряду проблемных направлений для анализа и обработки имеющихся баз данных. Опыт показывает, что раздел «Методология исследования» в квалификационных работах является одним из наиболее слабых мест. Особенно это актуально для выпускников магистратуры и аспирантуры. Часто эмпирические методы либо не при-

¹⁴ Изначально в рамках «Атласа» была создана база данных для 192 стран мира по состоянию на 2005 г. Затем эта база была существенно расширена за счет сбора данных за период с 1989 по 2005 г.

меняются, либо используются в самом зачаточном виде. Этот пробел, как правило, компенсируется анализом литературы, привлечением источников, использованием опыта практической работы и т.п. Вместе с тем применение формализованных эмпирических методов способствовало бы существенному совершенствованию защищаемых работ. Так, например, студент, аспирант или молодой ученый, специализирующийся на изучении страновой проблематики и направляемый на стажировку в данную страну, мог бы не только наблюдать происходящие там политические процессы посредством «погружения» в среду, но и использовать ряд несложных формализованных процедур: экспертный опрос, интервью, работу с архивными документами, иные методы. В этом случае его труд будет более организованным и системным.

Наконец, речь идет о сопряжении формализованной эмпирической работы с опытом ведущих экспертов факультета и института. Приведу два примера подобной работы. В первом случае эксперт сыграл решающую роль в успехе исследования до начала применения формализованных методов. Речь идет о недавней типологии суверенных государств, выполненной выпускницей факультета М. Чепуриной посредством создания количественной базы данных и применения метода факторного анализа для ее обработки. Полученные результаты подтвердили корректность теоретической классификации суверенных государств, предложенной в свое время С. Краснером. Однако этот результат был бы невозможен без рекомендаций и поддержки М.М. Лебедевой, которая помогла поставить корректные исследовательские вопросы и задать канву причинно-следственных связей. Именно эти каузальные связи и были протести-

рованы при помощи факторного анализа: мы выявили факторы, которые играют статистически значимую роль в принадлежности стран к различным типам суверенных государств. Во втором случае эксперты оказали значительную поддержку в интерпретации результатов. Упомянувшееся исследование динамики военных расходов уже после проведения формализованного тестирования гипотез получило неожиданное развитие на конференции «Внешнеполитический процесс в странах Востока», которая проводилась в МГИМО в апреле 2009 г. Специалисты-востоковеды помогли объяснить ряд особенностей динамики военных расходов в странах АТР. В частности, Д.В. Стрельцов и С.И. Лунев дали необходимые подсказки для интерпретации «аномальных» на первый взгляд результатов моделирования процессов в Японии и Индии. Результаты, полученные в процессе применения формализованных методов, сами по себе могут стать предметом экспертной работы.

Дискуссия о формализованных методах чревата двумя крайностями. Первая — отрицание их познавательной ценности или искажение их назначения. Вторая — преувеличение их возможностей и подмена цели исследования его средствами. Отказ от первой крайности вполне может обернуться второй, и наоборот. Лучшее средство для развития этой дискуссии — накопление собственного опыта использования формализованных методов для решения теоретических и прикладных задач. В конечном итоге именно рефлексия этого опыта позволит избежать крайностей и дать дополнительный импульс развитию нашей политологической школы.

ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС В ЕВРАЗИИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО, РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО ОПЫТА

Акихиро Ивасита

Введение: пограничный вопрос в Евразии

Никто не ожидал, что пограничные разногласия Китая и бывшего СССР будут когда-либо полностью разрешены. Многие наблюдатели были поражены, когда Владимир Путин и Ху Цзиньтао заявили об окончательном урегулировании китайско-российской пограничной проблемы в октябре 2004 г. В то же время тенденция к тому, чтобы разрядить остроту пограничных споров стала доминировать в Евразии с начала 1990-х годов. Соглашение о разграничении восточного участка советско-китайской границы, заключенное в 1991 г., послужило первым шагом на пути к решению вопроса о почти 98% границы длиной в 4300 км.

Вслед за китайско-российским пограничным соглашением Китай и Казахстан также подписали соглашения о границе в 1994 и 1998 гг. Также Китай достиг соглашений о границе с Кыргызстаном в 1996 и 1999 гг., а с Таджикистаном в 1999 и 2002 гг. К счастью, широко распространенный пессимистический взгляд на пограничные переговоры в Евразии не получил реального подтверждения.

Почему и каким образом бывшие китайско-советские пограничные разногласия были в конце концов разрешены, может быть частично объяснено, если рассмотреть контекстуальные особенности того периода и вклад в решение данных проблем основных действующих игроков. Россия настойчиво работала над проблемой разрешения пограничного спора, опасаясь, что растущая мощь Ки-

тая и неустойчивое положение самой России в ближайшем обозримом будущем могут сместить баланс в пользу китайской стороны. Китай также надеялся создать и развить «дружеские» отношения с Россией, что могло бы оказаться полезным с точки зрения ответа на серьезные вызовы со стороны США. Центральные азиатские государства стремились приобрести гарантии своей территориальной целостности, а со стороны Китая они получили признание и экономическую помощь для дальнейшего мирного развития.

В ходе переговорного процесса была принята следующая формула для урегулирования пограничных проблем: «пятьдесят на пятьдесят». Данная формула означала, что наиболее спорные территории должны были быть в конечном итоге разделены на основе взвешенного подхода ко всем аспектам, затрагивающим интересы сторон: сохранение лица в дипломатическом отношении, экономические выгоды, историческое наследие, гарантии безопасности и другие интересы вовлеченных в процесс сторон, включая центральные правительства, местное население на приграничных территориях и окружающий регион в целом. Приняв подобную формулу, страны, вовлеченные в переговоры, могли провозгласить достижение благополучного исхода для каждой из сторон и к тому же получить политические преимущества в виде существенной поддержки партнеров по переговорному процессу по другим международным

вопросам. Местное население, проживающее в приграничном районе, могло бы развивать полномасштабное экономическое сотрудничество с представителями приграничных территорий соседней страны и получать реальные материальные выгоды от торговли, инвестиций и существенной помощи от центральных правительств обоих соседствующих государств.

С того момента, когда российско-китайские пограничные переговоры завершились достижением преимуществ для обеих сторон, в Азии, похоже, наметилась определенная тенденция. Вьетнам и Китай недавно приняли формулу «пятьдесят на пятьдесят» для разрешения пограничного спора и вопросов, касающихся юрисдикции в отношении территорий в Тонкинском заливе. В том же ключе Индия и Китай активизировали переговорный процесс по спорным территориям. Япония и Россия также согласились принять во внимание китайско-российские достижения в отношении пограничного урегулирования. Можем ли мы рассматривать формулу «пятьдесят на пятьдесят», являющуюся результатом китайско-российских пограничных переговоров, в качестве прогрессивного шага к сотрудничеству? Можем ли мы считать быстро развивающееся сотрудничество по пограничным вопросам в отношении спорных территорий новым динамичным процессом, ведущим к сотрудничеству в Евразии?

Для того чтобы проверить эту гипотезу, в рамках данной статьи анализируется: 1) создание и разработка процесса формулы «пятьдесят на пятьдесят» во время китайско-российских пограничных переговоров; 2) ее применение и развитие в отношении Китая и Центральной Азии; 3) возможность ее применения в российско-японских отношениях. Данное исследование также отмечает некоторые проблемные вопросы, возникшие после применения данной формулы, и подробно рассматривает примеры погра-

ничного сотрудничества, после того как проблемные вопросы были сглажены. В заключение будет представлено видение трансформировавшегося пограничного вопроса в рамках формирующегося мирового порядка.

1. Начало новой эры: китайско-российские пограничные соглашения

(1) Метод «трех этапов»: уроки трагического прошлого

Споры по поводу российско-китайской границы имеют длительную историю, восходящую ко временам династии Цин и Российской империи. Пограничные разногласия, унаследованные Маньчжоуго и Советским Союзом, привели к серьезным военным конфликтам в 1930-х годах. Более 500 пограничных инцидентов были отмечены в период между 1932 и 1938 гг. Военные конфликты, наподобие тех, что происходили на о. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-гол в 1939 г., служат хорошими примерами печально известных столкновений, которые имели место в тот период.

В конце II мировой войны советская армия освободила северо-восточный Китай от японского контроля и оккупировала территории по пограничным рекам Амуру и Уссури. Советский Союз продолжал оккупировать многие острова, расположенные на китайской стороне реки Амур даже после вывода войск с китайской территории. Китай время от времени высказывал критические замечания в адрес Советского Союза за его «имперское» отношение к Китаю, однако не мог добиться ухода Советской армии ни с одного из спорных островов.

В начале 1960-х годов. Китай предпринимал попытки освободить острова от советской оккупации. Эти шаги ознаменовали начало советско-китайского переговорного процесса по поводу границы. В 1964 г. советская сторона в целом согласилась пересмотреть существовавшую границу по реке в соответствии с тальвегом, что является основным принципом при демаркации границ, проходя-

щих по рекам. Однако Никита Хрущев отказался использовать принцип проведения границы по тальвегу в отношении Большого Уссурийского и Тарабарова островов (О. Хэйсяцзы), настаивая на том, чтобы они оставались под советским контролем. Китай же настаивал на том, что данные острова по праву принадлежали ему. Переговоры зашли в тупик, тогда как в отношениях между Россией и Китаем продолжались разногласия по поводу спорных островов на р. Амур и р. Уссури. Ущемленный и разочарованный Китай планировал инцидент на о. Даманском (о. Чжэньбао), поскольку геотактическое положение данного острова давало ряд преимуществ для Китая. 2 марта 1969 г. советская сторона была шокирована дерзким нападением на остров со стороны Китая. После данного инцидента вся китайско-советская граница оказалась под угрозой полномасштабной войны, включая возможную перспективу ядерной войны между Москвой и Пекином. Россия пыталась убедить Китай стабилизировать ситуацию в пограничном районе, сохраняя статус-кво. Однако Китай продолжал контролировать о. Даманский и накануне встречи Чжоу Эньлая и Алексея Косыгина 11 сентября 1969 г. После этого советская сторона смягчила свое отношение к требованиям Китая и отказалась от нескольких островов на р. Амур и р. Уссури. Советская сторона зачастую фактически продолжала контролировать эти острова, однако Китай постепенно с успехом добивался перехода островов под его контроль.

В конце 1980-х годов, когда по инициативе Михаила Горбачева и Дэн Сяопина был начат второй раунд переговоров, Советский Союз и Китай согласились использовать в качестве основного принципа переговоров метод «трех этапов»: 1) в первую очередь необходимо определить границу, а переговоры по спорным территориям будут проведены позднее; 2) подписанное соглашение о границе будет применяться в отношении всей терри-

тории за исключением спорных участков; 3) заинтересованные стороны продолжат переговоры по оставшимся спорным территориям в духе доброй воли. По-прежнему неясным оставался вопрос о том, как разграничить наиболее проблемные участки, однако Советский Союз и Китай нашли выход из сложной ситуации, когда небольшие разногласия в конечном итоге могли прервать весь процесс переговоров о границе.

(2) Создание формулы «пятьдесят на пятьдесят»: кризис по поводу о. Хасан в 1997 г.

Благодаря активным переговорам по нормализации отношений Советский Союз и Китай успешно подписали соглашение по разграничению восточного участка границы в мае 1991 г. Достигнутое соглашение касалось 98% границы; о. Хэйсяцзы (Большой Уссурийский) на р. Амур и о. Абагайтуй (Большой) на р. Аргунь не были включены в соглашение 1991 г. Претензии на последний Китай заявил впервые, однако это требование, с точки зрения России, было несколько чрезмерным. Российская сторона незамедлительно отвергла его.

Неблагоприятный период, в рамках которого заключалось соглашение 1991 г., помешал его успешному выполнению. Вскоре последовал распад Советского Союза, и пограничные с Россией регионы стали активно выступать исходя из собственных интересов. Приморье и Хабаровский край критиковали соглашение, поскольку считали, что оно приведет к отторжению территорий, принадлежащих им. В частности, тогдашний губернатор Приморского края организовал антикитайскую кампанию с целью не допустить «передачи хотя бы акра земли Китаю». Он и его сторонники требовали, чтобы российское правительство отказалось от существующего соглашения или хотя бы пересмотрело его.

Один из активных споров, инициированных Приморским краем, касался участка земли в 300 га, выходящего к р. Туманной Хасанского района. Данный участок

расположен рядом с историческим местом, где в 1938 г. произошло пограничное столкновение между Советским Союзом и Маньчжоу-го. Местное население Приморья рассматривало эту территорию не только с точки зрения ее исторического значения, но также с экономических и стратегических позиций. Если бы данный район был передан китайской стороне, Китай построил бы на реке порт и смог бы свободно выходить в Японское море. Потенциально подобное положение могло нанести ущерб экономическим интересам и интересам безопасности и Приморья, и всей России.

Министерство иностранных дел России пыталось смягчить местные настроения, направленные против Китая. Это, однако, было нелегкой задачей в связи с масштабным проникновением «китайских иммигрантов» на территорию российского Дальнего Востока в начале 1990-х годов. Напряжение нарастало по мере того, как российское местное население проявляло все большее беспокойство по поводу «китайской угрозы» и «желтой опасности». Работы по демаркации границы были приостановлены, и тупиковое положение в решении вопроса о спорных территориях в Хасанском районе потенциально могло привести к серьезному обострению отношений, подобному конфликту на о. Чжэньбао (Даманский) в 1969 г. Весь процесс пограничных переговоров вновь оказался на грани срыва из-за небольшого разногласия. К тому моменту крайний срок исполнения соглашения 1991 г., установленный российским парламентом на 1997 г., быстро приближался.

Летом 1997 г. Китай и Россия внезапно пришли к соглашению разделить спорные территории вне зависимости от юридических особенностей. Обе стороны согласились избегать любого развития событий, которое могло бы привести к срыву переговоров; тупиковая ситуация, связанная с проблемой Хасанского района, могла свести на нет договоренности 1991 г. и привести к беспределу на ки-

тайско-российской границе, аналогично тому, как в 1964 г. проблема о. Хэйсяцзы вызвала срыв первого раунда переговоров. Было принято поистине политическое решение: 300 га спорной территории в Хасанском районе были поделены на две отдельные части. Около 140 га оставались под российским контролем, в то время как остальная территория отходила к Китаю. Именно в тот момент было положено начало формуле «пятьдесят на пятьдесят». Не только Москва и Пекин, но также и Приморский край заявили о победоносном исходе в ноябре 1997 г., когда президент Ельцин сделал заявление о достижении благополучного результата для каждой из сторон по завершении выполнения соглашения 1991 г., заключенного с президентом Цзянь Цзэмином в Пекине.

(3) Формула «пятьдесят на пятьдесят» способствует достижению выгодного результата каждой из сторон: завершение переговоров в октябре 2004 г.

В декабре 1999 г. Россия и Китай обменялись протоколами к соглашению по восточному участку границы. Несмотря на полное подтверждение соглашения 1991 г., по-прежнему сохранялось два спорных участка, исключенных из соглашения. После прихода в 2000 г. к власти Владимира Путина переговорный процесс продолжился, но в более жесткой форме. Общеизвестно, что В. Путин очень надеялся разрешить все территориальные вопросы, касающиеся российских границ. На деле он предпринял согласованную попытку найти «взаимно приемлемый вариант» решения спора с Китаем как раз накануне подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. Путин не смог достичь своих целей, поскольку Китай полагал необходимым в своих интересах продолжать выдвигать претензии на остров Хэйсяцзы.

Тем не менее стороны втайне возобновили третий раунд переговоров. Россия предложила построить для Китая несколько истребителей в обмен на

о. Хэйсяцзы. Китай отказался. В качестве ответного шага китайская сторона предложила отдать остров в обмен на участок территории около р. Туманной, что позволило бы Китаю получить выход в Японское море. Россия отклонила данное предложение. В конечном итоге обе стороны согласились решить свои территориальные разногласия, разделив спорные районы пополам. Это соглашение, получившее название формулы «пятьдесят на пятьдесят», изначально было подготовлено в мае и июне 2004 г. План тщательно старались не предавать гласности, пока основные игроки, вовлеченные в его дальнейшее осуществление, не заложили базовые основы для его выполнения. Хотя губернатор Хабаровского края в течение длительного времени в 1990-е годы противодействовал передаче о. Хэйсяцзы Китаю, он заблаговременно согласился на формулу «пятьдесят на пятьдесят». Позднее, когда соглашение стало достоянием общественности, он сделал вид, что обдумывает его.

Сенсационные новости были обнародованы в октябре 2004 г., когда В. Путин и Ху Цзиньтао заявили о разрешении всех пограничных споров. Они вновь прибегли к формуле «пятьдесят на пятьдесят» для разграничения двух оставшихся спорных островов. И о. Хэйсяцзы, и о. Абагайтуй были разделены практически в равных долях: 171 км² о. Хэйсяцзы были переданы Китаю, а 164 км² оставались у России. 38 км² о. Абагайтуй переходили к китайской стороне, 24 км² — к российской. Формула «пятьдесят на пятьдесят» не обязательно предполагала, что спорные территории должны быть разделены на равные части. Зато формула была направлена на то, чтобы сбалансировать интересы каждой из стран. К примеру, фермы, дачи, церкви и кое-что из военной техники на о. Хэйсяцзы оставались под российским контролем, в то время как китайская сторона приобретала полный контроль над протокой Казакевича реки Амур. Водохранилище для местно-

го населения о. Абагайтуй сохранялось за Россией, а Китай получал большой район территории.

В. Путин и Ху Цзиньтао заявили о победе, а совместное заявление повысило репутацию китайско-российской формулы разрешения территориальных споров. В совместном заявлении было отмечено, что данная формула может быть использована и в других случаях, связанных с территориальными спорами.

2. Развитие сотрудничества в Евразии: центральноазиатское и южноазиатское направления

(1) Соглашения по формуле «пятьдесят на пятьдесят»: от Казахстана до Таджикистана

Китайско-российская формула «пятьдесят на пятьдесят» была применена и опробована и в отношении других территорий, например 3000 км западной границы между бывшим Советским Союзом и Китаем. В отношении западного участка китайско-советской границы существовал аналогичный опыт первого и второго раунда переговоров 1960-х и 1980-х годов. Конфликт на восточной границе с 1969 г. был увязан и с западной границей, к примеру китайско-казахстанской. Следовательно, существовала основа для применения метода «трех этапов» и к переговорам по западной границе.

В конце 1980-х годов переговоры по западной границе предшествовали переговорам по восточному участку. Представители Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана присоединились к переговорному процессу. Однако им еще предстояло договориться о проведении второго раунда переговоров. Ряд спорных территорий дискутировался особенно остро: Шаган Оба и Сары Шильде в Казахстане, Хан-Тенгри, Майбаштоо, Бедел, Тепши, Нура вблизи перевала Эркештам в Кыргызстане и «двадцать тысяч квадратных километров» южнее перевала Узбель в Таджикистане. В ходе дискуссии предложение обменять территории в Таджикистане на о. Хэйсяцзы было принято к

рассмотрению, но решение не было вынесено.

Распад Советского Союза существенно затруднил достижение будущих соглашений. Западный участок границы был разделен на четыре части — 50 км китайско-российской границы, 1700 км китайско-казахстанской границы, 1000 км китайско-кыргызской границы и 430 км китайско-таджикской границы, в то время как вся восточная часть становилась китайско-российской границей. Три центральноазиатских государства заявили о своей независимости, и все они не признавали наличие пограничного вопроса с Китаем. Срыв переговорного процесса поставил Китай в трудное положение, и он с готовностью обратился к России с просьбой помочь вернуть центральноазиатские государства за стол переговоров. Россия в конечном итоге согласилась. В конце концов переговоры возобновились в формате «четыре (Россия плюс три центральноазиатских государства) плюс один (Китай)». Тогда был создан прообраз будущей «Шанхайской пятёрки», предшественника Шанхайской организации сотрудничества.

Формат «четыре плюс один» имел и другое измерение. Во-первых, он помог стабилизировать китайско-советский пограничный район в целом. В ходе переговорного процесса конца 1980-х годов. Россия и Китай также договорились разработать меры предотвращения любых будущих военных конфликтов на границе. Это привело к заключению соглашения об основных принципах сокращения вооружений и мерах доверия в военной сфере на границе в апреле 1990 г.

После 1993 г. формат «четыре плюс один» реализовывался двумя постоянными комитетами: по мерам доверия и сокращению вооружений и по совместной демаркации границы. Первым результатом работы комитета по мерам доверия и сокращению вооружений стало Шанхайское соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы

в 1996 г. Все заинтересованные стороны согласились укреплять стабильность своих пограничных территорий, создав невоенные зоны и пообещав осуществлять обмен военной информацией. Общая эффективность данных мероприятий была сомнительна, однако подобные действия представляли собой символический шаг на пути к миру и сотрудничеству в районе бывшей китайско-советской границы, которая исторически была поражена жестокими военными конфликтами и глубоко укоренившимся взаимным недоверием. С тех пор «Шанхай» стал особым синонимом «стабильности и доверия» в отношениях между пятью государствами. В феврале 1997 г., когда лидеры России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана встретились в Москве и подписали соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в пограничном районе, уровень «стабильности и доверия» был повышен соглашением об ограничении вооружений и военного персонала в 100-километровой зоне по обе стороны бывшей советско-китайской границы и о ее совместных инспекциях. Название «Шанхайская пятёрка» приобрело популярность как раз после этого саммита. Формула «четыре плюс один» способствовала распространению процесса демаркации и на западную границу.

Затем Китай и три государства Центральной Азии подписали соглашение о границе, тем самым завершив второй этап переговорного процесса. В 1994 г. было достигнуто соглашение о пятидесятикилометровой китайско-российской границе и китайско-казахстанской границе, два участка которой, Шаган Оба и Сары Шильде, не были разграничены. Китайско-кыргызские пограничные переговоры начались в 1992 г., и в то время существовало пять спорных участков, упомянутых ранее. Решение по четырем из них было закреплено соглашением 1996 г. Однако по участку Бедела шли ожесточенные споры. Китайско-таджикские пограничные переговоры долгое время находились в ту-

пике. Правительство Таджикистана, похоже, имело мало пространства для компромисса по так называемым «двадцати тысячам квадратных километрам» на Памире, что равнялось одной седьмой части территории Таджикистана, на которые Китай предъявлял претензии. Единственным участком, разграниченным соглашением 1998 г., был Карзак и Маркасу рядом с совместным кыргызско-китайско-таджикским пограничным пунктом. Так называемая «памирская проблема» осталась неразрешенной.

Завершение третьего этапа переговоров казалось проблематичным. Ожидания не были оправданы. Какие интересы вовлеченных стороны были гарантированы? «Взаимно приемлемый компромисс» был найден в формуле «пятьдесят на пятьдесят». В 1998 г., когда третий саммит «Шанхайской пятерки» состоялся в г. Алматы, стороны достигли окончательной договоренности по китайско-казахскому дополнительному соглашению. Результаты договоренностей с Казахстаном таковы: 940 км² — два сегмента спорной территории, Шаган-Оба и Сары Шильде, — были разделены по формуле «пятьдесят на пятьдесят». 56% спорной территории были переданы Казахстану, а остальное отходило к Китаю. Окончательное решение кыргызско-китайских территориальных споров также было принято с применением формулы «пятьдесят на пятьдесят» в отношении района Бедел: 70% территории оставалось у Кыргызстана, а остальные 30% (950 км²) передавались Китаю.

Реальный ход событий зачастую оказывается вне зоны досягаемости для специалистов. Цзянь Цзэминь и Эмомали Рахмон подписали дополнительное соглашение по пограничному вопросу между Китаем и Таджикистаном 17 мая 2002 г. Сложно достоверно определить фактическое содержание документа, поскольку ни таджикские, ни китайские средства массовой информации не сообщали о его деталях. Несмотря на то что соглашение осталось закрытым, оно, несомненно, стало

результатом «взаимного компромисса», который обе стороны могли счесть приемлемым, разделив спорные территории по формуле «пятьдесят на пятьдесят».

(2) Вызовы формуле «пятьдесят на пятьдесят»: кыргызско-китайский и таджикско-китайский примеры

Переговоры об окончательном соглашении оказались более сложными, чем предыдущие. Общественность вполне могла выступить с критикой «взаимоприемлемого компромисса», сочтя его односторонней уступкой. Поскольку формула «пятьдесят на пятьдесят» означает, что нужно отказаться от половины претензий на спорную территорию, заявление о двойной победе могло быть расценено как двойной проигрыш. В случае с пограничными спорами между Китаем и государствами Центральной Азии, невзирая на то что средства массовой информации в центральноазиатских странах все же носят несколько более открытый характер, чем в Китае, эти государства действительно де-факто передали Китаю некоторые спорные территории, демонстрируя, что их правительства способны справиться с претензиями оппозиции.

Китайско-кыргызский случай был наиболее спорным. Демонстрации против президента, раздутые политической оппозицией, выступавшей против Аскара Акаева, подогревались кампанией против передачи какой бы то ни было части спорных территорий в Беделе Китаю. Благодаря этому движению парламент неоднократно отказывался ратифицировать соглашение 1999 г. В 2002 г. в южном Кыргызстане вспыхнуло массовое движение против президента. Его представители требовали освобождения из тюрьмы лидеров политической оппозиции, отставки президента и отмены соглашения 1999 г. В мае президент Акаев ратифицировал соглашение, однако премьер Курманбек Бакиев был вынужден уйти со своего поста и взять на себя ответственность за беспорядки. Это было репетицией грядущей «гюльпановой революции» в

марте 2005 г. Случай Кыргызстана дает основания предположить, что окончательное осуществление решения пограничного спора на основе формулы «пятьдесят на пятьдесят» может содержать в себе определенный риск.

Китай и Таджикистан внимательно следили за ситуацией в Кыргызстане. Так совпало, что правительства двух государств заявили о завершении пограничного спора в мае 2002 г. Информационные потоки жестко контролировались. В газете «Пиплс дейли» отмечалось, что «Китай и Таджикистан высоко ценят достигнутое соглашение по пограничному вопросу, означающее полное разрешение пограничных проблем между двумя государствами». Центральное новостное агентство Таджикистана сообщило, что Таджикистан согласился на передачу Китаю 3,5% спорных территорий, что равняется приблизительно 1000 км², с целью положить конец китайско-таджикским разногласиям по поводу границы. Согласно дополнительному документу территории, переданные Китаю, похоже, составляли гораздо меньше, чем 1000 км², однако детали и границы участков сохранялись в секрете, несмотря на ратификацию соглашения в июне 2004 г. Очевидно, Китай и Таджикистан опасались общественных движений, которые могли опротестовать последнее соглашение о границе. Несомненно, из китайско-кыргызского примера был извлечен урок.

Урок был извлечен также и из заключительных стадий китайско-российского переговорного процесса. Как уже отмечалось, информация о процессе переговоров тщательно контролировалась. Сразу после декларации В. Путина и Ху Дзиньтао в октябре 2004 г. некоторые детали были официально обнародованы. Некоторые безосновательные слухи по поводу статуса о. Хэйсяцзы и о. Абагайтуй были широко распространены в российских средствах массовой информации. Китайским исследователям не было разрешено обсуждать данные вопросы даже после

выхода декларации. Китай ратифицировал дополнительное соглашение на несколько недель раньше России, однако оно было предано гласности только после ратификации его российской стороной.

(3) После споров: прорыв в пограничном сотрудничестве

Несмотря на сложные проблемы, связанные с соглашением по границе, особенно на последнем этапе, поражает одно преимущество, ставшее результатом разрешения спора. В китайско-российских отношениях пограничное сотрудничество получило кардинальное развитие со времени введения в действие первого соглашения в 1997 г. Помимо «старых» пограничных пунктов на китайско-российской границе (например, Суйфэньхэ — Пограничный, Хэйхэ — Благовещенск, Манжули — Забайкальск), многочисленны и быстро развиваются такие пограничные пункты, как Мишань — Турий Рог на озере Ханка, Хулинь — Марково на р. Сунгача, Раохэ-Бикин на р. Уссури вблизи о. Чжэньбао (Даманский), а также на р. Амур Фуюань — Хабаровск, Тунцзян — Нихнее Ленинское, Миньшань — Амурзет, Цыкэ — Поярково, Ляньинь — Джалинда, Логухэ — Покровка и на р. Аргунь Шивэй-Олочи. Благодаря не в последнюю очередь разрешению вопроса о двух оставшихся спорных участках, Усучжэнь-Казакевичево рядом с о. Хэйсяцзы и Эрка-Абагатуй вблизи о. Абагатуй, приобретают тот же потенциал для развития. Без разрешения споров и роста взаимного доверия на границе можно ли было всерьез рассматривать вопрос о строительстве трубопровода через р. Амур? Могли ли быть проведены какие-либо крупномасштабные военные учения?

Это справедливо и в отношении взаимодействия Китая с государствами Центральной Азии. Будущий нефтепровод из Казахстана в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая планируется проложить через Алашанью вблизи района китайско-советских боевых действий

1969 г. Это место также расположено рядом с Сары Шильде, ранее спорным районом на китайско-казахстанской границе. После договоренности о мерах доверия и сглаживании пограничных споров реализация подобной инициативы стала возможна. Перевал Эркештам в Кашгар был открыт в 1998 г. после решения территориального вопроса по поводу деревни Нура в результате заключения окончательного соглашения между Китаем и Кыргызстаном в 1996 г. Кыргызстан и Китай провели совместные учения на кыргызской территории в 2003 г. после ратификации дополнительного соглашения 1999 г. В мае 2004 г. Таджикистан открыл таможи в Мургабе в Памире. Это был первый прямой путь в Китай. Все эти мероприятия были осуществлены после разрешения пограничных споров.

3. Будущее испытание на краю Евразии: практическое применение формулы в отношении российско-японского пограничного спора

(1) Вызовы российско-японскому переговорному процессу

Пограничные соглашения в Евразии начинают оказывать влияние на близлежащие территории. Особое внимание уделяется российско-японским отношениям, которые России еще предстоит наладить. После декларации об окончательном урегулировании китайско-российского пограничного спора Россия и Япония стали возлагать надежды на возможность применения китайско-российской модели к разрешению российско-японских территориальных разногласий.

Обе стороны в официальном порядке указали на разницу между китайско-российскими и российско-японскими пограничными спорами. Главным препятствием, которое необходимо преодолеть, прежде чем какой-либо территориальный спор будет решен, является отсутствие геополитического содержания. После II мировой войны общая граница СССР и Японии сократилось с 4300 км сухопутной границы между СССР и Маньчжоу-го

до проливов между Сахалином и Курильскими островами. По сравнению с китайско-советскими отношениями потенциал конфликтов, способных перерасти в горячие точки в отношениях СССР и Японии, был относительно мал.

Кроме того, территориальные споры, похоже, не представляли значительного интереса для повседневных японско-российских отношений, поскольку, если бы мирный договор или соглашение о демаркации границы были подписаны, они не повлекли бы существенных последствий для обеих сторон. Россия и Япония мирно сосуществовали на протяжении последних сорока лет даже в период холодной войны. Они не были особенно хорошими соседями, но не были и серьезными врагами в традиционном понимании. После холодной войны российско-японские отношения медленно, но постепенно развивались. Правительства ни той, ни другой стороны не ощущают острой необходимости идти на компромисс в отношении спорных островов. И это существенное отличие от китайско-российских переговоров по границе. Если бы России и Японии предполагали наличие риска возникновения войны по причине территориальных разногласий, они бы уже пришли к решению данного конфликта.

Тем не менее после более десяти лет с момента окончания холодной войны Россия и Япония могут выразить свою волю более свободно и имеют больше возможностей для ее реализации. На самом деле Япония и Россия уже много раз за прошедшие годы заявляли о своем намерении разрешить пограничный спор и заключить мирный договор. Президент В. Путин официально объявил о возможности передачи двух островов, Хабомаи и Шикотана, Японии после подписания мирного договора согласно советско-японской совместной декларации 1956 г. Япония, напротив, проявила слабый интерес к тому, чтобы пойти на компромисс, и изменила официальную линию на «воз-

вращение четырех островов», Хабомаи, Шикотан плюс Кунашир и Итуруп, изобравшихся в 1960-х годах на карте как «северные территории», после того как переговоры о границе были прерваны в середине 1950-х годов.

Как следовало бы заполнить «вакуум» в российско-японском переговорном процессе? Обе стороны пытались сформулировать ответ. В 1998 г. в Каване Япония предложила, чтобы решение вопроса о четырех островах было отложено на более поздний срок, однако точная дата не была зафиксирована (Россия уподобила это предложение «методу Гонконга»). Россия отвергла предложение Японии, но предложила заключить договор о мире и дружбе, в рамках которого переговоры о границе были бы помещены в другую систему координат. Выдвигались и другие предложения, но не были одобрены.

В октябре 2004 г. было заявлено, что по большей части успешное китайско-российское соглашение по границе могло бы способствовать формированию нового представления о разрешении существующих территориальных споров между Японией и Россией. Некоторые японские специалисты по России, придерживавшиеся жестких позиций по пограничному вопросу с Россией, отметили, что Японии также следовало бы сделать некоторые уступки в отношении российской стороны. Россия отреагировала в том же ключе. Однако в официальном плане обе стороны проявили безразличие. Приемлемым вариантом решения в российско-японском случае действительно могла бы стать формула «пятьдесят на пятьдесят». Одним из возможных решений в случае применения формулы «пятьдесят на пятьдесят» могла бы стать передача Японии трех из четырех островов и сохранение за Россией навсегда самого крупного и стратегически важного острова Итуруп.

(2) **Движение к взаимной выгоде: вопросы безопасности, морского пространства,**

экономических интересов и положения местного населения

Если бы Россия и Япония всерьез рассмотрели решение по формуле «пятьдесят на пятьдесят», как бы выглядела ситуация взаимного выигрыша?

а) Сохранение лица в дипломатическом отношении: Россия никогда не планировала передавать все спорные острова Японии даже в ранние годы правления Б. Ельцина. Россия никогда не согласится на вариант передачи всех четырех островов. Подобная ситуация будет расценена как полное поражение российской дипломатии и пересмотр победы России над Японией во II мировой войне. Япония, в свою очередь, с трудом принимает вариант передачи двух островов, предложенный Россией в соответствии с совместной декларацией 1956 г. Если Япония согласится на вариант «двух островов», вспыхнут антироссийские националистические настроения, осуждающие усилия, предпринимавшиеся за последние пятьдесят лет с 1956 г., как абсолютную потерю времени. Необходимо помнить, что два острова, Хабомаи и Шикотан, занимают только 7% спорной территории. Если бы была применена формула «пятьдесят на пятьдесят» и остров Кунашир отошел бы к Японии, тогда бы японской стороне принадлежали 38% всех спорных территорий.

б) Проблемы безопасности: с точки зрения безопасности остров Итуруп имеет большее геостратегическое значение, чем остальные. Залив Хитокаппу (Касатка) известен тем, что служил отправным пунктом для японских военных кораблей на пути к Перл Харбору в 1941 г. Аэропорт Буревестник (Тенней) также хорошо оборудован, как и в тот период, когда он принадлежал Японии. Самый выгодный аспект сохранения Итурупа заключается в том, что на северо-западе острова имеется пролив глубиной в 1000 км, где могут спокойно передвигаться ядерные подводные лодки. Следовательно, контроль над Итурупом может стать крупным преимуществом для российских интересов безо-

пасности. В противоположность этому, Кунашир обладает меньшей ценностью с точки зрения вопросов безопасности. Глубина проливов между Кунаширом и Итурупом составляет 400 м, и они гораздо уже. Кроме того, после того как Шикотан будет передан Японии, японская сторона сможет легко контролировать судходство из пунктов наблюдения за водным пространством на восточном побережье Шикотана. Пролив может де-факто оказаться под японским контролем. Следовательно, если Россия подготовит вариант передачи двух островов, значение Кунашира для России будет ограничено.

с) Вопрос о разграничении морских пространств: Вариант раздела морских пространств представляется задачей, доступной для исследования тогда, когда договоренность будет осуществлена. Морское право не содержит заранее заданных вариантов решения споров по поводу юрисдикции, однако в нем можно отыскать некоторые рекомендации на данный счет. Я рассмотрел вариант передачи двух островов исходя из формулы «пятьдесят на пятьдесят», уделив внимание территориальному аспекту. При рассмотрении фактора водных пространств анализ выглядит несколько иначе. Если будет проведена морская граница, то есть двухсотмильная зона, Япония получит 40% всех «спорных» морских территорий, даже в случае передачи двух островов. После того как на конференции в Азиатско-Тихоокеанском центре в Гонолулу в декабре 2003 г. я, вдохновленный формулой «пятьдесят на пятьдесят», предложил передачу трех островов в качестве способа разрешения российско-японских территориальных споров, российская газета «Известия» (4 февраля 2004 г.) выступила с критикой данного варианта, поскольку, как доказывалось в издании, он, в случае осуществления, мог бы привести к потере преимуществ на море. Однако я с легкостью отклонил эту критику. Если бы Россия согласилась на вариант передачи двух островов, фактическая потеря морских

пространств при передаче Кунашира Японии была бы достаточно небольшой — одна десятая всех «спорных» морских территорий. Это означает, что вариант передачи трех островов не принес бы значительного вреда российским интересам в данной области. И Япония бы также извлекла выгоду, получив остров. Полуостров Ширетоко, недавно признанный в качестве территории, имеющей значение для мирового наследия, естественным образом связан с Кунаширом. Пролив между Ширетоко и Кунаширом составляет 6,3 м в глубину и 20 км в ширину. Как два эти пространства могут быть разделены в природном и географическом смысле? В случае передачи Кунашира Японии японское общественное мнение и настроения в отношении России могли бы значительно смягчиться.

д) Положение местного населения: Одно значительное различие между китайско-японским и российско-японским случаями заключается в том, что на спорных территориях уже проживает местное население. Местные жители могут быть отнесены к категории старых резидентов, то есть японцев, которые жили на этих островах еще до перехода их под советский контроль, и новых резидентов, российских граждан, поселившихся там после вытеснения старых жителей. Одно из оснований для Японии требовать передачи четырех островов связано с волеизъявлением старых резидентов, проживающих по большей части в городе Немуро, расположенном вблизи спорных территорий. Япония настаивает на том, что четыре острова естественным образом принадлежали Японии и никогда за всю ее историю не были подконтрольны иностранному государству. По этой причине воля людей, наиболее тесно связанных со старыми резидентами, легитимизирует японскую официальную линию. Недавно точка зрения местного населения, включая старых резидентов, изменилась. Я провел опрос общественного мнения о «северном территориальном вопросе» в Немуро в июле

2005 г. и выяснил, что более 60% выступали за пересмотр официальной японской позиции о «возвращении четырех островов». Большинство поддерживало вариант «два острова + X»: «сначала передать два острова, а обсуждение остальных оставить на будущее», или «два острова и некоторые территории остальных двух островов». Эта же тенденция наметилась и в отношении родственников старых резидентов. В Немуро уже не так явно просматриваются противоречия между обычными гражданами и родственниками прежних жителей островов. Что же насчет новых резидентов? Хорошо известно, что расхождения во мнениях и позициях среди обитателей островов усилились. Жители Шикотана готовятся к незамедлительному политическому решению о передаче острова Японии. Обитатели Итурупа отвергают возможность передачи острова, в то время как жители Кунашира занимают среднюю позицию. Местное население, проживающее в приграничных районах, уже ожидает достижения Россией и Японией компромисса на основе формулы «пятьдесят на пятьдесят».

(3) Промедления до и после

Почему же Россия и Япония не решаются предпринять подобный шаг? Одна из причин может заключаться в том, что обе стороны беспокоятся о возможных результатах применения формулы «пятьдесят на пятьдесят». Опыт предыдущих случаев свидетельствует, что при использовании формулы «пятьдесят на пятьдесят» ситуация взаимного выигрыша может легко обернуться потерями для обеих сторон, вовлеченных в процесс.

Для Японии официальная линия на «возвращение четырех островов», сформулированная в период холодной войны, даже сейчас существенно отягощает пересмотр политики, проводившейся ранее в отношении России. В частности, политические лидеры опасаются потерять популярность среди избирателей в случае пересмотра старой политической линии. Они склонны продолжать следовать ей — что Россия никогда не сможет принять — и

чувствовать себя в безопасности, сохраняя статус кво. Подобный стиль мышления, проистекающий из бюрократической нерешительности и позиции «вести дела как обычно», не способствует инициативности и стремлению двигаться вперед.

Для России, несмотря на твердое намерение В. Путина разрешить пограничный вопрос, подъем патриотизма препятствует любому разумному решению сгладить остроту имеющейся проблемы. Российские граждане зачастую обеспокоены будущими возможными уступками другим государствам после соглашений с Китаем и Казахстаном. Внезапно возобновившиеся претензии Латвии по поводу спорных территорий, статус которых должен был быть уже урегулирован, спровоцировали новую волну беспокойства среди российского населения. Для российских лидеров представляется достаточно сложным процесс урегулирования пограничных споров, если они тесно увязаны с «великой историей» России и особенно со II мировой войной.

Пропасть между Россией и Японией кажется непреодолимой, но когда обе стороны в полной мере рассмотрят те объективные преимущества, которые можно получить после разрешения территориальных споров, результаты будут очевидными. Формула «пятьдесят на пятьдесят», похоже, является единственным возможным путем выхода из сложившегося тупика. И хотя разрешение российско-японского спора может занять определенное время, тенденции, доминирующие в Евразии, будут иметь решающее влияние на ближайшее обозримое будущее. В свою очередь, согласие России и Японии принять указанную формулу или отказ от нее станут ясным индикатором ее применимости к решению других территориальных споров.

Заключение: вне рамок территориальных споров

Почему же решение территориальных споров в Евразии было найдено так быстро только сейчас? Какова главная причи-

на, лежащая в основе этой тенденции? Одно из оснований несомненно заключается в изменении международного порядка. Я отвергаю упрощенное объяснение стремления России и Китая скорее разрешить территориальные споры с целью сформировать что-то вроде антиамериканского блока. Следует отказаться от попыток анализировать ситуацию подобным образом. Переговоры по пограничным вопросам были инициированы еще до попыток создать «многополярный мир». Присутствие США имело скромное влияние на окончательные соглашения между Россией и Китаем. Это утверждение также верно и в отношении договоренностей между Китаем и странами Центральной Азии. Зачем же тогда центральноазиатским государствам, симпатизирующим США, ощущать необходимость наконец разрешить территориальные споры? Антиамериканизм? Были ли они сподвигнуты к этому Россией и Китаем? Несмотря на то что эти соображения достаточно популярны, они тем не менее являются безосновательными. Государства Центральной Азии выступили с инициативой разрешения пограничных споров, основываясь на компромиссной формуле «пятьдесят на пятьдесят», поскольку сочли, что это будет наилучшим образом соответствовать их интересам. Акцентируя внимание на формуле «пятьдесят на пятьдесят», Китай с гораздо большей охотой шел на уступки, чем его центральноазиатские соседи.

Я полагаю, что в «антиамериканизме» нельзя найти более реалистического объяснения. Непосредственно вовлеченные в процесс действующие лица не просто реагировали на события по мере того как они происходили. Их действия отражали структурные трансформации, последовавшие после завершения холодной войны. Полного понимания этих структурных изменений 1990-х годов еще не достигнуто, и они полны загадок. В период после завершения холодной войны Россия и Китая представили

лишь поверхностную идею формирования «многополярного мира», стараясь при этом преуменьшить превосходство США над остальным миром, по крайней мере в военном отношении. Атаки 11 сентября 2001 г. и последовавшие за этим событием «войны» поколебали эти надежды. У обоих государств было мало причин бросать вызов американскому доминированию, особенно за счет преимуществ, полученных в результате тесного сотрудничества с США. Они должны попытаться защитить свои интересы и максимизировать выгоды, вступив в торг с США. Конечно, «мирная» реабилитация и нестабильно идущее восстановление государства и общества после прямой военной интервенции, как это было в Ираке или Афганистане, предоставляют чуть больше возможностей для маневрирования и переговоров с США.

Отражением структурной трансформации мира стал феномен «партнерства», нового типа взаимоотношений, представлявших не как создание союза или блока против третьей стороны. Концепция «партнерства» приобретает все большую популярность по мере того, как китайско-российские отношения становятся более зрелыми. Россия и Китай заявили о конструктивном партнерстве в 1994 г., которое в 1996 г. трансформировалось в стратегическое партнерство. Россия и Китай были непримиримыми врагами в течение последнего этапа холодной войны, следовательно, концепция «партнерства» представляла своеобразный «буфер» (если объяснять данную ситуацию в контексте реализма) — не враг, но и не друг, что в наибольшей степени было применимо к китайско-российским отношениям. Эта концепция была расширена и приняла более общий характер: Шанхайская организация сотрудничества и ее взаимодействие с Южной Азией, а также большинство китайских инициатив, направленных на построение хороших отношений с соседями и более отдаленными государствами, в равной степени основываются на концепции «партнерства». Возрождение

«партнерства», приобретающего все большую популярность, эффективно способствует изоляции такого «зла», как «террористическая угроза».

Таким образом, вне зависимости от воли акторов, метафора «партнерства» совпадает с однополярной структурой мира, в которой доминирует единственная сверхдержава. «Политическая игра» обычно разыгрывается между государствами, входящими в «партнерство», однако они могут легко образовать единый фронт против нескольких «государств-изгоев», или «террористов», в тесном сотрудничестве с супердержавой.

Если рассматривать меняющийся мировой порядок в этом контексте, пограничный вопрос более не играет существенно важной роли для государств. Возникновение «империи» с большим количеством разрушительного оружия, легко передвигающегося через границы в любое место на земле, сводит «огромную» пограничную проблему к тривиальному вопросу, который может быть предметом переговоров. Движение к «партнерству» также смягчает пограничную напряженность между соседними государствами.

Им следует строить «дружеские отношения» и гарантировать территориальную целостность друг друга в борьбе с «террористами». В этом заключается одна из причин, почему формула «пятьдесят на пятьдесят» может быть успешно применена и может привести пограничный вопрос к мирному разрешению в кратчайшие сроки.

Литература

(доступна также на сайте Slavic Research Center, Hokkaido Univ)

- 1 URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish-e.html>
- 2 Akihiro Iwashita, *A 4.000 Kilometer Journey on the Sino-Russian Border*, Sapporo, 2004.
- 3 Akihiro Iwashita, «An Inquiry for New Thinking on the Border Dispute: Backgrounds of «Historic Success» for the Sino — Russian Negotiations», Akihiro Iwashita (ed.), *Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the «Community of Asia»*, Vol.1, Crossroads in Northeast Asia, Sapporo, 2005.
- 4 Акихиро Ивасита. «Опыт российско-китайских пограничных переговоров: применим ли он к территориальному вопросу между Россией и Японией? / Акихиро Ивасита (сост.). Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Саппоро, 2005.

ТРАНСАФГАНСКИЙ ГАЗОПРОВОД КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ АФГАНИСТАНА В БОЛЬШУЮ ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТОВ PRO ET CONTRA

Ю.П. Лалетин

В настоящее время Исламская Республика Афганистан (ИГА) переживает непростые времена. Одним из способов урегулирования ситуации является повышение уровня жизни населения, чему может способствовать прокладка трансафганского газопровода (ТАГ) (в перспективе, возможно, и нефтепровода), сопровождаемого автомобильной дорогой и линией электропередачи.

Характеристики проекта

К январю 2005 г. Азиатский банк развития (АБР) представил технико-экономическое обоснование проекта. Банк выступил спонсором подготовки ТЭО-проекта, выделив на него 1,5 млн долларов США. Работы выполнила английская компания Pensen. Согласно проекту газопровод пройдет от туркменского месторождения Довлетабад, запасы которого пока еще оцениваются в 1756,6 млрд кубометров газа, через Герат и Кандагар до населенного пункта Фазилка (Индия) на границе Пакистана и Индии. Газопровод диаметром 56 дюймов (1420 мм) с рабочим давлением 100 атмосфер рассчитан на пропускную способность 33 млрд кубометров газа в год. Его общая протяженность составит 1680 километров, из них по территории Туркменистана будет проложено 170 километров, Афганистана — 830 километров, Пакистана — 400 километров. Ориентировочная стоимость проекта — 3,3 млрд долларов США¹.

¹ По разным оценкам, стоимость проекта составит от 2–2,5 до 3,5 млрд долларов США. Наиболее часто называется число в 3,3 млрд долларов.

В перспективе газопровод может быть продолжен до порта Гвадар на Аравийском море или через индийскую границу до Дели (еще 500 км).

Возможно также подключение газовых ресурсов Казахстана.

Помимо газопровода предполагается прокладка нефтепровода, автомобильной дороги и линии электропередачи.

Судьба проекта в 1990-х годах

Проект трансафганского газопровода был разработан еще в 1993–1994 гг. аргентинской компанией «Брида» («Bridas S.A.P.I.C.»), имевшей концессию в Туркменистане. «Брида» предложила строительство трубопровода протяженностью 1500 км от месторождения Яшлар до пункта Суи на территории Белуджистана, где начинается трубопроводная сеть Пакистана. Ветка могла быть в дальнейшем продолжена в Индию через Мултан. В 1995 г. президент Туркменистана С. Ниязов и премьер-министр Пакистана Б. Бхутто подписали меморандум о строительстве газопровода. В мае 1996 г. меморандум подписали еще раз — уже с участием Узбекистана и Исламского Государства Афганистан (правительство Б. Раббани).

«Брида» начала переговоры с другими нефтяными компаниями, включая «Юнокал» (UNOCAL — Union Oil Company of California), 12-ю по счету крупнейшую компанию США. Представители Туркмени впервые познакомились с этой ком-

панией в апреле 1995 г. в Хьюстоне, куда были приглашены руководством «Бридас». А вскоре сотрудничеству с аргентинцами Туркменбаши предпочел поддержку со стороны США, проявивших интерес к прокладке трубопроводов из Центральной Азии в Пакистан, минуя Иран. США поддерживали и поддерживают идею проекта, поскольку он уменьшил бы их зависимость от Саудовской Аравии, разнообразив источники поставки углеводородов, и позволил бы проникнуть на новые рынки, вытеснив оттуда Россию.

В октябре 1995 г. «Юнокал» создала международный консорциум «CentGas» (Central Asia Gas Pipeline Ltd.) («Центгаз» — Центрально-азиатский газопровод). Доля «Юнокал» составила 54%. В консорциум вошла также саудовская «Дельта» (Delta Oil) (15%). В августе 1996 г. к проекту присоединился «Газпром» с долей 10% вместе с туркмено-российским акционерным обществом «Туркменросгаз» (5%). Россия тогда ничего не имела против талибов. Однако после захвата Кабула талибами в политике России по отношению к ним произошел резкий поворот. Хотя есть версия, что этот поворот был вызван исключением «Газпрома» из указанного консорциума², однако причина состоит в превращении Афганистана в базу исламских террористов и в поддержке талибами чеченских сепаратистов. По указанной причине «Газпром» отказался войти в новый консорциум, созданный компанией «Юнокал» 25 октября 1997 г., хотя за ним было зарезервировано 10%.

Правительство США в конце 1995 г. поддержало «Юнокал», тогда же С. Ниязов в одностороннем порядке разорвал все соглашения с «Бридас». Американская компания предложила проложить 48-дюймовый (1220 мм) трубопровод общей протяженностью 1464 км от туркменского месторождения Довлетабад через афганский Кандагар в пакистанский Мултан, а затем, вероятно, и до порта Гвадар на берегу Аравийского моря. Стоимость проекта составляла 2 мл-

рд долларов. Ежегодный объем поставок — 15–20 млрд кубометров. Рассматривался также вариант продления трубопровода к Индии, что обошлось бы еще в 600 млн долларов. Позже к проекту присоединилась обанкротившаяся в декабре 2001 г. американская компания Enron³, заплатившая талибам, по словам сотрудника ЦРУ, более \$400 млн за техническое обоснование.

«Юнокал» планировала также построить нефтепровод. Общая стоимость центральноазиатского нефтепровода протяженностью 1,6 тыс. километров (из них в Афганистане — 670 км) оценивалась в 2,7 млрд долларов. Казахстан также принимал опосредованное участие в этом проекте. В декабре 1996 г. постановлением правительства Республики Казахстан на базе Амангельдинской группы газовых месторождений (Шымкентская область) было создано закрытое акционерное общество «Досбол» с участием «Юнокал» и «Дельта» с весьма широкими задачами и полномочиями, что являлось своего рода «ресурсным» стимулом их заинтересованности как в газо-, так и в нефтепроводе. Однако к работе в Казахстане фирмы так и не приступили, а в 2000 г. тендер на разработку указанного месторождения выиграла компания «КазТранГаз».

Тем временем вокруг проекта началась ожесточенная борьба. «Бридас» инициировала судебный процесс против «Юнокал», обвинив американцев в краже идеи, и арбитражный — против Туркменистана. Первый она проиграла, а во втором случае хотя дело и было решено в ее пользу, но это было проигнорировано Ниязовым. Однако глава компании Бульгерони не оставил мысли о возмещении Туркменистаном понесенных им убытков, которые он оценил в 1 млрд долларов США. В 2003 г. Хьюстонский суд признал справедливость претензий аргентинцев. Адвокаты Ниязова подали в Верховный суд

² Афганский узел // Zevs904.chat.ru

³ Не дождавшись приговора, 5 июля 2006 г. в возрасте 64 лет от сердечного приступа скончался основатель и бывший глава обанкротившейся корпорации Enron К. Лей.

США апелляцию, но в июне 2004 г. она был отклонена.

Одновременно шла активная борьба за влияние на талибов и Пакистан. В частности, для воздействия на талибов обе компании привлекли саудовских партнеров: «Юнокал» упоминавшуюся «Дельту», а «Бридаc» — «Нингарчо». Обе компании приглашали делегации талибов в свои головные офисы, устраивая им пышные приемы. Каждая из компаний имела свое преимущество. Так, «Бридаc» предлагала начинать строительство, не обращаясь к международным финансовым институтам, которые могут выделить средства только после международного признания того или иного правительства. С другой стороны, проект «Юнокал» создавал возможность признания талибов со стороны США, чего они так добивались. Талибы поощряли конкуренцию, поскольку рассчитывали на строительство не только трубопровода, но и развитой инфраструктуры.

Кроме того, американцы оказывали давление на Б. Бхутто, отдававшей предпочтение «Бридаc»у. Битву за Пакистан США выиграли, когда после отпуска в 1996 г. правительства Бхутто вновь избранный премьер-министр Наваз Шариф полностью поддержал «Юнокал».

25 октября 1997 г. американо-саудовский консорциум был расширен. Акционерный капитал был распределен следующим образом:

UNOCAL, США	
Delta Oil, Саудовская Аравия	46,5%
правительство Туркменистана	15%
Indonesia Petroleum, Ltd (INPEX), Япония	7%
ITOCHO Oil Exploration Co, Ltd. (CIECO), Япония	6,5%
Hyundai Engineering & Construction Co, Ltd., Южная Корея	6,5%
Южная Корея	4%
Crescent Group*, Пакистан	3,5%

* Встречается также написание Kresent.

Афганистан в консорциуме представлен не был. Однако имелись договоренности с представителями всех группировок, располагавшихся по трассе будущего газопровода. Гарантией неприкосновенности газопровода могло послужить и то обстоятельство, что Усама бен Ладен, как сказал в интервью французской газете «Либерасьон» Ахмад Шах Масуд, «участвовал в капитале американской компании UNOCAL»⁴.

«Бридаc» тем временем продала 60% своей доли в Латинской Америке американскому нефтяному гиганту «Амоко» («Амосо»), надеясь на его содействие своим проектам в Центральной Азии.

Феминистское давление на «Юнокал» и озабоченность администрацией США поимкой бен Ладена, приведшая к бомбардировке в августе 1998 г. территории Афганистана, вынудили компанию выйти из консорциума в декабре 1998 г. Через три дня после 11 сентября 2001 г. «Юнокал» вообще объявила об отказе от проекта. Она участвовала в финансировании (7,74%) трубопровода Баку — Джейхан. Но в конце февраля 2002 г. корпорация вновь заявила о возобновлении переговоров с потенциальными спонсорами о финансировании проекта. Однако в апреле 2005 г. компания согласилась на присоединение к ChevronТехасо (ныне Chevron). И хотя в июне китайская нефтяная компания Spook вступила в конкуренцию за контроль над компанией, предложив за акции «Юнокал» 18,5 млрд долларов, 19 июля было подтверждено слияние с «Шеврон», которое было завершено 10 августа 2005 г.

Возрождение проекта

После свержения режима талибов проект вновь был поставлен в повестку дня.

США опять поддержали проект. Об этом свидетельствует в том числе выдвижение Соединенными Штатами в ка-

⁴ Цит. по: www.gundogar.com (Eurasia Group). 2001. 10 декабря

честве руководителя Афганистана главы племени попользаев Хамида Карзая, который в свое время работал консультантом компании «Юнокал» и всегда, в том числе при талибах, защищал ее интересы. Он был и остается тесно связанным с нефтяными кругами большого американского бизнеса, а также с нефтяным лобби в американских политических кругах. В частности, с Кондолой Райс — в то время госсекретарем США, бывшим членом совета директоров нефтяной компании «Шеврон».

Неслучайно и назначение администрацией Дж. Буша нефтяника Залмая Халильзада послом Вашингтона в Кабуле⁵. Родившийся на севере Афганистана в Мазари-Шарифе и окончивший Чикагский университет Халильзад является представителем американских правых. Он работал и со Збигновым Бжезинским, и с Полом Вулфовицем, когда тот был человеком номер два в Пентагоне. Именно Халильзад, являвшийся поклонником талибов, провел анализ рисков для Unocal в проекте трансафганского газопровода. Он участвовал в переговорах между нефтяной компанией и представителями движения талибов.

Если раньше в проекте участвовал также Узбекистан, то сейчас Туркменбаши решил обойтись без него. Причина в том, что Узбекистан обладает развитой трубопроводной сетью. Ее использование не входит в интересы Туркменистана. Результатом стало противостояние двух республик, которое едва не привело в начале 2003 г. к полномасштабной войне между Туркменией и Узбекистаном.

Зато в ходе украинско-туркменских переговоров в апреле 2002 г. президент Туркменистана пригласил Украину подключиться к строительству данного газопровода, поставляя, частности, трубы. О возможности участия Украины в проекте шла речь и на встрече руководителей

двух стран в марте 2005 г. Украина готова участвовать в строительстве газопровода поставками машиностроительного и энергетического оборудования.

30 мая 2002 г. руководители Афганистана, Туркмении и Пакистана подписали в Исламабаде соглашение «О проектах газопровода и нефтепровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан». Для координации усилий по практической осуществлению договоренностей был создан руководящий комитет в составе министров нефтегазовых ведомств Афганистана, Туркмении и Пакистана.

Первое заседание комитета состоялось 9–10 июля 2002 г. в Ашхабаде, где были обсуждены организационные вопросы, а также в качестве участника проекта выбран Азиатский банк развития. На двух заседаниях 16–17 сентября в Кабуле и 17–18 октября в Ашхабаде стороны подготовили рамочное соглашение, которое было подписано лидерами трех стран 27 декабря того же года в Ашхабаде.

Документ создает основу для совместной деятельности трех стран, направленной на подготовку окончательного варианта ТЭО, мониторинг рынков, а также технический аудит Довлетабадского месторождения. Реализация ашхабадского соглашения предусматривает создание обширной контрактной базы, включая Соглашения по покупке и продаже газа, Соглашения о транзитных странах, Соглашения размещающих стран с консорциумом. Рамочное соглашение устанавливает также принципы формирования консорциума для фактической реализации проекта. Принципиальным положением соглашения является согласие сторон о предоставлении консорциуму эксклюзивного права на транспортировку туркменского природного газа. В документе установлены принципы определения транспортных тарифов и налогообложения, отвода земель для газопровода и нормативы технических стандартов проекта. Соглашение регламентирует также правила доступа к трубопроводу и обя-

⁵ Позже стал послом США в Ираке, а затем в ООН.

зательства сторон по предоставлению беспрепятственного транзита. Немаловажным является зафиксированное в соглашении требование безопасности сегментов трубопровода, пролегающих по территории стран, во время строительства и на протяжении всего срока эксплуатации газопровода.

К настоящему времени руководящий комитет провел девять заседаний.

На шестом заседании 25–26 июня 2003 г. в Ашхабаде Азиатским банком развития был представлен предварительный вариант технико-экономического обоснования газопровода. В ходе заседания участники комитета рассмотрели также проекты трех соглашений — о купле-продаже газа, о транспортировке и об обязательствах стран-партнеров.

На седьмом заседании 10 декабря 2003 г. в Исламабаде стороны окончательно выбрали т.н. «южный вариант» газопровода: Довлетабад — Герат — Кандагар — Кветта — Мультан. Второй, «северный», вариант: Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар (или Шибирган — Кабул — Исламабад — Лахор) был отклонен. Рассмотрение вариантов началось еще на предыдущем совещании. Уже тогда выяснилось, что «южный» маршрут более рационален, т.к. на пакистанской территории именно вдоль него расположена необходимая инфраструктура для строительства трубопровода. «Северный» вариант был признан нецелесообразным из-за сложности его технического воплощения, ведь согласно проекту он должен был пройти через горный перевал Саланг.

В начале января 2004 г. АБР одобрил выделение 500 тыс. долларов США для оказания технической поддержки Пакистану в строительстве подземных газовых хранилищ.

На восьмом заседании руководящего комитета 12–13 апреля 2005 г. в Исламабаде был рассмотрен окончательный вариант ТЭО. Афганистан также принял на себя ряд обязательств по обеспечению безопасности и строительства газопро-

вода. Эти обязательства включают в себя не только охрану, но и разминирование районов по маршруту газопровода. Правительство Афганистана обязалось также выкупить у владельцев все земельные участки по маршруту трубопровода.

В первой половине ноября 2005 г. в Ашхабаде проходила 12-дневная научно-практическая конференция по вопросам проекта газопровода Туркменистан — Пакистан — Афганистан.

Девятое заседание руководящего комитета состоялось 13–14 февраля 2006 г. в Ашхабаде. В заседании приняла участие также Индия, которая официально согласилась участвовать в данном проекте в середине 2005 г., после состоявшегося 15 июля в Дели заседания двусторонней пакистано-индийской рабочей группы по сотрудничеству в области энергетики. Министров на заседании трехстороннего комитета сопровождали ведущие отраслевые специалисты, а также представители крупных национальных нефтегазовых компаний. Кроме того, на форуме выступили представители АБР, которые провели презентацию предварительных данных исследований банка по безопасности газопровода. По утверждению министров, следующим шагом станет подготовка проекта соглашения о купле-продаже газа.

В январе 2006 г. активизировались контакты, связанные с проектом. В частности, в середине месяца в Исламабаде состоялись афгано-пакистанские переговоры по строительству газопровода. Затрагивался данный вопрос также на переговорах премьер-министра Пакистана с руководством США и в ходе визита президента Туркменистана в Москву.

С. Ниязов неоднократно предлагал России 15–20-процентную долю в будущем консорциуме. Даже трехстороннее исламабадское соглашение совершено на четырех языках — туркменском, дари, английском и русском. Вопрос об участии России в строительстве трансафганского газопровода был поставлен и во время визита премьер-министра Индии М. Сингха

в Москву 4–7 декабря 2005 г. индийской стороной. Что касается позиции Москвы, то официального ответа пока нет. Но еще 17 сентября 2002 г. председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов, выступая в Зальцбурге на пленарном заседании 2-го Все-европейского экономического саммита, посвященном горячим точкам Азии, высказался в пользу транзита энергии через Афганистан. «Газпром» между тем, похоже, выжидает, пока не появятся компании, которые более или менее внятно заявят о своем участии в проекте.

Однако в настоящее время, думается, уже можно назвать одну такую компанию. Это «Бридас». 21 января 2006 г. президент ИРА Х. Карзай встретился с Бульгерони, который отметил, что рад представившейся возможности участия его компании в реализации проекта трансафганского газопровода. Шансы «Бридас» увеличиваются также в связи с тем, что С. Ниязову ничего не оставалось, как признать свой долг перед фирмой, иначе против Туркмении могли быть применены санкции, включая арест личных счетов Туркменбаши в западных банках. Между тем казна страны пуста. Поэтому участие аргентинской компании в проекте — это возможность для Туркмении, не вкладывая лишних денег, расплатиться с Бульгерони.

Есть и другие подвижки. В середине мая 2006 г. правительство Индии одобрило строительство трансафганского газопровода. Ранее проект получил поддержку в индийском МИД и в Объединенном комитете по разведке при Секретариате национального совета по безопасности. Решение кабинета министров стало ответом на обращение министерства нефтяной промышленности за разрешением на подачу официальной заявки на вхождение в проект. Подобная позиция вызвана тем, что дефицит газа в стране без дополнительных поставок может уже в ближайшем будущем составить 218 млн кубометров газ в день.

До недавнего времени главным препятствием реализации проекта был не-

достаток источников финансирования. Но похоже, что эта проблема решена — появился основной инвестор проекта. 5 июня 2006 г., после встречи в Токио представителей правительств Японии и стран Центральной Азии — Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Афганистана — министр иностранных дел Японии заявил, что Япония предлагает построить центрально-азиатский газопровод из Туркмении в Индию и Пакистан через территорию Афганистана.

Значение проекта для Афганистана

Афганское руководство активно поддерживает указанный проект, поскольку трубопровод, сопровождаемый линией электропередач и шоссейной (а возможно, и железной) дорогой, решает целый ряд внутренних задач, что станет важным фактором стабилизации обстановки.

- Во-первых, он скрепляет Север и Юг Афганистана. Пока эти две части страны характеризуются слишком большими различиями. Пока они соединены лишь традицией, двумя-тремя дорогами и постоянно сокращающимся анклавным представительство пуштунов на Севере и таджиков на Юге.

- Во-вторых, трубопровод позволит обеспечить новые поступления в бюджет и создать примерно 12 тысяч новых рабочих мест. По предварительным оценкам, плата за транзит составит от 100 до 400 млн долларов США в год. Кроме того, будет создана инфраструктура вдоль всего маршрута газопровода. Более того, Афганистан получит 12%-ную квоту мощности трубопровода для экспорта своего газа. ЛЭП позволит Афганистану получать электроэнергию, доступ к которой в настоящее время имеют только 15% населения. Афганистан уже сейчас намерен покупать до 400 мегаватт электроэнергии в Туркменистане, договоренность о чем была достигнута во время рабочего визита в эту страну министра энергетики и водных ресурсов Афганистана Исмаила Ха-

на 9 июня 2007 г. А во время визита президента Афганистана Х. Карзая 5 июля того же года туркменская сторона согласилась увеличить поставки электроэнергии с 200 мегаватт до 500. Всего Кабул намерен закупать до 1000 мегаватт электроэнергии у Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана.

- Реализация проекта позволит оживить торговлю между государствами региона и тем самым улучшить жизнь народов этих стран. Все это будет способствовать политической стабилизации в этом районе мира.

В результате можно будет поставить вопрос об уменьшении иностранного военного присутствия в Афганистане, или, по крайней мере, об обеспечении сбалансированности такого присутствия. Подобная необходимость диктуется, по крайней мере, двумя причинами.

- Во-первых, само по себе иностранное военное присутствие дестабилизирует обстановку в стране, поскольку афганцы очень чувствительны к нему.

- Во-вторых, западное военное присутствие оказывается не очень продуктивным. И дело вовсе не в отдельных неудачах США и Запада в целом. Скорее, наоборот. Мы явно наблюдаем попытку следовать сформулированной много лет назад в США идее конфликта низкой интенсивности, т.е. такого конфликта, который можно поддерживать в своих интересах на некоем минимально допустимом уровне. Подорвав корни терроризма, американцы, похоже, не очень заинтересованы в окончательном урегулировании положения в стране, поскольку нестабильность позволяет им сохранять свое военное присутствие, причем присутствие в стратегически очень важном районе. Геостратегическое положение региона определяется двумя важнейшими факторами.

1. Прежде всего, он располагает рядом с крупнейшими мировыми запасами углеводородов — Центральной Азией и Персидским заливом. Позиции США в

Персидском заливе более или менее прочны. А присутствие в Афганистане позволяет им продвигать свои интересы и в Центральной Азии, о чем свидетельствует, в частности, предложение К. Райс, озвученное ею осенью 2005 г. во время ее визита в страны Центральной Азии. Предложение во многом базируется на идее «Большая Центральная Азия» Фредерика Стара. К. Райс предложила создать некую новую экономическую структуру в составе Казахстана, Таджикистана и Киргизии с привлечением туда в перспективе и Афганистана. По этой же причине США поддерживают идею трансафганского газопровода, поскольку он позволит превратить Афганистан в мост, соединяющий Центральную и Южную Азию, а также поставить четыре страны в зависимость от одного трубопровода.

2. Во-вторых, присутствие в Афганистане позволяет США держать под контролем и сдерживать Россию, Китай и, самое главное, Иран. Теперь Иран окружен американцами со всех сторон.

Роль проекта в подключении Афганистана к богатому региону Южной Азии

Осуществление проекта позволит Афганистану присоединиться к Южной Азии и вместе с тем к Большой Восточной Азии. На проходившей 18–19 ноября 2006 г. в Дели региональной конференции ее участники поддержали проект строительства газопровода. В работе форума приняли участие представители 18 государств, включая Россию, и около десятка международных организаций.

Потребность присоединения Афганистана к региону Южной Азии выразилась в том, что на состоявшемся в начале апреля 2007 г. 14-м саммите Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (SAARC) Афганистан был принят в члены этой организации⁶.

⁶ Организация создана в 1985 г. Помимо Афганистана, ее членами являются Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш, Бутан, Мальдивы и Шри-Ланка.

Проявляет интерес к Афганистану и такой крупный представитель Большой Восточной Азии, как Япония. Как упоминалось выше, Япония предлагает построить указанный газопровод. Кроме того, Япония предложила подключить Афганистан к диалогу «Центральная Азия + Япония». Этот форум нацелен на поиск эффективных путей регионального сотрудничества в рамках процесса глобализации.

Прекрасную возможность подключиться к Большой Восточной Азии предоставляет Афганистану участие в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁷.

Еще 15 июля 2002 г. министр иностранных дел Афганистана доктор Абдулла Абдулла заявил в беседе с журналистами, что Афганистан готов к тесному взаимодействию с этой организацией. В 2004 г. Афганистан изъявил желание активно сотрудничать с государствами — членами ШОС. В середине 2004 г. Россией было предложено создание в рамках Организации Контактной группы «ШОС-Афганистан». 3 ноября 2005 г. состоялась официальная церемония подписания протокола о создании Группы, целью которой является выработка предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества между странами — членами Организации и Афганистаном.

Подобное сотрудничество имеет большие перспективы. Тем более когда в эту организацию стремятся войти Пакистан и Индия. Афганистан расположен между странами с большими запасами энергетических ресурсов и странами, заинтересованными в их получении. Это дает ему хорошую возможность стать «мостом» между Центральной и Южной Азией. Особенно в контексте обсуждавшегося 16 августа 2007 г. в Бишкеке лидерами

ШОС сотрудничества в энергетической сфере и формирования энергетического клуба стран — членов организации, на которые приходится четверть мировых запасов нефти, треть запасов газа и половина месторождений урана. Затрагивались эти вопросы и на встрече президента России В. Путина с лидером Афганистана Х. Карзаем, который был приглашен на саммит в качестве гостя. В целом в ходе саммита прошли встречи президента Афганистана со всеми главами государств — членов организации. Центральной темой переговоров стали вопросы развития торгово-экономического сотрудничества, транспорта и коммуникаций. На пленарном заседании В. Путин выступил за проведение специальной конференции ШОС по развитию Афганистана, а президент Таджикистана Эмомали Рахмонов — международной конференции в 2008 г. по участию ШОС в восстановлении экономики ИРА. В свою очередь, Х. Карзай заявил о готовности усилить взаимодействие с этой организацией в сфере борьбы с наркобизнесом и терроризмом.

Подсоединению к ШОС и тем самым к Большой Восточной Азии способствует и сотрудничество Афганистана с Организацией Договора коллективной безопасности (ОДКБ), членами которой являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. На заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) государств — членов ОДКБ в Бишкеке 19 ноября 2003 г. было одобрено «Заявление государств — членов ОДКБ по Афганистану». С 2003 г. Организация ежегодно проводит международные антинаркотические операции «Канал» с целью пресечения контрабанды наркотиков с афганской территории. 23 июня 2005 г. Совет коллективной безопасности (высший политический орган, включающий глав государств) на заседании в Москве принял постановление «О реализации Плана мероприятий по координации деятельности государств — членов ОДКБ в вопросах постконфликтного обустройс-

⁷ Членами являются Китай, Россия, Киргизия, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, наблюдателями Индия, Иран, Монголия и Пакистан.

тва Афганистана и мерах по совершенствованию этой работы». 30 ноября 2005 г. СМВД ОДКБ в качестве рабочего органа при себе создал Рабочую группу по Афганистану, утвердил Положение о ней и определил состав. 18 января 2006 г. проведено первое заседание Рабочей группы. Основные направления ее деятельности сконцентрировались на выработке рекомендаций относительно мероприятий по борьбе с наркоугрозой, по содействию становлению государственных институтов власти в Афганистане и по развитию экономического сотрудничества. 20 ноября 2006 г. в Москве прошло второе заседание Рабочей группы, в работе которой принял участие Временный поверенный в делах ИРА в Российской Федерации Г.С. Гайрат. 15 декабря 2006 г. афганский МИД в ответ на обращение председателя СМВД министра иностранных дел России С. Лаврова выразил готовность сотрудничать с ОДКБ, в частности, в борьбе с наркоугрозой. В марте 2007 г. осуществлена поездка Рабочей группы в составе национальных координаторов и сотрудников секретариата ОДКБ в Кабул для обсуждения практических шагов по участию Организации в постконфликтном обустройстве ИРА. Рабочая группа установила прямые контакты со спецслужбами и правоохранительными органами ИРА для организации противодействия наркотрафику. Результаты поездки обсуждались 5 апреля 2007 г. на третьем заседании Рабочей группы. 5 июля 2007 г. в Москве прошло заседание Постоянного Совета при ОДКБ. В ходе заседания был обсужден проект решения «О мерах по активизации усилий государств-членов ОДКБ в вопросах постконфликтного обустройства Афганистана» с учетом заявленных позиций государств-членов. Проект разработан в соответствии с поручением СМВД ОДКБ, принятым в Минске осенью 2006 г. В рамках принятых решений 9 августа 2007 г. представители государств-членов ОДКБ обсудили ход антитеррористической и антинаркотической операций,

во многом связанных с ситуацией в Афганистане, а 28-29 августа в Ташкенте — вопросы борьбы с контрабандой прекурсоров (химических веществ, необходимых для производства героина из опия) в Афганистане и странах Центральной Азии. Сотрудничество с ШОС и ОДКБ и в определенной мере опора на них придаст большую устойчивость и остойчивость афганскому руководству, даст ему большую свободу, т. к. позволит меньше зависеть от стран Запада, пока выступающих в роли его основных внешних партнеров.

*Трансафганский газопровод
и политические интересы России*

Что касается политических интересов России, то транспортный коридор из Центральной Азии в Южную вызывает опасения у части российской элиты, которая полагает, что прохождение коммуникаций не через территорию России может ослабить зависимость стран этого региона от РФ и в конечном итоге позволит создать условия для переориентации их внешней политики.

Однако эти опасения носят слишком абстрактный характер, в то время как преимущества весьма конкретны. В силу возможных выгод для Афганистана реализация проекта будет способствовать стабилизации обстановки в этой стране, что напрямую отвечает интересам России в этом регионе, ибо содействует решению важнейшей части внешнеполитической задачи России — обеспечению безопасности в регионах, располагающихся недалеко от ее границ.

Кроме того, участие России в строительстве газопровода позволит ей сохранить или даже укрепить свои позиции в Центральной Азии, и особенно в Туркменистане, а также восстановить свое влияние в Афганистане.

Участие России в проекте придаст также новый импульс российско-афганским отношениям, в которых накопилось очень много проблем. Более того, он поз-

волит подключиться к международным усилиям по восстановлению Афганистана, что в настоящее время является наиболее перспективным для нас путем развития отношений с этой страной. Тем самым участие России в сооружении газопровода может послужить началом ее возвращения в Афганистан. Причем возвращения не бедной родственницей, а полноправной участницей международной программы восстановления этой страны.

*Трансафганский газопровод
и экономические интересы России*

Некоторую озабоченность у части российской элиты вызывают опасения, что при прокладке трансафганского газопровода могут пострадать экономические интересы России. Противники этого газопровода считают, что «Газпрому» и России наиболее выгодно прокачивать туркменский газ по своим сетям. Южный газопровод приведет к тому, что будет потерян туркменский газ, который поставляется в Россию, и годовой доход по транзиту. В настоящее время «Газпром» и «Нафтогаз Украины» покупают газ именно с Довлатабдского месторождения.

Однако прокладка трансафганского трубопровода помимо политических выгод может принести России выгоды и экономические.

- Во-первых, участие в его строительстве позволит получать часть доходов от прокачки газа.

- Во-вторых, Россия сама может использовать этот трубопровод для экспорта части своего газа к Аравийскому морю, обеспечив тем самым диверсификацию путей передачи своих энергоресурсов. А то, что задача такой диверсификации стоит перед Россией очень остро, показали сложности переговоров с Украиной по газу на рубеже 2005–2006 годов. Более того, прокладка параллельного нефтепровода позволила бы России экспортировать по нему нефть из Сибири. Еще компания «Юнокал» планировала построить рядом с газопроводом нефтепровод

от Туркменабада (бывший Чарджоу) (Туркмения) до побережья Аравийского моря. По нему могла бы прокачиваться российская нефть из Сибири с использованием трубопровода Омск — Павлодар — Шимкент — Туркменабад с пропускной способностью 25 млн тонн, казахстанская и туркменская нефть Каспия, а также узбекская нефть. Предлагая после свержения режима талибов прокладывать также нефтепровод, Ниязов утверждал, что Россия может заполнять газопровод своим газом на 20%, а нефтепровод — на 80%.

- В-третьих, газопровод позволит переориентировать туркменский газ в Пакистан и Индию, устранив тем самым Туркмению как конкурента «Газпрома» на европейском рынке. А шансы стать таким конкурентом у Туркмении растут. Так, 7 июня 2006 г. после долгих колебаний ЕС поддержал сооружение транскаспийского газопровода «Набуко» стоимостью 5,8 млрд долларов. Газ будет поступать в Европу из Средней Азии, Азербайджана и Ирана. Газопровод пройдет из Азербайджана через Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Австрию. Первая партия газа может поступить по новому газопроводу через 6 лет. А двумя днями раньше во время встречи с помощником госсекретаря США президент Туркменистана поддержал идею строительства Транскаспийского газопровода, предлагаемую США. Он заявил, что Туркменистан выступает за диверсификацию поставок углеводородов на мировые рынки. У России есть еще один потенциальный конкурент на европейском рынке. Это Иран, который стремится не только поставлять в Европу свой газ, но и обеспечить транзит туркменского и узбекского газа. Очевидно, что достижение соглашения между «тройкой» ЕС и Ираном по ядерной проблематике поведет к налаживанию энергетического диалога между ЕС и Исламской Республикой. Защищая свои интересы в Европе, Россия уже сейчас помогает Ирану переориентироваться на рынок Пакистана и Индии, предложив

проект Иран — Индия по дну Аравийского моря.

- В-четвертых, России гораздо более выгодно отказаться от прокачки части туркменского газа, получив при этом хоть какое-то уменьшение выращивания наркотиков, чем оставить все, как есть сейчас. Поток наркотиков наносит колоссальный ущерб экономике России, ставя под угрозу будущее страны.

- В-пятых, сооружение рядом трубопроводом транспортной магистрали Север-Юг позволит странам Центральной Азии и России выйти на рынок Пакистана и к берегам Аравийского моря, что придаст импульс их внешнеполитической деятельности.

- В-шестых, линия электропередачи даст возможность поставлять электроэнергию в Пакистан. Россия уже получила заявку от Пакистана на закупку электроэнергии. В настоящее время РАО ЕЭС рассматривает два возможных варианта маршрута — через Китай и Афганистан. Об этом шла речь 12 апреля 2007 г. на встрече деловых кругов России и Пакистана, а которой было сформулирована идея поставки электроэнергии в Пакистан из Центральной Азии (Таджикистан, Киргизия, Казахстан и Узбекистан), где РАО ЕЭС России осуществляет большие инвестиционные проекты по строительству гидроэлектростанций.

Поэтому «Газпром», как упоминалось выше, с самого начала проявил интерес к проекту. Не ослабла заинтересованность и в настоящее время. Еще в начале 2005 г. был подписан протокол о взаимопонимании с потенциальным инвестором — индийской компанией ONGC. Стороны договорились вести разработку газовых месторождений на территории Индии, России и третьих стран, а также строить газовые трубопроводы и хранилища.

Сотрудничество с Россией и тем более со странами Южной и Восточной Азии чрезвычайно важно для Афганистана (не только в отношении строительства ТАГ) потому, что ситуация в этой стране остается

напряженной. Нерешенность проблем обеспечения безопасности трубопровода является основным препятствием на пути его строительства.

Проблемы безопасности

В настоящее время обстановка в Афганистане остается далеко от спокойной. Боевые действия ведутся на 60% территории Афганистана.

Противниками нынешнего режима был совершен ряд покушений на видных афганских деятелей. Так, в феврале 2002 г. в аэропорту Кабула убит министр транспорта Абдул Рахман. 6 июля того же года в столице застрелен вице-президент Хаджи Абдул Кадыр. До этого в Джелалабаде чудом избежал смерти министр обороны Мухаммед Фахим, когда на пути следования его кортежа взорвалась бомба. В конце июля, через неделю после того, как президент Х. Карзай и многие министры нового правительства доверили свою охрану американским солдатам, в Кабуле была предотвращена попытка покушения на руководство страны. В результате покушения на президента 5 сентября в Кандагаре ранение получил губернатор Кандагара, а трое человек, в том числе охранник, обстрелявший машину Карзая, были убиты. После этого было совершено еще два покушения на президента — в сентябре 2004 г. в провинции Пактика, когда Карзай направлялся на вертолете в г. Гардез, и 10 июня 2007 г. в городке Андар провинции Газни.

В результате теракта, совершенного 16 мая 2007 г. в Кандагаре, ранения получил министр культуры Абдул Карим Хорам.

2 мая 2007 г. в столице убит сенатор верхней палаты парламента (Ды Мышрано джирги) Абдуссабур Фарид, бывший в июне 1992 г. премьер-министром страны. В январе этого же года в Кабуле убит депутат парламента от Самангана Мухаммад Ислам Мухаммади, а чуть позже было совершено покушение на депутата Падша Хана.

7 июня 2007 г. на севере Кабула совершено нападение на генерального прокурора Афганистана. Последний обвиняет в попытке его похищения одного из командиров Северного альянса Дин Мохаммада Джората.

Наиболее тревожным проявлением нестабильности является гибель мирных жителей. В 2005 г. жертвами террора стали 1600 человек. В ходе кампании по выборам в парламент были убиты 7 кандидатов в депутаты, а также несколько влиятельных мулл, включая верховного мусульманского лидера страны Абдула Файза. Только в день выборов в результате различных инцидентов погибли пятнадцать человек. Помимо столицы, ракетным обстрелам подверглись ряд объектов в Газни, Бадахшане и Хосте. 15 избирательных участков не открылись из соображений безопасности, а еще один был взорван. За 2006 г. в результате терактов в афганских школах погибли 40 учителей⁸, 85 учащихся, 187 учебных заведений были разрушены⁹ (в 2005 г. 180 школ¹⁰). Самый кровопролитный террористический акт совершен 17 июня 2007 г. в Кабуле, когда в результате взрыва автобуса погибли 35 курсантов Полицейской академии. Ранения получили 50 человек. За последние три дня это было пятое нападение на стражей порядка.

В мае — июне 2006 г. талибы прибегли к широкомасштабным боевым действиям. Особенно усилилось их сопротивление летом 2006 г. Наибольшую активность талибы проявляют в четырех южных и восточных провинциях, что заставляет НАТО наращивать там свое военное присутствие. Так, если до лета 2006 г. в Гильменде было 250 иностранных военнослужащих, то к середине декабря их число достигло 3500 человек¹¹. Тем не менее, 2 февраля

2007 г. талибы захватили город Муса-Кала провинции Гильменд, чуть позже еще 2 города этой провинции — Сангин и Дидшоу (которые в начале апреля были отбиты), 5 апреля — один из городов провинции Заболь, 26 апреля — район Гиро в провинции Газни, 18 июня 2007 г. города Миан-Нишин и Горак провинции Кандагар. Таким образом, к 20 июня движение талибов, контролирующее около 15% территории южных регионов, в том числе половину территории провинции Кандагар, еще больше расширило и укрепило свое присутствие в южных районах Афганистана. По разным оценкам, талибы контролируют 10—12 пунктов в южных и восточных провинциях страны¹².

Использование террористов-смертников

Под влиянием иракского опыта в Афганистане увеличивается использование террористов-смертников. Более того, в настоящее время теракты с применением смертников стали одним из главных методов борьбы исламистов в различных странах, в том числе Афганистане.

Данный метод берет свое начало в Афганистане. Первая атака смертника была проведена в Афганистане в 1992 г., когда египтянин по заказу Г. Хекматъяра взорвал себя вместе с Мавлади Джамилем Рахманом, руководителем одной из террористических группировок¹³. 9 сентября 2001 г. в селении Ходжа Бахауддин в провинции Тахар в результате атаки смертников погиб один из лидеров Северного альянса А. Масуд. Но и в этом случае исполнителями теракта были не афганцы, а арабы, выдававшие себя за журналистов. По некоторым данным, заказчиком этого теракта был бен Ладен.

В первые пять лет правления Х. Карзая исламисты в Афганистане редко использовали смертников. Однако с конца

⁸ Радио Свобода. 2007. 18 апреля.

⁹ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 29 апреля. За полтора года с января 2006 г. сожжены или подверглись нападению 190 школ (URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 12 июня).

¹⁰ Радио Свобода. 2007. 18 апреля.

¹¹ Военная тайна // РЕН ТВ. 2006. 17 декабря.

¹² Арунова М.Р., Ковальчук П.Е. Афганистан: активация движения талибов. URL: www.iimes.ru. 2007. 2 апреля.

¹³ Нечитайло Д.А. Особенности использования террористов-смертников в Афганистане. URL: www.iimes.ru. 2007. 4 сентября.

2005 г. теракты с использованием смертников стали применяться ими все чаще. Присутствие коалиционных сил затрудняет исламистам ведение открытых боевых действий. Были также приняты меры по усилению правительства Х. Карзая и афганской армии. Поэтому талибам приходится приспосабливаться к новой ситуации и использовать новые методы. В 2005 г. в стране произошло 19 взрывов, осуществленных террористами-самоубийцами, а в 2006 г. уже 102 теракта, в результате которых погибли 227 гражданских лиц и 17 военнослужащих иностранных государств¹⁴. С сентября 2006 г. в Кабуле каждую неделю происходят атаки смертников. По мнению экспертов, на июль 2007 г. в Афганистане превысит предыдущий по количеству терактов с использованием террористов-смертников. На июль 2006 г. было зарегистрировано 47 акций, в то время как на тот же период текущего года эта цифра увеличилась до 57 случаев¹⁵. Увеличилось и количество устанавливаемых взрывных устройств. В течение 2006 г. в Афганистане было совершено 139 акций смертников¹⁶. Согласно докладу ООН число атак смертников резко возросло в 2005 г., а еще через год увеличилось в 7 раз¹⁷. Один из лидеров талибов, убитый в Афганистане в мае 2007 г., мулла Дадулла, заявил, что у движения 500 смертников, которые будут совершать теракты по всему Афганистану¹⁸. Мулла Дадулла сказал, что операции

смертников недостаточны для победы над врагом, тем не менее они очень важны. Мулла Ахунд, занимавший в правительстве талибов пост министра обороны, сообщил в конце марта 2007 г., что за последние несколько месяцев в Афганистан переправлены около 6 тыс. специально подготовленных смертников, целью которых станут иностранные силы в Афганистане¹⁹.

Талибы стараются ориентировать смертников атаковать военные объекты, патрули, подразделения афганской армии, избегая жертв среди мирных жителей. Если последние и гибли в ходе терактов, то за большую часть из них ответственность лежит на «Аль-Каиде», а исполнителями становились смертники арабского и пакистанского происхождения. Так, смертники, устроившие взрывы в мечети Кандагара в 2005 г., в результате которых погибли 20 человек, в Спинбулдаке в 2006 г. — 26 человек, были арабами. Один из видных активистов «Аль-Каиды» Абу аль-Либи был обвинен в организации взрыва в Баграме во время визита вице-президента США Д. Чейни (22 убитых)²⁰. В последние несколько месяцев 2007 г. в Афганистане были арестованы 9 террористов-смертников пакистанского происхождения. Согласно упоминавшемуся докладу ООН, более половины смертников в Афганистане составляют иностранцы. Значительная часть смертников проходит подготовку в медресе «зоны племен» Пакистана. В 80% случаев жертвами подобных терактов становятся мирные жители. Так, в 2007 г. из 183 убитых афганцев 121 являются мирными жителями²¹.

Поскольку ведение боевых действий с использованием смертников чуждо афганскому менталитету, только чуть больше половины подобных терактов заканчивается гибелью исполнителя²². Тем не

¹⁴ Сообщение командования Международных сил содействия безопасности от 2 декабря 2006 г // Радио Афганистана. 2006. 2 декабря. По сообщению Би-би-си от 26 июня 2007 г., в 2006 г. было совершено около 150 нападенных террористов-смертников. А по данным The International Herald Tribune от 6 февраля 2007 г., число атак смертников-самоубийц возросло с 27 в 2005 г. до 136 в 2006 г.

¹⁵ Д.А. Нечитайло. Особенности использования террористов-смертников в Афганистане. URL: www.iimes.ru. 2007. 4 сентября.

¹⁶ Д.А. Нечитайло. Террористы-смертники («умные бомбы») в движении джихада. URL: www.iimes.ru. 2007. 16 марта.

¹⁷ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 9 сентября.

¹⁸ URL: www.utro.ru. 2007. 19 сентября.

¹⁹ Немецкая волна. 2007. 26 марта.

²⁰ Нечитайло Д.А. Особенности использования террористов-смертников в Афганистане. URL: www.iimes.ru. 2007. 4 сентября.

²¹ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 9 сентября.

²² Там же

менее они стали неотъемлемым элементом борьбы против правительственных войск и сил коалиции (хотя и осуществляемой во многих случаях иностранцами).

31 мая 2007 г. представитель движения талибов Кари Юсуф Ахмади в телефонном разговоре с журналистами заявил, что у них на вооружении появилось противозенитное оружие²³. По данным талибов, большей частью опровергавшимся НАТО, с 30 мая по 10 июля войска НАТО потеряли в Афганистане два боевых вертолета «Chinook» и два боевых самолета. Если информация о появлении у талибов новых средств ПВО подтвердится, это может изменить военно-политическую ситуацию в Афганистане. В настоящее время авиация является решающим средством нанесения поражения отрядам талибов. Потеря господства в небе и как следствие сокращение возможностей авиации приведут к резкому росту потерь западного контингента, что поставит под сомнение миссию Международных сил содействия безопасности и в результате изменит баланс сил между властями и талибами в пользу последних.

Помимо талибов действуют и другие группировки. По сведениям итальянской газеты «La Repubblica», боевики организаций, поддерживающих союзнические отношения с талибами, открыли второй фронт против сил западной коалиции в восточных провинциях Афганистана у границы с Пакистаном. Они контролируют значительную территорию, пользуются поддержкой местного населения²⁴.

Потери войск и гибель мирных жителей

Увеличивается число нападений на иностранные войска. Так, если в 2005 г. регистрировалось около 130 нападений на войска НАТО в Афганистане в месяц (на войска МССБ 200 в год²⁵), в марте

2006 г. 300, то в ноябре того же года уже 600 атак в месяц²⁶. Таким образом, в 2005 г. было зафиксировано 1558 инцидентов, а в 2006 г. уже 4542²⁷.

В результате усиления боевых действий только в 2006 г. убито 4 тыс. человек, значительную часть которых составляют мирные жители²⁸. По сравнению с прошлым годом количество погибших увеличилось более чем в 4 раза²⁹. За четыре месяца 2007 г. погибло 380 человек³⁰, а за шесть месяцев того же года — свыше 2 тыс. человек³¹. Значительны потери мирных жителей и в результате действий сил США и НАТО. Так, за пять с половиной месяцев 2007 г. в результате воздушных ударов и наземных операций против боевиков погибли 230 мирных жителей³².

Растет и число погибших военнослужащих из состава коалиционных сил и войск НАТО. Так, согласно информации военно-дипломатических источников в Москве, сославшихся на данные Центрального военного командования США (CENTKOM), за четыре года с момента ввода американского контингента в Афганистан 7 октября 2001 г. общие боевые санитарные потери США составили 829 военнослужащих, из них 246 убитыми и 583 ранеными. Источники отметили, что в связи с активизацией действий боевиков в Афганистане отмечается устойчивая тенденция ежегодного роста потерь убитыми среди американских военных в этой стране. Так, за неполные три месяца 2001 г. в Афганистане погибли 12 американцев, в 2002 г. — 43, в 2003 г. — 47, в 2004 г. — 52, а за 10 месяцев 2005 г. уже 92 человека³³.

²³ ISNA. 2007. 31 мая.

²⁴ URL: www.newsru.com. 2006. 17 октября.

²⁵ Пластун В. Талибы и НАТО в афгано-пакистанском приграничье. URL: www.afghanistan.ru. 2006. 23 августа.

²⁶ Григорьев Е. Афганские «грабли». URL: www.afghanistan.ru. 2006. 20 ноября.

²⁷ НТК «Звезда». 2007. 4 июня.

²⁸ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 6 марта.

²⁹ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2006. 13 ноября.

³⁰ Данные главы Комиссии по правам человека в Афганистане Ричарда Беннета (URL: www.afghanistan.ru. 2007. 31 мая).

³¹ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 14 июня.

³² URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 19 июня.

³³ ИТАР-ТАСС. М., 2005. 31 октября. URL: www.izvestia.ru. 2005. 3 ноября. По данным РИА Новости от 10 мая 2006 г. со ссылкой

По официальным данным, в 2006 г. в Афганистане погибли 98 американских военных и 93 военнослужащих из других стран НАТО³⁴. Если за шесть месяцев 2007 г. было убито около 100 иностранных солдат и офицеров³⁵, то да восемь — уже свыше 150³⁶. Эти данные, видимо, занижены. По сведениям независимых источников, только к марту 2003 г. число погибших американских военнослужащих составило без малого 1000 человек³⁷. По крайней мере, по заявлению командования Коалиционных сил, военное ведомство США выразило беспокойство тем фактом, что по соотношению потерь к численности группировки войск военный контингент ВС США в Афганистане несет значительно больший урон, чем в Ираке.

Подобное развитие событий ведет к тому, что контингент войск антитеррористической коалиции во главе с США постоянно наращивается. Так, если еще летом 2005 г. его численность была равна 17 тыс. военнослужащих, то осенью того же года она поднялась до 20 тыс. А в мае 2006 г. стало известно о планах США довести численность своих военнослужащих в Афганистане до 23 тыс. человек. Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер заявил 5 октября 2005 г. в Кабуле об увеличении миротворческого контингента НАТО с 9 тыс. до 15 тыс. человек. Уже в декабре 2005 г. численность сил НАТО составила 11 тыс. человек. Однако обострение напряженности в мае — июне 2006 г. вынудило НАТО заявить об увеличении контингента до 25 тыс. военнослужащих. В начале ноября того же года в Афганистане находилось около 42 тыс. иностранных военнослужащих, из которых около 20 тыс. составляли аме-

риканцы, а остальные 20 тыс. солдаты и офицеры из других стран НАТО и ее союзников. С октября 12 тыс. — американских военнослужащих перешли под командование Международных сил содействия безопасности, в результате чего численность группировка альянса в Афганистане составила 32 тыс. солдат и офицеров³⁸. Кроме того, объявлено о намерении стран НАТО направить в Афганистан еще 2,5 тыс. человек. В июле 2007 г. в составе войск НАТО в Афганистане насчитывалось 37 000 военнослужащих³⁹, в том числе 17 000 направлены США (еще 10 000 под американским командованием), 6700 — Великобританией (с перспективой увеличения до 7700 — к 2009 г.), 3600 — Германией, 2500 — Канадой, 2200 — Голландией, 1950 — Италией, 1200 — Польшей, 1200 — Турцией, 1000 — Францией (направит еще 200), 650 — Испанией, 420 — Данией (направит еще 100 — человек), 550 — Австралией, которая не является членом НАТО (намечено увеличение до 950 к середине 2007 г.), а также другими странами. Всего на территории Афганистан находятся военнослужащие 37 стран, 26 из которых являются членами НАТО и еще 9 — членами Совета Евроатлантического партнерства⁴⁰.

В начале сентября 2006 г. войска НАТО провели на юге Афганистана операцию «Медуза», которая, по оценкам некоторых экспертов, стала самой крупной сухопутной боевой операцией НАТО за всю историю организации. Проведены широкомасштабные операции также в марте, июне и сентябре 2007 г.

Приведенные выше данные свидетельствуют об отсутствии стабильности в Афганистане. Для того чтобы дать ответ на вопрос о перспективах развития ситуации в стране, необходимо проанализиро-

на пресс-службу Пентагона, в Афганистане, Пакистане и Узбекистане армия США потеряла 234 военнослужащих, в том числе 141 был убит в бою.

³⁴ НТК «Звезда». 2007. 4 июня.

³⁵ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 1 июля.

³⁶ URL: www.bbc.co.uk/pashto. 2007. 28 августа.

³⁷ Независимая газета. 2003. 24 марта.

³⁸ Независимая газета. 2006. 3 ноября.

³⁹ EuroNews. 2007. 27 февраля.

⁴⁰ Кроме того, ВМС Японии с ноября 2001 г. оказывают помощь коалиции, заправляя ее военные корабли в Индийском океане и предоставляя иную тыловую поддержку.

вать те конфликты, которые подпитывают нестабильность.

Конфликтогенный потенциал ситуации в Афганистане

Прежде всего стоит отметить, что присутствие иностранных войск воспринимается населением негативно. Оно порождает постоянно растущее недовольство и сопротивление населения страны. Враждебные настроения по отношению к американцам растут день ото дня. Возмущение вызывало то, что солдаты, игнорируя обычаи и традиции, без разрешения входили в дома и устраивали обыски. Подобное отношение усилилось вследствие ошибочных бомбардировок, приведших к гибели более четырех тысяч мирных жителей. О силе антиамериканских настроений свидетельствуют массовые акции протеста, охватившие весь Кабул 29-30 мая 2006 г. Американский автомобиль из-за отказа тормозов врезался в афганские автомобили, в результате чего погибли афганцы. Когда толпа стала забрасывать американцев камнями, те вместе с афганскими полицейскими открыли огонь то ли в воздух, то ли по людям. Ночью был введен комендантский час. В город пришлось ввести войска и бронетехнику.

Реакцией на американское военное присутствие стала победа моджахедов и религиозных деятелей на прошедших в сентябре 2005 г. парламентских выборах, получивших более 50% голосов.

Кроме того, продолжается борьба **талибов**, структура движения которых полностью сохранена. Особенно активны их действия на юге, в частности в провинциях Гильменд, Заболь, Урузган и Кандагар, где время от времени целые уезды оказываются под их властью. Талибы все чаще переходят к широкомасштабным боевым действиям.

В сохранении нестабильности заинтересованы также **наркodelьцы и наркоторговцы**, которые понимают, что в условиях мира и спокойствия выращивание нарко-

тиков и тем более наркопроизводство будут затруднены. Их мало волнует и газопровод, поскольку никакой трубопровод не даст такого дохода, как выращивание наркосодержащих культур.

Борьба полевых командиров

Четвертым конфликтом выступает междоусобная борьба полевых командиров за сферы влияния. Устранить полевых командиров вряд ли удастся, поскольку по сути своей они представляют собой традиционных местных лидеров, опирающихся на поддерживающие их группы. Эти группы поддержки сочетают в себе черты клана и клиентеллы. Сохранение у всех этносов Афганистана (за исключением таджиков) племенной структуры означает, что помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству. Это явление составляет неотъемлемое свойство племени и сопровождает последнее на всем протяжении его существования. С давних времен в афганских племенах тот получает больше влияния и обретает власть, кто больше дает, раздает, распределяет, или, по крайней мере, отдает часть того, что получил, и тем самым обретает больше сторонников — клиентов. Своей щедростью и нужностью тем, кто в нем нуждается, хан всегда должен показывать, что он — единственное лицо, достойное выполнять эту функцию. Поэтому власть дается человеку необязательно на всю жизнь. Как гласит афганская пословица, «нет хана без *дастархана*» (без скатерти, то есть накрытого стола). В этом состоит суть важнейшего положения «кодекса чести пуштуна» *наштунвала* (буквально «пуштунство», «статус пуштуна») — гостеприимства, выступающего принципом организации власти. Каждый глава семьи имеет *худжру* — дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому собственник в конкуренции с другими собственниками добивается власти и влияния. Если его *худжра* признана, то он мо-

жет стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, посредничать в их спорах и защищать интересы сообщества перед лицом государства.

Такой хан или малик является носителем коренящейся в самом сообществе публичной власти, отличной от государственной. Объединенностью племени вокруг такого центра обеспечивается его устойчивость. Безопасность и спокойствие достигаются центристскими характеристиками организации всех сторон общественной жизни, в которой важное значение имеют связи внутри референтных групп и кланов. В итоге социальное взаимодействие тяготеет к подобным центрам, которые выступают фрагментами социально-политической ткани общества и в рамках которых развиваются отношения патронажа отдельных сильных личностей, способных эффективно защитить корпоративные интересы. Данная сеть отношений создает вокруг лидера группу поддержки, которая действует независимо от каких бы то ни было политических программ. Данными обстоятельствами во многом определяется политический и общественный климат в стране: массы тяготеют не к идеям, а к лидерам. Вокруг сильных личностей в соответствии с их престижем неминуемо складываются как поле притяжения, так и отношения зависимости и преданности, что ведет к политическому соперничеству. Таким личностям и верит население. За годы гражданской войны они обзавелись вооруженными отрядами, а в настоящее время претендуют на власть. Они создают политические партии, число которых к июню 2005 г. перевалило за восемьдесят, а также собственные теле- и радиостанции.

Этнические конфликты

Отмеченные выше противоречия и столкновения выводят на первый план этнический конфликт, который имеет глубокие корни в афганском обществе. Узбеки вытесняют пуштунов с севера, ха-

зарейцы — из центра страны. На севере время от времени вспыхивают столкновения узбекских, таджикских и хазарейских военных группировок, а на западе Афганистана — таджикских и пуштунских.

Этнонациональная борьба в настоящее время идет вокруг принципов и основ построения афганского государства. Иными словами, вокруг политической традиции.

Дело в том, что на протяжении двух с половиной веков афганское государство основывалось на власти пуштунов и носило унитарный характер.

В 1990-е годы этнические меньшинства создали свои организационные и военные формирования. В результате во многом благодаря поддержке со стороны Таджикистана, Узбекистана и Ирана соответственно таджики, узбеки и хазарейцы создали квазигосударственные образования, а элита их осуществляла всю полноту власти на территории проживания своих этносов.

Разумеется, отказываться от своих достижений этнические меньшинства не хотят. С другой стороны, пуштуны стремятся восстановить свое доминирование.

Поэтому, в частности, так труден оказался процесс принятия Конституции. Предложенный вариант президентской республики встретил противодействие со стороны представителей этнических меньшинств, отстаивавших парламентскую форму правления и не желавших концентрации власти в руках президента-пуштуна. Именно вокруг этого вопроса разгорелись главные споры. Х. Карзай пригрозил, что не будет баллотироваться в президенты, если джирга не утвердит президентскую форму правления. Результатом торга стал компромисс, по которому Афганистан остался президентской республикой, но полномочия президента урезаны, он не может распускать парламент. Предлагаемое им правительство должно утверждаться нижней палатой.

Но и парламент не вправе объявить импичмент президенту.

Однако лидеры оппозиции в только что сформированном парламенте все-таки намерены внести изменения в Конституцию, касающиеся прежде всего парламентской формы правления и учреждения поста премьер-министра. Так, 4 апреля 2007 г. было объявлено о создании Национального фронта, объединившего ряд политических партий. Б. Раббани, комментируя свое избрание в качестве главы альянса, заявил, что выступает за введение парламентской формы правления и выборность губернаторов всех 34 провинций. Он также высказался за ограничение полномочий президента Хамида Карзая.

Вставал на конституционной Лойя джирге вопрос и о федеральном устройстве Афганистана. Наиболее энергичными проводниками этой идеи выступают военно-политические лидеры двух этнических групп — узбеков и хазарейцев.

Все это свидетельствует о том, что противоречия в афганском обществе носят глубокий характер и затрагивают сами основы государственного устройства.

Превращение Афганистана в поле борьбы интересов иностранных государств

Еще одним, шестым, уровнем конфликта является позиция иностранных государств. По сути, ни одна из окружающих Афганистан стран не хочет стабилизации там обстановки.

В частности, Пакистан заинтересован в том, чтобы в соседней стране было слабое правительство, которое не сможет поднять вопрос о непризнании т.н. линии Дюранда, служащей границей между двумя странами и разделяющей некоторые племена. Кроме того, Пакистан стремится укрепить свои позиции среди пуштунов, а Индия, открыв консульство в Кандагаре, возвращается к своей традиционной политике поддержания антипакистанских настроений среди пуштунов, и так довольно распространенных.

Саудовская Аравия поддерживает лидера радикального «Исламского союза Афганистана» Абдураб Расаула Сайафа. Миссионеры из Саудовской Аравии активно действуют на юго-востоке страны.

Узбекистан и Турция возобновили сотрудничество с узбекским лидером Абдурашидом Дустомом. Таджикистан укрепляет связи с таджиками северо-востока Афганистана.

Что касается Ирана, то наиболее заметно его присутствие на западе страны в Герате и в шиитских хазарейских районах центрального и северо-западного Афганистана.

Иными словами, страна как бы растаскивается своими соседями.

Как уже упоминалось, вряд ли заинтересованы в стабилизации ситуации и США. Но это не мешает Соединенным Штатам быть сторонниками проекта, поскольку сооружение газопровода неизбежно поставит вопрос о его защите, как это уже происходит на Южном Кавказе в зоне трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан, где США наращивают свое военное присутствие.

Все рассмотренное выше позволяет сделать вывод о долговременном и затяжном характере конфликта в Афганистане.

Некоторые способы обеспечения безопасности

Однако нельзя сказать, что проблемы безопасности не решаемы. В частности, безопасность предполагается обеспечивать с помощью специальных отрядов, состоящих из военнослужащих пограничной службы, национальной полиции и армии, которые будут рассредоточены по маршруту газопровода.

Но наиболее предпочтительным средством представляются переговоры с местными лидерами. В условиях многолетней войны, когда многие социальные связи оказались разрушены, возросла роль традиционных институтов, в связи с чем возросла роль и традиционных

лидеров. В обмен на оплату или на получение части газа местные отряды и племена обеспечат наилучшую защиту трубопровода.

Еще одним позитивным фактором выступает наличие запасов газа в Туркменистане, который выступает основным сторонником газопровода, поскольку заинтересован в диверсификации путей поставок своих энергоресурсов.

Туркменистан: запасы углеводородов и возможности их экспорта

Обладая значительными запасами газа⁴¹, Туркменистану не удастся диверсифицировать пути его поставок. До 1990 г. республика добывала и поставляла на централизованный рынок Советского Союза 85–90 млрд кубометров газа. После распада СССР Туркменистан оказался фактически изолированным от газовых рынков, что привело к снижению объемов добычи, которая в 1995–1996 гг. упала до 35–38 млрд кубометров в год. Добываемый газ поставлялся в страны СНГ (главным образом на Украину) через систему российских трубопроводов. После отказа Туркменистана в марте 1997 г. от услуг «Газпрома» добыча газа снизилась до уровня 12–15 млрд кубометров газа в год, что крайне негативно сказалось на развитии ТЭК Туркменистана и практически всей национальной экономики.

В настоящее время туркменский газ через Центральноазиатский трубопровод идет в Россию и Европу. Поставки газа в Европу с месторождения Довлетабад осуществляются через Россию по газопроводу Довлетабад — Дерялык — Европа. 12 мая 2007 г. главы России, Казахстана и новый президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов подписали в Ашхабаде Меморандум о строительстве параллельной ветки прикаспийского тру-

бопровода. Новые ветки появятся и у газопровода Центральная Азия — Центр.

Целью Туркменистана является диверсификация экспортных потоков, минимизация зависимости от трубопроводной системы «Газпрома» и усиление связей со странами Среднего Востока и с Западом.

Что касается наиболее экономически рентабельного иранского направления, то на его пути стоит позиция США. Пока действуют лишь два небольших газопровода — трубопровод от Корпедже в Западном Туркменистане до Курт-Куи в Северо-восточном Иране протяженностью 200 км, мощностью 8 млрд кубометров в год, сооружение которого иранцы завершили в декабре 1997 г., и газопровод Тохта-Базар — север Ирана. Любые планы продления трубопровода из Ирана в Турцию или в Пакистан и Индию блокируются Соединенными Штатами. Пока Иран остается единственным (помимо России и Украины) потребителем туркменского экспортного газа.

В феврале 1999 г. Туркменистан подписал соглашение с американским консорциумом по строительству газопровода в Турцию, который будет проходить по дну Каспийского моря в Азербайджан (транскаспийский газопровод), дополняя линию Баку — Тбилиси — турецкий порт Джейхан на берегу Средиземного моря. Однако этот проект не выдержал конкуренции с проектом «Газпрома» под названием «Голубой поток», который уже вступил в строй.

С 1994 г. по настоящее время на стадии обсуждения находится проект прокладки газопровода из Туркмении в Китай. Только в 3 апреля 2006 г. в Пекине руководители двух стран подписали Генеральное соглашение о строительстве газопровода Туркменистан— Китай и о поставках туркменского газа в КНР. Согласно документу Китай будет ежегодно на протяжении 30 лет закупать у Туркменистана 30 миллиардов кубометров природного

⁴¹ По запасам газа Туркменистан занимает четвертое место в мире. Доказанные запасы газа в Туркменистане составляют 2,8 трлн кубометров, перспективные — 24 трлн, а промышленные — 26 трлн.

газа. Стоимость газопровода может составить около 10 миллиардов долларов.

В результате Туркменистану пришлось пойти на заключение долгосрочного соглашения (на 25 лет) с Россией 10 апреля 2003 г., в соответствии с которым он принял на себя обязательство поставить «Газпрому», в частности, 60–70 млрд кубометров газа в 2007 г., 63–73 млрд кубометров в 2008 г., по 70–80 млрд кубометров в 2009–2028 гг. ежегодно. Туркменский экспорт составил в 2005 г. 55 млрд кубометров, а в 2006 г. — 78 млрд кубометров газа.

В апреле 2006 г. возник еще один проект — проект прокладки газопровода из Туркменистана в Таджикистан через территорию Афганистана. Власти последнего также проявили заинтересованность, поскольку в этом случае появится возможность импорта и афганского газа в Таджикистан.

Проблемы с диверсификацией поставок туркменского газа и отсутствие газохранилищ стали причинами высокой заинтересованности Туркменистана в прокладке трансафганского газопровода. Президент С. Ниязов активно продвигал этот проект в качестве главного его вдохновителя.

В настоящее время данный проект выполняет еще одну важную для Туркменистана функцию. Он служит средством давления на Россию и Украину с целью побудить их согласиться с повышением цены на газ. В программе новостей национального телевидения 10 февраля 2006 г. С. Ниязов сообщил о намерении поднять цену до 100 долларов США за тысячу кубометров с сентября-октября того года⁴². Для вящей убедительности использовался аргумент о строительстве трансафганского газопровода. Данное повышение привело к росту цены на газ для Украины.

Однако Туркменистан создает и препятствия на пути реализации проекта. Одно из них касается запасов газа в Туркме-

нии. В частности, до сих пор неизвестны результаты аудита запасов природного газа юго-восточного Туркменистана, проведенного в 2004 г. западными сертификационными компаниями DeGolyer&MakNaughton (США) и Gaffney, Cline and Associates Ltd. (Великобритания). По некоторым данным, согласно аудиту, запасы Довлетабада ниже заявленных на 700 млрд кубометров, т.е. не превышают 1 трлн. кубометров газа⁴³. Еще одна оценка дает число в 1,3 трлн⁴⁴. Из-за отсутствия отчета по запасам указанного месторождения Пакистан даже отказывался осенью 2004 г. от продолжения переговоров по проекту и от проведения очередного восьмого заседания руководящего комитета в Исламабаде. В октябре 2005 г. Азиатский банк развития заявил, что согласно его данным о запасах газа в Туркмении, возможности поставок ниже, чем ожидалось. Их может быть достаточно для заполнения трубопровода на протяжении нескольких лет, но затем потребуется газ с других месторождений. Кроме того, необходимо учитывать, что Туркмения уже заключила целый ряд долгосрочных контрактов на поставку газа.

Помимо этого, препятствия для реализации проекта создают и некоторые особенности региона.

Конкурирующие проекты и противоречия Индии и Пакистана

В настоящее время ведется активная подготовка к работам по прокладке упоминавшегося выше газопровода из Ирана по дну Аравийского моря в Индию с промежуточным выходом в районе города Карачи. Хотя проект был предложен Россией, однако для России более предпочтительно зарезервировать рынки Пакистана и Индии за Туркменией.

Прорабатывается и другой проект — из Ирана через Пакистан в Индию. На-

⁴² Независимая газета. М., 2006. 18 февраля.

⁴³ Халк Клыч. Геополитика по-туркменски, или Большой газовый блеф Ниязова. URL: www.dogruyol.com или Агентство политических новостей. Казахстан, 2006. 15 января.

⁴⁴ ЭПУ. 2004. № 5. URL: www.epu.kiev.ua

званный «газопроводом мира» стоимостью 4,5 млрд долларов, проект может скрепить отношения между тремя его участниками. Однако США дали понять, что они недовольны сотрудничеством Индии с Ираном. О беспокойстве по этому поводу заявила госсекретарь Кондолиза Райс. Однако Индия ответила, что долгосрочная энергетическая безопасность определяет ее энергетическую политику, а не общий политический курс.

Есть и еще одно препятствие. Большая часть этого газопровода будет проходить через территорию иранского и пакистанского Белуджистана. Рост националистических настроений среди белуджей и появление радикальных исламистских группировок значительно осложняют продолжающиеся переговоры по поводу реализации проекта.

Кроме того, Индия рассчитывает на импорт дешевого газоконденсата из Бангладеш и Мьянмы.

Одной из проблем выступает низкая потребность в импортном газе в Афганистане и Пакистане, хотя потребность в газе в Пакистане быстро нарастает.

Не менее важно то обстоятельство, что Индия не хочет впадать в зависимость от Пакистана, благодаря чему она предпочла бы газопровод по дну Аравийского моря. В свою очередь, Пакистан обеспокоен усилением позиций Индии в Афганистане и не очень приветствует развитие сотрудничества двух стран. Подобная ситуация является одним из сдерживающих факторов реализации проекта.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что проект трансафганского газопровода дает шанс Афганистану шанс возрождения. Кроме того, он позволяет Афганистану подключиться к богатому региону Большой Восточной Азии, стать связующим звеном между странами, обладающими энергетическими ресурсами, и странами, заинтересованными в их получении.

Нет прямых противников проекта. Даже для России он несет больше позитивных следствий, чем негативных. Он позволяет переориентировать туркменский газ с европейского рынка на индийский, уменьшив тем самым конкуренцию. Не меньшее значение для России имеет стабилизация обстановки в Афганистане, чему в немалой степени может способствовать прокладка газопровода. Поэтому Газпром готов участвовать в реализации проекта.

Анализ показывает, что целый ряд факторов способствуют реализации проекта. Во-первых, это желание руководства Туркменистана разнообразить пути поставки углеводородов на мировой рынок. Во-вторых, потребность в газе Пакистана и особенно Индии. В-третьих, противодействие Вашингтона любым проектам трубопроводов, проходящих через территорию Ирана или идущим из него.

Однако осуществление проекта сталкивается с целым рядом препятствующих обстоятельств. Во-первых, это нестабильность в Афганистане, за которой стоит целый ряд конфликтов, в том числе такой взрывоопасный, как этнический. Во-вторых, неясность относительно величины запасов Довлетабадского месторождения, которое намечено в качестве главного поставщика газа в трубопровод. В-третьих, наличие конкурирующих проектов, особенно из Ирана в Индию через территорию Пакистана или по дну Аравийского моря. В-четвертых, противоречия между Пакистаном и Индией.

Анализ самых разнообразных обстоятельств, оказывающих воздействие на ситуацию с трансафганским газопроводом, позволяет сделать общий заключительный вывод о том, что негативные факторы пока преобладают. Поэтому ни одна компания до сих пор не заявила о своей готовности участвовать в проекте, кроме аргентинской «Бридас», для которой это является единственным шансом получить присужденный ей судом 1 млрд долларов. Однако подключение к проекту Японии

повышает шансы его реализации. Повышает его шансы и участие стран Большой Восточной Азии.

Вообще участие в проекте указанных стран будет способствовать не только его осуществлению, но и нормализации обстановки в Афганистане. Во-первых, сам газопровод будет приносить доход. Во-вторых, более активное и явное присутствие указанных государств вызовет

приток инвестиций, направленных на обустройство страны. Таким образом, трубопровод будет содействовать подключению Афганистана к региону с богатейшим потенциалом, что положительно скажется на нем самом. Может быть, подобное развитие событий — единственный шанс для ИРА, поскольку действия западной коалиции оказались малоэффективными.

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОПЫТ ПРОВЕРКИ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

А.А. Байков

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 1/2010

Региональная интеграция находится в ряду наиболее заметных черт мирового развития в условиях глобализации. Начавшись в 1951 г. в западноевропейском регионе в форме Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и затронув относительно узкую группу государств, она стала распространяться на другие части мира, превратившись в одну из основных стратегий межгосударственного взаимодействия с целью укрепления коллективного или индивидуального потенциала стран-участниц.

К концу 2000-х годов политико-экономические проекты интеграционного типа стали определять международно-политическую реальность далеко за пределами Европейского Союза, который вместе с тем остается механизмом наиболее комплексного межгосударственного сотрудничества, в который трансформировались инициативы западноевропейских государств начала 1950-х годов.

Особенно стремительно расширение географии интеграционных взаимодействий происходило в 1990-х и 2000-х годах. Наглядно эту тенденцию можно проиллюстрировать на примере увеличения числа зон свободной торговли — первичной ступени интегрирования хозяйств. Если в 1990 г. в мире насчитывалось только 16 функционирующих зон свободной торговли, то в 1997 г. — 72, а уже в 2005-м — 153¹. Без преувеличения все регионы мира оказались пронизанными импульсами интеграционного типа, отчасти даже пространство СНГ. Судя по составу

большинства группировок, готовность к интеграции практически не зависит от исходного уровня развитости сближающихся стран или их долгосрочных целей.

Разумеется, не везде и не всегда межгосударственное сотрудничество правомерно называется интеграцией. В академическом сообществе продолжают содержательные и весьма плодотворные дискуссии по поводу понятийных и критериальных аспектов ее интерпретации. Вместе с тем бесспорно, что в ряде регионов, прежде всего в зарубежной Европе, Восточной Азии, Северной и Южной Америке, сроки осуществления, масштабность программ интеграционного характера, а также степень приверженности им местных лидеров и граждан не позволяют усомниться в том, что речь идет о реальных, но одновременно сложных политических, экономических, культурно-идеологических процессах, проблемах и результатах. К концу первого десятилетия XXI века накоплен разнообразный эмпирический материал по развитию региональных очагов интеграции, который стимулирует серьезное осмысление опыта интеграционного развития на основе сравнительного выявления черт сходства и различий между ними. Очевидно, что глобальный тренд требует и глобального осмысления.

Фокус сравнительного анализа в настоящей статье ограничен интеграционными взаимодействиями на пространстве двух международно-политических регионов — зарубежной Европы и Восточной Азии. Под зарубежной Европой в предлагаемом контексте понимаются страны Западной и Центрально-Восточной Европы, входящие

¹ Dent Ch. East Asian Regionalism. London, New York, 2008. P. 184.

в Европейский Союз в настоящее время или находящиеся с ним в отношениях преференциального сотрудничества, а под Восточной Азией — совокупность стран Юго-Восточной² и Северо-Восточной³ Азии.

1

Тенденция к региональной межгосударственной интеграции, породившая после окончания Второй мировой войны мощное интеграционное «ядро» в Западной Европе, подразумевала нарастание однородности характеристик интегрирующегося пространства на базе единства культурных символов, институциональной и правовой систем, а также экономического комплекса. Принцип гомогенизации был положен в основание концепции региональной интеграции в мире и определил направление и содержание интеграционных исследований в целом.

Впоследствии задача сопоставления интеграционного опыта ставилась многократно⁴. Для ее решения аналитики продолжали интуитивно отталкиваться от допущения о нормативности западноевропейской модели. В результате степень «интеграционности» той или иной региональной версии определялась путем соотнесения с достижениями ЕЭС/ЕС. При сравнении, как правило, использовались стандартные критерии: распространение наднационального принципа принятия решений и продвижение по «лестнице Бэлы Балаши⁵». Реже,

и преимущественно в экономической литературе, встречается такой индикатор, как доля внутрирегиональной торговли в общем торговом обороте стран-членов⁶.

Упрекать исследователей евроинтеграции в абсолютизации значения опыта ЕС нет смысла. Когда в СССР только создавалась школа интеграционных исследований⁷, объектом ее изучения был и мог быть только один очаг интеграции — в Западной Европе. Однако сегодня интеграционные тенденции характерны для очень многих регионов мира. Лидеры и ученые в Западном полушарии и странах Азии широко и свободно применяют слово «интеграция» для описания реальных экономических и политических тенденций, в которых участвуют их страны. Термин «интеграция» прочно вошел в словарь российских политиков и политологов при

го процесса от создания зоны свободной торговли к таможенному союзу, общему рынку, экономическому и валютному союзу и далее к политическому объединению с элементами наднациональности. См. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Greenwood Press Reprint, 1982.

² Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

³ КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония.

⁴ Достаточно назвать лишь несколько работ: Лицарева Е.Ю. *Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века*. Томск, 2004; Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* М., 2001; Langhammer R.J. *Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style*. Singapore, 1999; Katzenstein P. *A World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press, 2005.

⁵ Концепция Б. Балаши предусматривала последовательное восхождение интеграционно-

⁶ В экономической литературе вместо термина интеграция применяется термин «конвергенция», под которой понимается, с одной стороны, сближение основных показателей развития, а с другой — унификация социально-экономических политики. В первом случае конвергенция измеряется такими параметрами, как отношение взаимной торговли ко всему внешнеторговому обороту или ВВП, как динамику сближения внутренних цен на однородные товары, процентных ставок по кредитам одинаковой срочности. Буторина О.В. *Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике*. Сентябрь — декабрь 2006.

⁷ Началом отечественных исследований интеграции принято считать дискуссию на страницах журнала «Новое время», открытую статьей Н. Молчанова «О шумихе вокруг общего рынка» (Новое время. 1957. № 5. С. 6—9. Первая школа интеграционных исследований в СССР (России) сложилась в ИМЭМО с 1958-1962 годов под руководством академика А. А. Арзуманяна. Подробнее см.: Борко Ю.А. *Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы // Борко Ю.А. От европейской идеи — к единой Европе*. М., 2003. С. 207—209.

обсуждении вопросов развития СНГ. Как указывает специалист по восточноазиатскому регионализму профессор Йоркского университета Марк Бисон, «...нет никаких оснований утверждать, что европейский опыт указывает на единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия, или что успех любого регионального объединения должен оцениваться исключительно по его способности воспроизвести структуры и практики ЕС»⁸.

«Интеллектуальная монополия» ЕС на понимание и интерпретацию интеграции вне ЕС уже никем не признается. В общем потоке научных трудов о феномене межгосударственной интеграции работы по ЕС составляют сегодня только часть, хотя и весомую. Объектом изучения все чаще выступает не столько степень воспроизведения европейских институтов и не соотношение наднациональности и межправительственного подхода (то и другое является уникальным европейским явлением и малопродуктивно в трансрегиональных сравнениях), сколько эффективность местных форм интегрирования и механизмов управления ими.

Сравнительный анализ интеграции допустимо проводить по следующей схеме — изучение исходных мотивов интеграции, специфики географического распространения интеграционных импульсов, сближения в экономике и институциональных особенностей объединения. Предложенная схема «работает» одинаково удачно при описании интеграционных процессов как в зарубежной Европе, так и в Восточной Азии.

2

9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Р. Шуман, обращаясь к руководству Западной Германии (и любых других заинтересованных государств), публично предложил «поставить угледобывающую и сталелитейную промышленность под контроль Высшего руководяще-

го органа в рамках организации, открытой для диалога с другими государствами Европы»⁹. На приглашение о сотрудничестве откликнулись Италия и страны Бенилюкса¹⁰. Начался процесс *западноевропейской интеграции*, охвативший исходно лишь экономическую сферу.

Для ее успешной реализации к тому времени сложились благоприятные условия. В послевоенной Западной Европе политики и общественные деятели широко апеллировали к понятиям «интеграция», «союз» и даже «наднациональность», видя в них гарантию от повторения разрушительной истории предшествующих десятилетий¹¹. Побудительным мотивом

⁹ Fontain P. Europe: A Fresh Start: The Schuman Declaration, 1950-90. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1990. P. 44.

¹⁰ Прежде чем предать план создания ЕОУС огласке, Монне и Шуману было необходимо заручиться согласием самого французского правительства, ФРГ и США. 9 мая 1950 г. за несколько часов до официального выступления Шуман проинформировал о предложении Кабинет министров Франции и отправил его федеральному канцлеру ФРГ К. Аденауэру. Последний откликнулся сразу же и заверил Шумана в своей полной поддержке: Аденауэр сам мечтал о франко-германском примирении. См.: Adenauer K. Memoirs, 1945-1966. Chicago: Henry Regnery, 1966. P. 244–248.

Американцы были посвящены в суть французского плана во время визита в Париж 7 мая 1950 г. госсекретаря США Дина Ачесона. Известны слова Ачесона, адресованные Р. Шуману: «Эффективность нашей политики в германском вопросе зависит от вашей готовности взять на себя роль лидера в Европе». См.: Acheson D. Present At The Creation: My Years in the State Department. New York: Norton, 1969. P. 383–384.

¹¹ Первые попытки инициировать процесс в поддержку «европейскую федерации» предпринимались еще в межвоенный период. В 1923 г. Ричард Куденхов-Калерджи, австро-венгерский аристократ и публицист, организовал организацию под названием Паневропа. Среди ее активных сторонников был и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан. В 1929 г. он произнес в Лиге Наций пламенную речь с призывом ускорить создание европейской федерации. В тех условиях этот призыв французской элиты не был услышан. Подробнее см.: Coudenhove-

⁸ Beeson M. Regionalism and Globalisation in East Asia. New York, 2007. P. 5.

к сотрудничеству интеграционного типа в Западной Европе действительно была профилактика воспроизводившихся в нескольких поколениях страхов повторения конфликта, особенно остро ощущавшихся во Франции, пережившей три крупных вооруженных столкновения с Германией за менее чем 100 лет.

Решение Франции и Западной Германии объединить в 1951 г. базовые отрасли экономики (уголь, сталь) и тем самым ограничить свои полномочия в управлении ими в самом деле было беспрецедентным. Следует помнить, однако, что его реализация стала возможной в силу стечения обстоятельств: Западная Германия была оккупирована Францией и не обладала полным суверенитетом, а Британия, в принципе способная противопоставить плану Франции собственную программу действий, предпочла остаться в стороне от проекта ЕОУС¹². *Считать наднациональность универсальной чертой интеграции уместно не в большей степени, чем ожидать в разных регионах мира стечения тех же исторических обстоятельств, что сложились в Западной Европе в 1945–1951 годах.*

Нет оснований преувеличивать и значение фактора «кризиса национально-го государства» для западноевропейской интеграции, а также тезиса французских

интеллектуалов о желательности замены государственного порядка «надгосударственным»¹³. Не секрет, что многочисленные сторонники генерала де Голля, например, не разделяли подобных взглядов ни в 1940–1950-х годах, ни позднее. Идея об устаревании государственного суверенитета впитала субъективные переживания французской элиты по поводу катастрофичного опыта Третьей республики в межвоенный период (с ее неустойчивым парламентарным режимом, не сумевшим предотвратить капитуляцию Франции и последовавший за ней период коллаборационизма), а эгоизм национальных интересов, который Ж. Монне, Р. Шуман и другие сторонники «Европейской Федерации» обличали в конце 1940-х годов, оставался основой внешней политики самой Франции как минимум до 1970-х годов. Скорее, *интеграция была призвана решить сугубо национальные задачи Франции: недопущение реанимации германского милитаризма и возвращение статуса лидера континентальной Европы.*

В каком-то смысле наднациональность в Западной Европе была не следствием кризиса государственного суверенитета, а его торжеством: возрождая свое лидерство, французы смогли отстоять собственный вариант сотрудничества с Германией, воспользовавшись слабостью последней. Эта же формула под влиянием Парижа была принята и другими более слабыми странами Бенилюкса, а также Италией, где, как и в Западной Германии, в то время процветали пацифистские настроения, свойственные побежденным государствам. Только в условиях послевоенной Западной Европы можно было осуществить подобный «наднациональный интеграционный эксперимент». Значимо, конечно, и то, что страх перед повторением войны соединился с желанием Германии восстановить хозяйство в рамках западного блока, что естественным образом облегчило интеграционный процесс¹⁴.

Kalergi R. Pan-Europa. Vienna: Pan-Europa Verlag, 1923; Zürcher A. The Struggle to Unite Europe, 1940–1958. New York: New York University Press, 1958; Stirk P. European Unity in Context: The Interwar Period. London: Pinter, 1989.

В межвоенный период была создана школа функционализма Митрани, объяснявшая преимущества региональной интеграции, основанной на разделении труда и общем рынке факторов производства и предвосхищая принцип «переплескивания» интеграционного импульса, сформулированного позднее Э. Хаасом. Подробнее см. Параграф 1.2. гл. 1 настоящей работы. См. также: Origins of European Integration: March 1948–May 1950 / Raymond Poidevin (ed.). Brussels: Bruylant, 1986.

¹² Подробнее см.: *Ovendale R. Foreign Policy of the British Labour Government, 1945–1951.* London: Pinter, 1984.

¹³ Стрежнева М.В. ЕС и СНГ. 1999.

¹⁴ *Katzenstein P. Regional States: Japan in Asia, Germany in Europe.* Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 89–114.

Таким образом, исходными импульсами интеграции в Западной Европе были не экономические, а политико-психологические мотивы. Задачи хозяйственной реконструкции выступали изначально только маскировкой военно-политических страхов. Лишь со временем, по мере углубления взаимодействия и появления общих хозяйственных интересов, то есть с 1960-х годов, экономические стимулы встали вровень с военно-политическими, а потом и заслонили их.

В *Восточной Азии* инициативы, направленные на оформление регионального сотрудничества, выдвигались также после окончания Второй мировой войны в Азии. В 1958 г., вслед за провозглашением независимости Малайзии (1957), премьер-министр Малайзии Абдул Рахман выступил с идеей создания прообраза «общего рынка» среди только что деколонизовавшихся стран ЮВА, чтобы способствовать экономическому развитию их народов. В 1961 г. на ее основе поспешили провозгласить Ассоциацию Юго-Восточной Азии (АСА) между Таиландом, Филиппинами и Малайзией в целях «сотрудничества в экономической области, изучения средств стабилизации мировых цен на экспортируемое сельскохозяйственное и минеральное сырье»¹⁵. Однако из-за конфликта между Филиппинами и Малайзией вокруг провинции Сабах АСА так и не заработала. В ее создании проявилось стремление местных стран организовать сотрудничество на сугубо азиатской основе, без участия великих держав (США и Британии).

В 1967 году, в разгар войны во Вьетнаме, во многом наследуя идеям АСА, возникла Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСЕАН). 8 августа министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда собрались в Бангкоке для подписания учреждающей ее декларации¹⁶. Документ был составлен на английском языке.

В качестве задач АСЕАН, согласно Бангкокской декларации, провозглашались: содействие «экономическому росту, социальному прогрессу и культурному развитию» путем налаживания более эффективного сотрудничества в «области сельского хозяйства и промышленности, расширения торговли, включая изучение проблем международной торговли отдельными товарами, улучшения транспортных и коммуникационных возможностей и повышения жизненного уровня своих народов», а также содействие региональному миру и стабильности¹⁷.

Между тем нет оснований переоценивать серьезность ожиданий стран АСЕАН от сотрудничества между собой, особенно в экономической области. Бангкокская декларация в значительной степени выглядела как заявка на будущее, набор долгосрочных ориентиров, нежели как конкретная программа многостороннего взаимодействия. Для полноформатного сотрудничества малые и средние страны Юго-Восточной Азии не имели достаточно финансовых, технико-материальных и организационных ресурсов. По замечанию А.Д. Богатурова, в тот период малые и средние страны региона сохраняли представление о ценности «самопомощи», то есть способности самостоятельно решать национальные задачи.¹⁸

В то же время, подписав Бангкокскую декларацию, страны АСЕАН сумели на рубеже 1960–1970-х годов политически обозначить географические пределы перспективного интеграционного взаимодействия. Иными словами, их усилия на базе Бангкокской декларации были на учредительном этапе направлены не столько на планомерное многостороннее сотрудничество в экономике, сколько на «коллективную самоизоляцию» от

¹⁵ ASEAN's inheritance: the regionalization of Southeast Asia, 1941–1961 // *The Pacific Review*. Vol. 14. No. 3. P. 313–338.

¹⁶ Bangkok Declaration. Bangkok, 8 August 1967. URL: <http://www.aseansec.org/1212.htm>.

¹⁷ См.: Bangkok Declaration // ASEAN Documents Series. 1967–1988. Jakarta : ASEAN Secretariat, 1988. P. 28–29.

¹⁸ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 143.

негативных эффектов внешней региональной среды. Попросту говоря, страны АСЕАН все вместе старались устоять от попыток США вовлечь их в войну во Вьетнаме (1965–1973). *О «расплавлении» границ между странами АСЕАН (как в ЕЭС) речь не шла. Необходимо было отстоять внешний контур отношений с другими странами.*

Перед участниками АСЕАН стояли проблемы, типичные для всех постколониальных государств: неурегулированность территориальных претензий, сепаратизм, незрелость административной системы и связанная с ней слабость государственного аппарата. Парадоксальным образом общие проблемы благоприятствовали сближению, так как начать их решение лидеры стран — учредительниц АСЕАН сочли возможным на основе взаимного признания независимости и суверенитета и уважения принципа невмешательства во внутренние дела. Интеграция в Юго-Восточной Азии в первые годы функционирования АСЕАН была мотивирована взаимным согласием уважать государственность и самостоятельность ее участниц. Лидеры АСЕАН интуитивно ощущали, что наличие прочной *государственности* — базовая предпосылка к *межгосударственной* интеграции.

К сближению государства ЮВА стимулировала и общеполитическая атмосфера в регионе. Подобно западноевропейской, восточноазиатская интеграция подталкивалась «синдромом страха» — психологической реакцией на отрицательный опыт прошлого. Но если в Западной Европе это был страх повторения войны (прежде всего между Германией и ее западными соседями), то в Юго-Восточной Азии — на страх возвращения диктата внерегиональных «великих держав» налагалась боязнь разрушительной междоусобной розни (интеграция как форма гашения индонезийско-малайзийского противоборства).

В англоязычной литературе немало написано о роли США при создании АСЕАН. Вашингтон мог быть заинтересо-

ван в появлении сплоченного блока молодых независимых государств, служившего заслоном на пути распространения коммунизма¹⁹. Но сами местные страны видели ситуацию в ином ключе. Создание АСЕАН было нацелено прежде всего на дистанцирование от «великодержавной политики» вообще²⁰. Видный филиппинский дипломат и политик Карлос Ромуло писал в эти годы: «Мы не хотим быть втянутыми в споры между великими державами, и страны АСЕАН не должны быть лужайкой, на которой борются эти слоны»²¹. В тексте Бангкокской декларации об учреждении АСЕАН говорилось: «Страны — учредители АСЕАН преисполнены решимости обеспечить их стабильность и не допускать вмешательства в какой бы то ни было форме со стороны внешних держав»²². Похожую мысль отстаивает отечественный автор А.Д. Богатуров, утверждавший, что создание АСЕАН отражало, с одной стороны, компрометацию в Восточной Азии идеи стабилизации обстановки на базе привлечения внерегиональных держав, а с другой — растущую экономизацию мышления местных лидеров²³.

Страны АСЕАН, малые и средние государства региона, объединились с тем, чтобы избежать втягивания себя в отношения в великими державами. Стратегия «огораживания» от внешних влияний и воздействий в региональной политике

¹⁹ *Sum N.L.* The NICs and competing strategies for East Asian regionalism // *Regionalism and World Order* / A. Gamble and A. Payne (eds.). London: Macmillan, 1996; *Yahuda M.* The International Politics of the Asia-Pacific, 1945–1995. London: Routledge, 1996.

²⁰ *Малетин Н.П.* АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. С. 21–23.

²¹ *Regionalism in Southeast Asia.* Jakarta. 1974. P. 149.

²² Bangkok Declaration. Bangkok, 8 August 1967. URK: <http://www.aseansec.org/1629.htm>. См. также: *Trilateralism in Asia: Problems and Prospects in US-Japan-ASEAN.* Princeton, 1986. P. 63.

²³ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 158.

АСЕАН отчетливо контрастирует со стратегией встраивания в геополитическое пространство Запада в случае с западноевропейским сообществом.

Таким образом, на учредительном этапе интеграция в АСЕАН была мотивирована идеями самостоятельности и развития, которые для стран Юго-Восточной Азии означали прежде всего невмешательство великих держав. Существен был и идеологический компонент в деятельности АСЕАН: *антикоммунизм*, который в ряде стран фактически истолковывался как сильные этноцентристские, *антикитайские настроения*, и *антиимпериализм*, а также *доктрина неприсоединения*, которую в восточноазиатском контексте перекодировали в принцип нейтралитета, фактически представлявшего собой форму группового азиатского национализма. (формально с Движением неприсоединения идентифицировали себя только три страны — Индонезия, Малайзия и Сингапур.)

Специфика западноевропейской интеграции состоит в том, что Сообщества исходно конституировали себя как интеграционные объединения. АСЕАН сразу старался позиционировать себя как ассоциация многопрофильного сотрудничества на базе солидарности культурно и этнически близких стран. Важно понимать, что интеграция для ЕС была его *«raison d'être»*, а для АСЕАН, при всей ее нарастающей важности, интеграционные цели всегда были только одним, пусть и важным, компонентом спектра деятельности группировки.

В самом деле, экономический приоритет был сформулирован в Бангкокской декларации одним из первых, но фактически экономические мотивы в деятельности АСЕАН были доведены до уровня конкретных решений и преобразованы в практические действия довольно поздно — в конце 1980-х — начале 1990-х годов. На учредительном этапе их потеснили соображения безопасности, которые для стран Юго-Восточной Азии означали

прежде всего невмешательство великих держав (антиимпериализм) и самоизоляцию от войны во Вьетнаме.

Опыт ЕС все же существен. 2 июня 2009 г., приветствуя вступление в силу Устава АСЕАН, участники саммита выразил пожелание, что «принятие Устава станет вехой на пути превращения Ассоциации в структуру есовского типа»²⁴ (EU-style community). Практика, пусть вербальная, отыскивать сходства между АСЕАН и ЕС, даже когда на деле каждая из двух группировок проходит по совершенно особым, мало пересекающимся, по форме и этапности движения, траекториям, не исчезла. По всей видимости, Европейские Союз служит для стран АСЕАН своего рода *«вдохновляющим примером»*, не вызывающим, однако, стремления уподобиться ему²⁵. Необходимо разграничить восприятие ЕС как нормативное предписание действия (pattern of action) и комплекс мотиваций, допускающий выбор собственной конкретно обусловленной парадигмы действия (aspirational model). В случае в Восточной Азии — правильной последнее.

3

Достижения западноевропейской интеграция беспрецедентны. Тем не менее к концу 2000-х годов обоснованность оценок межгосударственных процессов в Восточной Азии как процессов действительно интеграционных также не вызывает сомнений. *Во-первых*, важным аспектом интеграционных усилий является координация политики в ряде областей взаимодействия — торговой, транспортной, финансовой, отчасти экологической. Нельзя говорить о проведении «общих политик», как в Евросоюзе. В то же время в некоторых сферах парадигма коллектив-

²⁴ Joint Statement of the ASEAN-Republic of Korea Commemorative Summit Jeju Island, Republic of Korea, 2 June 2009.

²⁵ Подробнее об этом см. *Searight A.* East Asian Regionalism Today // *International Affairs Review*. 2006. № 3.

ного согласованного действия начинает преобладать над разрозненными индивидуальными шагами отдельных государств. Так, АСЕАН выступает консолидированным игроком на торгово-экономических (ВТО) или международно-политических переговорах (в отношениях с ЕС, США, Россией, Индией и т.д.), сначала вырабатывая свою позицию между собой, а затем оглашая ее в качестве коллективной переговорной платформы.

Во-вторых, страны региона добиваются сближения своих экономик через гармонизацию технических требований и введение единых правил происхождения товаров. Хотя они и пробуют достичь этого без движения к наднациональности. Для реализации цели сближения страны региона осуществляют меры безусловно интеграционного характера, предусматривающие либерализацию экономического пространства, включая облегчение режима обмена товарами, услугами, капиталом и рабочей силой. В принятой в 2007 г. в Сингапуре «Дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН» была сформулирована среднесрочная цель построения к 2015 г. «единого рынка и единой производственной базы в масштабе Восточноазиатского региона». Речь при этом, разумеется, идет не о сплошной либерализации, как в ЕС. Страны региона движутся по пути более избирательного сращивания, учитывающего степень зрелости экономик и конкретных отраслей отдельных стран-членов.

В-третьих, после азиатского кризиса 1997–1998 годов к координации политик добавился новый мощный инструмент интеграции — создание общих «пулов» ресурсов с общим же управлением, которое наиболее ярко проявилось в действиях по защите финансовых систем стран региона от валютных колебаний, когда страны форума «АСЕАН плюс Три» фактически сформировали единый резервуар средств для стабилизации колебаний курсов национальных валют. В этом же русле

находятся меры по созданию общего рынка облигаций среди стран АПТ.

В-четвертых, в странах региона сложилось понимание «свой» — «чужой», закреплённое взаимными правами и привилегиями, которые не распространяются на внегрупповых партнеров. Так, говоря о предпосылках полноценного Сообщества АСЕАН, стороны отметили важность «осознания преимуществ региональной интеграции на базе уже существующих проектов как между собой, так и с партнерами, и шагов по созданию регионального сообщества, стремящегося к общей идентичности»²⁶.

В Восточной Азии фиксируется рост транснациональных социальных движений, формирование общей популярной культуры (на основе японской и южнокорейской), что способствует чувству сопринадлежности к региону²⁷. Правда, в той региональной идентичности, о которой можно говорить сегодня в Восточноазиатском регионе, отчетливо преобладает ее макроазиатская (а не восточноазиатская) составляющая.

На граждан стран АСЕАН, Китая или Южной Кореи, конечно, ощущают себя жителями тихоокеанских стран. Но мощнее на них воздействует знание о сопринадлежности к «угнетавшейся Азии» и непринадлежности к «угнетавшей Европе»²⁸.

В-пятых, на протяжении последних пятнадцати лет в регионе шло оформленные многостороннего механизма выра-

²⁶ Declaration of ASEAN Concord II. 7 October 2003. Bali, Indonesia. Art. 7. URL: <http://www.aseansec.org/15159.htm>.

²⁷ *Deutsch K.W.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundation of Nationality. Cambridge, MA: MIT Press, 1966; *Deutsch K.W.* Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957; *Pempel T.J.* Conclusion: tentativeness and tensions in the construction of an Asian region // *Remapping East Asia: The Construction of a Region*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

²⁸ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security, Economic Development. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 10.

ботки общих действий в сфере безопасности — Регионального форума АСЕАН, участники которого говорят о возможности «гармонизации позиций»²⁹. Не случайно с конца 1990-х годов официальные лица стран АСЕАН и АПТ стали регулярно характеризовать сотрудничество между собой словом «интеграция». В Ханойском плане действий АСЕАН 1998 г. стороны декларировали намерение «продолжить усилия по ускорению взаимовыгодной интеграции образующих ее стран и народов ради содействия миру, стабильности, и благосостоянию в регионе»³⁰.

4

Эволюция западноевропейской интеграции в целом отличалась однонаправленностью. Это был относительно устойчивый тренд на поглощение «ядром» сопредельных зон европейской культурно-исторической периферии. В то же время на отдельных отрезках развития модель расширения сферы западноевропейской интеграции не имела характера поступательного развития, отличалась чередованием «рывков» и «отступлений», периодов «забегания вперед» и откатов адаптации. «Интеграционное ядро», а вместе с ним и вся интеграционная система в зарубежной Европе, функционирует в неравномерно пульсирующем ритме, который определялся как внутривнутриполитическими и внутривнутрирегиональными факторами, так и состоянием окружающей международной среды. Применительно к зарубежной Европе это означает: возможность существования в западноевропейском интеграционном пространстве нескольких конкурирующих «инициативных ядер» (ЕЭС и ЕАСТ, «план Плевена» и «план Шумана»); появление внутри группы интегрирующихся стран разных полюсов политических и экономических

тяготений («старая» и «новая» Европа); допустимость существования внешних сфер преференциальных связей между странами не входящими в Европейских Союз и отдельными странами «интеграционного ядра»; возможность разной степени участия тех или иных стран в реализации интеграционных целей (вплоть до полного отказа), в зависимости от меры их готовности; способность ядра вовлекать внешних партнеров в поле интеграционных взаимодействий с ЕС и без предоставления полноправного членства.

В Восточной Азии расширение ареала интеграции имеет разнонаправленный характер, а алгоритм распространения интеграционного ареала имел сбивтый ритм. Важной особенностью было также и то, что в этом регионе инициативы объединительного характера не противостояли друг другу фронтально. Они налагались одна на другую, встраиваясь в уже сложившиеся форматы. В основе объединительных тенденций в экономике АТР — «интеграционное ядро» государств АСЕАН. Остальные региональные протоинтеграционные проекты представляют собой по сути дела только внешние «оболочки» этого ядра.

Сначала, к концу 1960-х годов, возник очаг субрегиональной интеграции АСЕАН. Сразу после создания, в 1967 г., АСЕАН пережил первый серьезный откат в развитии, длившийся по 1976 г.: все были уверены, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, подчинив задачам противостояния с коммунизмом. Страны АСЕАН никогда не разделяли при этом в полной мере американские оценки обстановки во Вьетнаме. Они были убеждены, что, объединившись, Вьетнам рано или поздно переориентируется на ценности национального развития и вернется к своим «азиатским истокам». Вот почему внимание к ситуации в Восточном Индокитае, оказавшемся в годы bipolarности сколом глобальных политико-идеологических противоречий и ареной вооружен-

²⁹ Singapore Declaration on the 15th ASEAN Regional Forum Singapore, 24 July 2008. URL: <http://www.aseansec.org/21822.htm>.

³⁰ The Ha Noi Plan of Action. 1998. URL: <http://www.aseansec.org/145.htm>.

ной борьбы с вовлечением сверхдержав и крупных держав региона (КНР), никогда не ослабевало. В контексте американской интервенции во Вьетнаме АСЕАН опасался, что включение в круг охватываемых ассоциацией вопросов сложных проблем этих стран нанесет урон неокрепшей ассоциации. Надо отметить, что представители Южного Вьетнама (до 1971 г.), королевского Лаоса и Камбоджи при Лон Ноле (1970–1975) в качестве наблюдателей участвовали в работе министерских конференций АСЕАН и не раз обращались с просьбами о членстве. Однако члены ассоциации не были заинтересованы втягивать в АСЕАН раздираемые гражданскими войнами Камбоджу и Южный Вьетнам, хотя и стремились «держать руку на пульсе индокитайской проблемы»³¹. Поэтому попытки влиять на ситуацию в Восточном Индокитае не прекращались³².

Спустя год после завершения войны во Вьетнаме и его объединения в 1975 г. страны АСЕАН, собравшиеся на саммит в Индонезии, подтвердили, что никогда не закрывали для Вьетнама путь в АСЕАН, сожалел о том, что ЮВА оказалась разделенной на страны капиталистического и социалистического выбора³³.

Вскоре АСЕАН пережила первый относительно формальный цикл расширения. Он состоялся в 1984 г. и был связан с обретением независимости Брунеем, который пожелал немедленно вступить в Ассоциацию.

Окончание «холодной войны», распад СССР, исчезновение «двудержавного регулирования», либерализация внутривьетнамской и внутрилаосской ситуации, идущих в направлении глубоких рыночных реформ, и постепенная нормализация «камбоджийской проблемы»³⁴ *оживили никогда не исчезающие надежды на возможность вовлечения в орбиту преференциальных отношений стран Восточного Индокитая. Открылось пространство для экспансии интеграционного ядра.* На глобальном уровне этому способствовала активизация процессов интеграции в других частях мира (Западно-Центральная Европа и Северная и Южная Америки)³⁵, на региональном — заметно выросшее экономическое могущество стран АСЕАН, превратившихся в новые индустриальные страны «второго эшелона».

Началась осторожная работа по привлечению Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы в ряды АСЕАН. Важно при этом указать на особенности парадигмы роста АСЕАН, сближающие ее с моделью Евросоюза, в том, что касается их подхода к по-

³¹ Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.

³² Первая попытка активного вмешательства АСЕАН в обстановку в Восточном Индокитае связана с событиями весны 1970 г., когда в результате военного переворота власть в Камбодже перешла в руки военного правительства генерала Лон Нола и в страну вошли американские войска. Министр иностранных дел А. Малик после консультаций с коллегами по АСЕАН инициировал международную конференцию по Камбодже с участием представителей Южной Кореи, Японии, Южного Вьетнама, Австралии, Новой Зеландии и самой Камбоджи для «обеспечения защиты, независимости, целостности и нейтралитета Камбоджи» (май 1970). Решения конференции носили декларативный характер. Главным, однако, было то, что сам факт ее проведения говорил о заинтересованности АСЕАН судьбой Индокитая. См.: Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. С. 34.

³³ Declaration of ASEAN Concord. Bali, 24 February 1976. URL: <http://www.aseansec.org/1216.htm>.

³⁴ Урегулирование камбоджийской проблемы имело поэтапный и многоаспектный характер. (1) 23 октября 1991 г. на Международной конференции по Камбодже в Париже были подписаны Соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании камбоджийского конфликта, Соглашение, касающееся суверенитета, независимости, территориальной целостности и неприкосновенности, нейтралитета и национального единства, а также Декларация о восстановлении и реконструкции. (2) В июне 1992 г. в Токио была организована международная конференция по восстановлению Камбоджи. (3) В мае 1993 г. под международным наблюдением и контролем ООН в Камбодже были проведены многопартийные выборы в Конституционное собрание.

³⁵ Nesadurai H. Globalisation, Domestic Politics and Regionalism: The ASEAN Free Trade Area. London: Routledge, 2003.

тенциальному членству. Лидеры АСЕАН всегда осознавали, что без восточного субрегионального фрагмента интеграция их стран, в том числе экономическая, будет неполной. Даже в разгар холодной войны страны АСЕАН были деидеологизированы в той степени, в которой они допускали, что страны Восточного Индокитая со временем могут оказаться частью интеграционной системы АСЕАН. Сходным образом вел себя ЕЭС по отношению к Испании, Португалии, Греции, когда в них у власти находились диктаторские режимы, и Восточной Германии в годы коммунизма³⁶.

В 1995 г. членом ассоциации стал объединившийся в 1975 г. Вьетнам, в 1997 г. Мьянма и Лаос. В 1999 г., с включением Камбоджи, АСЕАН вобрала в себя все государства Юго-Восточной Азии, оправдав тем самым свое название.

С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции. В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции. *Первый* представлен Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора³⁷, и производным от него механизмом сотрудничества «АСЕАН плюс Три» (АПТ) с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в случае с зарубежной Европой, и в случае с Восточной Азией ядро интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости³⁸.

АПТ появился во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что АПТ не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ — Китай, Южная Корея и Япония — постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Хотя внутри образуемого ими интеграционного комплекса процессы сближения протекают неравномерно, АПТ совместно с АСЕАН воплощает основное многостороннее организационное и экономическое ядро восточноазиатской интеграции. Наблюдаемая между составляющими этого ядра асинхронность в темпах и интенсивности сближения до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «старые» и менее интегрированные «новые» члены.

Второй очаг восточноазиатской интеграции представлен японо-американский интеграционным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае Франции и Германии, он вырос из опыта вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х годов оба этих комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС — организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном — как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америке и Океании и также декларировавшей о своей интеграционной природе. Это фактически *третий* очаг интеграции, внутри которого оказались два более консолиди-

³⁶ Как указывает В. Барановский, Восточная Германия (ГДР) была изначально включена в систему торговых преференций, предусматриваемых Римским договором 1957 г. и, более того, пользовалась ими. См.: *Барановский В. Г. Европейское сообщество в системе международных отношений / ред. В. И. Гантман. М.: Наука, 1986.*

³⁷ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

³⁸ *Самойленко В. В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.*

рованных интеграционных ядра. Отношения в рамках слабо консолидированного ядра АТЭС начинают напоминать, скорее, связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении наметившейся между ними конкуренции.

АТЭС ставила выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Аналитически АТЭС очерчивает максимально широкий географический предел восточноазиатской интеграции³⁹. Согласно Богорской декларации, принятой на втором саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г. и для развивающихся — к 2020⁴⁰. Сегодня собственно интеграционная компонента в деятельности АТЭС представлена в меньшей степени. АТЭС действует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х годах — и безопасности.

Хотя согласно документам и накопленной информации об опыте интеграционного взаимодействия в регионе реальное сближение происходит в рамках АСЕАН и АПТ, к числу интеграционных в литературе относят и проект «Восточноазиатского сообщества» (ВАС)⁴¹. Важно иметь в виду, что страны АСЕАН и три ее привилегированных партнера не разделяют эту точку зрения.

«Восточноазиатский процесс», инициированный в декабре 2005 г. на самми-

те АПТ в Куала-Лумпуре, и представляющий собой серию регулярных встреч на высшем уровне представителей тринадцати стран АПТ, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии, был призван в какой-то мере составить конкуренцию деятельности форума АТЭС. Форум АТЭС был еще шире, чем ВАС. Его внешняя привлекательность исходно определялась его грандиозностью. Однако отсюда происходили и его слабости. Прагматически ориентированные страны АСЕАН продолжали испытывать большой скепсис по отношению к АТЭС, но не к организации в целом, а к ее интеграционному потенциалу. При этом сама АТЭС неизменно декларировала свою интеграционную природу. Желая нейтрализовать такого рода конкуренцию, страны АСЕАН высказались за организацию ВАС, менее грандиозного, чем АТЭС, хотя и недостаточно реалистичного с точки зрения перспектив сближения входящих в него экономик.

Начиная с периода кризиса 1997–1998 годов, страны — учредители АСЕАН встали на позиции избирательного допуска к интеграционному процессам неазиатских стран. К числу таких «избранных» были допущены те неазиатские страны (Австралия и Новая Зеландия), которые плотно встроились за минувшие десятилетия в экономические связи с близлежащими странами Азии. Они и были представлены на первом саммите ВАС.

Однако эти две страны и Индия не являются участниками ни одного из главных проектов АСЕАН, и планов такого рода в столицах АСЕАН пока не имеется. В декларации Восточноазиатского саммита 2005 г. подчеркивалось, что основой строительства сообщества будут только участники формата АПТ. Поэтому речь может идти только о потенциале интеграционной активности в рамках ВАС, который должен рассматриваться в качестве резерва географического роста АСЕАН в будущем.

Таким образом, сегодня интеграционное начало в регионе наиболее ярко

³⁹ Мухеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001

⁴⁰ The Bogor Declaration. Bogor, Indonesia. 15 November 1994. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html.

⁴¹ Федотов В. П. Становление и развитие Восточноазиатского сообщества как интеграционного объединения в АТР // Аналитические обзоры РИСИ. 2007. № 1 (10).

представлено в многостороннем варианте АСЕАН и производными от него АПТ, а также на двустороннем уровне — американо-японским комплексом взаимодействий. Что касается АТЭС, то, хотя он теоретически представляет собой альтернативный интеграционный процесс, фактически в этом качестве не работает, а является в лучшем случае многосторонней консультативной площадкой для развития регионального общения и сотрудничества, но на традиционной неинтеграционной основе.

Модель расширения сферы восточноазиатской интеграции в 1990-х — 2000-х годах уместно представить как конкуренцию двух тенденций — азиатской, представленной АСЕАН и производными от него форматами, и тихоокеанской, воплощенной в форуме АТЭС. Первая олицетворяет идею более медленного, избирательного и ограниченного сближения преимущественно на азиатской основе. Вторая — широкой интеграции с теоретически не ограниченным участием неазиатских стран. Эти процессы внешне напоминают то, как в Западной Европе в 1950-1970-х годах боролись между собой идеи континентальной и евроатлантической интеграции.

При этом идея «азиатизма», то есть доктрины, постулирующей необходимость развивать «строго региональную» группировку без участия или вмешательства западных стран, оставалась вдохновляющей идеей восточноазиатской интеграции с момента возникновения первых интеграционных проектов в 1960-х годах.

Важно, что в Восточной Азии, как и в ЕС, процесс сближения идет с «переменной» скоростью. Интеграционный процесс в восточноазиатском варианте, в отличие от западноевропейского, отличается медлительностью, осмотрительностью. Спады интеграционной активности в силу исходно низкой скорости интеграционного движения не кажутся кризисами. В Восточной Азии интеграционное сближение происходит в большем соот-

ветствии с местной конкретикой — мерой готовности или неготовности местных стран сближаться друг с другом, не конфликтуя. Очевидно, что скорость интеграции в АТР строго соизмеряется с ритмами восточноазиатской истории *точно так же*, как Евросоюз развивался темпами, которые ему задавал общий ход истории послевоенной Европы.

С точки зрения структуры интеграционного поля восточноазиатский регионализм представляет собой подобие системы концентрических кругов. Внутренний круг образует первоначальная пятерка АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд), второй круг — АСЕАН «в формате десяти» (в дополнение к перечисленным — Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам), третий круг — «АСЕАН+3» (Китай, Южная Корея, Япония). Внешний круг образует консультативная система Восточноазиатского саммита, целью которого является подготовка почвы для создания Восточноазиатского сообщества в составе АСЕАН+3, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии. Фактически в организационном отношении, а также в немалой мере и политически, страны АСЕАН сегодня играют в регионе роль, приблизительно сходную с той, которую играло ЕЭС в Западной Европе с середины 1960-х годов. При этом инициатива АТЭС, на которую в 1990-х годах в свете глобальной либерализации торговли и внимания к концепции открытого регионализма возлагали особые надежды, фактически исчерпал свой изначальный интеграционный потенциал. Интеграция после непродолжительного зигзага в сторону экстенсивного расширения вновь вернулась в региональное русло формата «АСЕАН плюс Три».

5

В экономическом смысле современный Европейский Союз представляет собой неравномерно интегрированный комплекс, в котором анклав с высоким уровнем сращивания (общая сель-

скохозяйственная, рыболовная политика), гармонизации (макрэкономическая политика в границах всего ЕС) и централизации принятия решений (страны «еврозоны») соседствуют с секторами низкой степени интегрированности (национально-специфические, ремесленные производства) и даже с теми, где возможен эффект дезинтеграции (социальная политика, налоговое законодательство). Асимметричность интеграции была связана как с периодическими этапами расширения, углублявшими внутреннюю неоднородность ЕС, так и с цикличностью мировой конъюнктуры. В период спадов степень конвергенции стран снижалась, а региональные диспропорции возрастали.

Главной тенденцией экономической интеграции в ЕС является переход от поверхностной интеграции к глубокой, от секторальной — к комплексной и от «негативной» — к «позитивной». Принцип постепенности западноевропейской интеграции к настоящему времени принял вид следующей схемы: от таможенного союза и общего рынка товаров — к единому внутреннему рынку со свободным движением товаров, услуг, капиталов и лиц — затем к экономическому и валютному союзу. Феноменологическую уникальность экономической интеграции в ЕС придает ориентация на *общие* структуры, *общие* политики, *общее* правовое пространство. В этом ее отличие от философии свободной торговли, которой проникнуты учредительные парадигмы некоторых других интеграционных групп (НАФТА, ЕАСТ, АТЭС). С точки зрения создателей ЕЭС, единый хозяйственный комплекс остается неполным без синхронизации внутриэкономической политики стран-членов. Исходные фазы интегрирования национальных экономик (зона свободной торговли и таможенный союз) — только первые шаги на пути к более глубокой конвергенции хозяйств, где даже общий рынок предстает лишь промежуточным звеном. *Установка на тотальное, квазигосударственное интегрирование,*

при котором экономики государств-членов начинают сопрягаться подобно внутригосударственным регионам, остается базовым элементом экономической интеграции в ЕС.

В Восточной Азии опыт реальной, «низовой» интеграции на уровне отдельных фирм и корпораций как в рамках отраслей, так и в процессе создания сложных готовых изделий опережал сближение на межгосударственном уровне, предполагающем институционализацию интеграционных взаимодействий.

Наиболее заметный период роста внутрирегиональной торговли отмечен в 1980-х годах⁴², достигнув к концу 2000 годов 55% от общего торгового оборота⁴³. С 1980-х годов к факторам «низовой», «неофициальной» экономической интеграции добавилось развитие международных производительных сетей (МПС) в электронике, станкостроении, автомобилестроении и информационно-коммуникационных технологиях. В конце 2000-х годов на торговлю компонентами готовых изделий данных отраслей приходится большая часть межстрановой торговли в Восточной Азии⁴⁴. В ряде стран АСЕАН речь идет об абсолютном преобладании торговли компонентами в общей структуре коммерческих связей. Для Малайзии, Филиппин и Сингапура этот показатель превышает 50%, для Таиланда — 35%⁴⁵. (В Китае и Вьетнаме этот показатель сравнительно низок (18 и 9% соответственно),

⁴² Das D.K. Structured regionalism in the Asia-Pacific: slow but sure progress // Asia Pacific Viewpoint. Vol. 45. No. 2. P. 217–233.

⁴³ В том же году аналогичный показатель для НАФТА равнялся 43%, а для ЕС — 65%. См.: Christopher M. Dent. East Asian Regionalism. London and New York: Routledge, 2008. P. 43.

⁴⁴ В 2003 г. объем торговли деталями сложного оборудования на принципах внутриотраслевой специализации и кооперирования составил 140 млрд долл. США. Christopher M. Dent. East Asian Regionalism. London and New York: Routledge, 2008. P. 44.

⁴⁵ International Production Networks in Asia: Rivalry or Riches? / Borrus M., Ernst D. and Haggard S. (eds.). London: Routledge, 2000.

однако растет быстрыми темпами.) Восточная Азия зависит от торговли компонентами готовых товаров гораздо больше, чем другие очаги интеграции⁴⁶, что свидетельствует о более глубоком ее вовлечении в межотраслевую интеграцию на межстрановой основе.

В литературе много написано о «функциональной интеграции» в Восточной Азии, под которой понимается сращивания систем поставок, производства и распределения на основе внутри- (реже меж-) фирменного разделения труда (функций) в рамках единого технологического процесса. Исходно (в 1980-х годах) необходимость функционально интегрированных производств преследовала цели повышения или сохранения рентабельности в силу различия в стоимости факторов производства в разных странах⁴⁷. Однако со временем инвесторы стали ориентироваться не столько на учет издержек, сколько на качество ресурсов — квалификацию персонала, управленческие навыки, техническую вооруженность, транспортную и иную логистическую инфраструктуру. Принимая во внимание запросы инвесторов, страны в конце 1980-х годов стали конкурировать за капиталовложения, повышая качество требуемых условий производства. Эти соображения легли в основу экономической политики большинства стран Юго-Восточной Азии. Помимо соображений рентабельности и качества ресурсов, к созданию МПС крупные компании толкает важное с точки зрения современной экономической системы понятие распределения (и минимизации) корпоративного риска. Этим объясняется частое дубли-

рования функций разных элементов сети или каналов снабжения и сбыта. Фактически отдельные сегменты сети способны функционировать в автономном режиме в случае выхода из строя ее отдельных звеньев (вследствие разнообразных политических рисков), обеспечивая стабильный приток прибыли.

С конца 1990-х годов Восточная Азия вышла на лидирующие позиции среди регионов мира с точки зрения концентрации международных производственных сетей⁴⁸. Инициатором этой модели международного разделения труда в Восточной Азии была Япония, которая в 1960-х годах стала проводить инвестиционную экспансию в регионе — сначала в Южной Корее и на Тайване, а затем в странах АСЕАН. Эта стратегия сопровождалась перенесением в развивающиеся страны трудоемких производств (текстильная промышленность и базовая электроника)⁴⁹. К середине 1970-х годов на японские компании приходилось 70% прямых иностранных инвестиций в Южной Корее, за счет которых создавалась четверть национального валового продукта. На японские компании приходилась около половины тайваньского экспорта⁵⁰. Окрестив Сингапур, Южная Корея, Тайвань и Гонконг (азиатские тигры первой волны) сами стали проводить активную политику инвестирования в регионе, раскрутив таким образом механизм мультипликации экономического роста, ранее запущенный Японией.

Страны региона продвинулись далеко вперед в развитии новых средств связи. По данным статистико-аналитического агентства «Телегеография», с 2000 по

⁴⁶ В 2000 г. для Восточной Азии — 32% в экспорте и 35% в импорте, для НАФТА — 28% и для ЕС 22% и 20% соответственно. См.: Major Trade Trends in East Asia. Policy Research Working Paper 3084. Washington : World Bank, 2003.

⁴⁷ Giroud A. Foreign direct investment and the rise of cross-border production networks in Southeast Asia / The Future of Foreign Investment in Southeast Asia / N.J. Freeman and F.L. Bartels (eds.). London : Routledge, 2004.

⁴⁸ Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N. and Yeung H.W.C. Global production networks and the analysis of economic development // Review of International Political Economy. Vol. 9. 2002. No. 3. P. 436–464.

⁴⁹ Tachiki D. Between foreign direct investment and regionalism: the role of Japanese production networks // Remapping East Asia: The Construction of a Region / T.J. Pempel (ed.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 2005.

⁵⁰ Ibid.

2005 г. объем телефонного «трафика» между жителями региона удвоился, а между отдельными странами даже утроился. Эта тенденция особенно характерна для пар: материковый Китай — ОАР Гонконг, КНР — Тайвань, Япония — Филиппины, Малайзия — Сингапур, Гонконг — Индонезия и Индонезия — Тайвань. За наблюдаемый период был зафиксирован перепад внутрирегиональных коммуникаций над коммуникациями с внерегиональными абонентами, причем данный разрыв тяготеет к увеличению⁵¹.

Другими словами, переплетение экономик, идущее снизу вверх под действием частнопредпринимательской инициативы и развертывающееся в форме интернационализации производственного капитала, в Восточной Азии предшествовало формальной интеграции с присущими ее регламентирующими институтами, и стимулировало ее.

Во многом как реакция на опыт низовой интеграции, который «следовало» подкрепить межправительственными соглашениями, на третьем саммите АСЕАН в Маниле в 1987 г. был принят пятилетний план доведения торговых преференций до 90% внутрирегиональной торговли⁵².

С 2003 г. начала функционировать зоны свободной торговли АСЕАН. По состоянию на конец 2009 г. средневзвешенный тариф в рамках АСЕАН составляет менее 3%. В момент подписания Соглашения по общему преференциальному тарифу он достигал 14%⁵³.

Таким образом, к началу XXI века был в основном осуществлен проект зоны свободной торговли товаров АСЕАН. Она стала функционировать в полном объеме в отношении 6 стран с общей численностью населения 415 млн. человек, и частично в отношении стран, которые долж-

ны окончательно влиться в ЗСТ в 2012 г. (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма). К 2006 г. государства АСЕАН-6 снизили тарифы по 99,5% товарных позиций до требуемого диапазона (0–5%), а АСЕАН в составе всех 10 членов (АСЕАН-10) — по 90% товарных позиций⁵⁴. Совокупный ВВП стран — участниц АЗСТ составил 2 трлн. 800 млн долларов США. Создав ЗСТ между собой, члены АСЕАН в еще большей степени укрепили свои позиции ядра восточноазиатского экономического сближения, индуцируя интеграционные тенденции вокруг себя.

Значимым направлением интеграции в АСЕАН служила Инициатива интеграции в АСЕАН (ИИА), выдвинутая в ноябре 2000 года. Ее целью было сгладить асимметрии в уровне жизни между разными странами АСЕАН и между регионами внутри стран. В отличие от других инициатив, сопровождавших реализацию проекта Зоны свободной торговли АСЕАН (как, например, Инвестиционная зона АСЕАН или Механизм промышленного сотрудничества стран АСЕАН), от которых выигрывали в основном исходно более развитые государства, ИИА была нацелена на преодоление разрыва, углублявшегося в процессе либерализации асеановского экономического пространства. Концепция ИИА создавалась по аналогии с идеей «сплочения» ЕЭС и по форме реализации отдаленно напоминает систему выравнивания региональных диспропорций, организованную вокруг Структурных фондов Европейского Союза.

Однако если в ЕС структурные фонды наполняются из бюджета Союза, складывающегося из взносов государств-членов и собственных средств ЕС, то в АСЕАН инициатива интеграции в АСЕАН подкрепляется целевыми взносами шестерки АСЕАН (63%) и 11 стран-партнеров по диалогу с АСЕАН⁵⁵. Общая сумма

⁵¹ URL: www.telegeography.com

⁵² См.: Bowles P. ASEAN, AFTA, and the new regionalism // Pacific Affairs. Vol. 70. No. 2. 1997. P. 219–233.

⁵³ Источник: ASEAN Secretariat official website. The ASEAN Free Trade Area Update. URL: <http://www.aseansec.org/7665.htm>.

⁵⁴ URL: www.aseansec.org/13100

⁵⁵ 85% фондирования из внешних (внерегиональных) источников приходится на Южную Корею, Японию, Индию, Норвегию и ЕС.

фондирования по состоянию на 2008 г. — 45,1 млн долларов. К сентябрю 2006 г., в соответствии с рабочим планом, одобренным в 2002 г., инициировано 132 проекта, находящихся на разных стадиях готовности, из них 19 направлены на развития инфраструктуры (11 — транспортной, а 8 — в сфере энергетики), 48 связаны с улучшением качества кадрового потенциала отстающих стран⁵⁶. *Растущее желание интеграционного процесса в ЮВА может восприниматься свидетельством его перспективности.*

Успех в деле запуска ЗСТ позволил повысить планку интеграционных задач. Для оценки результатов и перспектив интеграции в ЮВА была создана Восточноазиатская группа планирования (своеобразный аналог комиссии Спаака в середине 1950-х годов в Западной Европе), которая в 2001 г. представила подробный план перехода к объединению отдельных направлений интеграционной деятельности (ЗСТ, сфера услуг, зона инвестиций) в единый интеграционный комплекс в форме Экономического сообщества АСЕАН (АЭС), предпосылки которого были сформулированы в Ханойском плане действий 1998 г.⁵⁷ При формировании АЭС страны АСЕАН должны иметь в виду решение двух неразрывно связанных друг с другом задач: уменьшение разрыва в развитии в субрегионе (укрепляя тем самым потенциал ИИА) и дальнейшее углубление региональной экономической интеграции⁵⁸. Экономическое сообщество предполагало наличие единого рынка со свободным перетоком товаров, услуг, людей и капи-

талов во всей Юго-Восточной Азии с целью «превращения АСЕАН в стабильный, процветающий и конкурентоспособный экономический регион», основанный на целях «справедливого экономического развития, борьбы с бедностью и устранения социально-экономического неравенства»⁵⁹.

В рамках Экономического союза АСЕАН предполагается расширение сферы действия зоны свободной торговли товарами через увеличение списка товаров, подлежащих либерализации, и сокращение числа изъятий и дополнение ее за счет либерализации сферы услуг (Зона свободной торговли услуг АСЕАН) и капиталов (Инвестиционная зона АСЕАН), создавая для этого новые механизмы регуляции и контроля. Согласно решениям Балийского саммита 2003 года, создание АЭС должно быть завершено к 2020 году, однако на конференции министров экономики стран АСЕАН 2004 г. была названа новая дата — 2015 год.

Рассмотренная через призму содержания Балийской декларации в целом, АЭС предстает «экономической опорой» Сообщества АСЕАН, двумя другими опорами которого оказываются Сообщество безопасности АСЕАН и Социально-культурное сообщество. Их появление также намечено на 2020 г.

В целом под оболочкой АЭС был впервые изложена целостная программа региональной экономической интеграции, разные положения которой до этого были рассредоточены среди десятков отдельных соглашений. По форме Балийская декларация согласия 2003 г. имела все признаки структурированной доктрины экономического развития региона, характеризующейся перечислением предлагаемых мер, сроков их исполнения, очередностью целей и соподчиненностью приоритетов, что позволяет считать ее функциональным аналогом Римского договора в ЕС.

⁵⁶ На сайте АСЕАН приводятся данные о том, что к середине 2009 г. финансирование получено под реализацию 124 проектов (более 90% об общего числа, из них 89 были завершены, 26 — находятся на стадии реализации, а 9 — на стадии разработки).

⁵⁷ Ha Noi Plan of Action. Ha Noi, 15 December 1998.

⁵⁸ Ferguson J.R. ASEAN Accord II: policy prospects for regional participant development // Contemporary Southeast Asia. Vol. 23. 2004. No. 3. P. 393–415.

⁵⁹ Declaration ASEAN Accord II (Bali Accord II). Jakarta : ASEAN Secretariat, 2003.

Важно отметить, что уже в момент разработки проекта Экономического сообщества АСЕАН в конце 1990-х годов оно было исходно рассчитано на фактическое вхождение в поле интеграционных усилий АСЕАН трех привилегированных партнеров из Северо-Восточной Азии — Китая, Южной Кореи и Японии, образовавших формат «АСЕАН плюс Три» (АПТ)⁶⁰. В декабре 1998 г. наряду с одобрением Ханойского плана действия лидеры АСЕАН приняли Заявление о решительных мерах⁶¹, где они подчеркнули «неразрывность экономических судеб АСЕАН и стран Северо-Восточной Азии».

В названии Экономического сообщества АСЕАН, очевидно, отразилось ставшее традиционным для стран группировки стремление выступать в интеграционных процессах как коллективный игрок, тем самым нивелируя свои слабые стороны при взаимодействии с более сильными государствами. Характерно, что страны Северо-Восточной Азии, понимая смысл попыток АСЕАН повсеместно утвердить свои «титульные» и организационно-процедурные преимущества, довольно безболезненно принимают эти правила игры, по-видимому, полагая, что экономические преимущества от преференциального взаимодействия превышают элементы ущемления престижа, с которыми сопряжено интеграционное сотрудничество со странами АСЕАН на асеановских же условиях.

Первый саммит АПТ прошел в декабре 1997 г. в составе всех лидеров АСЕАН, а также Китая, Южной Кореи и Японии. Хотя со временем спектр поднимаемых на саммитах АПТ проблем включил вопросы борьбы с инфекционными заболеваниями (атипичной пневмонией, птичьим гриппом), продовольственной безопасности и формирования вос-

точноазиатской идентичности, главным в деятельности АПТ по-прежнему остается (1) сращивание финансовых рынков стран Восточной Азии, (2) формирование общих регулирующих механизмов для повышения их управляемости и стабильности и (3) превращение финансовой сферы в дополнительный источник ускорения экономического развития в регионе через более эффективную мобилизацию капитала и перетока инвестиций.

На саммите АПТ в Маниле в ноябре 1999 г. в дискуссиях впервые прозвучала идея становления единого экономического комплекса в Северо-Восточной Азии с участием Японии, Южной Кореи и Китая и его последующего объединения с АСЕАН. На встрече в Сингапуре в 2000 г. она воплотилась в проект создания единой зоны свободной торговли в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Важно иметь в виду, что *экономическое сообщество в формате АСЕАН+3, в случае реализации этой идеи, возникнет в результате слияния индивидуально-групповых соглашений о ЗСТ между АСЕАН, с одной стороны, и каждым из трех привилегированных партнеров из СВА (Китаем, Японией и Южной Кореей) и самого Экономического сообщества АСЕАН. Пользуясь европейскими аналогиями, это будет означать простое расширение АСЕАН еще на 3 страны.*

В настоящее время финансовая интеграция в рамках АПТ реализуется в трех основных формах — Чианг-Майская инициатива (ЧМИ), инициатива азиатского рынка облигаций (АОРИ) и инициатива азиатской денежной единицы (АКЮИ).

Сказанное позволяет уточнить отличительные черты восточноазиатской экономической интеграции. *Во-первых*, как представляется, в отличие от ЕС, где формально-правовые условия интеграции экономик созданы, а реальное желание к этому со стороны бизнеса запаздывает, в Восточной Азии интеграция была производной от заинтересованности бизнеса в экономической экспансии, которое было возможным на путях включения в про-

⁶⁰ Mahani Z.A. ASEAN integration: at risk of going in different directions // The World Economy. Vol. 25. 2002. No. 9. P. 1263–1277.

⁶¹ Statement on Bold Measures, Ha Noi. 15 December 1998.

изводственно-распределительные цепочки как можно большего числа государств региона. Она протекала часто «помимо» и вопреки отсутствию межгосударственных двусторонних и многосторонних мер интеграционного характера. Отчасти этому способствуют факторы, которые обычно относят к факторам, затрудняющим интеграционное строительство, — несовпадение уровней развития (разница в стоимости трудовых и иных ресурсов, которая побуждает ТНК создавать производственные ячейки сразу в нескольких государствах, вовлекая их в единый хозяйственный процесс) и низкая эффективность государственного аппарата.

Во-вторых, в ЕС к моменту начала интеграции страны Западной Европы завершили процесс национальной консолидации. В них сложились относительно самодостаточные хозяйственные комплексы, стремящиеся к обособленности на основе внутреннего спроса и ориентированного на него предложения — с развитой промышленностью, транспортной инфраструктурой и системой социального обеспечения. В рамках этих систем государство сохранило сильные контрольно-распределительные функции. В Восточной Азии единственной страной, достигшей уровня национальной зрелости, была Япония, осуществившая модернизацию к концу XIX — началу XX века. Другие же страны сразу, не окрепнув, оказались включенными в тренды интернационализации производства. Слабое государство не смогло в этих условиях завершить процесс «экономического нацистроительства», а многие отрасли довольно быстро оказались «подчинены» интересам крупных ТНК, многие из которых базировались в Японии, Южной Корее, Китае, содействуя стягиванию региона в единый производственный комплекс, на который рассчитывают лидеры стран АСЕАН.

В-третьих, в Западной Европе отчетливо прослеживается строгая очередность этапов в сращивании хозяйств, ставшая

в литературе 1960–1970-х годов «классической». Там интеграция в торговле предшествовала интеграции в сфере финансов и особенно валютного обращения. В Восточной Азии, вероятно, в силу наложения на ускорившиеся интеграционные процессы глобализации мировых рынков капитала, интеграция в торговле хотя и опережала все другие, но вскоре стала развиваться параллельно с валютно-финансовой интеграцией, которая со временем, особенно в свете кризиса 1997–1998 гг., превратилась в главный акцент усилий восточноазиатских государств в деле сближения их экономик.

В-четвертых, если в ЕС валютно-финансовую интеграцию предваряло создание полноценного таможенного союза с возведением единого тарифного барьера по периметру внешних пределов сообщества, а фаза зоны свободной торговли оказалась «смазанной», то в Восточной Азии этап создания таможенного союза пока себя не обозначил. Миновав его, страны сразу приступили к созданию ЗСТ с внегрупповыми странами и шагнули к этапу валютно-финансовой координации.

По-видимому, этап таможенного союза оказался менее востребован в Восточной Азии, потому что здесь действуют более жесткие правила определения происхождения товаров, благодаря чему резко снижена возможность злоупотребления на реэкспорте товаров⁶².

В-пятых, природа договорно-правовой базы складывающегося экономического сообщества АПТ носит комбинированный, индивидуально-групповой характер. Это означает, что страны АСЕАН заключают соглашения по формуле «10 + 1» в качестве коллективного субъекта. На сегодняшний день такое согла-

⁶² Общее правило заключается в том, что как минимум 40% компонентов товара от общей стоимости товара должны быть произведены в странах АСЕАН, причем в эти 40% могут входить детали, произведенные в разных странах. При этом общая стоимость товара включает стоимость сырья, оплату труда, прибыль и транспортные расходы.

шение подписано только с КНР (2002), причем пока — только в сфере торговли товарами и с Республикой Корея (2006). Создание экономического сообщества в рамках АСЕАН+3 вряд ли состоится раньше начала работы Экономического сообщества АСЕАН, намеченного на 2015 г. Вот почему темпы и качество интеграции внутри «десятки» должны опережать интеграцию в более широком масштабе региона.

В-шестых, следует подчеркнуть еще одну важную черту парадигмы экономической интеграции в Восточной Азии, ее *асинхронность* и *многоуровневость*. Экономическая интеграция в Восточной Азии проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В рамках наиболее консолидированного ядра — АСЕАН-6 речь идет о функционировании зоны свободной торговли, ставятся задачи о единой зоне услуг и инвестиций. На уровне внешней оболочки — АСЕАН в формате «АСЕАН + Три» и решаются задачи финансовой координации. Как и в ЕС, более глубокая степень интегрирования в ЮВА отмечается на уровне ядра, однако и в нем степень участия стран различна, поскольку в этой части мира интеграция имеет не сплошной, как в ЕС, а очаговый характер. В Европейском Союзе периодическое возникновение очагов нивелируется фактором единого правового пространства.

6

С точки зрения управления интеграционными процессами существенно следующее наблюдение. В «АСЕАН плюс Три» и в ЕС механизм принятия ключевых интеграционных решений работает типологически схожим образом. Главную роль в них играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. В ЕС — это Европейский совет, а в Восточной Азии — регулярные саммиты глав государств и правительств. Сфера компетенции наднациональных органов в Евросоюзе охватывает в основном самые «технократические» сферы — отношения

экономического и научно-технического характера. Государства ЕС неохотно следуют наднациональной процедуре принятия решений⁶³. Многие вопросы реального делегирования суверенитета по-прежнему решаются путем межправительственных согласований. В Азии более сложная картина. На фоне продолжительной и трудной борьбы за суверенитет в политике сама эта мысль не получает поддержки. В Восточной Азии идея ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень подсознательно связывается с «реанимацией колониализма». *Идеал Восточной Азии — не универсальная, а избирательная, не максимальная, а дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств*. Местные страны готовы частично и постепенно делегировать органам межгосударственного сотрудничества и координации некоторые из своих экономических полномочий в отдельных, секторальных вопросах, но вряд ли, насколько можно пока судить, — политическую власть. Стратегия регионального сотрудничества причудливо совмещается в мышлении лидеров восточноазиатских стран с образом сильного государства. Продолжая шаги в направлении к взаимному экономическому сближению, восточноазиатские страны применяют для его характеристики слово «регионализм». При этом оно употребляется в том же значении, что и слово «интеграция» в применении к ЕС. В обоих случаях имеется в виду преференциальное сближение для достижения общих целей.

Типологическое своеобразие демонстрирует подход восточноазиатских лидеров в процедурно-языковом вопросе. Он поражает прагматизмом. Согласно формальной логике прохождения ста-

⁶³ Согласно официальной статистике Комиссии ЕС, несмотря на то что простое и квалифицированное большинство определены базовыми договорами в качестве основных методов голосования, около 80% решений в Совете принимается консенсусом.

дий насыщения государственным суверенитетом, именно незападные, а точнее — неевропейские, государства должны были настаивать на использовании всех языков в статусе официальных. Это закономерно — ведь они не трактуют демократию и демократичность как уважение прав меньшинств, даже если это ведет к ущемлению прав большинства. Как представляется, то, что обычно принимается за культурно-языковую идентичность Европейского Союза, скорее всего, является на деле его политической идентичностью, так как с точки зрения критериев целесообразности и административно-процессуальной эффективности практика перевода на более чем два десятка языков, скорее, замедляет, нежели упрощает интеграцию в Европе. В Азии базис идентичности, как и в Европе, более мотивирован политически, чем культурно, но в Европе упоенность идеями политической свободы и своим превосходством над другими частями мира вылилась в подчеркнуто почтительное отношение к языкам и локальным культурам малых этнических групп. В Восточной Азии основной региональной идентичности были не столько культура, сколько исторически утраченные политические комплексы, чувство солидарной обиды за унижение и подчиненное положение Азии в XIX—XX вв. Эти политические представления, так же как и идея превосходства возвращенной в Европе либерально-демократической философии, доминировали при реализации интеграционных проектов. Но в отличие от Европы из них вырос не болезненный интерес к собственной разности, а ощущение острой потребности найти прагматические формы претворения своей региональной солидарности как солидарности азиатских государств, имеющих общую (печальную) историю «против всех остальных».

* * *

Сопоставление восточноазиатской интеграции с процессами в зарубежной

Европе осложняется их асинхронностью. В Восточной Азии интеграционные тенденции зародились на 15–20 лет позднее, чем в Западной Европе, и даже с учетом фактора «сжатия времени», ускорения плотности истории и гипотетической возможности повторения опыта западноевропейцев они либо находятся на более ранней стадии развития либо воплощаются в нарушение очередности этапов интеграции в ЕЭС/ЕС. В этом смысле любые попытки синхронного, «симметричного» сравнения восточноазиатской интеграции с аналогичным опытом ЕС аналитически вряд ли корректны и уж точно малопродуктивны. Более того, само понятие «интеграция» быстро и существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым «европейского интеграционного канона». Траектории интеграции вбирают в себя опыт неевропейских интеграционных очагов, и в этом смысле даже интеграция в ЕС становится «менее европейской» или, в всяком случае, менее западноевропейской, если иметь в виду исходные интеграционные представления и сформулированные в конце 1950-х годов правовые нормы.

Тем не менее анализ интеграционных процессов в свете результатов сравнительно-аналитического исследования опыта интеграции в Европе и Азии дает возможность подчеркнуть наличие черт существенного типологического сходства в развитии интеграционных группировок на пространстве Европейского Союза и в Восточной Азии.

Сходство прослеживается в (1) наборе исходных мотиваций, среди которых важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков; (2) в установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам; (3) усилиях по созданию сим-

волов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем; наконец, в (4) механизме управления ин-

теграционным процессом, для которого в обеих сравниваемых группировках характерен акцент на преобладании *меж*правительственного подхода к принятию главных решений.

РОССИЙСКАЯ МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ В СИСТЕМЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Михоко Като

Введение

Одно из главных отличий между Советским Союзом и Россией в плане внешнеполитической линии в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона заключается в том, что Россия обеспечила себе возможность участвовать в процессе принятия решений по вопросам региональной безопасности и экономических проблем в АТР, вступив в Региональный форум АСЕАН¹ по безопасности (АРФ) и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС). Кроме того, Россия выступила одним из основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 г. и с 2003 г. принимает участие в процессе шестисторонних переговоров по вопросу о северокорейской ядерной программе. Таким образом, многосторонняя дипломатия представляет собой один из основных элементов российской внешней политики в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона после завершения холодной войны.

В отличие от Советского Союза Россия недостаточно сильна, чтобы гарантировать в долгосрочной перспективе собственную безопасность от рисков региональной нестабильности или потенциальных угроз, связанных с подъемом

других основных азиатских держав, особенно Китая². Россия неизбежно пришла к заключению, что ее безопасность в АТР является частью более масштабного экономического режима и режима безопасности. Данная статья нацелена на то, чтобы, уделяя основное внимание процессу, посредством которого Россия была принята в существующие региональные форматы сотрудничества другими государствами-участниками, показать беспрецедентное значение основных держав Северо-Восточной Азии, равно как и стран Юго-Восточной Азии для дальнейшего развития российской многосторонней дипломатии.

Дж. Г. Рагги определил многостороннюю дипломатию как «институциональную форму координации отношений между тремя и более государствами на основе общих принципов поведения». Эти принципы «устанавливают соответствующее поведение для некоей категории действий, безотносительно конкретных интересов сторон или стратегических требований, которые могут существовать в любой специфической обстановке»³. То есть общие принципы, разделяемые тремя и более государствами на основе

¹ Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Основана в 1967 г. пятью государствами (Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом) с целью добиться улаживания разногласий в регионе в контексте индонезийско-малайзийской конфронтации. Бруней Даруссалам присоединился к организации в 1984 г., Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г. и Камбоджа в 1999 г.

² Robert Legvold, «Russia and the Strategic Quadrangle», in Michael Mandelbaum eds., *The Strategic Quadrangle: Russia, China, Japan and the United States in East Asia*, (N.Y.: A Council on Foreign Relations Book, 1995), p.45

³ John Gerald Ruggie, «Multilateralism: The anatomy of an Institution», in John Gerald Ruggie ed., *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form*, (N.Y.: Columbia University Press, 1992), p.11.

неотъемлемых ценностей, применяются ко всем участникам без какой-либо дискриминации, а проистекающие из этого права, обязанности и преимущества распределяются между ними в равной степени. Согласно данному определению в АТР невозможно назвать института многосторонней дипломатии, охватывающего весь регион, как, например Европейский Союз и НАТО. Однако на субрегиональном уровне АСЕАН успешно расширила свой диапазон до размеров Юго-Восточной Азии, включив в свой состав Вьетнам, Лос, Мьянму и Камбоджу, и пригласила такие социалистические страны и страны с переходной экономикой, как Китай, Россия, Индия, Монголия и Северная Корея, вступить в многосторонний диалог по вопросам региональной безопасности и экономики. «Путь АСЕАН» представляет собой общие принципы многостороннего сотрудничества в регионе, которые формировались вместе с развитием АСЕАН с 1967 г. Наиболее отличительные черты сотрудничества в рамках АСЕАН — «консенсусное принятие решений», «невмешательство в дела друг друга», «урегулирование разногласий и споров мирными средствами» и «сотрудничество на основе равенства, недискриминационного подхода и взаимной выгоды» — были подтверждены участниками АСЕАН в Декларации о создании зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН, 1971), Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976) и Декларации Согласия АСЕАН (1976).

После азиатского финансового кризиса 1997 г. экономическое сотрудничество было подкреплено двусторонним Соглашением о зоне свободной торговли и Соглашением об экономическом партнерстве АСЕАН с Китаем, Южной Кореей и Японией. Недавно эти страны начали предпринимать попытки создать Восточноазиатское сообщество. Россия также выражает желание стать участником Восточноазиатского саммита. Наиболее важный критерий, которому должна

соответствовать Россия в этом отношении, — это наличие «устойчивых связей с АСЕАН». Президент В. Путин наращивает политические отношения с АСЕАН с конца своего первого президентского срока. В последние годы Россия повысила уровень своих отношений с АСЕАН, подписав в 2004 г. Договор о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и приняв участие в первом инаугурационном саммите Россия — АСЕАН (2005). Для того чтобы стать полноценным членом Азиатско-Тихоокеанского региона, России необходимо расширять экономические связи со странами не только Северо-Восточной, но также и Юго-Восточной Азии.

Принятие в АСЕАН во второй половине 1990-х годов бывших союзников СССР в Индокитае не вызвало в России эмоций подобных тем, что были спровоцированы решением НАТО расширяться за счет стран Центральной и Восточной Европы. Наоборот, российская дипломатия предполагала стимулировать диалог и сотрудничество с АСЕАН в расширенном составе⁴. Считалось, что сотрудничество России с АСЕАН с конца 1990-х годов и вхождение в АТЭС в 1998 г., где Россия предпринимала попытки восстановить свои позиции в качестве великой державы в Азии, было результатом расширения НАТО в Европе⁵. Действительно, российская многосторонняя дипломатия в отношении саммитов, возглавляемых АСЕАН, основывалась на мышлении баланса сил⁶, однако лишь в немногих исследованиях предпринималась попытка анализа качественных аспектов российской многосторонней дипломатии в АТР.

Несмотря на то что создание системы коллективной безопасности в Азии неоднократно предлагалось Н.С. Хрущевым и

⁴ Сумский В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. №4. С.64

⁵ Saito Motohide. *Rushia no Gaiko Seisaku*, (Tokyo: Keiso Shobo, 2004), p.12

⁶ Сумский. Юго-Восточная Азия. С.64

Л.И. Брежневым, подобная идея так и не была реализована в годы холодной войны. Поскольку основная цель предложения рассматривалась как конфронтация с существующим военным союзом США и Азиатско-Тихоокеанских государств и создание военного союза во главе с СССР для сдерживания Китая, повестка дня безопасности, предложенная Советским Союзом была неприемлема для большинства стран АТР. С конца 1980-х годов Советский Союз, а затем Россия предпринимают попытки интегрировать Сибирь и Дальний Восток в процесс Азиатско-Тихоокеанского регионального экономического сотрудничества посредством внутренних экономических преобразований. В частности, Россия проявила большой интерес к членству в форуме АТЭС, который нацелен на содействие торговле и либерализации инвестиционной деятельности в рамках основных экономик АТР. В экономической области Москва предпринимала попытки присоединиться к уже существовавшим форматам многостороннего сотрудничества. С другой стороны, как заявил Ельцин в ходе визита в Южную Корею в 1992 г., российские приоритеты в области безопасности были сосредоточены в Северо-Восточной Азии, где России приходилось сталкиваться с территориальными вопросами в отношениях с Китаем и Японией и нестабильностью на Корейском полуострове⁷. В том, что касается безопасности, и М. Горбачев, и Б. Ельцин доказывали необходимость конструирования новой многосторонней системы урегулирования конфликтов в Северо-Восточной Азии⁸. Поскольку в существующем режиме безопасности

в регионе доминировали Соединенные Штаты, и присоединиться к подобному режиму можно было только на правах младшего партнера США, Москва до начала 1990-х годов пыталась возглавить процесс создания новых многосторонних институтов в области безопасности.

Однако реальное участие России в формате регионального сотрудничества было реализовано путем присоединения к Региональному форуму АСЕАН в 1994 г. В тот период члены АСЕАН преследовали цель создания нового механизма безопасности с целью противодействовать новым угрозам, возникшим после распада структуры периода холодной войны, в особенности агрессивной политике Китая в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море. Чтобы избежать появления в Юго-Восточной Азии державы-гегемона, странам АСЕАН было необходимо создать систему сотрудничества в области безопасности, которая включала бы все основные державы и бывшие коммунистические страны. В подобном контексте Россия была необходима для построения нового формата в области безопасности. До 1998 г. Россия оставалась вне рамок АТЭС из-за слабых экономических связей с регионом, внутренний социально-экономических проблем и стагнации в переговорах с Японией по территориальному вопросу. В такой ситуации серия встреч АСЕАН, таких как Постминистерские конференции АСЕАН⁹ и АРФ, были единственным местом, где Россия могли присоединиться к процессу создания мер доверия и осу-

⁷ Выступление Б.Н. Ельцина в национальном собрании республики Корея// Дипломатический вестник. 1992. № 12. С.40

⁸ См. речь Горбачева в Владивостоке в июле 1986 («Правда», 29 июля 1986 г.) и речь Ельцина в Национальном Собрании Южной Кореи в ноябре 1992 г. (Выступление Б.Н. Ельцина в национальном собрании республики Корея// Дипломатический вестник. 1992. № 12. С.40)

⁹ Постминистерские конференции АСЕАН представляют собой наиболее важные встречи АСЕАН с участием основных экономических партнеров, названных «Партнерами по диалогу». Они проходят в течение двух дней ежегодно с 1979 г. В течение этого периода проходит и основная встреча между министрами иностранных дел стран АСЕАН, партнеров по диалогу и представителей ЕС, а также индивидуальные встречи между министрами иностранных дел стран АСЕАН и партнеров по диалогу.

шестнадцать контакты со странами АТР на министерском уровне.

В ноябре 1997 г. решение о принятии России в АТЭС было согласовано основными державами, вне зависимости от экономических параметров. В целом принятие России в АТЭС расценивалось как компенсация за расширение НАТО¹⁰. Но, по сути, Россия была принята в АТЭС по «временному» согласию четырех основных держав. Китай и Россия совсем недавно завершили работы по демаркации восточного участка своей границы. Японское правительство было нацелено на нормализацию отношений с Москвой. В отношении принятия России менее крупные члены АТЭС чувствовали себя обязанными следовать в фарватере пожеланий основных экономических держав¹¹. Участники среднего уровня, такие как АСЕАН и Австралия, были обеспокоены тем, что Япония, Китай, США и Россия смогут захватить доминирующие позиции в АТЭС.

В постбиполярный период в АТР во главе системы многосторонней безопасности или попыток создания сообщества, такого как Восточноазиатский саммит, выступали как страны Северо-Восточной Азии, так и АСЕАН. Существуют основания для критики в отношении эффективности и уязвимости механизмов АСЕАН по урегулированию проблем, однако не это является предметом анализа в данном случае. На основе отмеченных фактов, последующие разделы статьи рассматривают, как Россия восприняла и использовала методы АСЕАН.

Россия и АСЕАН в начале 1990-х годов

Дискуссия о национальных интересах

Советский Союз и Россия изначально делали упор на отношения со стра-

нами Запада, уделяя меньше внимания поразительному экономическому прогрессу в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мере того как все отчетливее звучала критика в отношении крайне прозападной внешнеполитической линии, Сергей Станкевич, бывший советник президента, академические круги, связанные со старыми советскими институтами и аналитические центры, занимающиеся изучением азиатских проблем, стали постепенно акцентировать внимание на том, что Азия важна для российской внешней политики¹².

После распада Советского Союза Россия переживала политические и экономические потрясения и находилась в зависимости от западной помощи, предоставляемой для перехода от социализма к рыночной экономике. Первый президент Российской Федерации Борис Ельцин в качестве своего основного внутривнутриполитического приоритета обозначил трансформацию и преобразование российской экономики. И хотя его первый министр иностранных дел Андрей Козырев взял на себя задачу ясного определения базовых принципов российской внешней политики, вопросы национальной идентичности и внешнеполитических приоритетов России стали предметом дискуссий среди политической элиты.

А. Козырев, проработавший шестнадцать лет в Департаменте международных организаций советского Министерства иностранных дел и реализовавший на практике политику «нового мышления» в период правления М. Горбачева, доказывал, что постсоветская Россия могла наилучшим образом защитить государственные интересы, только тесно ассоциируя себя с институтами и политикой индустриально развитых демократий¹³.

¹⁰ Saito Motohide, *Russia no Gaiko Seisaku*, (Tokyo: Keiso Shobo, 2004), p.12

¹¹ John Ravenhill, *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*, (N.Y.: Cambridge University Press, 2001), p.250

¹² Oles M. Smolansky, «Russia and the Asia-Pacific Region: Policies and Polemics», in Stephen J. Blank and Alvin Z. Rubinstein eds., *Imperial Decline: Russia's Changing Role in Asia*, (Durham & London: Duke University Press, 1997), pp.8-9

¹³ Jeffrey T. Checkel, *Ideas and International Political Change: Soviet/ Russian Behavior and*

А. Козырев и его сторонники рассматривали западные демократии как образец для подражания и партнеров России и полагали, что России следует отказаться от иллюзии играть особую роль «моста» между Европой и Азией. Они также считали, что России надо избегать принятия на себя ведущей роли в экономической интеграции или миротворческих операциях Содружества Независимых Государств (СНГ), поскольку реинтеграция российской экономики с участниками СНГ могла бы замедлить экономические реформы и участие в европейских экономических институтах¹⁴. Такая очевидная линия на вестернизацию, осуществляемая Б. Ельциным и А. Козыревым, однако, не встретила одобрения у западных стран и не способствовала привлечению экономической помощи в ожидаемых масштабах. Подобного рода зависимая внешняя политика, служащая целям выпрашивания экономической помощи, не приобрела внутренней поддержки.

Критика западничества (или атлантизма) развернулась в спорах по поводу определения национальных интересов постсоветской России среди официальных лиц в правительстве и в академических институтах с весны — лета 1992 г. Большая часть критически настроенных участников дискуссии придавала слишком большое значение новым границам и новой геополитической обстановке, сложившейся в результате обретения независимости бывшими советскими республиками. Эти «евразийцы» полагали, что приоритетное направление российской внешней политики заключалось в защите интересов российского населения и российского имущества, оставшегося в государствах бывшего Советского Союза. В частности, С. Станкевич доказывал, что Россия представляет собой действительно

отдельное и отличное от Запада государство и обладает особой миссией служить мостом между цивилизациями Запада и Востока. Идея Станкевича заключалась не в отрицании западного мира, но означала поиск сбалансированной внешней политики в отношениях с Западом и Востоком, Севером и Югом. Он полагал, что в отношениях с Соединенными Штатами, Японией и Европой Россия в лучшем случае сможет добиться роли младшего партнера, в то время как со странами второго эшелона в Латинской Америке, Африке, Европе и Азии (Индией, Китаем, государствами Юго-Восточной Азии) шансы были гораздо более существенными¹⁵. Там Россия могла попытаться играть уникальную роль великой державы.

На таком фоне стало очевидным, что международные организации, подобные Советскому Союзу по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), не могли бы играть лидирующей роли в разрешении конфликтов, разразившихся в Приднестровье, Абхазии, Таджикистане, Армении и Азербайджане с осени 1992 г. Учитывая данную ситуацию, атлантизм А. Козырева подвергся суровой критике и был смещен на дипломатический курс по защите российских прав и имущества на территории бывшего Советского Союза (ближнего зарубежья) и улучшению отношений как со странами Запада, так и со странами Восточной Европы, АТР, Африки и Ближнего Востока¹⁶. В подобных обстоятельствах направление российской внешней политики в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона начало постепенно оформляться с середины 1992 г. Первая концепция внешней политики, одобренная Б. Ельциным в апреле 1993 г., заявляла о правах и обязанностях России в ближнем зарубежье и постулировала статус России как великой державы в миро-

the End of the Cold War, (New Haven: Yale University Press, 1997), pp.107-108

¹⁴ Robert H. Donaldson and Joseph L. Noguee, eds., *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests*, (N.Y.: M.E. Sharpe, 2002, 2nd ed.), pp.125-126

¹⁵ Станкевич С. Держава в поисках себя: заметки о российской внешней политике. «Независимая газета» 28 марта 1992 г. С.4.

¹⁶ Козырев А.В. Россия: год минувший и год наступивший//Дипломатический вестник. 1993. № 1-2. С.3-5

вом балансе сил и системе многостороннего контроля над мировой экономикой и международными отношениями¹⁷. В отношении АТР Россия подчеркивала необходимость обеспечить себе независимое положение в региональной политической системе. Для достижения этой цели приоритет отдавался установлению сбалансированных и стабильных отношений с США, Китаем и Японией¹⁸. В этом контексте сотрудничество с АСЕАН считалось полезным с точки зрения полноценного участия в экономических и политических процессах в АТР¹⁹. И хотя в начале 1990-х годов роль Юго-Восточной Азии в российской внешней политике не была четко определена, как отметил тогдашний заместитель министра иностранных дел А. Панов, «державы среднего уровня», как страны АСЕАН, с 1994 г. начали обретать признание в качестве существенных игроков в процессе принятия решений по региональным проблемам в АТР²⁰.

Российский дебют в странах Юго-Восточной Азии

Российские официальные лица и эксперты по внешней политике разделяли точку зрения, что у России в Азиатско-Тихоокеанском регионе есть более привлекательные и значимые партнеры, нежели страны АСЕАН. Российские интересы безопасности в отношении Китая, Японии и Корейского полуострова объяснялись географической близостью. Российские внешнеполитические эксперты признавали, что АСЕАН начинала становиться существенным фактором экономических и политических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно учитывая, что общий объем ВВП АСЕАН превысил

300 млн долл. США в 1992 г. (в 1981 г. эта цифра составляла 208 млн долл. США), а общий объем внешней торговли достигал 140 млн долл. США в 1990 г. (70,1 млн долл. США в 1980 г.). Однако они предполагали, что для России страны— члены АСЕАН всегда будут иметь гораздо меньшее значение, чем Китай и Япония²¹. Вопреки данному предсказанию диалоговые отношения Россия и АСЕАН постепенно эволюционировали с того времени, когда Россия получила статус Партнера по диалогу АСЕАН в июле 1996 г.

Россия была приглашена на 25-ю министерскую встречу АСЕАН в 1992 г. в качестве гостя АСЕАН вместе с Китаем и Вьетнамом²². Перед представителями стран региона А. Козырев заявил о новом российском восприятии сотрудничества в области безопасности в АТР. Ключевые моменты его выступления заключались в следующем:

- Необходимо ограничить масштабы военно-морских учений и отказаться от их проведения в международных проливах и районах морского судоходства и рыболовства.
- Необходимо начать многосторонний диалог по созданию структуры кризисного управления с целью предотвращения роста военной напряженности.
- Необходимо создать международные морские силы для того, чтобы гарантиро-

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации 1992 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002: в 4 томах. Т.4. М., 2002. С.23–27

¹⁸ Там же. С.38–39.

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Доклад А.Н. Панова// Дипломатический вестник. 1994. № 23–24. С.34.

²¹ Николаев Б. Психологический барьер преодолевается // Азия и Африка сегодня. 1993. № 7. С. 47–51.

²² Малайзия предложила одобрить кандидатуры Советского Союза и Китая в качестве диалоговых партнеров АСЕАН и пригласить министров иностранных дел обоих государств на постминистерскую встречу в июле 1992 г. Однако некоторые из членов АСЕАН и уже существующие диалоговые партнеры высказали возражения в отношении данного предложения. Таким образом, СССР и Китай присутствовали лишь на министерских встречах АСЕАН в качестве гостей правительства Малайзии. В 1992 г. статус обоих государств был повышен до уровня гостей АСЕАН. См. Susumu Yamakage, ASEAN Power: Ajia Taiheiyō no Chukaku He, (Tokyo: Tokyo University Press, 1997). P. 296.

вать принцип свободного использования морских пространств (*mare liberum*).

- Россия сохранит за собой военную базу Камрань во Вьетнаме.

- Россия стремится развивать военное и военно-техническое сотрудничество со странами — членами АСЕАН с целью содействия их безопасности²³.

Несмотря на то, что в преддверии Министерской встречи АСЕАН Козырев говорил о необходимости быстрого расширения экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона²⁴, в своей речи он обращался в основном к вопросам безопасности. Как заявлял М. Горбачев в своей Владивостокской речи в июле 1986 г., основной целью России в Юго-Восточной Азии было укрепление экономических связей, однако у России не было козырных карт, чтобы играть активную роль в экономическом сотрудничестве в регионе²⁵. Таким образом, российское внешнеполитическое ведомство выдвинуло политическую линию, нацеленную на получение статуса гаранта безопасности в Юго-Восточной Азии, используя преимущества прошлого, когда Россия была значимой военной державой в Азии, и статус постоянного члена СБ ООН, и отдавая приоритет отношениям в области безопасности перед экономическими связями²⁶.

В то время российские войска фактически выводились с базы в Камрани. Стратегическое значение военной базы в Камрани существенно снизилось пос-

ле того, как М. Горбачев приложил усилия к улучшению отношений с соседними азиатскими странами. В своем выступлении в ООН в декабре 1988 г. он заявил, что частичный вывод войск с базы в заливе Камрань был частью общего снижения советского военного присутствия в Азии и в мире в целом. Бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварнадзе заявил: «Близок день, когда в Азии за пределами Советского Союза больше не будет советских войск»²⁷. Министр иностранных дел Вьетнама также предсказывал, что все советские войска покинут страну к 1992 г.²⁸

В основе изменения политики в отношении морской базы в Камрани лежало несколько факторов. Прежде всего ряд представителей политической элиты настаивал на сохранении бывшего советского военного присутствия в мире так долго, насколько это было возможно. Первое совещание по рассмотрению деятельности Совета Безопасности было созвано 20 мая 1991 г. до выхода Указа о создании Совета Безопасности Российской Федерации, выпущенного президентом Ельциным 3 июня 1991 г.²⁹ Программа национальной безопасности России, подготовленная на совещании, упоминала о необходимости в интересах российской национальной безопасности размещать войска в потенциальных горячих точках мира. Согласно программе России следовало выступить в роли противовеса Соединенным Штатам, в настоящее время пытающимся добиться глобального лидерства³⁰. Учитывая сокращения военных расходов после распада Советского Союза и тот ущерб, который тем самым был нанесен российскому Тихоокеанскому флоту, кажется, что позиция, высказанная в программе, была далека от

²³ Красная звезда. 25 июля 1992 г. С. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ В 1993 г. торговля России с АСЕАН составляла 638.1 млн долл. США, что составляло лишь 0,1% от общей торговли АСЕАН в 1993 г. (429,948 млн). См. ASEAN Statistical Yearbook 2005, (Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2005). P. 70–73. Данные о торговле АСЕАН с Россией в 1993–1996 гг. см. Amado M. Mendoza, Jr., «ASEAN's Role in Integrating Russia into the Asia Pacific Economy», Koji Watanabe, ed., Engaging Russia in Asia Pacific, (Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999), p.134

²⁶ Красная звезда. 25 июля 1992 г. С. 2.

²⁷ «United Nations Lauds Soviet Military Reduction in Vietnam», The Associated Press, 19 January 1990.

²⁸ «Vietnam Faces Crisis in Loss of Soviet and East European Aid», The Associated Press, 9 July 1990.

²⁹ Независимая газета. 31 июля 1992 г. С. 2.

³⁰ Там же.

реальности. Однако в период правления администрации Б. Ельцина великодержавные амбиции сохранялись, и это поддержало сохранение удаленной военной базы³¹. В довершение к этому Россия намеревалась связать вопрос о своем военном присутствии в заливе Камрань с 10-миллионным рублевым долгом Ханоя в отношении Советского Союза, который унаследовала Россия³².

С другой стороны, в качестве величайшей угрозы Вьетнаму в то время рассматривался Китай. Активное военное продвижение или разработка нефтяных месторождений в районе островов Спратли в Южно-Китайском море велись с начала 1992 г.³³, что вызвало как у Вьетнама, так и стран АСЕАН в целом ощущение

надвигающегося кризиса. В этих условиях предполагалось, что Вьетнам может обратиться с просьбой к России о сохранении базы в Камрани³⁴. Однако вьетнамское руководство оказалось перед дилеммой. Внешнеполитические приоритеты заключались в том, чтобы присоединиться к АСЕАН и улучшить отношения с Соединенными Штатами и Китаем. Некоторые представители вьетнамской политической элиты полагали, что российское военное присутствие на территории Вьетнама может послужить препятствием к нормализации отношений с США³⁵. С одной стороны, вьетнамское правительство было серьезно обеспокоено модернизацией китайского военного флота и наступательной политикой в Южно-Китайском море. В добавок к этому вьетнамская сторона надеялась перевести военную базу в Камрани на коммерческую основу, как было успешно сделано на Филиппинах с бывшей американской морской базой в Субик Бэе³⁶. Ханой и Москва начали рабочие переговоры о том, сможет ли Россия использовать залив в 1992 г. Россия продолжала заявлять, что она должна стать правопреемницей советско-вьетнамского соглашения, предусматривавшего, что Вьетнам обязан обеспечивать материально-техническую поддержку советскому флоту в виде бесплатного предоставления топлива и воды до 2004 г.³⁷, но вопрос о Камрани так и не был урегулирован вплоть до прихода к власти В. Путина. В подобных условиях в 1990-х годах Россия в политическом и экономическом плане в большей степени сближалась со странами АСЕАН, чем с Вьетнамом³⁸.

³¹ Сам Козырев заявил, что России следует отказаться от статуса супердержавы и найти мощный стимул для расширения сотрудничества с динамично развивающимися странами АТР // Известия. 22 июля 1992 г. С. 4.

³² Ian Storey and Carlyle A. Thayer. «Cam Ranh Bay: Past Imperfect, Future Conditional», *Contemporary Southeast Asia*, 23:3 (2001), p.458

³³ Острова Спратли включают более 400 маленьких островов, рифов и песчаных отмелей в Южно-Китайском море. Острова Спратли представляют собой потенциальный район напряженности из-за наличия богатых природных ресурсов. Китай, Тайвань и Вьетнам выдвигают претензии на весь архипелаг, а Филиппины, Малайзия и Бруней на отдельные острова. В феврале 1992 г. Постоянный комитет китайского собрания народных представителей ввел в действие закон о территориальных водах, утверждающий суверенитет Китая над островами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также право принимать все необходимые меры, чтобы предотвратить и остановить так называемый недружественный проход иностранных судов через китайские территориальные воды. См.: Leifer M. ed., *Dictionary of the Modern Politics of South-East Asia*, (London: Routledge, 2001, 3rd ed.). P. 256–257. В феврале 1992 г. Китай занял риф в районе островов Спратли и подписал соглашение с американской корпорацией о разведке нефтяных месторождений на территории в 25 тыс. км² в краевой зоне группы островов Спратли лишь на 150 км к юго-востоку от вьетнамских прибрежных островов в Мэе. *Nihon Keizai Shimbun* 23 July 1992.

³⁴ *Nihon Keizai Shimbun* 23 July 1992.

³⁵ Storey and Thayer, «Cam Ranh Bay». P. 458.

³⁶ «Vietnam looks to Subic as a model for former Soviet Base», *Kyodod News Service*, 14 March 1994. Американские военные силы вернулись на военную базу Субик Бэй на Филиппинах в ноябре 1992 г.

³⁷ «Vietnam, Russia still at odds on Cam Ranh Bay», *Kyodo News Service*, 29 March 1993.

³⁸ По сравнению с предыдущим годом в 1992 г. российско-вьетнамская торговля сократилась на 58%. Однако Сингапур и Таиланд с прошлого года увеличили торговлю с

Россия и азиатско-тихоокеанский регионализм

М. Горбачев уделял особое внимание Азиатско-Тихоокеанскому региону с начала 1986 г. В то время как в Советском Союзе темпы экономического роста резко сокращались с 1970-х годов, в регионе происходили динамичные экономические и политические изменения. С начала 1980-х годов началась организация таких форумов многостороннего экономического сотрудничества, как Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС). Цель Совета состояла в углублении экономических связей между индустриально развитыми экономическими странами, включая Австралию, Канаду, Новую Зеландию, Японию и Соединенные Штаты, и стимулировании этих стран оказывать экономическую помощь развивающимся государствам Юго-Восточной Азии. Совет внес вклад в становление Азиатско-Тихоокеанской экономической зоны, суммарное население которой составляет более половины мирового и чья доля в ВМП значительно возросла за последние 25 лет. Азиатско-Тихоокеанская экономическая зона постепенно становилась центром мировой экономики, заменяя Европейскую экономическую зону.

М. Горбачев полагал, что Советскому Союзу было необходимо эффективно использовать свои огромные природные ресурсы в Сибири и на Дальнем Востоке в целях развития советской экономики. Кроме того, СССР надо было ис-

пользовать большой экономический и технический потенциал АТР и укреплять экономическое, торговое и техническое сотрудничество с этим регионом, чтобы форсировать развитие Сибири и советского Дальнего Востока³⁹. В 1988 г. М. Горбачев создал Советский национальный комитет по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СНКАТЭС) с целью преодолеть затруднения, препятствующие интеграции СССР в АТР, путем присоединения к Совету по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС) и Тихоокеанскому экономическому совету (ТЭС), которые были предшественниками АТЭС. Первым председателем СНКАТЭС был Евгений Примаков, который впоследствии стал министром иностранных дел России в январе 1996 г. Е. Примаков полагал, что если цель СНКАТЭС будет достигнута, российский Дальний Восток и Сибирь естественно впишутся в глобальные экономические отношения в АТР, хотя, конечно, не в ущерб территориальной целостности⁴⁰.

Россия и Региональный форум АСЕАН по безопасности

Дискуссии о целях, приоритетах национальных интересов и направлениях внешней политики и политики в области безопасности к концу 1992 г. сошлись в одной точке, соединившей рациональные аспекты и западничества, и прагматического национализма. В своей речи в Национальном собрании во время визита в Южную Корею в ноябре 1992 г. президент Б. Ельцин заявил: «В геополитическом

Россией каждый в 2,5 раза. (См. Roshia Too Boeki Tuosa Gerpo, 8, 1992. P. 1–4). До 1997 г. Сингапур оставался самым крупным торговым партнером России в Юго-Восточной Азии до 1997 г. После урегулирования вопроса о военной базе в Камрани в 2002 г. торговля между двумя странами удвоилась за 2002–2004 гг. и Вьетнам снова занял место российского основного торгового партнера в регионе. (Государственный таможенный комитет Российской Федерации. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сборник. М., 1998. С. 8. Т. 1. 2003. С. 7–10; Т. 1. 2005. С. 7–9)

³⁹ См. политический доклад Горбачева на 27-м собрании партии // Правда. 26 февраля 1986 г. С. 8.

⁴⁰ Yevgeni Primakov, Russian Crossroads: Toward the New Millennium, (New Haven & London: Yale University Press, 2004). P. 39. Комитет сменил свое название с СНКАТЭС на Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству в августе 1992 г. Об истории и деятельности РЕКТЭС. URL: <http://www.rncpec.fareast.ru/Index.htm> (26 сентября 2006).

плане наша страна является неотъемлемой частью Азиатско-Тихоокеанского региона, но современная ситуация не соответствует этому положению. Мы намереваемся стать полноценным членом динамично развивающейся региональной экономики и присоединиться к процессу политического и культурного сближения». В частности, он подчеркнул: «Мы готовы участвовать в важных многосторонних структурах, таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество»⁴¹. Таким образом, президент Ельцин официально объявил о намерении России вступить в АТЭС. Однако первые шаги России в региональном сотрудничестве были сделаны не в сфере экономики, а в области безопасности.

В то время АСЕАН искала способ использовать уже созданные форумы, особенно постминистерские встречи АСЕАН, чтобы развивать диалог по укреплению безопасности в регионе как с внешними участниками, так и диалог о сотрудничестве в области безопасности внутри АСЕАН⁴². Члены АСЕАН пришли к осознанию необходимости отвечать на коренные изменения, произошедшие в международной политике с конца холодной войны. Они были обеспокоены новой угрозой со стороны Китая, жесткой политикой в территориальных спорах в Южно-Китайском море, последовавшей за распадом структуры времен холодной войны в Юго-Восточной Азии, включавшей сокращение американского и советского военного присутствия на Филиппинах и во Вьетнаме. Члены АСЕАН опасались, что такие региональные державы, как Китай, Япония и Индия, захотят заполнить вакуум влияния, образовавшийся вследствие снижения присутствия великих держав в регионе. Следовательно, главы правительств АСЕАН нуждались в создании многосторонней системы безопасности с тем, чтобы за счет привлечения внешних

сил гарантировать баланс региональной стабильности.

На 26-ой министерской встрече АСЕАН в июле 1993 г. члены АСЕАН перестали использовать постминистерские встречи АСЕАН в качестве формата сотрудничества в области безопасности и решили организовать новый механизм, региональный форум АСЕАН по безопасности, в 1994 г.

На саммите АСЕАН и постминистерской встрече высших должностных лиц в мае 1993 г. Сингапур, при сильной поддержке Австралии и Соединенных Штатов, пошел дальше и рекомендовал расширить существующую структуру саммитов АСЕАН и постминистерских встреч. Некоторое сопротивление было оказано со стороны Индонезии, Таиланда и Японии, которые опасались выйти за знакомые рамки западно-ориентированного формата. В ходе мероприятий было рекомендовано дополнительное членство Китая и России, с которыми АСЕАН начала развивать консультативные отношения партнерства в июле 1991 г., а также присоединение Вьетнама и Лаоса, получивших статус наблюдателей в АСЕАН, и Папуа Новой Гвинеи, бывшей наблюдателем на протяжении длительного времени, к Договору о дружбе и сотрудничестве в июле 1992 г.⁴³

На встрече российский министр иностранных дел Козырев выразил интерес в институционализации отношений России и АСЕАН и создании комитета Россия — АСЕАН, аналогичного существующим комитетам АСЕАН и ее диалоговым партнерам⁴⁴. Россия и Китай были приглашены на первый саммит Регионального форума АСЕАН с правом совещательного голоса.

После присоединения к АРФ России был предоставлен статус, позволяющий участвовать в консультациях по вопросам политики и безопасности. В 1993 г.

⁴¹ Дипломатический вестник. 1992. №12. С. 39.

⁴² Singapore Declaration of 1992, (Singapore: The ASEAN Secretariat, 1992). <http://www.aseansec.org/1163.htm> (June 14, 2006).

⁴³ Michael Leifer, *The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's model of regional security*, (London: Oxford University Press, 1996). P. 21–22.

⁴⁴ Дипломатический вестник. 1993. № 15–16. С. 20.

министры стран АТЭС договорились отложить рассмотрение вопроса о принятии дополнительных членов на три года с целью повысить эффективность АТЭС⁴⁵. Это означало, что Россия была исключена из процесса углубления экономического сотрудничества в АТЭС. К тому же президент Клинтон в течение своего первого года правления заявил об увеличении значимости Азии, предложив на саммите «Большой семерки» в Токио в июле 1993 г. создать «Новое Тихоокеанское сообщество». И хотя его попытки создать саммит с участием лидеров других 14 стран АТЭС не увенчались успехом, неформальные саммиты АТЭС приобрели регулярный характер с 1993 г. Темы неформальных саммитов в основном касались экономики, но привлечение к участию в них глав правительств добавили к тематике АТЭС и политические аспекты. Субрегиональные форумы, организуемые АСЕАН, помогли России продемонстрировать свою заинтересованность участвовать в региональных делах и построить доверительные отношения со странами-участниками на министерском уровне.

Как отметил А. Козырев в своей речи на министерской встрече Россия — АСЕАН в 1994 г., основными целями российской политики в АТР были стабилизация восточной границы, нераспространение оружия массового поражения и включение Сибири и Дальнего Востока в экономическую систему региона⁴⁶. Учитывая региональное видение системы безопасности, Россия пыталась создать многосторонние механизмы диалога по вопросам безопасности как на региональном, так и на субрегиональном уровне. В особенности Россия рассчитывала создать систему многосторонних встреч экспертов по вопросам ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии,

систему урегулирования конфликтов в СВА (особенно на Корейском полуострове) и Азиатско-Тихоокеанский центр по изучению стратегических проблем⁴⁷. В основе такого внимания к многостороннему сотрудничеству было признание того, что изоляция России как в рамках ближнего, так и дальнего зарубежья стала угрозой национальной безопасности и препятствием к созданию благоприятного международного климата для экономических преобразований в России.

Становление партнерства России и АСЕАН

За период с января 1996 г. по сентябрь 1998 г., когда министром иностранных дел был Евгений Примаков, Россия укрепила отношения как с Китаем и Японией, так и с АСЕАН. Примаков заявил, что на Азиатско-Тихоокеанском направлении у России есть четкие цели: первая из них заключалась в развитии взаимовыгодных отношений и партнерства со всеми странами региона. Вторая была связана с обеспечением стабильности и безопасности на дальневосточных границах России. Третья была направлена на создание благоприятных возможностей для экономических трансформаций в России, особенно для экономического развития российского Дальнего Востока⁴⁸.

В апреле 1996 г. Россия была принимающей стороной прошедшего в Москве семинара АРФ в рамках дипломатии «второй дорожки» (*Track Two*) по вопросам безопасности и стабильности в АТР. АСЕАН оценила приверженность России процессу АРФ и ее вклад и приветствовала готовность российской стороны присоединиться к Договору о дружбе и сотрудничестве в

⁴⁵ APEC Ministerial Meeting, Joint Statement, Seattle, 1993. URL: http://www.apec.org/apec/ministerial_statements/annual_ministerial/1993_5th_apec_ministerial.html (23 September 2006)

⁴⁶ Дипломатический вестник. 1994. № 15–16. С. 11.

⁴⁷ Создание этих структур было предложено Ельциным в его речи в Национальном Собрании Республики Корея // Дипломатический вестник. 1992. № 12. С. 40.

⁴⁸ См. речь Примакова на 18-й Постминистерской встрече АСЕАН в 1996 г. «Statement by His Excellency Mr. Yevgeni Primakov Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation». URL: <http://www.aseansec.org/4813.htm> (15 June 2006).

Юго-Восточной Азии и ее поддержку Декларации АСЕАН по Южно-Китайскому морю, заключенной в 1992 г.⁴⁹ На министерской встрече в 1996 г. страны — члены АСЕАН также выразили заинтересованность в российском научно-техническом потенциале и оценили возможности России в качестве привлекательного рынка, богатого природными ресурсами. Учитывая перспективы создания плодотворных диалоговых отношений, АСЕАН подняла статус России до полномасштабного партнера по диалогу. В своей первой речи на постминистерской встрече российский министр иностранных дел Е. Примаков назвал динамично развивающуюся Ассоциацию «одним из наиболее значимых полюсов нашего многополярного мира»⁵⁰.

В июне 1997 г. в Москве была проведена первая встреча Совместного комитета сотрудничества России — АСЕАН. С российской стороны в ней принимали участия представители различных правительственных ведомств. Делегация АСЕАН состояла из представителей всех стран — членов АСЕАН и секретариата Ассоциации. Обе стороны подтвердили свое намерение и готовность к дальнейшему укреплению отношений. Стороны обсудили механизмы диалога и пришли к соглашению, что структуру диалога Россия — АСЕАН будут составлять следующие институты⁵¹: Совместный комитет сотрудничества Россия — АСЕАН (СКС), Совместный планово-распорядительный комитет Россия — АСЕАН Фонда сотрудничества Россия — АСЕАН⁵², Деловой совет Россия — АСЕАН и Московский комитет АСЕАН.

СКС сформировал рабочие группы по науке и технологии, торговле и экономике. В настоящее время Совместный планово-распорядительный комитет Россия — АСЕАН поддерживает взаимодействие между участниками диалога и утверждает экономические и научно-технические проекты. Комитет АСЕАН в Москве был образован в октябре 1996 г. и включал в свой состав послов всех стран — членов АСЕАН в Москве. Комитет вносит важный вклад в установление регулярных контактов между дипломатами обеих сторон диалога. Общий объем торговли России с АСЕАН вырос с 638,1 млн долл. США в 1993 г. до 1,655 млн долл. США в 1997 г.⁵³

В данном контексте Россия постепенно с середины 1990-х годов пересмотрела свою оценку роли АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском региональном сотрудничестве. Государства АСЕАН успешно включили в АСЕАН Вьетнам, Лаос и Мьянму и запустили механизм диалога в области безопасности с участием основных держав. Более того, в экономической сфере АСЕАН продемонстрировала уверенность в себе на международной арене по вопросу об институционализации АТЭС. В 1993 г. противостояние между Соединенными Штатами, намеревавшимися возглавить процесс институционализации АТЭС и предложившими создание «Нового Тихоокеанского сообщества», и другими членами, делавшими акцент на консенсусе и принципе добровольности в поэтапной либерализации торговли и инвести-

⁴⁹ «Statement by H.E. Mr. Nguyen Manh Cam Minister of Foreign Affairs of the Socialist Republic of Vietnam». URL: <http://www.aseansec.org/4793.htm> (15 June 2006)

⁵⁰ Дипломатический вестник. 1996. №8. С.38-39

⁵¹ См. «Joint Press Release the First ASEAN-Russia Joint Cooperation Committee Meeting Moscow, 5-6 June 1997». URL: <http://www.aseansec.org/2720.htm> (15 June 2006)

⁵² Данный фонд был нацелен на активизацию участия частного сектора. Но хотя Россия предоставила 0.5 млн. долл. США для его создания, деятельность фонда не была ус-

пешной. См. Райков Ю.А. Россия-АСЕАН: Партнерство в интересах безопасности и развития// Бажанов Е.П. (ред.) Россия и АСЕАН. М., 2004. С. 16.

⁵³ Данные по торговле России с АСЕАН в 1993-1996 см. Mendoza A.M. Jr., «ASEAN's Role in Integrating Russia into the Asia Pacific Economy», Watanabe K. ed., Engaging Russia in Asia Pacific, (Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999). P. 134. Данные по торговле России и АСЕАН в 1997 г. см.: Государственный таможенный комитет Российской Федерации// Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сборник. М., 1998. С. 8.

ций, стало очевидным. Лидеры экономик, участвующих в сообществе, договорились в ноябре 1994 г. в Богоре о двухступенчатом подходе, заключавшемся в либерализации торговли и инвестиций в регионе к 2010 г. развитыми странами и к 2020 г.⁵⁴ развивающимися⁵⁵. Малазийский премьер-министр Махатхир Мохамад, однако, выступил с заявлением, что его правительство примет данную схему только если она будет действовать на принципах «доброй воли», без условий и обязательств. В добавление к этому решения АТЭС должны приниматься на основе консенсуса, что означает скорее единодушие, чем согласие большинства⁵⁶. В ноябре 1995 г. в Осаке Богорский план действий был снова подтвержден, но с условием гибкого подхода к либерализации и снятию ограничений, который принимал бы во внимание различие в уровнях экономического развития. В действительности требования стран Юго-Восточной Азии, характеризовавшихся уязвимостью национальных рынков, были учтены в АТЭС. С тех пор концепции «открытого регионализма»⁵⁷ и «гибкости»⁵⁸ стали разделяться

всеми участниками как базовые принципы сообщества. Все это продемонстрировало, что АСЕАН стала влиятельным игроком в АТЭС. Россия начала осознать, что укрепление отношений с АСЕАН может предоставить ей возможность присоединиться к процессу региональной интеграции⁵⁹.

Присоединение России к АТЭС

В ноябре 1997 г. на саммите в Ванкувере участники АТЭС одобрили вступление России, Вьетнама и Перу. АТЭС было основано по инициативе японского и австралийского правительств в 1989 г. В 1991 г. в АТЭС были приняты Китай, Тайвань⁶⁰ и Гонконг. Москва отметила, что Китай, придерживающийся социалистических ценностей, стал полноправным членом организации капиталистических экономик и сидит за одним столом переговоров вместе с Тайванем⁶¹. Это означало, что члены АТЭС считали необходимым участие Китая как региональной державы в обсуждении региональных экономических вопросов. После распада Советского Союза российская внешняя политика была направлена на более активную интеграцию в мировую экономику, и часть этой политики составляло вхождение в состав существующих структур регионального сотрудничества в АТР.

Условия участия в АТЭС были следующими.

В состав форума могли войти экономики Азиатско-Тихоокеанского региона, которые:

(1) имели тесные экономические связи с АТР;

ход будет очень ценен при решении вопросов, связанных с этими обстоятельствами, в ходе либерализации и снятия ограничений»
⁵⁹ Абазов Р.Ф. Диалог Россия — АСЕАН в контексте XXI века // Международная жизнь. 1996. №10. С. 67–69.

⁶⁰ Тайвань осуществлял свое членство в качестве «Китайского Тайбэя» со статусом экономической территории.

⁶¹ Известия. 13 ноября 1991 г. С. 5.

⁵⁴ URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html (14 May 2006)

⁵⁵ Предложение было объявлено в речи президента Клинтона в Университет Васада. *Asahi Shimbun* (вечерний выпуск), 7 July 1993.

⁵⁶ Ravenhill, J., *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), p.117

⁵⁷ Концепция «открытого регионализма» определялась как «недискриминационная» в Планах действий, принятом в 1995 г. на саммите в Осаке. «Экономика АТЭС будут применять или стремиться применять принцип недискриминации в отношении друг друга в процессе либерализации и устранения барьеров в отношении торговли и инвестиций. Результатом либерализации торговли и инвестирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе станет реальное снижение барьеров не только в отношениях между странами АТЭС, но также в отношениях между участниками АТЭС и странами, не входящими в него». URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1995.html (16 May 2006)

⁵⁸ См. также Осацкий план действий. «Учитывая различия в уровнях экономического развития между участниками АТЭС и различные условия в каждой из экономик, гибкий под-

(2) соглашались с целями и принципами АТЭС, изложенными в Сеульской декларации АТЭС⁶².

В 1997 г. торговля внутри АТЭС составляла 5,200 млрд. долл. США, что равнялось 54% всей мировой торговли. С другой стороны, торговля между Россией и странами АТЭС составляла 22.3 млрд долл. США, что в процентном выражении означало только 0,4% всей торговли АТЭС⁶³. В свою очередь, торговля со странами АТЭС составляла всего 16,2% всей российской внешней торговли. Почему же тогда Россия была принята в АТЭС, несмотря на такой ограниченный характер экономических связей?

Решение о принятии России в основном было политическим, чем консенсусным. Обычно вопросы о членстве решаются на встрече старших должностных лиц. Решение о принятии новых членов объявляется посредством декларации лидеров стран АТЭС или заявления министров. Однако в этих документах 1997 г. никак не упоминалось о принятии России, Вьетнама или Перу. Это означало, что организация не планировала принимать новых членов, или то, что участники АТЭС не могли прийти к единому соглашению по этому вопросу до самого конца. В ходе ряда министерский встреч АТЭС Китай, Япония и Соединенные Штаты активно поддерживали идею о принятии России, в то время как Австралия, Сингапур, Филиппины, Мексика, Чили и Новая Зеландия выступали против⁶⁴. Австралия и Сингапур, в частности, указывали на слабость экономических связей между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. И хотя министр иностранных дел

Японии Обути отметил роль России в качестве сильной державы, Мексика и Чили выступали против того, чтобы делать исключения для нее⁶⁵.

До этого момента Япония и Соединенные Штаты не допускали присоединения России к Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству в рамках Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству или АТЭС⁶⁶. Япония, в частности, всегда увязывала вопрос об экономическом сотрудничестве с японско-российскими территориальными спорами⁶⁷. Соединенные Штаты продолжали переговоры о расширении НАТО в Европе и исключили Россию из возглавляемого ими процесса урегулирования

⁶⁵ Там же

⁶⁶ Об участии СССР в СТЭС см. Woods, L.T., «Delicate Diplomatic Debuts: Chinese and Soviet Participation in the Pacific Economic Cooperation Conference», *Pacific Affairs* 63:2 (1990). P. 218–224.

⁶⁷ Японская реакция на просьбу России оказать поддержку в вопросе вступления в АТЭС в значительной степени зависела от статуса переговоров по территориальным вопросам. В ноябре 1994 г. первый заместитель российского премьер-министра Олег Сосковец посетил Японию и провел переговоры с японским министром иностранных дел Ехей Коно. Обе стороны согласились начать официальные переговоры по вопросу о рыболовстве в водах вокруг четырех спорных островов (Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп). Однако Коно отверг призыв Соскавца к двустороннему экономическому сотрудничеству на Курильских островах из-за неурегулированности территориального вопроса. Коно также отказался оказать поддержку России в вопросе о вступлении в АТЭС на основании того, что АТЭС принял решение о приостановлении вступления новых членов на три года. В марте 1995 г. российский министр иностранных дел Андрей Козырев нанес визит в Японию и вновь попросил о поддержке российской кандидатуры в АТЭС, однако министр иностранных дел Коно снова ответил отказом. Таким образом, до середины 1990-х гг. МИД Японии продолжал придерживаться принципа неразделимости расширения экономического сотрудничества и продвижения переговорного процесса по территориальному вопросу. См. Tsuyoshi Hasegawa, *Nippo Ryodo Mondai to Nichiro Kankei*, Chikuma Shobo, 2000. P. 325–326.

⁶² Условия Сеульской декларации АТЭС см. APEC Ministerial Meeting, Seoul APEC Declaration, (Seoul, 1991). http://www.apec.org/apec/ministerial_statements/annual_ministerial/1991_3th_apec_ministerial/annex_b_seoul_apec.html (16 June 2006)

⁶³ APEC Economic Committee, 1998 APEC Economic Outlook, (Singapore: APEC Secretariat, 1998), p.5

⁶⁴ Известия. 27 ноября 1997 г. С. 2.

ния на Корейском полуострове и организации КЕДО в Северо-Восточной Азии. В противоположность этому некоторые страны Юго-Восточной Азии и Океании заняли благосклонную позицию в отношении участия России в СТЭС и АТЭС. К примеру, заместитель министра иностранных дел Филиппин Рудольфо Северино накануне министерской встречи в 1996 г. заявил, что Филиппины из 11 предложенных кандидатур поддерживают вступление Вьетнама, Перу и России⁶⁸.

Японский премьер-министр Хасимото дал импульс «евразийской дипломатии» и попытался улучшить отношения с Россией путем разграничения территориального спора и вопросов экономического сотрудничества. Хасимото полагал, что Япония могла бы улучшить отношения с Россией, в то время находившейся в полной изоляции как в Европе, так и в Азии, пригласив ее в АТЭС⁶⁹. Соединенные Штаты считали, что вступление России в АТЭС значительно ослабит российское противодействие расширению НАТО⁷⁰. С другой стороны, российская сторона отметила вклад Китая в принятие России. Первый секретарь МИД России Максим Потапов отметил, что Китай перешел на позицию оказания официальной политической поддержки активизации России в АТЭС, когда российско-китайские отношения вышли на новый уровень⁷¹. Россия и Китай выступили с заявлением о завершении демаркации восточного участка российско-китайской границы 6 ноября, всего за две недели до саммита АТЭС. Оба правительства несомненно были настро-

ены оптимистически. Государства среднего уровня, такие как страны АСЕАН и Австралия, испытывали опасения, что в АТЭС установится доминирование Японии, Китая, США и России. Таким образом, вопрос о принятии России в АТЭС был решен на основе политических соображений основных держав.

Политика Путина в отношении Азиатско-Тихоокеанского регионального сотрудничества

АСЕАН в азиатско-тихоокеанской политике Путина

В период азиатского финансового кризиса 1997 г. Япония, Китай, Южная Корея и АСЕАН пытались сформировать механизмы урегулирования, в которых США не играли бы ведущую роль, поскольку ни Международный валютный фонд (МВФ), ни АТЭС не могли оказать эффективную помощь во время кризиса. В настоящее время процесс азиатско-тихоокеанской экономической интеграции разворачивается на основе создания двусторонней зоны свободной торговли (ЗСТ), или Сотрудничества об экономическом партнерстве между АСЕАН, Японией и Южной Кореей. Присутствие АСЕАН заметно и в расширении Восточноазиатского экономического сотрудничества в таких формах как АСЕАН+3 и Восточноазиатский саммит (ВАС).

После прихода к власти В. Путина Россия стала уделять существенное внимание не только процессам, происходящим в Европе и США, но также в АТР. В. Путин присутствовал на неформальных саммитах АТЭС с 1999 г. (за исключением 2002 г.) и предпринимал попытки расширить обмены с лидерами азиатских стран⁷². В новом варианте концепции внешней политики Российской Федерации,

⁶⁸ The Straits Times, 21 November 1996.

⁶⁹ Хасимото также обращался с просьбой к президенту Клинтону и канцлеру Германии Колю поощрить президента Ельцина со всей серьезностью отнестись к нормализации отношений с Японией. «Interview with Ryutaro Hashimoto by Makoto Iokobe», Kokusai Mondai 505 (2002). P. 88–93.

⁷⁰ Motohide Saito, Roshia no Gaiko Seisaku, Keisoshobo, 2004. P. 199.

⁷¹ Maxim Potapov, «China's Experience as a Member of APEC: Lessons for Russia», Far Eastern Affairs, 1(2001). P. 47.

⁷² На саммите АТЭС в 2002 г. присутствовал премьер-министр Михаил Касьянов. Б. Ельцин никогда не посещал саммитов АТЭС. На первом саммите АТЭС, где Россия была представлена как полноправный участник, присутствовал премьер-министр

одобренной В. Путиным в июне 2000 г., упоминалось о растущем значении Азии в связи с необходимостью экономического развития Сибири и Дальнего Востока. В данном контексте признавалось, что России должна участвовать в АТЭС, представлявшем собой ключевую экономическую интеграционную систему в АТР, в Региональном форуме АСЕАН по безопасности и в процессе основания «Шанхайской пятерки», инициатива создания которой принадлежала российской стороне⁷³. После террористических атак 11 сентября 2001 г. лидеры стран АТЭС выступили с заявлением о мерах по борьбе с терроризмом и предприняли совместные действия по предотвращению финансирования террористических действий и т.д. Россия считает АТЭС важным механизмом укрепления антитеррористической борьбы как на региональном, так и на глобальном уровне⁷⁴. Президент В. Путин выступил с предложением создания в целях осуществления проектов АТЭС железнодорожной транспортной системы, которая связала бы Азию с Европой и проходила через Корейский полуостров и Россию⁷⁵. В случае успеха данного проекта транспортные издержки на перемещение между Европой и Азией значительно сократились бы, однако для этого было бы необходимо поддержание стабильности на Корейском полуострове.

Оценивая современную ситуацию, следует отметить, что российская внешняя политика в отношении АТР была сформирована под воздействием четырех факторов, непосредственно отвечавшим национальным интересам России: урегулирование северокорейской ядерной проблемы, вопрос о сибирских нефтепрово-

дах между Россией, Китаем и Японией, интеграция в Азиатско-Тихоокеанское региональное сотрудничество и экспорт вооружений. В связи с этим российские интересы неизменно были сфокусированы на отношениях с Китаем, Японией и странами Корейского полуострова. Однако, в отличие от правительства Б. Ельцина, президент В. Путин в течение своего первого срока восстановил отношения с бывшими союзниками, Вьетнамом и Северной Кореей и во второй половине первого срока приступил к расширению диалога с АСЕАН.

В настоящее время российские внешнеполитические эксперты рассматривают АСЕАН как важного партнера в создании многополярного мира и в формировании действенной системы региональной безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам⁷⁶. Основная цель России в отношениях со странами АСЕАН в первую очередь заключалась в получении их поддержки, для того чтобы стать полноправным участником всех региональных международных организаций. В частности, Россия стремится расширить свое влияние на страны АТР посредством диалога и сотрудничества в рамках ШОС, конференций АСЕАН и ВАС, которыми не руководят Соединенные Штаты. Россия также выразила желание присоединиться к саммитам Азия — Европа (АСЕМ) в составе азиатской группы с 1996 г.⁷⁷ Теперь России потребовалась поддержка АСЕАН для вступления и в АСЕМ, и в ВАС. Однако вопрос

Е. Примаков. URL: <http://www.apec.prg/> (16 June 2006).

⁷³ Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г// Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002. В 4-х томах. Т. 4. М., 2002. С. 119.

⁷⁴ См. статью президента В. Путина. *Asahi Shimbun*, 17 November 2005.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Opening Remarks by Russian Minister of Foreign Affairs Sergei Lavrov at Russia-ASEAN Foreign Ministers Meeting, Kula Lumpur, December 10, 2005. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/f982bd095207f90cc32570d500524cd7?Open Document (27 September 2006).

⁷⁷ Speech by Russian Minister of Foreign Affairs Igor Ivanov at the Session of the Russia-ASEAN Postministerial Conference, Phnom Penh, June 19, 2003. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/273f45b5e07cbd4943256d4c0027aac?Open Document (27 September 2006).

о российском участии был связан с проблемой, заключавшейся в том, принимать ли Россию в состав организации в качестве европейской или азиатской страны. Эта проблема идентичности поставила в затруднительное положение не только АСЕМ⁷⁸, но и другие институты.

Россия в новом измерении Азиатско-Тихоокеанского регионализма

В июне 2003 г. Россия и АСЕАН подписали совместную декларацию о партнерстве в интересах мира и безопасности, процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁷⁹. Министры иностранных дел обеих сторон подтвердили намерение поддерживать дальнейшее повышение эффективности ООН и существующих многосторонних региональных механизмов, в особенности АРФ. В этом документе Россия в целях поощрения диалогового партнерства заявила о намерении присоединиться к двум базовым нормативным документам АСЕАН, Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Протоколу к Договору о создании в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Кроме того страны АСЕАН отметили усилия России по содействию миру и безопасности в регионе в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. В следующем году после министерской конференции АСЕАН Россия подписала Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Совместную декларацию о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Стороны также договорились с декабря 2005 г. проводить самми-

ты АСЕАН — Россия на регулярной основе. Стороны выразили твердое намерение расширять сотрудничество в области борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью посредством обмена информацией о террористических организациях, возможных терактах и потенциальных угрозах атак с применением оружия массового поражения⁸⁰.

В экономической области торговля АСЕАН и России увеличилась с 1 млрд долл. США в 1998 г. до 3,1 млрд долл. в 2004 г.⁸¹ Объем торговли приблизился к значению торгового оборота АСЕАН и Новой Зеландии, составляющего 3,5 млрд долл.⁸² Однако в 2004 г. российский экспорт в АСЕАН составлял всего 1% от общего российского экспорта, а экспорт стран АСЕАН в Россию — 0,3% от общего экспорта АСЕАН. Стороны предприняли попытку расширить торговые связи, используя рабочую группу по торговле и инвестициям и Деловой совет АСЕАН — Россия. Для России важно стать поставщиком не только сырых материалов, но и товаров, произведенных с использованием современных технологий, таких как нефтепродукты и космические аппараты⁸³. В то же время Юго-Восточная Азия представляет собой потенциальный новый рынок для экспорта российских вооружений.

Партнерство с АСЕАН будет способствовать не только укреплению российских позиций в Азии, но также даст возможность использовать многостороннее сотрудничество в целях решения со-

⁷⁸ Участники форума решили не принимать в свой ряды Россию, поскольку не могли определить, включать ли Россию в европейскую или азиатскую группу. Koichi Sato, ASEAN regime: ASEAN ni Okeru Kaigi Gaiko no Hatten to Kadai (Токуо: Keiso Shobo, 2003). P. 194.

⁷⁹ «Joint Declaration of the Foreign Ministers of the Russian Federation and the Association of Southeast Asian Nations on Partnership for Peace and Security, Prosperity and Development in the Asia-Pacific Region», (Phnom Penh, 2003). URL: <http://www.aseansec.org/7718.htm> (17 June 2006)

⁸⁰ Подробности см. «Comprehensive Programme of Action to Promote Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Russian Federation 2005-2015», (Kuala Lumpur, 2005). URL: <http://www.aseansec.org/18074.htm> (June 17, 2006).

⁸¹ Государственный таможенный комитет Российской Федерации // Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сборник. М., 2000. С.8; 2005, С. 7–9.

⁸² ASEAN Statistical Yearbook 2005, (Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2005). P. 70–73.

⁸³ Путин В. Россия: новые восточные перспективы // «Независимая газета» 14 ноября 2000 г.

циально-экономических проблем и проблем в области безопасности, в том числе связанных с антитеррористической борьбой⁸⁴. Решение о проведении первого Восточноазиатского саммита было принято в ноябре 2004 г. на саммите АСЕАН+3. Вопрос об участии целого ряда стран, в особенности Индии, Австралии, Новой Зеландии и России вплоть до саммита АСЕАН+3 в декабре 2005 г. В конце концов президент В. Путин был приглашен выступить на саммите с обращением, но не в качестве участника.

На встрече в Чебу в апреле 2005 г. министры иностранных дел АСЕАН установили следующие три критерия для участия в саммите⁸⁵.

Страна должна была (1) быть полноправным партнером АСЕАН по диалогу;

(2) подписать или согласиться на подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии;

(3) иметь существенный уровень отношений со странами АСЕАН⁸⁶.

Данные условия были одобрены на первом Восточноазиатском саммите в декабре 2005 г., и участвующие страны признали за АСЕАН роль ведущей силы⁸⁷. Это означает, что в отличие от АТЭС для участия в Восточноазиатском региональном сотрудничестве отношения с АСЕАН играют значительную роль. Россия соответствовала первому и второму критерию. В то время как Малайзия, Китай, Южная Корея и Таиланд высказали свое одобрение российского участия, Сингапур выступил против, поскольку российские экономические связи со многими страна-

ми АСЕАН были достаточно слабы⁸⁸. Япония столкнулась с дилеммой. Она поддерживала участие Индии, Австралии и Новой Зеландии в рамках открытой региональной политики по противодействию влиянию Китая в ВАС. Однако такая линия способствовала усилению требований со стороны России, Монголии, Пакистана и ЕС. Япония испытывала опасения, что вступление России может усилить китайское влияние⁸⁹.

В то время как Китай и Япония, похоже, вступили в борьбу за лидерство, страны АСЕАН попытались сохранить свою председательствующую позицию и поддерживать стабильный баланс сил между основными региональными державами. Включение России в азиатский баланс сил в составе Китая, Японии, Индии и США мог бы принести АСЕАН пользу. В особенности, рост Китая и Индии придает стимул малайзийско-российскому стратегическому сотрудничеству гарантировать равновесие на ближайшие десятилетия⁹⁰. Малайзия также приобрела у России истребители и военно-транспортные вертолеты в русле политики по диверсификации источников вооружений и в качестве подтверждения линии на поддержание равноудаленности от внешних держав⁹¹. Кроме того, предполагалось, что Россия может быть более дешевым и стабильным поставщиком нефти в Юго-Восточную Азию. Особенно нуждались в диверсификации источников сырых нефтепродуктов и стабильных поставках энергоресурсов в достаточном количестве Филиппины. Филиппинский министр иностранных дел Альберто Ромуло и президент Национальной нефтяной компании Филиппин Эдуард

⁸⁴ Алексеев А.Ю. Прорубая окно в Азию// Независимая газета. 26 декабря 2005 г.

⁸⁵ The Financial Express, 16 April 2005. URL: http://www.financialexpress.com/print.php?content_id=89010 (16 May 2006).

⁸⁶ Эти критерии членства содержались в декларации первого Восточноазиатского саммита. «Kuala Lumpur, 14 December 2005». URL: <http://www.aseansec.org/18098.htm> (16 May 2006).

⁸⁷ «Chairman's Statement of the First East Asia Summit», (Kuala Lumpur, 2005). URL: <http://www.aseansec.org/18105.htm> (17 June 2006)

⁸⁸ Straits Times, 5 November 2005.

⁸⁹ Asahi Shimbun, 10 December 2005.

⁹⁰ K.S. Nathan, «Malaysia and Russia: Strengthening Strategic Partnership in the 21st century: A Malaysian Perspective», in Gennady Chufirin, Mark Hong and Teo Kah Beng eds., ASEAN-Russia Relations (Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2006). P. 24.

⁹¹ Там же. С. 25.

Маналак провели встречу с российским министром иностранных дел С. Лавровым в Москве в октябре 2005 г. и достигли нескольких соглашений, включая расширение сотрудничества в сфере энергетики и ядерного нераспространения⁹². А. Ромуло подчеркнул, что Филиппины из всех стран Юго-Восточной Азии расположены ближе всего к богатой природными ресурсами части России⁹³. Как уже упоминалось, в настоящее время Россия и АСЕАН нашли сферу пересечения взаимных интересов.

Несмотря на то что было принято решение проводить Восточноазиатский саммит на регулярной основе, цели и направления деятельности форума оставались не ясными. Понадобится длительное время, чтобы создать Восточноазиатское сообщество, учитывая большое разнообразие участников и фактор недоверия между основными державами. Однако России необходимо присоединиться к региональному интеграционному процессу на ранней стадии, чтобы избежать новой изоляции от региона. Для России также важно укреплять двусторонние и многосторонние региональные экономические соглашения и содействовать социально-экономическому развитию слабых регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири с целью создать баланс растущему Китаю.

Заключение

Даже после того как российская внешнеполитическая линия подверглась пересмотру, и очевидный прозападный курс сменился более прагматичным подходом в конце 1992 г., российским внешнеполитическим приоритетом были отношения с основными державами Северо-Восточной Азии, а не со странами Юго-Восточной Азии. В АТР России пришлось

сначала гарантировать стабильность своих пограничных районов и сохранить территориальную целостность, а также вступить в региональные организации сотрудничества с целью преодолеть международную изоляцию от участия в региональных интеграционных процессах, как Азии, так и Европы. Находясь в 1992 г. с визитом в Южной Корее, президент Б. Ельцин, учитывая задачи экономической интеграции, продемонстрировал активное стремление присоединиться к существующим региональным форматам сотрудничества, таким как АТЭС. Однако в области безопасности Б. Ельцин стремился создать многосторонний механизм главным образом в сфере ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии. Это означало, что Россия хотела участвовать в процессе конфликтного урегулирования в качестве влиятельной силы в Северо-Восточной Азии. Но с 1994 по 1995 г. процесс переговоров по вопросу о разработке ядерного оружия на Корейском полуострове проходил без российского участия. Кроме того, как упоминалось ранее, японский министр иностранных дел настойчиво отказывал России в поддержке в вопросе присоединения к АТЭС в основном из-за стагнации в переговорах по территориальному вопросу. В то время тогдашний губернатор Приморья Евгений Наздратенко организовал в 1991 г. кампанию против подписания китайско-российского договора о демаркации восточного участка границы⁹⁴. В России возрастала напряженность между центральным и местными правительствами по вопросу о передаче территорий Китаю.

В таких сложных условиях страны АСЕАН предоставили России шанс участвовать в решении региональных невоенных вопросов безопасности, пригласив ее в АРФ. Было важно, чтобы российс-

⁹² Asia Pulse, 17 October 2005.

⁹³ А. Ромуло заявил, что Филиппины могли бы стать центром доставки российских топливных и энергетических продуктов в другие страны АТР. Business World, 6 October 2005.

⁹⁴ Подробнее о территориальной кампании см. Akihiro Iwashita, A 4,000 Kilometer Journey Along the Sino-Russian Border (Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2004). С. 18–23.

кие официальные лица могли беспрепятственно встретиться с азиатскими лидерами и должностными лицами, даже если в отношениях между их странами сохранялись хронические конфликты. В связи с тем, что АСЕАН занимала позицию влиятельного игрока в региональных интеграционных процессах, Россия начала рассматривать отношения с АСЕАН как благоприятную возможность присоединиться к политической и экономической интеграции в АТР.

В период с января 1996 г. по сентябрь 1998 г., когда министр иностранных дел Е. Примаков играл ведущую роль в разработке внешней политики, Россия стала партнером АСЕАН по диалогу и полноправным членом АТЭС. Это означало, что Россия получила признание регионального игрока, имеющего законное право участвовать с процессе принятия решений по региональным и субрегиональным вопросам. До середины 1990-х годов российская внешняя политика в отношении Юго-Восточной Азии в значительной степени была вторичной по отношению к двусторонним связям со странами Северо-Восточной Азии. С того момента, когда Е. Примаков назвал АСЕАН одним из наиболее важных полюсов многополярного мира, АСЕАН как интеграционной группировке была отведена независимая роль в российской внешней политике, и взаимодействие с АСЕАН стало рассматриваться как путь к многостороннему сотрудничеству в АТР.

Президент В. Путин восстановил право России принимать участие в региональных делах, эффективно используя многосторонние форматы сотрудничества, такие как ШОС, процесс шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме и АСЕАН. Как заявил министр иностранных дел С. Лавров, АСЕАН является важным партнером в создании многополярного мира, а также центром интеграционных процессов в АТР. Для России конференции АСЕАН — это эффективный механизм привлечь

российскую политику к проектам сотрудничества в Азии. Только посредством этих многосторонних конференций Россия может расширить свое влияние в регионе, поскольку каждая из стран АТР считает отношения с США самым важным направлением двустороннего сотрудничества.

Но хотя Россия практически перешла к использованию методов АСЕАН, подписав Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, отношения России с АСЕАН по-прежнему ограничены политической сферой. Для того чтобы добиться существенного уровня отношений, России необходимо предпринять усилия с целью стать стабильным поставщиком ресурсов, а также вооружений и технологий. И в России, и в странах АСЕАН проживает значительная часть мусульманского населения. Россия рассматривает и АСЕАН, и АТЭС в качестве важных центров по противодействию терроризму.

В то же время АСЕАН нуждалась в России, чтобы уравновесить другие великие державы, включая Китай, Японию, Индию и США. Страны АСЕАН традиционно стараются избежать доминирования в регионе одной державы. Кроме того, статус России в мире придает ей дополнительную значимость как партнеру АСЕАН. Россия признается ядерной державой и страной, обладающей существенным количеством обычных вооружений. Она также входит в СБ ООН на правах постоянного члена. В качестве постоянного члена СБ ООН Россия может внести свой вклад в создание гарантий Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, а также предложению АСЕАН превратить Юго-Восточную Азию зону мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН) и зону, свободную от ядерного оружия. Кроме того, ожидается, что Россия станет поставщиком энергоресурсов и недорогого вооружения.

Северо-Восточная Азия была и останется центром российской внешней

политики в АТР. Однако в целях экономического развития Сибири и Дальнего Востока России следует избегать ситуации, когда она снова может оказаться изолированной от региона. И в данном контексте политическое и эконо-

мическое сотрудничество со странами АСЕАН в рамках макрорегиона «Большая Восточная Азия» имеет более существенное значение для российской восточной политики, нежели это было в конце 1990-х годов.

СЛОЖНАЯ МНОГОСОСТАВНАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСТВА? ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО В ГЛАЗАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ*

Маурицио Котта

Европейское гражданство

Заключение Маастрихтского и Амстердамского договоров позволило вывести правовую формулу европейского гражданства. С точки зрения правового оформления можно возразить, что элементы наднационального гражданства существовали на практике задолго до этого события (Cotta и Isernia, 2009); однако сам факт официального провозглашения имеет большое значение, т.к. придает открытый характер тому, что существовало в скрытой форме, и закладывает более прочный базис для правовой реализации нового принципа. Это также является свидетельством более четкого понимания во стороны стран — участниц ЕС («инициаторов договоров»), что Европейский Союз со временем превратился из чисто «экономической зоны» в «политическое сообщество», которое должно рассматривать своих членов в качестве граждан и выражать политические идеалы, разделяемые его субъектами.

Цель данной статьи — исследовать, как идея европейского гражданства интерпретируется и конкретизируется в различных аспектах главным действующим лицом европейской политической системы — национальными элитами. Для наших целей национальные элиты определяются как выборка национальных парламентариев и верхнего слоя руко-

водителей компаний стран — членов ЕС¹. Важность анализа взглядов национальных элит не подлежит сомнению: страны — члены ЕС по-прежнему остаются центром тяжести Европейского Союза и через свои правительства играют фундаментальную роль в процессе принятия решений на уровне Европы. Национальные правительства, с одной стороны, выражают политические взгляды более широкой политической элиты, состоящей из представителей парламентов. С другой стороны, их взаимодействие с высшими руководителями экономической системы также играет немаловажную роль. Таким образом, мы можем с полным основанием предположить, что их позиции находятся под сильным влиянием более широкого слоя политико-экономических элит.

Признаки сложного многосоставного гражданства

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению взглядов национальных элит на Европу как политическое сообщество, необходимо уделить несколько слов компонентам европейско-

¹ По каждой стране были опрошены примерно 80 членов парламентов, и 40 топ-менеджеров крупнейших компаний.

* Данное исследование опирается на данные, собранные в рамках проекта “INTUNE : Интегрированные и объединенные: Поиск гражданства в приближившейся Европе” (Проект №. 513421, 6-я Рамочная Программа, Приоритет 7 — Граждане и государственное управление в обществе, основанном на знаниях), координаторы — Маурицио Котта и Пьеранджело Исерния. Первый вариант исследования был представлен на семинаре INTUNE в Гранаде (май 8-11, 2008). Выражаю благодарность Федерико Руссо и всей команде Сиена Интьюн за помощь в обработке данных.

го гражданства. Здесь надо подчеркнуть, что европейское гражданство не было создано как замена или антагонист существующих национальных систем гражданства (O'Leary 1996; Vink, 2005). В отличие от судьбы современных национальных государств, которые создали собственные эксклюзивные системы гражданства, заменив или уничтожив предыдущие общественно-экономические формации, Европейский Союз построил свою собственную систему гражданства как дополнение к уже существующим национальным структурам. Как ясно указывается в вышеупомянутых договорах, европейское гражданство не отрицает национальную концепцию гражданства, а, наоборот, опирается на нее.

Более пристальный взгляд показывает, что гражданство наднационального межгосударственного образования соединяет в себе аспекты «непрямого производного гражданства» и аспекты «прямого гражданства». «Косвенное производное гражданство» означает, что европейское гражданство существует, так сказать, «на плечах», или как следствие прямых национальных гражданств, существовавших ранее. Можно быть гражданином Европы только потому, что вы являетесь гражданином Франции, или Италии, или Испании (и т.д.). Однако в то же время существуют элементы «прямого европейского гражданства», которое не является производным от национальных структур, а является прямым следствием существования европейского наднационального государственного образования, его институтов и структур (Cotta and Isernia, 2009). Человек является гражданином Европы потому, что существование прямого Парламента означает, что европейцы могут действовать как граждане, выбирая своих представителей. Точно так же ряд европейских законодательных документов прямо устанавливает права и обязанности европейцев, которые, таким образом, рассматриваются как граждане супра-национального сообщества.

Некоторые авторы назвали Европейский Союз «многосоставной сложной демократией» (Fabbrini 2007), поскольку он соединяет в себе элементы национальной и супра-национальной демократии; в таком же ключе мы можем говорить о европейском гражданстве как о «сложном многосоставном гражданстве». Фактически оно соединяет в себе несколько элементов, каждый из которых тесно переплетается с другими:

— *Национальные системы гражданства* (соответствующие числу стран — членов ЕС),

— *Европейская система непрямого гражданства* (производное от вышеупомянутого),

— *Элементы прямого европейского гражданства* (привязывающие граждан к наднациональному межгосударственному образованию).

В настоящем исследовании рассматриваются следующие вопросы: 1. Как и в какой мере эти различные компоненты присутствуют во взглядах национальных политических и экономических элит и поддерживаются ими; 2. Какое соотношение и, возможно (динамическая) взаимосвязь существуют между этими компонентами?

Концепция гражданства

Прежде чем переходить к рассмотрению этого вопроса, мы должны кратко остановиться на некоторых концептуальных компонентах идеи гражданства (Marshall 1965; Van Gunsteren 1998; Cotta & Isernia 2009), которые могут помочь нам в анализе различных аспектов взглядов национальных элит на европейское гражданство. Концепция гражданства (С) имеет:

— горизонтальное направление (С I), которое относится к «членству» в наднациональном межгосударственном объединении: гражданин — это тот, кто принадлежит к «городу» (политическое сообщество) (Walzer 1983);

— вертикальное направление, отражающее отношения между граждана-

ми и органами государственной власти, которое можно конкретизировать как: а) права и обязанности на участие в политической жизни (С II); б) право на льготы (С III) (Marshall 1965). Таким образом, гражданин — это человек, который может участвовать в управлении политическим сообществом и имеет право пользоваться результатами политического курса, выбранного органами политической власти.

Конкретные примеры национального гражданства показывают, что феномен гражданства тесно связан с другими политическими параметрами (см. Рис.1). Горизонтальное направление гражданства, в частности, связано с идеей идентичности и патриотизма. Граждане, принадлежащие к сообществу, обычно разделяют общую идентичность (гражданин Италии — итальянец, гражданин Франции — француз и т.д.), что отличает их от «других», от иностранцев. Следствием гражданства (или в каком-то смысле гражданского долга) является чувство патриотизма, означающее предрасположенность к оказанию поддержки политическому сообществу, к которому принадлежит гражданин, и принимать участие в требуемых действиях (начиная от добровольной уплаты налогов до защиты национальной территории от врагов). Что касается вертикального направления представительства и властных полномочий, то между ними существует гораздо более сильная взаимосвязь. Представительство и его институты действительно, являются главным инструментом с помощью которого граждане могут реализовать свои права на участие в политике и контролировать органы государственной власти, заставляя их отчитываться перед народом. Граждане — начальное звено цепочки представительства и делегирования полномочий. Сфера полномочий правительства, т.е. (большее или меньшее) расширение обязанностей, которые обычно относятся к обязанностям органов власти в отдельный период времени в отдельно взятой стране, являет-

ся обратной стороной льгот, которые составляют содержание гражданства (СIII). Таким образом, понятие гражданина определяется с точки зрения палитры общественных, экономических, культурных политик, создание и принятие которых воспринимаются гражданами как естественная обязанность государственных органов власти.

Опыт национальных форм правления предполагает, что идентичность, патриотизм, представительство и сфера полномочий имеют обратную связь, которая осуществляется благодаря существованию многочисленных промежуточных механизмов.

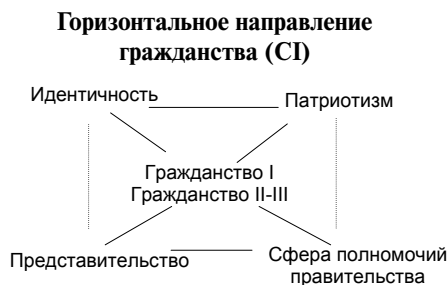

Рис. 1 Концептуальные (и причинные) связи между гражданством и другими явлениями

Мы можем начать наше эмпирическое исследование с горизонтального направления гражданства. Мы уже упоминали, что после заключения Амстердамского договора было официально заявлено, что все граждане стран — членов ЕС автоматически становятся гражданами Европы. Таким образом, членство в Европейском сообществе официально определяется как не прямое членство отдельных лиц; только благодаря тому факту, что он или она является (или становится) членом одной из стран — членов ЕС, физическое лицо может «вступить» в ЕС. ЕС, в отличие от его стран-членов, не может «делать» граждан из физических лиц. В каком-то смысле государства сами являются «прямыми» гражданами / членами ЕС, а процесс принятия новых государств может толко-

ваться как предоставление коллективно-го гражданства (которое затем отражается на физических лицах, которые являются частью данного государства). В данном случае мы оставляем в стороне тот факт, что ЕС ввел довольно строгие процедуры принятия в свои члены новых кандидатов. Эти процедуры являются своего рода «функциональными заменами» процедур, которые государства применяют для натурализации иностранцев.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению того, как такой правовой статус отражается в отношении граждан к наднациональному сообществу. Как они воспринимают и оценивают это новое сообщество граждан и свою роль в нем? Данные, собранные в рамках проекта INTUNE, благодаря широкой волне массовых и элитных обследований, проведенных в 2007 г.³, дают нам возможность представить некоторые фактические примеры. Мой анализ базируется на результатах элитного обследования, но прежде я представлю некоторые данные из массового обследования, основанного на вопросе, который, к сожалению, не может быть воспроизведен на уровне элиты.

а. Массовое восприятие идентичности/гражданства

В рамках массового обследования был сформулирован вопрос, непосредственно касающийся самовосприятия гражданства и идентичности и адресованный респондентам из 16 европейских стран (в следующей формулировке «*Как вы воспринимаете себя... ..только гражданином своей страны / гражданином своей страны и европейцем / европейцем и гражданином своей страны /только европейцем*»). Результаты ясно показали, что на уровне общественного мнения напрямую идентифицируют себя с Европой только ограниченное меньшинство, тогда как статистически значимое большинство придерживается противоположного выбора (чисто национальная идентичность)

(табл. 1). Также ясно они продемонстрировали важность двойной идентичности «гражданин своей страны + европеец» . Эти данные вполне соответствуют нашим ожиданиям от «непрямой модели» гражданства, которая была введена в Европе: новая и широкая (европейская) идентичность сосуществует с (добавляется к) более старой и ограниченной (национальной) идентичности (Lepsius, 2001). Также вызывает удивление, что обратное сочетание (европеец + гражданин своей страны) выбирается довольно редко: видимо, трудно воспринимать национальную идентичность как производное от европейской; также вероятно, что те, кто разделяет эту позицию, являются сторонниками прямого европейского гражданства (или просто интерпретируют эту возможность как эквивалент непрямой модели (Н + Е).

Таблица 1.

Самоидентичность на массовом уровне

Только европеец	5%
Европеец и гражданин своей страны	9%
Гражданин своей страны и европеец	49%
Только гражданин своей страны	37%

В любом случае, в полученных результатах присутствуют все три элемента многосоставной модели гражданства/идентичности: гражданин своей страны (37%), непрямая европейская идентичность (49%), прямая европейская идентичность (5%+9%). Первые два явно доминируют; однако третий элемент также существует (хотя и в малой доле). Объединенный вес двух первых ответов (только гражданин своей страны + гражданин своей страны и европеец) (86%) ясно показывает, при необходимости, что европейская интеграция не вызвала разрушения национального чувства принадлежности и что в умах европейских граждан здание над-

национального гражданства зиждется на фундаменте национального образования. В то же время можно сказать, что статистически значимое большинство (63%) обрело чувство идентичности с наднациональным межгосударственным образованием. Это чувство может существовать отдельно или, что более вероятно, сочетаться с чувством национальной принадлежности. В конечном итоге мы можем сказать, что европейское гражданство — это не только правовое состояние, но и чувство идентичности, разделяемое большей частью народов Европы.

в. Национальные элиты и их привязанность к Европе (и к собственной стране)

Единственный вопрос в нашей базе данных, который мы можем использовать для оценки элит, — это вопрос, касающийся привязанности. Респондентам был задан стандартный вопрос, обычно используемый во многих опросах («Люди испытывают разную степень привязанности к... А как насчет вас? Вы очень привязаны, привязаны в какой-то степени, привязаны не очень сильно или совсем не привязаны к ...?). Это было повторено в контексте города, деревни, региона, страны и Европы.

Полученные результаты подтверждают существование широкой распространенной привязанности к Европе среди национальных политических элит: 85% заявили, что привязаны к ЕС (табл. 2). Однако, как и следовало ожидать от не прямой формы гражданства, большинство респондентов продемонстрировало слабую степень привязанности к ЕС. Тех, кто ответил «очень привязан», на 12 процентов меньше, чем тех, кто ответил «привязан в какой-то степени». Также интересно отметить небольшой процент респондентов, ответивших, что они не привязаны к Европе: среди политических элит явное отвержение европейского наднационального образования не имеет широкого распространения.

Таблица 2

Привязанности политических элит к своей нации и к ЕС (%)

	Привязанность к своей нации	Привязанность к ЕС
Очень привязан	70,9	36,4
Привязан в какой-то степени	23,7	48,5
Всего	94,6	84,9
Привязан не очень сильно	4,0	12,5
Совсем не привязан	1,4	2,6
Всего	5,4	15,1

Сравнение с уровнями привязанности к своей нации представляет интерес. Общий уровень привязанности респондентов к своей стране более высокий. Как и следовало ожидать, национальные элиты, кроме крошечного меньшинства (5,4%), выразили привязанность к своей стране. Однако различия становятся особенно статистически значимыми, когда речь идет о проценте тех, кто декларировал сильную степень привязанности. Эта степень в два раза превышает процент тех, кто привязан к Европе. Интересно, что, по-видимому, нет никакого противоречия между сильной привязанностью к своей нации и сильной привязанностью к Европе: между ними существует позитивное соотношение.

Полученные данные показывают, что соперничество между двумя привязанностями не имеет серьезного значения; мы можем предположить, что не прямая модель гражданства, принятая ЕС, позволяет нам соединить их вместе. В то же время мы должны отметить, что ЕС до сегодняшнего дня не смог стимулировать формирование большей степени привязанности к себе по сравнению с привязанностью к странам — членам ЕС: мы можем только предположить, что это произошло

потому, что активизация более энергичных механизмов для порождения более сильной привязанности к Европе вызвала антагонизм со стороны стран-членов. Привязанность к европейскому наднациональному образованию может развиваться только при условии, что она не будет противопоставлена привязанности к собственной стране.

Полученные данные показывают, что наряду с преобладающим мнением политических элит (и масс), которое согласуется с моделью непрямого гражданства, отмечены проблески чисто прямого европейского гражданства (5,2% респондентов сочетают сильную привязанность к Европе с менее горячей привязанностью к собственной стране).

Интересно, что бы произошло, если бы в опросы были включены два объекта привязанности — страна и ЕС, но в более прямом противопоставлении друг к другу? Такое противопоставление могло привести к другому соотношению ответов. Однако такая формулировка вопроса противоречит направлению интеграционного процесса в Европе, идущего в течение многих лет, суть которого заключается в объединении, а не в противопоставлении национальной и европейской идентичности.

с. Страновые и идеологические различия в привязанности к ЕС

До этого момента я использовал обобщенные и средневзвешенные данные, как если бы Европейский Союз был полноценным политическим сообществом, а опрошенные национальные элиты — единой интегрированной элитой. Но это верно только наполовину: поскольку Европейский Союз является сообществом стран с сильной идентичностью и национальные элиты прочно привязаны к политической жизни своих стран, даже если они вносят общий вклад в процесс принятия решений на обще-европейском уровне, мы должны обязательно проанализировать наши данные по каждой стра-

не отдельно. На фоне общей картины мы видим, что диапазон различий в зависимости от страны в контексте общей поддержки Европы очень значителен (между 51,4% в Великобритании и 95,8% в Португалии) (рис. 2). Аналогичные результаты мы получаем при рассмотрении только «сильной привязанности»: различия между странами (в диапазоне между 10% и 62%) указывают, что разные страны по-разному относятся к более сильно выраженной европейской идентичности в контексте горизонтального направления. В некоторых странах привязанность к Европе достаточно слабая. Статистически значимые различия также отмечаются, когда вместо отдельных стран мы анализируем кластеры государств (рис. 3). Объединив наши примеры в кластеры, состоящие из «главных стран» (шесть первоначальных стран-членов), «южных стран» (Греция, Португалия и Испания), «северных стран» (в нашем исследовании Англия и Дания) и «центрально-восточные страны» (Болгария, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Литва, Польша, Сербия и Словакия), мы видим, что первые две группы демонстрируют значительно более высокий уровень привязанности по сравнению с остальными группами, особенно северные страны. Эти результаты предполагают, что помимо отдельных страновых факторов существуют другие факторы, относящиеся к более широким аспектам географии и истории Европы.

Возвращаясь к обобщенному пулу респондентов, значительные различия отмечены в идеологическом спектре: общая позитивная привязанность к Европе колеблется между 71,7% для крайне правых и 90,1% для центра (рис. 4). Если учитывать только ответы, которые выражают сильную привязанность, мы видим разброс между 27/28% для крайне левых и крайне правых и 43% для центра. В большей степени, чем в лево-правой оси, мы видим разрыв между центром и крайними позициями. Центральные позиции (включая умеренно левых и уме-

ренно правых), которые тяготеют к более систематическому согласию с политическими ориентациями национальных правительств, что исторически способствовало процессу европейской интегра-

ции, как и ожидалось, больше поддерживают наднациональное сообщество, чем политические позиции, которые балансируют на краю государственной политики.

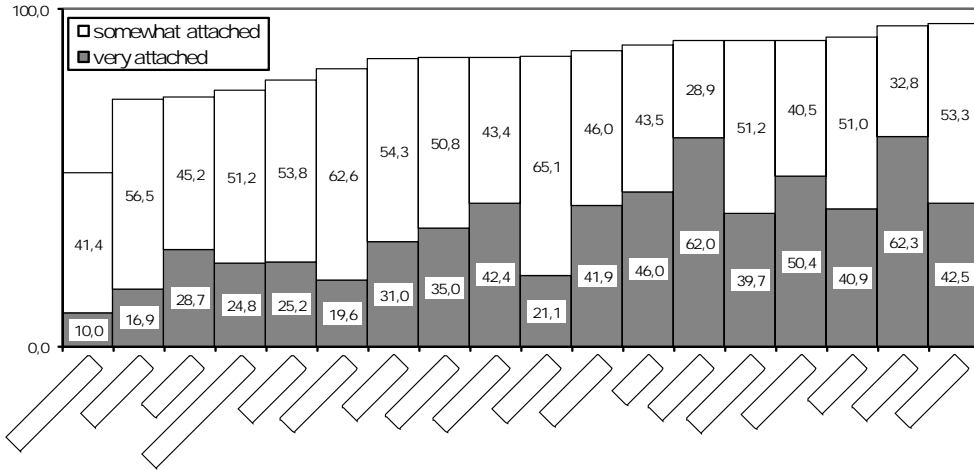

Рис. 2 Привязанность элит к Европе с разбивкой по отдельным странам (% сильно привязанных и привязанных в какой-то степени)

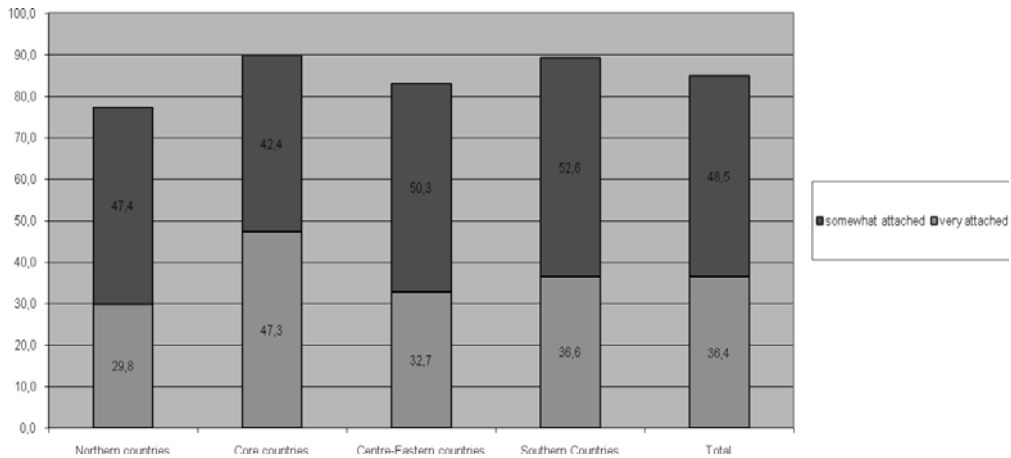

Рис. 3 Поддержка ЕС со стороны элит с разбивкой по географическим регионам

Северные страны: Австрия, Дания и Англия, главные страны: Бельгия, Франция, Германия, Италия; южные страны: Греция, Португалия, Испания; Центральновосточные страны: Болгария, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Литва, Польша, Сербия, Словакия.

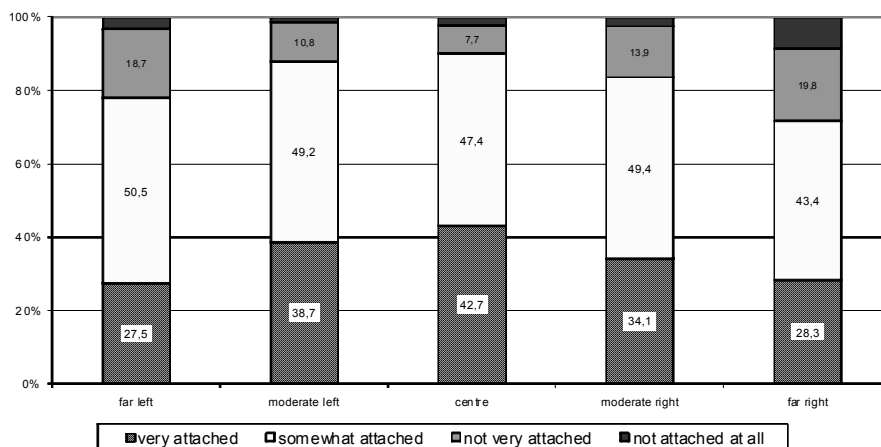

Рис. 4. Левая-правая позиция и привязанность к ЕС

d. Определения гражданства

Наше исследование позволяет нам проверить, какие элементы (религиозные и культурные корни, происхождение, место рождения, язык, соблюдение законодательства сообщества и т.п.) считаются более важными для определения гражданства и как национальные элиты воспринимают национальное и европейское гражданство. Поскольку европейское гражданство было построено на базе национальных гражданств и под контролем стран-членов, вряд ли можно ожидать, что разница в восприятии будет очень значительной. Однако, учитывая более «искусственный» характер европейского наднационального образования и более не прямой характер европейского гражданства, можно также ожидать меньший вес «натуралистических» элементов (место рождения и происхождение родителей) и культурно-этнических элементов (вероисповедание, культурные традиции). И наоборот, можно предположить, что «гражданские» элементы должны играть более важную роль.

Собранные нами данные (был задан вопрос: «Люди по-разному понимают, что значит быть настоящим гражданином своей страны/Европы. Как вы думаете,

насколько важно быть настоящим гражданином своей страны / европейцем в следующих случаях?») показывают, что «гражданские» (чувствовать себя гражданином своей страны / Европы; соблюдать законы своей страны / Европы), «функциональные» (учить язык своей страны / Европы), и «культурные» (разделять традиции) элементы гражданства преобладают над «натуралистическими» (родиться в своей стране / Европе; иметь национальных / европейских родителей) и «религиозными» элементами как на национальном, так и на европейском уровне гражданства (см. табл. 3). По мнению национальных элит, различия между национальной и европейской идентичностью в отношении важности, придаваемой различным компонентам, не столь велики. Самые большие различия касаются важности места рождения — в стране / Европе, родителей — имеющих национальное / европейское гражданство и (в меньшей степени) — исповедания христианской религии и соблюдения общих культурных традиций. И наоборот, вызывает удивление, что с точки зрения обоих уровней гражданства языковой фактор воспринимается одинаково.

Таким образом, мы имеем ограниченное (но не очень сильно) доказатель-

ство, что (как и ожидалось) европейское гражданство немного более отстранено от аспектов натурализма и идентичности. Элементы гражданского характера (соблюдение законов, ощущение себя гражданином своей страны, европейцем) или того, что можно приобрести (овладение языком), не показывают никакого различия между двумя уровнями.

Таблица 3

Компоненты национального и европейского гражданства (% очень важно / %очень или довольно важно)

	Быть гражданином своего государства	Быть гражданином Европы
Быть христианином	12,6/34,4	7,8/28,7
Разделять культурные традиции	48,4/88,5	41,6/85,7
Родиться в своей стране/Европе	21,1/53,2	14,9/47,9
Национальные/европейские родители	26,2/61,3	14,6/48,1
Официальный язык страны	64,4/93,3	65,4/93,2
Чувствовать себя гражданином своей страны/европейцем	65,1/90,4	65,0/93,6
Соблюдать законы	70,2/94,4	66,2/93,3

Вертикальное направление гражданства (СII)

Следующий шаг — анализ вертикального направления гражданства; начну с того, что я назвал СII (см. рис. 1), т.е. право европейских граждан на политические действия. Анализируя институты, которые выполняют эту функцию в европейском наднациональном образовании, ста-

новится ясно, что институциональная конфигурация Европы основана на многосоставной системе, сочетающей прямую и непрямую формы гражданства. Непрямые механизмы представительства обеспечиваются через Совет Министров и Европейский Совет, выражающие волю национальных правительств, канал, через который влияние европейских граждан может достигнуть Брюсселя, представлен представительствами национальных правительств. С другой стороны, имеется прямой механизм, представленный Европейским парламентом и европейскими выборами: здесь, по крайней мере теоретически, европейские граждане могут входить в прямые отношения представительства в наднациональных органах власти. Комиссия находится в более двойственном положении; она находится на перекрестке между двумя каналами: с одной стороны, она выражает интересы национальных правительств, которые избирают Президента и членов Комиссии, а с другой стороны, она все в большей степени несет ответственность перед Европейским парламентом. К этому надо добавить, что институциональная роль превращает Комиссию в институт, который больше идентифицируют с наднациональным образованием, чем с двумя советами.

В какой степени взгляды национальных элит соответствуют такому положению вещей? Некоторые вопросы, включенные в наше обследование, помогают нам понять, что они думают о центральных институтах Европы и своей роли в процессе принятия решений. Результаты подтверждают, что и в отношении вертикального направления образ сложного гражданства вполне вписывается во взгляды национальных элит (табл. 4). Большинство респондентов поддерживает идею того, что страны-члены должны оставаться центральными акторами европейского процесса принятия решений и, таким образом, выражают согласие с основным элементом прямой системы пред-

ставительства². В то же время почти такая же доля респондентов поддерживает идею усиления полномочий Европейского парламента (главного института прямого гражданства), даже если это приведет к ослаблению роли национальных правительств.

Таблица 4

Институциональный баланс

	Полностью согласен	Частично согласен	Частично не согласен	Полностью не согласен
Государства — члены ЕС должны оставаться центральными участниками ЕС.	40,7	36	18,3	5
Европейская Комиссия должна стать подлинным правительством ЕС	15,0	37,9	28,7	18,4
Полномочия Европейского парламента должны быть расширены	33,5	38	18,5	10

² Респондентам были заданы следующие вопросы: «В какой степени вы согласны со следующими высказываниями:

а. Центральными акторами Европейского Союза должны оставаться страны-члены, а не Комиссия или Европейский парламент.

б. Европейская Комиссия должна стать подлинным правительством Европейского Союза

в. Необходимо расширить полномочия Европейского парламента, даже если это приведет к ослаблению влияния национальных парламентав».

Интересно, что поддержка усиления полномочий Европейской комиссии выражена гораздо слабее. Небольшое большинство выражает согласие с мнением, что Европейская комиссия должна стать подлинным правительством ЕС, но внутри этого большинства «сильные приверженцы» составляют небольшую долю. Учитывая двойственную институциональную позицию Комиссии, такое толкование данных также выглядит сомнительным. В конце концов, можно предположить, что, учитывая диффузное восприятие Европейской комиссии как противоядия национальным правительствам (даже если они сами говорят об этом) и ее главное определение как наднационального института, более слабую поддержку Комиссии можно интерпретировать как знак того, что национальные элиты еще не готовы склонить чашу весов в пользу прямой модели наднационального правления.

Этой оценке противоречит сильная поддержка усиления полномочий Европейского парламента, который фактически является олицетворением прямой модели представительства. Более тщательный анализ предполагает, что, возможно, это противоречие не столь существенно. Можно предположить, что Европейский парламент в том виде, в котором он существует сейчас, все еще воспринимается как более прямо привязанный к национальным политическим структурам (его члены рекрутируются на основе национальных механизмов) и в конечном итоге, более «национальный», чем Комиссия. Поддерживая усиление полномочий ЕП, национальные политики, возможно, просто выражают свою поддержку идее урезания полномочий Комиссии и «наднациональной бюрократии Брюсселя», а может быть, и национальных органов власти.

Что касается предыдущих, то здесь также присутствуют значительные идеологические расхождения. В отношении

полномочий стран-членов, и в частности, если ориентироваться на самый категоричный ответ («абсолютно согласен» по сравнению с «согласен в какой-то степени»), здесь имеется очень сильный перепад между левыми и правыми: левые явно не одобряют идею превращения стран — членов ЕС в истинное правительство Европы, а крайне правые, наобо-

рот, являются ее яркими приверженцами. В эту линейную картину не вписываются только крайне левые, поскольку они занимают промежуточное положение между центром и умеренно правыми (рис. 5). В любом случае, невзирая на идеологическую позицию, только меньшинство выражает желание отказаться от руководящей роли стран — членов.

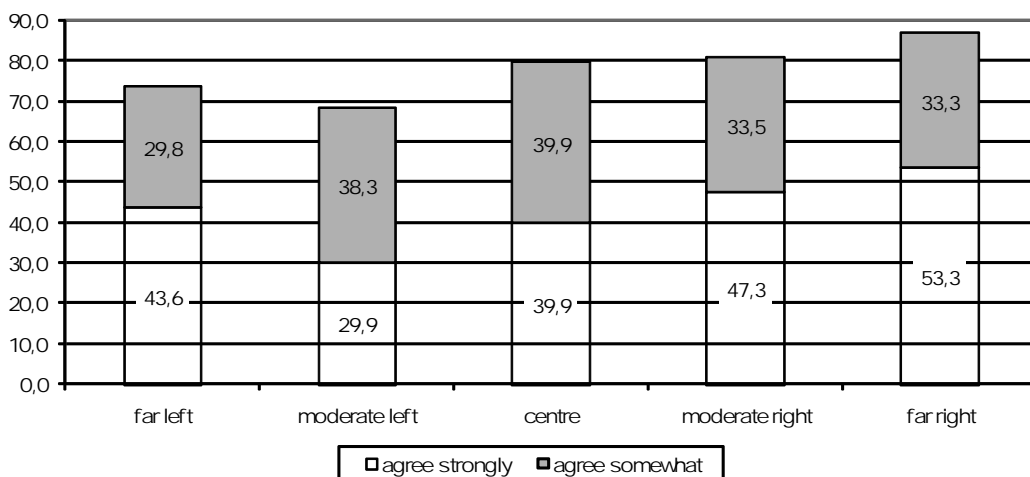

Рис. 5 Государства — члены ЕС должны стать центральными участниками Европейского Союза

Что касается поддержки доминирующей роли Комиссии, то ее сильные сторонники составляют небольшое меньшинство среди политического спектра: их число колеблется между 12% и 19% (рис. 6). Эти данные указывают еще раз, что национальные элиты готовы объединить и принять национальный и европейский уровни правления, но в гораздо меньшей степени готовы заменить первое на второе. Ответы, касающиеся полномочий Европейского парламента, показыва-

ют более сильный разброс политического спектра: если рассматривать только сильных сторонников, то мы увидим заметное уменьшение (с 50% до 23%) вдоль диапозона левые — крайне правые (рис. 7). В данном случае крайне левые выступают самыми яркими сторонниками европейской институциональной системы: может быть, в силу того, что Европейский парламент является единственным каналом, через который они могут влиять на европейскую политику?

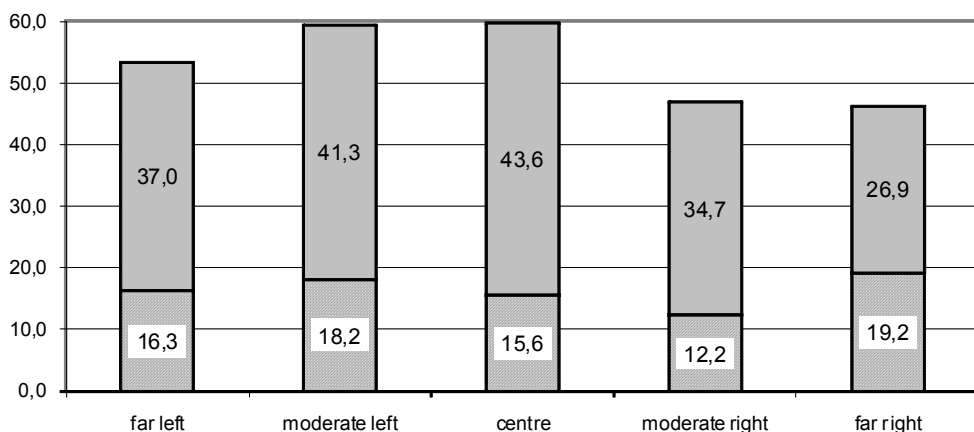

Рис. 6. Европейская комиссия должна стать подлинным правительством Европейского Союза

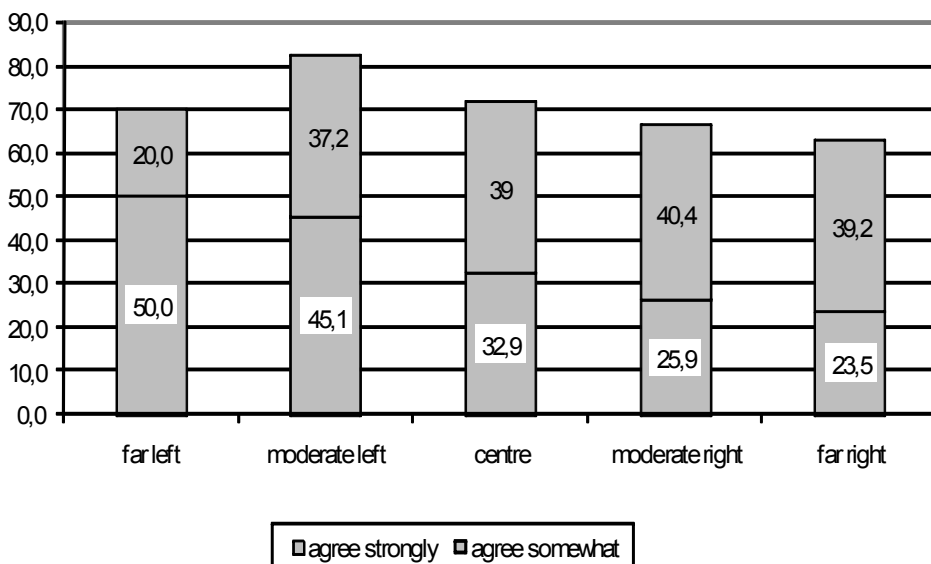

Рис. 7. Полномочия Европейского парламента необходимо расширить

Мы можем добавить еще один штрих к этой картине, анализируя ответы, касающиеся доверия к институтам власти. Представленные данные показывают, что уровни доверия к национальным и европейским институтам власти почти не отличаются (табл. 5). Только Европейский парламент получает более по-

ложительную оценку по сравнению с другими институтами. А в общем уровень недоверия к европейским институтам немного меньше, чем к национальным. По крайней мере, в их нынешнем виде институты европейского наднационального объединения пользуются таким же доверием, как и национальные.

Таблица 5

Доверие к национальным и общеевропейским институтам

	Национальное правительство *	Национальный парламент*	Европейский парламент	Европейская комиссия	Совет Министров ЕС
Высокое доверие (7–10)	38,3	35,0	42,5	35,7	38,0
Среднее доверие (4–6)	40,9	51,3	43,5	49,7	49,0
Низкое доверие (0–3)	20,8	22,7	14,0	14,6	13,0

* Только экономические элиты (политиков не опрашивали по поводу доверия к их правительству или парламенту).

Последние элементы, необходимые, чтобы понять как (предположительно) работают вертикальные механизмы гражданства ЕС, можно получить через серию вопросов, адресованных к элитам и касающихся инструментов влияния (политического участия), которые можно использовать чтобы оказывать влияние на решения, принимаемые на общеевропейском уровне (табл. 6) и как они оценивают их эффективность³. И вновь ре-

зультаты подтверждают эффективность сложной многосоставной модели. Национальные правительства оцениваются большинством членов элиты как эффективные инструменты влияния, где на кон поставлены общеевропейские политические решения. Однако почти такой же или даже больший процент респондентов считает, что более прямой механизм контакта и лоббирования в европейских институтах был бы не менее эффективным. Поэтому создается впечатление, что национальные элиты полностью усвоили тот факт, что в европейском наднациональном образовании существуют два канала влияния и представительства (прямой и непрямой), которыми можно пользоваться вполне равноценно.

³ Вопрос был сформулирован следующим образом: «Члены национальных парламентов и экономические элиты могут по-разному влиять на принятие решений на европейском уровне. Как вы оцените каждое из предложенных решений по 5-балльной шкале (где 5 означает очень эффективно)?»

Таблица 6

Эффективность различных инструментов влияния (%)

	Национальное правительство	Национальный парламент *	Евр. партийная / евр. бизнес-организация **	Контакты с институтами ЕС **
Довольно или очень эффективно	60,3	38,1	54,7/68,4	61,2/71,6
Довольно или очень неэффективно	39,7	61,9	45,3/31,6	38,8/28,4

* Только экономические элиты.

** Первое процентное соотношение относится к политикам, второе — к экономическим элитам.

**Третий компонент гражданства (СП):
полномочия европейских граждан**

В нашем исследовании мы не смогли уделить большое внимание анализу третьего компонента гражданства, т.е. комплексу полномочий, которыми государство наделяет своих граждан. Однако мы можем получить некоторые косвенные ответы на эту тему, проанализировав другие вопросы, включенные в опрос.

Отвечая на вопрос о том, каким они хотели бы видеть Европейский Союз, национальные политические элиты достаточно равномерно распределили свои предпочтения между обеспечением со-

циальной защиты и развитием конкурентоспособной экономики (Рис. 8)⁴. Интересно, что взгляды экономических элит в этой области оказались совсем другими: экономическая конкурентоспособность явно стояла у них на первом месте.

⁴ Вопрос был сформулирован следующим образом: «Я» собираюсь зачитать вам два высказывания. Пожалуйста, скажите, какое из них лучше отражает ваши взгляды:

а. «Главная цель ЕС — сделать европейскую экономику более конкурентоспособной на международных рынках».

б. «Главная цель ЕС — обеспечить более совершенную социальную защиту для всех граждан».

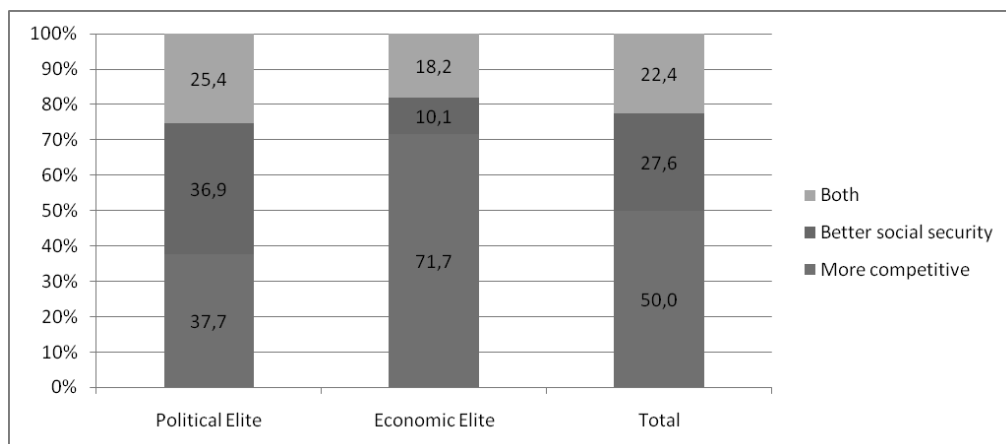

Рис. 8. Взгляды на широкие цели Европейского Союза

Переходя к более конкретным сферам политики, мы видим, что предпочтения в отношении разных территориальных уровней варьируются (табл. 7). Среди шести сфер профессиональной компетенции, которые были представлены респондентам, мы находим две сферы (окружающая среда и миграция), где явное предпочтение отдается европейскому уровню принятия решений, три сферы, где наибольшее предпочтение отдается национальному уровню принятия решений (здравоохранение, налогообложение и занятость), и одна сфера, где нацио-

нальные и европейские решения почти уравнивают друг друга.

Если добавить к этому очень большую поддержку в пользу проведения единой международной политики, то мы получим достаточно четкую картину. Основные сферы профессиональной компетенции государства всеобщего благосостояния (здравоохранение и занятость) и основные инструменты справедливого распределения (налогообложения) остаются в компетенции национальных правительств (и в некоторой степени региональных). Сферы политических пол-

номочий, вокруг которых европейские национальные государства определили свою основную задачу после Второй мировой войны (Cotta, 2007), не вызывают серьезных возражений в пользу европейского выбора. Наоборот, что касается двух сравнительно новых сфер профессиональной компетенции (или влекущих за собой новые последствия), таких как защита ок-

ружающей среде и миграция, то здесь наблюдается большая готовность передать их в ведение Европы. Возможно, это объясняется пониманием, что эти сферы связаны с проблемами, которые в какой-то степени превосходят возможности национальных государств; и к тому же они не так глубоко институализированы, как национальные сферы компетенции.

Таблица 7

Предпочтительные территориальные уровни для различных областей политики (%)

	Региональный, национальный или и то и другое	Только ЕС	ЕС и другие уровни
Окружающая среда	22,3	45,5	32,2
Иммиграция	28,3	44,7	27,0
Преступность	39,9	25,1	35,0
Занятость	62,7	14,5	22,8
Налогообложение	58,1	18,8	23,1
Здравоохранение	74,2	7,6	18,2

Картина, которая вырисовывается из этой части исследования, показывает, что компетенции органов власти (и следовательно, полномочия граждан) в целом распределены по территориальному признаку. Однако здесь есть и неясные зоны: значительное количество респондентов, находящихся в меньшинстве, хотели бы передать в ведение ЕС некоторые традиционные сферы компетенции национального государства, а с другой стороны, некоторые представители элиты, наоборот, предпочли бы оставить в компетенции национальных правительств более широкий спектр политических полномочий. И наконец, остается довольно большое количество ответов, которые предполагают сочетание национальных и наднациональных уровней принятия решений.

Также в отношении и этого аспекта гражданства мы видим, что «сложная» модель адекватно отражает взгляды национальных элит.

Выводы

Настоящее исследование подтвердило, что с точки зрения национальных элит, европейское гражданство принимает форму, которую можно назвать многосоставной или «сложной». Элементы «прямого» европейского гражданства сосуществуют с косвенными элементами, где европейское гражданство происходит от национальных гражданств. И конечно, национальное гражданство сохраняет достаточно сильную привлекательность. Таким образом, европейское гражданство является результатом сочетания различных компонентов, а не просто геометрической линейной конструкцией, форму которой порой принимают национальные гражданства.

Баланс между различными компонентами сложного гражданства значительно отличается в глазах национальных элит по целому числу параметров (географическому, идеологическому и т.п.). Как мы уже видели «первоначальные шесть» членов Союза и южных стран более готовы принять

больший вес прямого компонента европейского гражданства. То же самое распространяется на ситуацию, когда мы сравниваем умеренно левые и центристские партии с крайне левыми и правыми. Различные государственные традиции и геополитические позиции внутри европейского пространства, с одной стороны, интерпретации политических и социальных благ, с другой стороны, изменяют баланс компонентов европейской системы гражданского общества. Однако здесь требуется более глубокое обсуждение причин, чем позволяет данный краткий обзор. Еще более проблематичным является вопрос, является ли такой баланс стабильным или в нем заложены предпосылки будущих изменений.

Литература

1. Cotta M. (2007) *Domestic Elites in the Transformation of the "European Polity": the Italian*.
2. Case, in Engelstad F. & Gulbrandsen T. (eds.), *Comparatives Studies of Social and political*
3. Elites, "Comparative Social Research". Vol. 23. 2007. P. 137–171.
4. Cotta M. and Isernia P. (2009) *Citizenship in the European polity: questions and explorations*, in C. Moury and L. De Sousa, *Institutional challenges in post-constitutional Europe*, London Routledge. P. 71–94.
5. Fabbrini S. *Compound Democracy*, Oxford : Oxford University Press, 2007.
6. Lepsius M.R. (2001) *The European Union: Economic and Political Integration and Cultural*.
7. Plurality, in: Eder K. and Giesen B. (eds.) *European citizenship between national legacies and postnational projects*, Oxford : Oxford University Press. P. 205–221.
8. Marshall T.H. (1965) *Class, citizenship and social development*, Garden City, NY : Anchor Books.
9. O'Leary S. (1996) *The Evolving Concept of Community Citizenship*, The Hague : Kluwer.
10. Van Gunsteren H. (1998) *A theory of citizenship*, Boulder, CO, Westview Press.
11. Vink M. (2005) *Limits of European citizenship*, Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
12. Walzer, M. (1989) *Citizenship*, in: Ball T., Farr J. and Hanson R.I. (eds.) *Political innovation and conceptual change*, Cambridge : Cambridge University Press. P. 211–219.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕЙ ЧУЧХЕ И СОНГУН В КОНСТРУИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ВОЕННОГО СОЦИАЛИЗМА В КНДР

О.В. Агтеева

Передача власти по наследству старшему сыну Ким Ир Сена Ким Чен Иру была фактически закончена еще при жизни вождя. Он сам изначально преопределил для сына армию как опору его власти, что со временем вылилось и в необходимость создания соответствующей идеологической базы. В декабре 1991 г. Ким Чен Ир становится Верховным главнокомандующим Корейской народной армии, а в апреле 1993 г. возглавляет Государственный комитет обороны. Полководец начинает свой «долгий путь» по воинским частям, где дает указания, проводит смотры и проверки. На этой основе в армии проводится интенсивная идеологическая кампания в поддержку «любимого руководителя», солдаты, офицеры и генералы воспитываются в духе преданности новому Верховному главнокомандующему.

Приход наследника к власти необходимо было отметить какой-то «новизной», при этом нужно было подчеркнуть «новаторский ум» нового руководителя и показать преемственность великого дела Ким Ир Сена. Эту роль во многом и сыграла провозглашенная Ким Чен Иром политика *сонгун*¹ — «считать военное дело перво-степенным, направить силы на укрепление военной мощи, главное внимание уделять делу укрепления обороноспособности страны»². Новая доктрина по сути своей обеспечивает процесс строительства социализма корейского образца при одновременной милитаризации всех сфер жизни общества.

Возникновение «политики сонгун» пхеньянская историография относит к концу 1994 — началу 1995 г., когда Ким Чен Ир после смерти отца встал перед выбором — опираться ли в своей дальнейшей деятельности на партийные органы или же на армию. Именно в этот период, как утверждается, лидер КНДР, став «высшим руководителем армии, партии, государства и народа», сделал основную ставку в своей политике на вооруженные силы и создал свой уникальный стиль руководства, который «органически соединил в единое целое военное дело и политические вопросы»³. Стратегическая линия на приоритет винтовки нашла юридическое закрепление в поправках к Конституции КНДР, принятых в 1998 г.

Северокорейская доктрина выживания предусматривает «опережающее развитие военного дела и оборонной промышленности», рассматривая армию в качестве главного двигателя «корейской революции». Армия по-северокорейски — это и «партия, и народ, и государство», а курс Ким Чен Ира — единственно верная в современных условиях политика, так как ее основная цель — обеспечить защиту народных масс. Сильная в идеологическом отношении армия, даже уступающая врагу в техническом оснащении, непобедима⁴.

Идеи *сонгун* публикуются в виде бесед Ким Чен Ира с руководящими работниками, в виде комментариев, распростра-

¹ 선군 (先軍) буквально означает «приоритет армии», в корееведческой литературе не переводится.

² Ким Чер У: Военноориентированная политика Ким Чен Ира, Пхеньян. 2002. С. 3.

³ Ури таный чхондэ чхорхак [Философия винтовки нашей партии] / под ред. Цой Чер Уна. Пхеньян: Общественные науки, 2003. С. 32.

⁴ Ким Бон Хо. Видэхан сонгун сидэ [Великая эпоха сонгун]. Пхеньян, 2004. С. 23.

няемых как через прессу, так и в системе закрытой партийной пропаганды. Первые теоретические работы на эту тему за авторством научных работников и профессоров ведущих научных центров КНДР стали появляться после 2000 г.

Сегодня в идеологии военного социализма в том виде, как ее подает местная пропаганда, можно выделить три основные цели: создание имиджа Ким Чен Ира как выдающегося теоретика, создавшего собственное учение, сравнимое с кимирсеновскими идеями *чучхе*; обеспечение идейной базы для дальнейшего сплочения народа вокруг армии и «революционного руководства страны»; разъяснение народу причин существующих экономических трудностей и необходимости «затягивания поясов» в условиях сохраняющейся опасности агрессии извне. Политика приоритета армии рассматривается как многофункциональная политика, способствующая укреплению политического режима, развитию экономики, научных технологий, идеологии, морали и культуры.

В настоящее время идеи *сонгун* являются основным лозунгом в процессе мобилизации населения КНДР. Политика *сонгун* подается как наследование и развитие нынешним лидером КНДР Ким Ир Сеном идей *чучхе*, выдвинутых Ким Ир Сеном еще в 50-е годы прошлого века. При этом новая политика и идеология практически вытеснили из внутривнутриполитической риторики идеи *чучхе*, оставив за последними в основном роль «знамени для других стран и народов, идущих по пути самостоятельности».

Основные постулаты и требования в рамках этого курса формулируются следующим образом:

1. Превращение страны в «мощную военную державу», располагающую современными наступательными и оборонительными средствами для обеспечения «физической гарантии победы» в случае вооруженного конфликта.

2. Ориентация народного хозяйства на военные нужды, концентрация всех сил и

ресурсов на укрепление военного потенциала, превращение оборонной промышленности в основу национальной экономики. Налаживание производства всех необходимых видов вооружений, включая ядерное оружие и средств его доставки на основе собственных возможностей.

3. Превращение всей страны в «неприступную крепость», вооружение всего народа и повышение боеготовности армии.

4. Закрепление за армией роли авангарда, движущей силы общества в деле построения «могучей и процветающей державы».

5. Культивирование в стране чувства уважения к армии и военнослужащим, усвоение стиля и методов работы по армейскому образцу на всех объектах народного хозяйства и науки.

Вопрос о соотношении роли партии и армии в КНДР однозначно решают в пользу последней. Это связывают с тем, что вооруженные силы в Корее появились якобы раньше ТПК (т.е. армия фактически создала партию) и являются гарантом дальнейшего развития Кореи по пути, указанному Ким Ир Сеном.

В последние несколько лет идеология военного социализма получает значительно более широкую пропаганду и дальнейшее теоретическое развитие. Если раньше речь, как правило, шла лишь о «политике сонгун», то в последнее время в обиход вошли такие новые понятия, как «руководство сонгун», «революция сонгун», «идеология сонгун», и всеобъемлющий термин, характеризующий нынешний период в целом, — «эпоха сонгун». Большинство лозунгов в КНДР теперь начинается со слов «в соответствии с требованиями эпохи сонгун» или «под знаменем политики сонгун». Не так давно статус идей *сонгун* повысился до «философии сонгун», что означает их приравнивание по значимости к «философии *чучхе*».

Особенно этот процесс активизировался на фоне обострения северокорейской ядерной проблемы, когда местная

пропаганда получила возможность в полной мере использовать образ внешнего врага — США и Японии для обоснования необходимости оказания первоочередного внимания военным вопросам. Самым важным государственным делом в КНДР ныне стало укрепление независимых вооруженных сил и опережающее развитие оборонного потенциала страны. Не так давно руководство КНДР объявило о создании «сил ядерного сдерживания», что стало «возможным именно благодаря сонгун».

В последнее время в СМИ КНДР звучит мысль, что именно благодаря политике *сонгун* Северная Корея побеждает в борьбе с империализмом, и прежде всего с США. Тем самым, дескать, подтверждается практическая значимость проводимой политики, которая перешла из этапа борьбы в этап побед. Подчеркивается, что идеология военного социализма — это научная идеология, наиболее подходящая для постоянно меняющихся условий.

Все чаще упоминается и внешнеполитическая сторона идеологии военного социализма — это политика мира и независимости, которая несет в себе надежное обеспечение безопасности на Корейском полуострове и в регионе в целом, служит народу не только Севера, но и Юга. Укрепление же вооруженных сил должно сопровождаться, как полагают в Пхеньяне, бескомпромиссной дипломатической борьбой. Под этот тезис приводятся и конкретные примеры — войны в Югославии, Афганистане и Ираке, приведшие к разгрому из-за постоянных уступок со стороны местных властей, не имевших такой твердой политической опоры, как идеи приоритета армии.

Можно отметить, что идеология военного социализма в настоящее время строится практически на единственном постулате — в условиях враждебного окружения, готовящего новую агрессию против Северной Кореи, и потери союзников в лице социалистического лагеря, КНДР для успешного завершения вели-

кого дела революции может рассчитывать только на свои силы, прежде всего на армию. Однако армия сильна не сама по себе, а лишь в том случае, если она тесно сплочена вокруг вождя и готова без колебаний защищать его не на жизнь, а на смерть. Таким образом, традиционная для КНДР пропаганда культа вождя приобрела новую окраску и тесную связь с армией как основным гарантом существования социалистического строя как такового.

Важнейшую роль идеология военного социализма продолжает играть для обоснования нынешнего экономического курса государства, когда первоочередное внимание уделяется нуждам армии и оборонной промышленности, а остальные отрасли экономики отводятся на второй план и представляют интерес лишь постольку, поскольку способны обеспечить достижение главной цели — строительство и поддержание вооруженных сил. При этом народу разъясняется, что политика *сонгун* ставит задачу эпохально улучшить жизнь народа. Свое практическое выражение этот тезис нашел в новом понятии — «новый курс партии на экономическое строительство эпохи сонгун».

В рамках мер по пропаганде и внедрению доктрины военного социализма во все сферы жизни страны в канун 65-летнего юбилея Ким Чен Ира был проведен общереспубликанский слет «передовиков сонгунской революции». Слет был задуман как крупное мероприятие, призванное продемонстрировать правильность и успешность политики приоритета армии, величие и мудрость руководителя страны. В слете приняли участие делегаты от всех министерств и ведомств, провинциальных и городских партийных и народных комитетов, различных предприятий, научных и общественных организаций КНДР, что демонстрировало универсальный и всеобъемлющий характер военно-ориентированной политики. Передовики были созданы в столицу уже не в первый раз — в феврале 2005 г. по инициативе Ким Чен Ира был организован слет

«генерального марша сонгунской революции». Власть, таким образом, решила использовать еще один механизм, позволяющий самым широким слоям населения через своих «наиболее выдающихся представителей — активистов эпохи сонгун» выражать «горячую поддержку» политике партии и правительства, рапортовать об «успехах» и получать из первых рук новые идеологические установки, которые участники подобных слетов обязаны донести на места.

И на слете передовиков, и на центральном торжественном собрании, приуроченном ко дню рождения полководца, подчеркивалось, что всеми победами и достижениями армия, партия и народ обязаны Ким Чен Иру. В заслугу Ким Чен Ира ставится «великолепное владение вопросами политики и военного дела», «уникальное революционное руководство, позволившее в условиях крушения мировой системы социализма превратить кимирсенговскую Корею в мощную в политическом, идеологическом и военном отношении державу». В КНДР подчеркивается, что именно благодаря руководящей роли военно-ориентированной политики партия, армия и народ Кореи способны выдержать «любой натиск империализма». «Гордой победой политики сонгун» называется успешное проведение ядерных испытаний. В качестве основных задач эпохи *сонгун* выделены: первоочередное развитие оборонной промышленности, строительство мощной социалистической державы, где наиболее важными направлениями названы развитие экономики с целью скорейшего повышения уровня жизни граждан, решение продовольственной проблемы и развитие легкой промышленности⁵.

В целом пропагандистский аппарат ТПК, отдав дань памяти Ким Ир Сену как основателю и вечному президенту КНДР, стал стремиться к дальнейшему упрочению авторитета Ким Чен Ира как преемника дела великого вождя и нацио-

нального лидера, ведущего страну по независимому ни от кого пути.

Вплотную к пропаганде идей *сонгун* в экономике примыкают и призывы к народу усиливать идейную и политическую бдительность «в соответствии с требованиями эпохи сонгун», чтобы не допустить проникновения в страну чуждых идеологических и культурных веяний. Брать пример нужно с армии, которая подается пропагандой как «образец революционного сознания и самобытной корейской культуры». Поэтому «все попытки империалистов навязать КНДР загнивший буржуазный образ жизни, подорвать социалистический строй изнутри обречены на крах»⁶.

Министерство народной безопасности КНДР периодически распространяет листовки и объявления, где предупреждает о наказании тех, кто поддастся буржуазному влиянию и будет осуществлять действия, наносящие вред социалистической системе. Летом 2007 г. граждане были оповещены о том, что указанное министерство по поручению правительства Республики разворачивает борьбу с действиями, представляющими опасность для общественной и политической системы КНДР. К ним относятся: открытие видеосалонов, компьютерных и игровых комнат; ввоз из-за рубежа или получение от находящихся в стране иностранцев «грязных» средств пропаганды: печатной продукции, аудио- и видеозаписей; распространение посредством компьютера реакционных идеологии, культуры, а также образа жизни^{7,8}.

Можно с уверенностью ожидать, что информационное давление на население останется неизменно масштабным, будет усиливаться линия на отсечение граждан от внешнего мира. Особенное внимание на нынешнем этапе развития Северной

⁶ Нодон синмун. 7 июня 2005.

⁷ В КНДР есть внутренний Интернет, так называемый Интранет, без выхода в «мировую паутину».

⁸ Оповещение Министерства народной безопасности КНДР. 2007. 3 июля.

⁵ ЦТАК. 2007. 15 февраля.

Кореи, естественно, будет уделяться тем элементам пропаганды, которые нацелены на борьбу с буржуазными веяниями, неминуемым проникновением ростков демократии и либерализма в умы корейцев. По-прежнему основной акцент в идеологически-воспитательной работе будет делаться на воспитании молодого поколения, которое наиболее подвержено «тлетворному влиянию Запада».

Можно предположить, что в такой трактовке политика *сонгун* и другие рассмотренные идеологические установки, циркулирующие в КНДР, останутся ведущими идеями корейского общества на ближайшие годы. Вряд ли будет найдена альтернатива идеям приоритета армии, по крайней мере, до тех пор, пока не будет полностью обеспечена безопасность КНДР от внешнего врага (причем именно в том виде, как ее представляют в Пхеньяне) либо пока не принесут конкретных и ощутимых результатов экономические нововведения, без особого эффекта осуществляемые в стране с 2002 г., а рост благосостояния населения позволит отказаться от «затягивания поясов».

Пропаганда КНДР с полной уверенностью отмечает, что военно ориентированный курс страны во внутренней и внешней политике приносит свои положительные шаги. Договоренности с США в рамках шестисторонних переговоров северокорейскими политработниками преподносятся как успехи во внешней политике. Как подчеркивают СМИ, достижение стабилизации обстановки на Корейском полуострове, как, впрочем, и сохраняющийся до сих пор мир в регионе — это не что иное, как заслуга *сонгунской* дипломатии, направляемой «мудрой рукой руководства» страны во главе с Ким Чен Иром. Населению объясняют, что мощные силы сдерживания, обладание которыми стало возможным в результате политики приоритета армии, позволили отстоять суверенитет страны, заставили считаться с ее интересами, вести

разговор на равных и действовать на основе принципа уступка за уступку. Таким образом, бескомпромиссная дипломатическая борьба в условиях «враждебного окружения», труд и лишения населения не пропали даром. От Запада получены признание, экономические дивиденды, компенсации и материальная помощь. Есть, по мнению местных пропагандистов, и весомые достижения в народном хозяйстве, ставшие возможными в результате реализации курса на строительство «могучей и процветающей державы», концепция которого — воплощение идей военного социализма в экономике.

Однако, пропаганда напоминает, что империалисты не оставили планов разрушить строй КНДР, постоянно изобретают новые способы «порабления страны», «плетут интриги», «строят ложные обвинения», посредством программ помощи и гуманитарных обменов пытаются разложить страну, поколебать ее устои, веру в правильность выбранного пути развития. Не ослабло и военное противостояние. Нарастивает свои милитаристские амбиции Япония, новые вооружения размещаются на Юге полуострова. Таким образом, политика *сонгун* не теряет своей значимости, а только развивается. Как отмечается в последних авторских комментариях, сейчас, когда наметились позитивные сдвиги во всех областях экономики, народу необходимо, не ослабляя внимания к оборонному строительству и нуждам армии, приложить еще больше усилий и реализовать курс партии на улучшение жизни граждан за счет «революции» в области сельского хозяйства и легкой промышленности, что должно привести к решению проблем с продовольствием и обеспечением товаров народного потребления.

Таким образом, можно предположить, что политика *сонгун* и другие сочетаемые с ней идеологические установки, циркулирующие в КНДР, останутся востребованным строем и будут ведущими идеями корейского общества и на ближайший период. Вместе с тем по мере улучшения жиз-

ненного уровня отдельной части населения (а он, несомненно, растет, и это отчетливо заметно, особенно в больших городах) и ее приближения к существующей партийной элите, проникновения в страну внешнего

влияния мы сможем наблюдать и процесс постепенной трансформации идеологии военного социализма и появление очередной модернизированной версии «идей чужие, воспринявших влияние времени».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

22 декабря 2009 г. в МГИМО — Университете МИД России прошел Первый ежегодный политологический симпозиум. Тема симпозиума — «Эволюция природы современного государства».

В симпозиуме приняли участие ведущие политологи Университета, а также представители политологических школ Дипломатической академии, МГУ, ГУ — ВШЭ, других образовательных центров. Симпозиум был организован факультетом политологии и кафедрой политической теории МГИМО. Заседание открыли декан факультета политологии профессор А.Д. Воскресенский и зав. кафедрой политической теории профессор Т.А. Алексеева.

С первым базовым докладом выступил профессор кафедры политической теории Н.А. Косолапов. Тема доклада — «Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология». В качестве дискуссионных выступили зав. кафедрой мировых политических процессов М.М. Лебедева и зав. кафедрой сравнительной политологии М.В. Ильин. Дискуссию вел зав. кафедрой политической теории Т.А. Алексеева.

Второй базовый доклад был сделан профессором кафедры сравнительной политологии Б.И. Макаренко. Дискутантами выступили профессор кафедры политической теории О.В. Гаман-Голутвина и зав. сектором теории политики ИМЭМО РАН Э.Г. Соловьев. Дискуссию вел профессор кафедры политической теории Г.Г. Водолазов.

Симпозиум вызвал существенный резонанс в российском политологическом сообществе. Его материалы планируются к публикации в ведущих политологических изданиях страны, а также в виде коллективной монографии.

Научно-методический семинар «Преподавание политических наук в московских вузах: школа-бакалавриат-магистратура» (11.12.2009).

Как эффективно преподавать общественно-политические дисциплины в школе? Какие карьерные пути возможны для выпускников-политологов? Плюсы и минусы перехода бакалавриат-магистратура? Эти вопросы стояли перед участниками научно-методического семинара «Преподавание политических наук в московских вузах: школа-бакалавриат-магистратура», состоявшегося 11 декабря 2009 г. на площадке ГОУ СОШ № 1275 (директор О.Г. Смаль) при участии ГОУ СОШ № 1479 (директор Н.В. Куликова).

В мероприятии приняли участие представители средних общеобразовательных школ — директора, дети и родители. Тут же присутствовали и представители вузовского сегмента — профессора и преподаватели МГИМО. В сущности, ключевой задачей семинара было выявить возможные пути перехода и совместности в преподавании политических наук в московских образовательных учреждениях на разных уровнях.

Участниками экспертной группы были подготовлены материалы для дискуссии в рамках экспертного семинара на тему «Уровни преподавания политических наук в московских учреждениях образования: проблемы перехода и совместности». В семинаре приняли участие руководители подразделений образования от уровня средней школы до программ подготовки магистров и аспирантов. Тезисы выступлений членов оргкомитета, а также приглашенных экспертов были подготовлены и распространены среди участников семинара заблаговременно. Таким образом, на экспертном семинаре обсуж-

дались выдвинутые в письменных работах экспертов аргументы и рекомендации.

На семинаре состоялась дискуссия по ряду наиболее актуальных проблем «стыковки» различных уровней образования в сфере общественных наук:

— опыт преподавания общественно-политических дисциплин в средних общеобразовательных школах;

— проблемы профориентации и трудоустройства выпускников-политологов;

— специфика магистерской подготовки по специальностям политологического цикла и проблемы перехода бакалавриат—магистратура

1. Опыт преподавания общественно-политических дисциплин в средних общеобразовательных школах

Доклад Н.В. Куликовой и последующая дискуссия привели участников семинара к следующим основным выводам:

Общественно-политические дисциплины, как и весь массив школьного образования в целом, должны не только обеспечивать ученика необходимыми ему знаниями, умениями и навыками, но также призваны воспитывать и готовить его к будущей взрослой жизни.

Понимание роли личности в истории, ее места в общественной жизни, формах и типах человеческих контактов, а также осознание единичности и неповторимости каждого человека, его самобытной значимости в основном формируются на уроках истории Отечества и обществознания. Однако добиться этого в конечном итоге и, что еще важнее, воспитать активную жизненную позицию школьника невозможно без системного подхода.

Главным направлением этих усилий является процесс обучения. Уроки истории и обществознания строятся при активном участии ребенка. Не последнее место занимает популярная сегодня проектная деятельность учащихся разного рода направлений и содержания: от подготовки эссе и аналитических работ до мультимедийных проектов. При этом не

потеряли своей актуальности и традиционные педагогические методики: постановка проблемы и совместный поиск ответа учителем и учеником. Пути решения данной проблемы могут варьироваться в зависимости от цели и задач урока (блока уроков): а) коллективный путь через вопрос-ответ, научную дискуссию, диспут; и/или индивидуальный — на основе индивидуальной или групповой аналитической работы учащихся с представлением и защитой собственной точки зрения, а иногда и просто в виде беседы учителя и класса.

Помимо этого, школьные образовательные программы должны дополняться программами дополнительного образования. Подобные программы могут включать, например, цикл музейно-экскурсионных занятий на базе таких музеев, как Государственный исторический музей (ГИМ), Государственный музей современной истории России (ГМСИР), Государственная Третьяковская галерея (ГТГ), Государственный музей изобразительного искусства (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Учащиеся классов с 5-го по 11-й могут в течение учебного года посещать эти и другие музеи по изучаемым темам.

Специализация старшей школы должна предусматривать активное правовое воспитание. Целесообразно также организовывать дополнительные общественно-правоведческие мероприятия и занятия. Так исторически сложилось, что проведенные однажды праздники, например посвященные Дню Конституции 12 декабря 1993 г., превратились в хорошую традицию, когда старшие школьники (начиная с 7-го и до 11-го класса) проводят занятия — игры, викторины, дискуссии — для младших. Возможно, высокая эффективность и популярность этих праздников объясняется именно личностным началом.

В целом дискуссии по правовой и общественно-политической тематике должны стать обычными явлениями обще-школьной жизни. Уже сейчас в средних

школах Москвы каждый год проводятся открытые уроки, дискуссионные встречи для учителей округа, студентов педвузов, подготовленные учителями школы совместно со своими учениками.

Вместе с тем успехи определяются традициями и опытом школы, творческим настроением педагогического коллектива и — главное — желанием и энергией самих учащихся.

2. Проблемы профессиональной ориентации и трудоустройства выпускников-политологов

С основным сообщением на данную тему выступила к.пол.н. Е.В. Колдунова. Она проиллюстрировала данную проблему на опыте факультета политологии МГИМО (У) МИД России, сотрудником которого она является. В ходе выступления и последующей дискуссии участниками семинара были сделаны следующие выводы:

Специфика высшего образования в области политических наук заключается в многовариантности карьерных путей, открытых для выпускников как факультета политологии МГИМО, так и других учебных заведений, готовящих политологов. Этому существуют две причины:

Во-первых, в МГИМО обязательно интенсивно изучаются два (а при желании студента и три) иностранных языка. Во-вторых, обязательным компонентом политологического образования в МГИМО является профессиональная специализация в рамках определенного направления, связанного с международными отношениями. Так, на факультете политологии МГИМО существуют три направления подготовки студентов:

- мировая политика;
- сравнительная политология и политическая экспертиза;
- экономическая политология.

Данные направления специализации задают общие магистральные направления профессиональной ориентации для студентов.

Выпускники факультета политологии традиционно ориентированы на трудоустройство в органах государственного управления (Государственной Думе, министерствах и ведомствах, включая МИД России и российские загранучреждения), крупнейших российских и транснациональных корпорациях, аналитических центрах и компаниях, специализирующихся в сфере связей с общественностью и политического консалтинга.

Студенты факультета политологии уже в период обучения в бакалавриате имеют возможность пройти ознакомительную практику в государственных или корпоративных структурах с перспективой последующего трудоустройства. Так, в 2009 г. ряд студентов старших курсов прошли практику в Правительстве Российской Федерации, Управлении международных связей Совета Федерации, Государственной Думе, Центральной избирательной комиссии РФ, Информационном центре ООН в Москве, московских представительствах ряда международных компаний и других организациях.

С целью знакомства студентов с возможностями дальнейшего трудоустройства факультет политологии организует серию мастер-классов с участием специалистов-практиков, которые могут предложить студентам факультета дополнительные возможности в данной области. В 2009 г. перед студентами-политологами уже выступили председатель Центральной избирательной комиссии В.Е. Чуров, губернатор Кировской области Н.Ю. Белых, председатель совета директоров группы компаний «НИККОЛО М» И.Е. Минтусов, президент Фонда эффективной политики Г.О. Павловский и др. В беседах с ними обсуждался вопрос о возможностях прохождения практики и последующего трудоустройства студентов факультета.

Таким образом, основные направления профессиональной ориентации и трудоустройства студентов факультета политологии МГИМО напрямую увя-

зываются с интенсивным и качественным прохождением ознакомительной практики по специальности уже в рамках учебного процесса на уровне бакалавра, а также с предоставлением возможности посредством участия в мастер-классах познакомиться с государственными деятелями, ведущими экспертами, политологами-практиками, чья деятельность непосредственным образом связана с миром политики и сферами специализации студентов-политологов.

3. Специфика магистерской подготовки по специальностям политологического цикла и проблемы перехода бакалавриат—магистратура

Основная докладчица к.пол.н. К.А. Ефремова отметила, что согласно ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» от 24 декабря 2007 г. № 232-ФЗ с 1 сентября 2009 г. в России была введена двухуровневая система высшего профессионального образования. Таким образом, процесс получения выпускниками общеобразовательных школ высшего профессионального образования был разделен на два независимых этапа: бакалаврскую (4 года) и магистерскую (2 года) подготовку. Двухуровневая система способствует признанию российских степеней за рубежом, но пока еще не пользуется однозначным доверием российских работодателей, что побуждает карьерно ориентированных выпускников бакалавриата продолжить обучение в магистратуре.

По словам К.А. Ефремовой, в то время как многие московские вузы (включая МГУ им. М.В. Ломоносова) еще только начинают переходить на двухуровневую систему образования, МГИМО уже имеет пятнадцатилетний опыт работы в этой сфере. В 1994 г. в МГИМО была открыта первая российско-французская магистратура по международным отношениям совместно с парижским институтом Сьянс По.

В настоящее время МГИМО реализует пять магистерских программ политологического цикла по направлениям подготовки «Политология», «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» (в том числе совместно с французскими, немецкими и американскими университетами), планируется к открытию еще две международные программы.

По заключению участников семинара, совместные образовательные программы дают студентам-политологам в первую очередь доступ к новейшим достижениям мировой политической науки, нередко неизвестным в России (в частности, по причине неудовлетворительного комплектования зарубежных фондов российских библиотек). Во-вторых, обучение по программе совместной магистратуры дает возможность профессионально овладеть иностранными языками, поскольку часть учебных материалов приходится изучать в оригинале (в магистратуре МГИМО, например, по ряду дисциплин объем рекомендованной литературы на английском языке приближается к 40–50%). И наконец, в-третьих, возможность расширить свой кругозор, развить навыки межкультурной коммуникации, глубже понять особенности мышления и политического поведения представителей других государств.

На семинаре было также отмечено, что, несмотря на привлекательность второй ступени высшего образования, процесс перехода от бакалавриата к магистратуре сопряжен с определенными трудностями. Основная сложность связана с необходимостью повторно сдавать вступительные экзамены, причем в отличие от Единого государственного экзамена программы вступительных экзаменов в магистратуру утверждаются на уровне ученого совета высшего учебного заведения и могут существенно различаться от вуза к вузу. Вместе с тем их содержание определяется федеральными государственными стандартами высшего профессионального образования ВПО по соот-

ветствующему направлению подготовки, что теоретически позволяет выпускникам других вузов на равных конкурировать с абитуриентами, собирающимися продолжить обучение в *alma mater*. Труднее приходится тем, кто собирается поменять свое направление подготовки (например, закончив бакалавриат по направлению «Политология», поступить в магистратуру по направлению «Зарубежное регионоведение»).

Например, судя по опыту МГИМО, к которому апеллировала К.А. Ефремова, междисциплинарные границы вовсе не являются непреодолимыми. Создавая некоторые трудности для выпускников бакалавриата, двухуровневая система высшего профессионального образования

предоставляет им ряд неоспоримых преимуществ. Главное из них заключается в возможности «горизонтальной мобильности», то есть корректировки изначально выбранного направления подготовки в ответ на динамично меняющиеся запросы рынка труда. В этом плане обладатель степени бакалавра получает определенные социальные гарантии в отличие от дипломированного специалиста, который не имеет права на «ошибку» в выборе будущей профессии.

**Материалы рубрики
подготовлены
М.А. Троицким,
Е.В. Колдуновой,
Е.А. Прониным**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Лидерство и конкуренция в мировой системе: США и Россия / отв. ред. А.Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. — М. : КРАСАНД, 2010. — 352 с.

Современное состояние российско-американских отношений, пожалуй, наиболее верно охарактеризовать как неопределенное. Такая неопределенность обусловлена и сменой лидеров США и России (приведшей, в свою очередь, к большим или меньшим изменениям в политических курсах двух стран), и глобальным экономическим кризисом, существенно трансформировавшим среду мировой системы. Формирование новой атмосферы международно-политических взаимоотношений между двумя странами происходит постепенно, осторожно, избирательно. И хотя лидеры России и США на летнем саммите в Москве заявили о «перезагрузке отношений», о действительно новом этапе, который можно охарактеризовать серией конкретных примеров сотрудничества, а не только декларативных — говорить, как представляется, еще рано.

В такой ситуации для отечественной науки о международных исследованиях актуальной является потребность не только в прогнозировании новых векторов двустороннего сотрудничества, но и в переосмыслении опыта политического взаимодействия двух стран: как в период президентства Джорджа Буша-младшего, так и в постбиполярный период в целом.

Именно такую задачу стремились решить российские ученые-международники — участники сентябрьской конференции МГИМО «Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США» и авторы коллективного исследования с соответствующим названием.

Исследование состоит из двух частей. В первой части рассматриваются раз-

личные аспекты глобального взаимодействия акторов мировой системы (США и России) как непосредственно друг с другом, так и в рамках меняющейся среды. Вторая часть посвящена теме российско-американского сотрудничества/конкуренции/взаимовлияния как в отдельных аспектах (военно-политическом, идеологическом), так и в отдельных регионах (на «западном фланге» СНГ, Кавказе, в Центральной Азии).

Общие проблемы — такие как лидерство или гегемония Соединенных Штатов в современном мире, преимущества однополярной или многополярной системы международных отношений — рассматриваются в статьях А.Д. Богатурова, В.А. Кременюка, Э.Я. Баталова. Отмечая ключевую роль неудачной кампании «государствостроительства» (state building) Ирака и Афганистана в деградации глобального американского первенства, авторы обращают внимание и на другие факторы, ограничивающие инструментарий внешней политики США. Особую роль каждый из авторов уделяет августовским событиям 2008 г., характеризуя их как «пик напряжения», «похолодания» отношений между Россией и США. Существенно меньшее внимание уделяется темам самоопределения Косово и эволюции российской внешней политики от «опеки» к признанию суверенитетов Абхазии и Южной Осетии.

А.Д. Богатуров подробно анализирует эрозию как ценностей мира, так и ценностей демократии в постбиполярный период. Приоритет вторых ценностей над первыми, воплощенный во внешней политике США при Клинтоне и Буше-младшем, по мнению исследователя, не позволил сформировать более или менее устойчивый глобальный режим сотрудничества между странами. С одной стороны, избирательность, с другой — «авторитар-

ность США во имя всемирного торжества демократии» привели к уникальному явлению, удачно обозначенному автором как «дестабилизация мировой системы ее самым влиятельным центром». Можно согласиться и с тем, что неудача США как глобального лидера была обусловлена не только невосприимчивостью американской элиты к критике извне, но и ограниченностью «революции в военном деле» на современном этапе. Однако в исследовании хотелось бы увидеть также взаимосвязь эрозии ценностей мира с процессом деградации ООН как универсального института глобального регулирования.

Более оптимистичным является подход В.Д. Кременюка. Констатируя «роковую роль Ирака в современном положении США на мировой арене», он обращает внимание на то, что претензии США играть роль лидера — с начала XX века и до сих пор — имеют под собой достаточно твердые основания: идеологические, технологические, экономические. Считая Соединенные Штаты «демиургом» современного миропорядка, автор отмечает, что именно неумение США справиться с глобальными проблемами способствует укреплению «дополнительных резервов развития» — т.е. новых потенциальных лидеров мировой системы. Все же едва ли можно согласиться с тем, что «старение» США и потеря ими лидерства — процесс необратимый. Энергичная политика нового американского президента по «возвращению» Америке «гибкой власти» пока что опровергает такой радикальный тезис.

Э.Я. Баталов продолжает дискуссию о роли США в мировой системе. Он проводит градацию категорий «господства», «доминирования», «первенствования», «гегемонии», «лидерства» и формулирует главный мегатренд мировой системы: «трансформация *глобального лидерства США в групповое лидерство*, не имеющее четко выраженного регионального характера, однако объединенное более или менее общей идеологией». Такая точка зре-

ния верна, если оценивать мощь акторов исключительно в военно-политическом и экономическом аспектах — США действительно не являются лидером, а лишь наиболее сильным центром влияния, скорее «первым среди равных», а не «первым над остальными». Однако если перейти к теме идеологического влияния Америки и «демократического консенсуса» с европейскими странами — тезис о потере лидерства Соединенными Штатами становится куда более спорным.

Недостающее звено в рассуждениях Э.Я. Баталова прекрасно дополняет статья Т.А. Алексеевой. Идеологизация американской внешней политики как раз и является ее темой исследования. Отталкиваясь от риторики на тему продвижения демократии как основной внешнеполитической задачи США, она анализирует «концептуальные цепочки неоспариваемого характера» глобализма и выявляет его основные черты как новой идеологической системы, выходящей за рамки конвенциональных классификаций. Действительно, традиционные для начала — середины XX в. идеологии претерпевают существенные изменения, однако, с другой стороны, продолжают «тянуть» глобализм обратно. Как справедливо отмечает автор, «справа» глобализму дают ответ неолокалисты, национал-популисты и религиозные фундаменталисты; «слева» — интернационалисты-эгалитаристы. В связи с этим возникает дискуссионный вопрос: уместно ли вообще выделять глобализм в качестве самостоятельной идеологической системы — или это всего лишь новый (адаптированный к современности) компонент в «старых» идеологических системах?

Д.М. Темников рассматривает взаимосвязь доктрины «гуманитарной интервенции», силовой политики США при Буше-младшем и дискуссий о *Pax Americana*. Его статья примечательна тем, что обрисовывает широкий спектр мнений: от «оптимистов» американского лидерства (Н. Фергюсон, Ч. Джонсон, Л. Сам-

мерс) до «скептиков» (Дж. Най, Б. Барбер, Ф. Закария). В любом случае, как считает Д.М. Темников, новая администрация Соединенных Штатов будет продолжать «реформу» миропорядка, не столь brutальными, как при Джордже Буше, но едва ли менее односторонними средствами. Именно потому планы Обамы о созыве международной конференции по безъядерному миру кажутся автору эфемерными, а наиболее перспективным вариантом сотрудничества Москвы и Вашингтона — укрепление режима нераспространения.

Экономическое измерение американского первенства, как и идеологическое, также является предметом рецензируемого исследования. В статье В.Б. Супяна разбираются основные макроэкономические показатели развития США, включающие данные об участии страны в международном разделении труда и мирохозяйственных связях, роли американских ТНК, структуре внешней торговли и экономическом потенциале. Аналогичные показатели, иллюстрирующие возможности России быть одним из лидеров мировой системы, приводит в своей работе А.С. Булатов. Его прогноз предполагает умеренное увеличение веса России в производстве мирового ВВП, которое, однако же, будет тормозиться невысоким уровнем конкуренции, коррупцией и слабой защитой прав собственности. Также и В.Б. Супян убежден в том, что США сохранят лидирующие позиции в мировом хозяйстве, естественно, с более радужными перспективами, но и проблемами не менее острыми, хотя и другого характера, чем в России.

Проблемы энергетической политики рассматриваются в статьях А.Г. Олейнова и Ю.В. Боровского. В первой статье подробно характеризуются данные по трем ключевым источникам энергии: нефти, природному газу и углю, включающие такие показатели, как доказанные запасы, динамика добычи, структура производства и потребления, экспорта и импорта ресурсов. Работа Ю.В. Боровского посвя-

щена обзору энергетической дипломатии Соединенных Штатов, в частности, в ней отмечается роль Международного энергетического агентства, описывается история государственного управления нефтяным потреблением в США.

Работы, завершающие первую часть сборника, посвящены военно-политическому аспекту внешней политики Соединенных Штатов.

А.Ф. Фененко концентрирует внимание на эволюции стратегических концепций в постбиполярный период. С его точки зрения, существует семь основополагающих, долгосрочных тенденций, определяющих американскую военно-политическую стратегию. К таким тенденциям автор причисляет: (1–3) факторы меняющейся среды мировой системы (снижение силовой конкурентности, модификация концепций «сдерживания», снижение интереса США к стратегическому диалогу в постбиполярный период); (4–5) возрождение ряда старых концепций (концепций «гибкого реагирования», ограниченной ядерной войны); (6–7) возникновение новых концепций («революции в военном деле» и «транснациональной войны»). Современные же инициативы США, касающиеся передела космического пространства, усиления режима контроля над распространением «чувствительных» технологий, ликвидации (или резкого сокращения) ядерных арсеналов автор видит не выгодными для российских военно-политических интересов.

Вопросы отношений США с союзниками рассматриваются в статьях В.В. Пановой и Ф.Г. Войтоловского.

В первой статье разбираются основные стадии взаимодействия США с союзниками по вопросам безопасности в 1990-е и 2000-е годы. Автор выделяет три такие стадии: «демократическая кооперативная» (при администрации Клинтона), «республиканская кооперативная» (в период от сентябрьских событий 2001 г. до вторжения в Ирак), «республиканская односторонняя» (приблизительно второй

срок президентства Буша-младшего). Беглый, хотя и широкий обзор взаимодействия США с Россией, Китаем, Индией, основными европейскими странами и некоторыми латиноамериканскими позволяет автору сделать вывод о том, что рано предвещать Соединенным Штатам потерю лидерства или противостояние с мощным, конкурентоспособным соперником. Более пессимистично выглядят, как считает В.В. Панова, российско-американские отношения, особенно в стратегически важных для обеих стран регионах Кавказа, Каспия, Центральной Азии.

Американское лидерство в НАТО является темой исследования Ф.Г. Войтоловского. Автор знакомит читателей с проблемой соперничества стран «новой» и «старой» Европы по вопросу расширения НАТО, с процессом перераспределения полномочий между США и союзниками по Североатлантическому альянсу. Существенный интерес также представляют тезис о роли НАТО в обеспечении безопасности энергетических потоков, рассуждения о перспективности вхождения стран АНЗЮС в Североатлантический альянс. В исследовании не затронуты проблемы сотрудничества между Россией и США в рамках Совета Россия-НАТО — но данная тема рассматривается в том числе в статье М.А. Троицкого во второй части.

Как уже говорилось выше, вторая часть рецензируемой коллективной работы посвящена теме российско-американского взаимодействия в различных областях и регионах.

В статьях В.Н. Гарбузова, Т.А. Шаклеиной, Н.А. Косолапова раскрываются общие проблемы российско-американских отношений. Исследователи концентрируются на анализе идеологического взаимодействия двух стран, в особенности на феномене взаимного отторжения российскими и американскими лидерами радикально-критической риторики в свой адрес.

Влияние внешнего фактора на президентскую кампанию по выборам 2008 го-

да в США анализирует В.Н. Гарбузов. С его точки зрения, международно-политические проблемы, за исключением операций в Ираке/Афганистане и мирового финансового кризиса, едва ли повлияли на расстановку сил среди претендентов. Не ограничиваясь анализом электорального процесса, автор также объясняет, как ошибки Буша-младшего скорректировали предпочтения избирателей и предвыборные программы претендентов. Более спорным представляется тезис автора о том, что «в США отчетливо проявляется тенденция к ужесточению курса в отношении России». И уж тем более гипотеза о новой политике «сдерживания», более или менее аналогичной периоду холодной войны.

Интересную модель российско-американских отношений, обусловленных *проблемой бифуркации*, обосновывает Т.А. Шаклеина. С ее точки зрения, *бифуркация* заключается в активном дипломатическом диалоге, с одной стороны, и минимальном реальном включении России в западные структуры и инициативы — с другой, т.е. она обусловлена американской глобальной стратегией вовлечения и расширения, выработанной при администрации Клинтона. Нежелание лидеров России и США в 2000–2008 гг. отойти от взаимной «идеологической фрустрации» друг друга признается автором главным препятствием для конструктивного взаимодействия стран на современном этапе.

Не менее тревожным выглядит описание политико-психологической среды российско-американских отношений у Н.А. Косолапова. Основную гипотезу автора можно свести к тезису о том, что вероятность прямого столкновения России и США носит принципиально иной характер, чем в период холодной войны. Эта вероятность, по мнению исследователя, выше именно потому, что обе стороны недооценивают процесс взаимного накопления недоверия. Такое суждение, однако, остается весьма дискуссионным во многом и потому, что в нем слышат-

ся отголоски снова ставшего актуальным спора Уолтца с Дойчем и Сингером о том, какой мир является стабильнее — биполярный или многополярный.

Не может не привлечь внимания фундаментальный анализ перспектив российско-американских отношений сквозь призму «дилеммы безопасности» в исследовании И.Н. Тимофеева. Опираясь на количественные модели реалистической школы (например, Л. Ричардсона, Б. Голдсмита, Б. Фордама), либеральной (Д. Клера, М. Ворда и др.) и конструктивистской (Д. Руссо, К. Аткинсон), исследователь признает, что серьезных оснований для оптимистического сценария российско-американского взаимодействия нет. В то же время сохранение паритета ядерных потенциалов, расширение экономического сотрудничества и отказ от идеологических баталий способны, как считает автор, в долгосрочной перспективе улучшить отношения Соединенных Штатов и России.

Проблема взаимодействия акторов на постсоветском пространстве находит отражение в работах А.В. Мальгина, М.А. Троицкого, В.Ю. Сизова и А.С. Дундича.

Тему отношений России и Европейского Союза на постсоветском пространстве (в основном, на его «западном фланге») раскрывает А.В. Мальгин. Его исследование ценно комплексным описанием двусторонних и многосторонних отношений за 2008–2009 гг. с учетом влияния таких событий, как энергетический российско-украинский кризис, война в Южной Осетии. Его точка зрения выдержана в духе умеренного оптимизма — с надеждой на то, что концептуализированная система сотрудничества выгодна всем акторам региона.

Динамику взаимодействия России с другой, не менее активно стремящейся на постсоветское пространство организацией — НАТО разбирает М.А. Троицкий. Отличительной чертой его исследования является скрупулезное, последовательное

рассмотрение внешнеполитических инициатив и переговорного процесса акторов на «западном фланге» СНГ, в Закавказье и Центральной Азии. Именно потому вряд ли можно не согласиться с гипотезой автора о том, что конкуренция за поддержку акторов в этих субрегионах между Россией, США, ЕС и Китаем существенно возросла с 2003–2004 гг. — во многом благодаря смене политических элит в ряде ключевых государств.

Одним из «острых» проявлений такой конкуренции между акторами в Закавказье В.Ю. Сизов считает российско-грузинскую войну за Южную Осетию. Автор детально расписывает предпосылки и последствия этой войны и пытается дать сценарий развития международно-политической ситуации в регионе. В этой связи тревожным сигналом звучат довольно уверенные заявления исследователя о высокой вероятности нового вооруженного конфликта (в случае возрождения военной мощи Грузии), о почти неизбежном росте военных расходов сторон и развитии «гонки вооружений», получившей для своего обоснования существенные доводы. Гораздо меньшее внимание автор уделяет такому важному событию, как признание Россией Южной Осетии и Абхазии, уклоняясь от крайне неоднозначного вопроса о том, возможно ли в принципе после такого шага (т.е. признания) рассчитывать на успех в разрешении латентного российско-грузинского конфликта.

Менее ангажированной, но не менее запутанной является проблема американского присутствия в Центральной Азии, поднимаемая в исследовании А.С. Дундича. Наиболее важным содержательным тезисом этой статьи является мысль о том, что политика США в регионе преследует многосторонние цели — так же как и политика любых остальных акторов. Причем, за исключением цели борьбы с терроризмом (для США — в первую очередь в Афганистане, а также в Пакистане), остальные цели акторов существенно раз-

няться и не позволяют ни одному из них достичь первенства в регионе.

Более узкой теме, а именно теме эволюции подходов США к созданию режима в Афганистане в 2000-е годы посвящена статья А.А. Сушенцова. Его трезвое, содержательное обоснование провала строительства демократии по американским лекалам едва ли можно подвергнуть сомнению, как и тезис о том, что именно такие провалы являются одними из главных доводов скептиков американского мирового первенства. Менее убедительными, на наш взгляд, являются соображения о том, что «перемещение афганского досье в тень индо-пакистанского и американо-иранского противостояния — возможный тренд мирового развития в 2010-х гг.».

Наконец, темой последней статьи сборника является прагматизм во внешней политике США (С.С. Судаков). Отличительной особенностью этой работы на фоне остальных является ретроспективный разбор внешней политики США при Клинтоне, который может быть полезен при прогнозировании внешнеполитического курса Б. Обамы именно потому, что автор выделяет ряд проблем, возникших при Клинтоне тогда, когда Америка впервые выступила в роли «единственного долгосрочного регулятора» мировой системы и впервые столкнулась с новыми угрозами и вызовами (терроризмом на территории США, необходимостью миро-

творческих операций, расширения НАТО при сохранении дружественных отношений, нарушениями режима нераспространения в Азии). Эти же проблемы достались в наследство Дж. Бушу-младшему, и неумелые попытки их решить породили еще одну, наверное, самую сложную проблему — проблему дестабилизации мировой системы ее лидером.

Именно такой (вполне очевидный и неискушенному взгляду) тезис чаще всего подтверждается в рецензируемом коллективном исследовании. Главное же его достоинство состоит в том, что оно открывает подводную часть айсберга, именуемого внешней политикой США. Военно-политический, экономический, идеологический ракурсы, представленные в статьях, — дают довольно полную картину американского лидерства в мировой системе и региональных подсистемах (включающих Россию). Конечно, и уровень исследовательских техник у авторов значительно дифференцирован, и события, как и следовало ожидать, отображаются не равномерно. В то же время плюралистичность исследования, выражающаяся в том числе, например, в дискуссиях об американском лидерстве/гегемонии/первенстве, о перспективах российско-американских отношений, позволяет избежать индоктринации, однообразного стиля изложений или узкоспециализированной точки зрения.

Е.А. Пронин

Дневники и переписка И.М. Майского

Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский ; сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Харольская ; отв. ред. В.С. Мясников. Кн. 1 : 1900–1934. — М. : Наука, 2005. (Научное наследство. Т. 31 : в 2 кн.)

Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский ; сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Харольская ; отв. ред. В.С. Мясников. Кн. 2 : 1935–1975. — М. : Наука, 2005. (Научное наследство. Т. 31 : в 2 кн.)

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн./ Иван Михайлович Майский ; сост. Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский, Ю.А. Никифоров ; отв. Ред. А.О. Чубарьян. Кн. 1 : 1934 — 3 сентября 1939. — М. : Наука, 2006. (Научное наследство. Т. 33 : в 2 кн.)

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. / Иван Михайлович Майский ; сост. Н.В. Бойко, Е.В. Косырева, Л.В. Поздеева; отв. Ред. А.О. Чубарьян. Кн. 2. Ч. 1 : 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 года. — М. : Наука, 2009. (Научное наследство. Т. 33 : в 2 кн.)

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн./ Иван Михайлович Майский ; сост. Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский, Ю.А. Никифоров ; отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941 — 1943 год. — М. : Наука, 2009. (Научное наследство. Т. 33 : в 2 кн.)

В течение последних нескольких лет Российской академией наук в серии «Научное наследство» публикуются не издававшиеся ранее материалы, связанные с деятельностью выдающегося отечественного дипломата и ученого Ивана Михайловича Майского. Опыт И.М. Майского, на протяжении многих лет работавшего полпредом, впоследствии послом СССР в Великобритании (1932–1943), а затем заместителем министра иностранных дел СССР (1943–1947), уникален и не утратил своей актуальности для нашей современной жизни.

Переписка и дневники дипломата, значительная часть которых была рассек-

речена Архивом министерства иностранных дел Российской Федерации лишь недавно, показывают объективную картину внутривнутриполитической жизни советского государства и его внешнеполитических связей в один из самых драматических и переломных моментов его существования.

Заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) профессор М.М. Наринский в этой связи отметил: «Публикация дневников И.М. Майского является бесспорным достижением и в деле расширения круга источников советской внешней политики, и для изучения исторической науки в СССР. Публикация вызывает интерес прежде всего в связи с личностью автора дневников. Иван Михайлович Майский был известным советским дипломатом, работавшим в Японии, Финляндии, Великобритании. Он был заместителем наркома иностранных дел, участвовал в выработке основ политического курса советской страны.

В этом смысле личные дневники И.М. Майского удачно дополняют опубли-

ликованные дипломатические документы, расширяют наше представление об оценках Москвой тех или иных событий международной жизни. Характерной чертой деятельности Ивана Михайловича были его обширные знакомства в британском истеблишменте, его частые неофициальные беседы с представителями британских политических и общественных кругов. Дневники И.М. Майского позволяют лучше понять его путь в качестве ученого, основоположника школы изучения Испании в нашей стране.

Подготовка такого рода публикаций — это большая трудоемкая работа. Следует выразить признательность и благодарность всем тем ученым, специалистам, архивистам, которые участвуют в подготовке этого издания к публикации».

В качестве одного из составителей двух томов, включающих в себя переписку И.М. Майского с российскими корреспондентами, выступил декан факульте-

та политологии МГИМО — Университета профессор А.Д. Воскресенский. Профессора МГИМО д.и.н. С.Г. Лузянин и д.и.н. Д.В. Стрельцов оказали консультационную помощь в подготовке материалов, содержащих сведения, касающиеся Монголии и Японии.

В настоящий момент ведется подготовка к публикации новых томов переписки И.М. Майского с зарубежными политическими и общественными деятелями, дипломатами, писателями, учеными Великобритании, США, Китая, Испании и других стран.

В подготовке издания принимают участие декан ФП А.Д. Воскресенский и заместитель декана ФП Е.В. Колдунова. Выход новых томов планируется осуществить в 2010–2011 гг. Впоследствии планируется также публикация неизданных рукописей монографий и статей И.М. Майского.

Е.В. Колдунова

Новая учебная и исследовательская литература по мировой политике и международным отношениям

Современная мировая политика. Прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект-Пресс, 2009. — 588 с.

Книга существенно расширяет круг привычной проблематики мировой политики. Это — аналитический свод публикаций по наиболее актуальным проблемам международной действительности 2000-х годов. В его основе — разработки ведущих отечественных международных экспертов. Рассматриваются ключевые международные тенденции XXI века, новые черты мировой системы, специфика формирования современного миропорядка, роль крупных и малых стран в международной политике, место энергетического, военно-политического, информационно-технологического и экологического факторов.

Издание адресовано преподавателям, научным сотрудникам, магистрантам, аспирантам, студентам университетов, а также всем, кто интересуется современной международной жизнью и ключевыми вопросам развития современного мира.

Инновационные направления современных международных отношений : Учебное пособие для студентов вузов / А.В. Бирюков, Е.С. Зиновьева, А.В. Крутских и др. ; под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. — М. : Аспект-Пресс, 2010 [2009]. — 295 с.

В учебном пособии на системной основе исследуются основные проблемы современных международных научно-технологических отношений. В 2004 году был издан учебник «Технологический прогресс и современные международные отношения». Однако за последние годы появились новые темы, которые были включены в данное издание, например, связанные с глобальным технологичес-

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

ким трансфером, Интернетом, инновационной деятельностью и т.д. Расширены главы, посвященные освоению космического пространства в мирных целях и международному сотрудничеству в этой сфере, ядерной проблематике в контексте международной политики и безопасности, проблеме становления глобального информационного общества, международному сотрудничеству в области высшего образования, международной информационной безопасности и другим проблемам.

Для студентов гуманитарных и технических вузов, а также для всех интересующихся теорией и практикой современного технологического процесса.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные : учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского. — М. : Аспект-Пресс, 2008. — 512 с.

В книге анализируются причины, типы и последствия современных региональных и внутриполитических этноконфессиональных конфликтов на Востоке. Издание рассчитано на работников государственных ведомств и независимых аналитических центров, студентов и магистрантов по направлениям: «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология», «История», «Этнология», а также на широкий круг читателей, интересующихся современными политическими процессами на Востоке. Может использоваться как учебное пособие по соответствующему спецкурсу.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский ; МГИМО (У) МИД России. — М. : МГИМО — Университет, 2007. — 1040 с.

Впервые в мировой литературе международной группой экспертов на базе

МГИМО — Университета в сотрудничестве с транснациональной компанией «Би-Пи Трейдинг Лимитед» рассматриваются актуальные базовые вопросы энергетических параметров международных отношений и безопасности в Восточной Азии с точки зрения интересов Российской Федерации как мирового энергоэкспортера.

Издание ориентировано на аналитическое сообщество, экспертов государственных учреждений и частных корпораций, на обучающихся по специальностям и направлениям «Международные отношения», «Регионоведение», «Мировая политика», «Энергетическая дипломатия». Адресовано также всем интересующимся мировыми проблемами и мировой политикой.

Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза : очерки теории и методологии / М.А. Хрусталеv. — М. : МГИМО-НОФМО, 2008. — 232 с.

Книга классика исследований теории международных отношений в России М.А. Хрусталева представляет собой обобщающий свод его размышлений и работ, написанных в 2000-х годах. Основная часть этих материалов ранее не публиковалась, некоторые — выходили в форме статей в журнале «Международные процессы» и разделов в коллективных работах. Издание представляет собой уникальный учебный курс. Оно адресовано аналитикам-прикладникам любого профиля от международно-политического до мироэкономического. Книга полезна специалистам и широкому кругу читателей — всем тем, кто интересуется международными отношениями и внешней политикой России.

Лебедева М.М. Технология ведения переговоров : учебное пособие для студентов вузов / Лебедева М.М. — М. : Аспект-Пресс, 2010. — 192 с.

Учебное пособие заведующей кафедрой мировых политических процессов

профессора Марины Михайловны Лебедевой посвящено одному из важнейших аспектов политической деятельности — переговорам, являющимся, по словам американского исследователя Р. Даля, наряду с сотрудничеством и конфликтами, составной частью политической деятельности. Автор в доступной форме излагает основные положения отечественных и зарубежных авторов, а также результаты собственных исследований в данной области, показывает структуру деятельности при ведении переговоров, анализирует их стратегию и тактику. Учебное пособие подготовлено в рамках Инновационной образовательной программы МГИМО.

Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира / К.П. Боришполец. — М. : Навона, 2009. — 232 с.

В книге освещается ряд учебных и исследовательских вопросов в области современной этнополитики. Издание адресовано преподавателям, студентам и аспирантам, а также специалистам-международникам и регионоведам.

Никитина Ю.А. Международные отношения и мировая политика: Введение в специальность : учеб. пособие для студентов вузов / Ю.А. Никитина. — М. : Аспект-Пресс, 2009. — 142 с.

Учебное пособие предназначено для студентов первого курса. Студенты получают представление о том, что такое международные отношения, когда они зарождаются и как происходит их эволюция от формирования Вестфальской политической системы мира (1648 г.) до возникновения на современном этапе мировой политики. В учебном пособии предложен комплексный подход к структурированию материала, что позволяет показать историческое развитие процессов глобализации, демократизации, регионализации, экономического сотрудничества и т.п. в их неразрывной взаимосвязи. Учебное пособие также включает раздел с рекоменда-

ями по развитию навыков критического мышления и написания информационно-аналитических работ. В приложениях даны примеры парафраза научных текстов, стиля письменных работ, правила оформления списка литературы, а также интер-

нет-источники по международным отношениям и мировой политике.

**Материалы рубрики
подготовлены
Е.В. Колдуновой**

ОБ АВТОРАХ

Аптеева Оксана Валерьевна — аспирант МГИМО-Университета

Байков Андрей Анатольевич — преподаватель кафедры Прикладного анализа международных проблем

Виноградов Андрей Владимирович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Ивасита Акихиро — доктор политических наук, профессор, директор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония)

Като Михико — докторант Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония)

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана Факультета политологии МГИМО-Университета

Котта Маурицио — доктор политических наук, профессор, директор Центра изучения политических изменений Университета Сиены (Италия)

Лалетин Юрий Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Индоиранских и африканских языков МГИМО-Университета

Ледяев Валерий Георгиевич — доктор философских наук, доктор политологии (Манчестерский университет, Великобритания), профессор ГУ ВШЭ

Макаренко Борис Игоревич — председатель правления Центра политических технологий

Пронин Евгений Александрович — специалист по международным отношениям, сотрудник деканата Факультета политологии МГИМО-Университета

Тимофеев Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры Политической теории, директор Центра анализа и мониторинга МГИМО-Университета

Троицкий Михаил Алексеевич — кандидат политических наук, доцент МГИМО-Университета

Хигли Джон — доктор политических наук, профессор, директор Центра изучения Австралии и Новой Зеландии Университета Техаса (Остин, США), руководитель Комитета по изучению политических элит Международной ассоциации Политических исследований

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами

- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц

- иные материалы и материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала

- размер шрифта основного текста 14

- сноски можно печатать через 1 интервал

- размер шрифта 12

- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см

3. При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница.

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представ-

ление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сносков сквозная (1, 2, 3 ...)

6. Авторам рекомендуется тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания терминов.

7. На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: Доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал.

Здесь же приводятся:

- Фамилия, имя, отчество автора (полностью)

- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.)

- ученая степень (при наличии)

- точные контактные данные:

- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом

- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом)

- адрес электронной почты

9. Статьи и материалы принимают при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

10. Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@ibb.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.